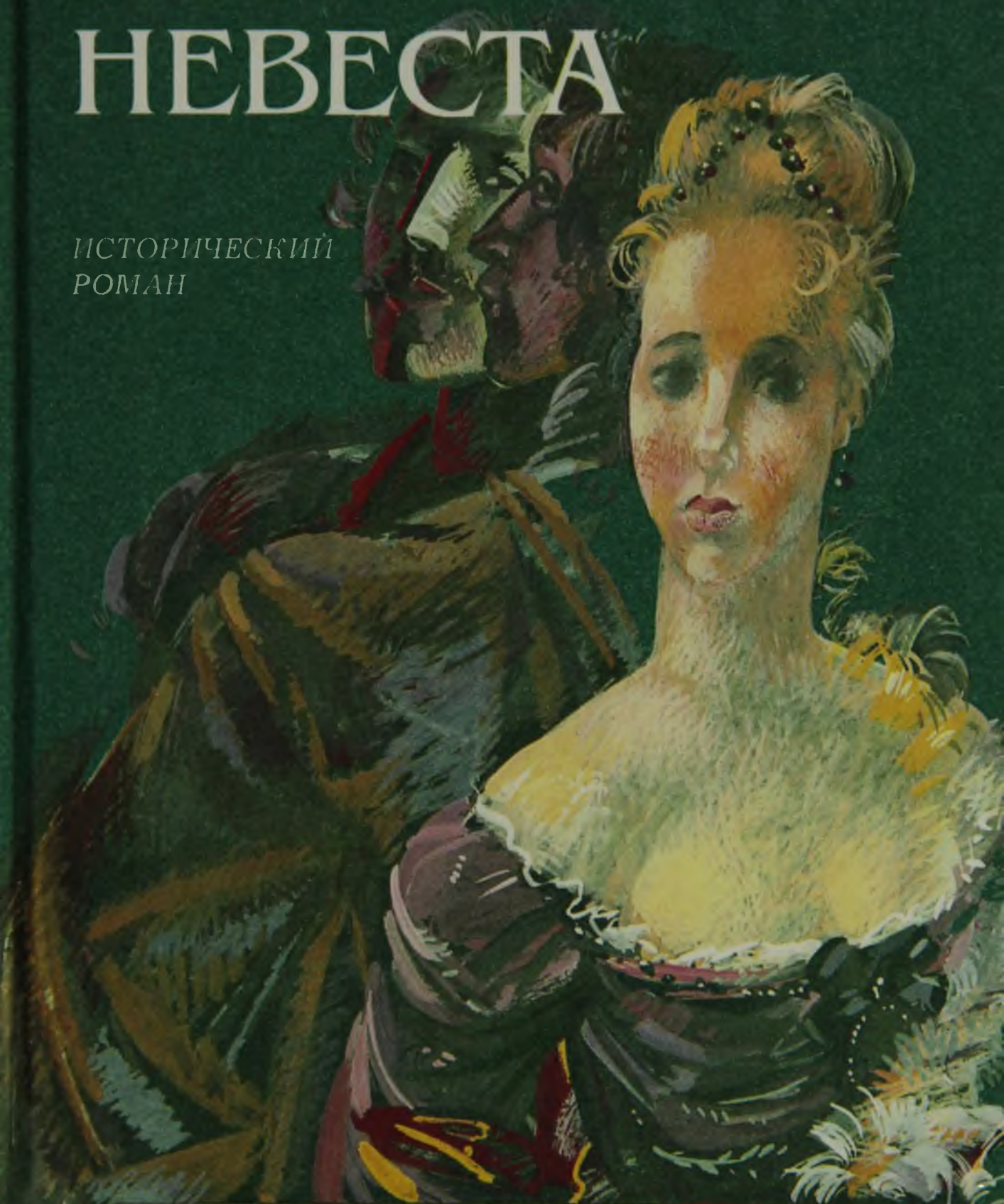

184 (2 Рос = Рус) 64
А 67

Маргарита АНИСИМКОВА

ПОРУШЕННАЯ НЕВЕСТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

ЕКАТЕРИНБУРГ

1 9 9 4

Маргарита Анисимкова

ПОРУШЕННАЯ НЕВЕСТА

Маргарита АНИСИМКОВА

ПОРУШЕННАЯ НЕВЕСТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

Е К А Т Е Р И Н Б У Р Г

*Средне-Уральское
книжное
издательство*

1 9 9 4

В ДАР

- 45391-3

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

100

184/2 (Рос-Рус) 6-4
А 69

10 82

**Пятьдесят
лет
Тюменской
области**

А 4702010200-029 Без объявл.-94
М 158(03)-94

ISBN 5—7529—0642—3

© М. Анисимкова, 1994
© Е. Неверова, послесл., 1994
© С. Паус, ил., 1994

**Светлой памяти моей мамы —
Бекиной Татьяны Сергеевны**

Глава первая

Гвардии капитану Степану Пырскому, храброму солдату, раненному в боях под Полтавой, и присниться не могло, что ему доверено будет сопровождать в ссылку самого светлейшего Римского и Российского государства князя, герцога Ижорского, генералиссимуса, генерал-фельд-маршала, генерал-губернатора Санкт-Петербурга, флота Всероссийского адмирала, тайного советника, подполковника Преображенского полка, орденов Святого Андрея Первозванного, датского Слона, польского Белого и прусского Черного Орлов и Святого Александра Невского кавалера— Александра Даниловича Меншикова.

И поручено было ему, Степану Пырскому, по сути, ничем не отличавшемуся по службе, держать под неусыпным оком высочайшего человека в государстве, взять под контроль всю переписку Меншикова, его общение с людьми, менять маршрут следования соответственно обстановке, регулярно, почти ежедневно, информировать Верховный тайный совет о передвижении кортежа, который при выезде из Петербурга состоял из тридцати трех карет.

Лихие вороны под алыми попонами впряжены шестерками в экипажи с коваными колесами и красными бархатными подушками. Мелодичный звон от богатой сбруи наполнял округу. Весь обоз сопровождала большая свита, и даже самому князю, восседавшему в роскошной карете, сработанной каким-то знаменитым мастером в Германии, казалось, что он отправляется не в ссылку, а в какое-то праздничное путешествие. Среди свиты в сто тридцать три человека были пажи, гайдуки, лакеи, повара, портнихи, певчие, сапожники, гофмейстер, паж нареченной царской невесты Марии Александровны и даже два карла.

和漢

Такого отправления в ссылку не знала ни предшествующая, ни последующая история России.

Известно, что каждый дворцовый переворот готовится тайно, разрабатываются планы, предусматривается не только свержение, но и дальнейшая судьба свергнутой особы. Свержение же Меншикова было совершенно неожиданным, ошеломившим не только князя. Некоторое время и его противники пребывали в оцепенении, которое мешало им осознать, что же все-таки произошло. Если бы не внезапная болезнь князя и его самонадеянность, вряд ли оказалось бы возможным так легко низвергнуть человека, почти сорокалетняя близость которого с царем и все деяния — от расправы над бунтующими стрельцами до устройства праздничных ассамблей — ставили его персону в ранг неприкосновенных, исключая разве монаршую десницу. Не сразу смог осознать светлейший, что он, враз лишившись всего, стал никем: не генералиссимус, не член Тайного совета, не тесть будущего императора.

Неминуемый крах каким-то чутьем угадывала лишь княгиня Дарья Михайловна: она требовала от прислуги запираить все двери на запоры, проверяла караул, плохо спала по ночам, все время прислушиваясь к шорохам. Когда же в доме появился генерал Салтыков, все стало ясно.

Переступив порог кабинета Александра Даниловича, генерал, не поднимая глаз, стал читать выдернутый из-под обшлага текст указа: «Божиею милостью мы, Петр Второй, император и самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая... через сие объявляем о домашнем аресте...» Салтыков поперхнулся на полуслове: князь выдернул у него из рук бумагу. Какое-то мгновение Александр Данилович делал вид, что читает, но притворства хватило на минуту: закружилась голова, перед глазами заискрились мошки, пересохло в горле. Не в силах сказать ни слова, он махнул рукой и вскинул на генерала такой дикий взгляд, что тот, еле поклонившись, вывалился за дверь, припер ее спиной и долго махал перед лицом форменной треуголкой.

Дарья Михайловна, испугавшись за здоровье мужа, только что перенесшего сильную лихорадку, велела позвать доктора Иоганна.

— Чует мое сердце — конец всему. Это не великий

государь! Малая блошка завсегда больно кусает,— причитала она, пока доктор готовил микстуру из настоев терпких трав.— Упала бы в ножки государю и государыне, как бывало не раз, и смилоствивились бы их сердца, а на этого заморыша надежды никакой. Не своим умом живет. Те мошенники, что надоумили его так поступить со светлейшим князем, не простят нам. И что ждет Машеньку? Хоть и обручена, хоть и нареченная невеста молодого императора... Все так зыбко, как на трясине стоим,— шептала княгиня, склонив голову на плечо князя.

Еще до конца не веря во все случившееся, Александр Данилович приказал одеть себя по всей форме и, перекрестившись, пошел вниз по лестнице. Стоявшие возле входных дверей гвардейцы преградили дорогу, скрестив штыки.

Не потеряв самообладания, князь сделал вид, что забыл в кабинете какие-то бумаги, притворно хохотнул и, уже еле переставляя ноги, цепко держась за позолоченные перила лестницы, поднялся на второй этаж. Ввалившись в кабинет, схватился за дверь и бухнулся в стоявшее возле кресло, не в силах поверить в случившееся. «Боже милостивый!» — только и произнес он.

В дверь без стука вошла Дарья Михайловна, поддерживаемая под руки служанкой. Припухшие от слез глаза сузились, верхняя губа вздулась, щеки горели багровым румянцем.

— Прости, душа моя,— совсем неожиданно услышала княгиня светлейшего. В другое время он сказал бы: «Переживем! Пронесет с Божьей помощью! Лишнюю свечу в церкви поставим! Где наша не пропадала!» И всегда в его голосе Дарья Михайловна улавливала решительность и уверенность, что все уладится.

— Прости, прости,— увязнув в кресле, повторял Александр Данилович.— Прав был Алексей Волков, прав: не следовало Долгоруковых к себе допускать; не простят они притеснений, часа ждут... Надо было дело Петрово блюсти, да за гвардию держаться, да служивых людей приближать. А я... за славой погнался, как будто мало мне ее было, к трону приблизился...

— Как сейчас, его слова помню: «Цели ваши мне по душе, и сбудутся они, я рядом буду». Тогда я разгневался на него, чуть было тростью не ударил, а он

хошь и моргнул, а рек свое: «Этим только друзей своих отпугиваете».

Дарья Михайловна слушала князя, сокрушенно покачивая головой.

— Сама пойду к императору. Чем ты прогневал? Чай, живота своего для Отечества не жалел!

— Охладись; душа моя! Не для того они все это затеяли, чтобы тебя с распростертыми объятиями принимать.

— Поеду.

— С зареванным лицом и лакеям показываться совместно, не то что во дворец ехать, — но, немного помолчав, добавил: — Однако, может, и надо съездить... Только какой это император?! Змееныш раззадоренный...

— Нет уж, не наговаривай зря. Дочь-то свою с кем помолвил? Али в залог злодею отдал? Али как? Император и есть император!

— Коли дозволишь, Александр Данилович, я съезжу-таки во дворец. Разузнаю, что к чему. Как бы ни судили, а доченька наша, Марья Александровна, — нареченная невеста императора, перед Богом, перед людьми обрученная, — с этими словами она и оставила кабинет князя.

Часа через три, после усиленных примочек, всевозможных компрессов и нанесения пудры, служанкам удалось скрыть следы слез, а прическа с черными буклями и спадающими на лоб завитками придали княгине и вовсе приличный вид. Туго натянутый корсаж, широкие юбки спрятали полные бедра — Дарья Михайловна стала казаться стройнее и выше.

Она уже выходила из своих покоев, когда слуга уведомил ее о просьбе Александра Даниловича зайти в кабинет.

Князь сидел в том же кресле, только на плечах его лежал большой клетчатый плед. Лука укрывал им хозяина, когда того начинало знобить. В углу за столом сидел писарь Дмитрий Лисичкин и обтирал перочисткой гусиное перо.

— Вот, Дарья Михайловна, ежели попадешь во дворец, то передай молодому монарху. Сочинил нижайшее прошение. — Он немного помолчал и, не поднимая головы, сказал писарю:

— Прочти.

Дмитрий обтер ладонью губы и приступил к чтению:

«По вашему, императорского величества, указу сказан мне арест, хотя никакого перед вашим величеством прегрешения в совести моей не нахожу, понеже все чинил я ради лучшей пользы вашему величеству, в чем свидетельствуюсь нелицемерным судом Божиим. Ваше величество, в таком моем неведении и недоумении всенижайше прошу за верные мои к вашему величеству известные службы всемилостивейшего прощения, и дабы ваше величество изволили повелеть меня из-под ареста освободить, памятуя речение Христа Спасителя: да не зайдет солнце во гнев Вашем. Сие все предаю на всемилостивое вашего величества разсуждение, я же обещаю мою к вашему величеству верность содержать даже до гроба моего.

Так же сказан мне указ, чтобы мне ни в какие дела не вступать, так что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелели, для моей старости и болезни, от всех дел меня уволить вовсе, как, по указу блаженная и вечнодостойная памяти ея императорского величества, уволен генерал-фельдмаршал Брюс. Что же я Кайсарову дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держал, а словесно ему неоднократно приказывал, чтобы без моего и Андрея Ивановича Остермана приказу расходов не чинил: и то я учинил для того, что понеже штат еще не окончен, а он к тому определен на время, дабы под образом повеления вашего величества напрасных расходов не было. Ежели, ваше величество, изволите о том письме разсуждать в другую силу, и в том моем недоумении прошу милостивого прощения».

— Связался ты с этим казначеем Кайсаровым! — выдохнула Дарья Михайловна. — Ну отдал бы он эти тысячи сестрице императорской Наталье Алексеевне...

— Кабы знать, где упасть, — соломку бы постлал, — сухо ответил Александр Данилович, догадываясь, что кошка раздора пробежала между ним и молодым императором еще и из-за каких-то жалких тысяч.

Карета Дарьи Михайловны остановилась у дворца в то время, когда там шло заседание Тайного совета. Князь Дмитрий Голицын, увидев княгиню Меншикову, юркнул в первую попавшуюся дверь. Ждать Дарье Михайловне пришлось недолго. Дверь распахнулась, и мимо нее одни за другим стали проходить знакомые,

влиятельные при дворе люди. Впрочем, в эту минуту ей некогда было удивляться невниманию к себе, она жадно искала взглядом фигуру императора Петра Второго. Тот стоял с Иваном Долгоруковым и Андреем Ивановичем Остерманом.

— Молю, государь, выслушай! — с низжайшим поклоном обратилась она к Петру и при всех упала перед ним на колени.

Но откуда взялась надменность у этого мальчишки? Он молча отошел от княгини, кинул на нее злобный взгляд, в котором промелькнули дедовские искры, и отвернулся.

— Выслушай, государь!

В этот миг Иван Долгоруков лихо подхватил Петра под локоть и повел в сторону Красного зала. Всех, кто был рядом, будто ветром сдуло.

Дарья Михайловна поднималась с колен тяжело, упираясь руками в сверкающий паркет. Никого не нашлось подать ей руки, и она поняла, что прощения светлейшему не будет. Бросилась в канцелярию Остермана, куда не вошла, а ввалилась.

Андрей Иванович Остерман, а точнее, Генрих Иоганн Фридрих Остерман, сын вестфальского пастора, появился в России более двадцати лет назад мичманом на галерах. Хорошо изучив русский язык, он сопровождал Петра Первого в Прусском походе, вел переговоры с иностранными послами и стал незаменимым секретарем царя. Князь Меншиков, понимая, что лучшего воспитателя для молодого царя нет, обласкал его после смерти государя.

— Андрей Иванович! — задыхаясь от слез, вымолвила Дарья Михайловна. — Помоги!

Остерман, стоявший возле книжного шкафа, окаменел, втянул голову в квадратные плечи.

— Умоляю тебя! Уговори ты императора. Охлади его гнев. Он послушает тебя! Что морщишься? Язык проглотил али царскими да нашими милостями объелся?

Остерман сопел, на лбу выступил пот, но это ничуть не смущало его: душа ликовала. Победа над князем Меншиковым придавала силы, даже рыдания Дарьи Михайловны доставляли удовольствие.

— Скажи, Андрей Иванович, в чем вина князя?

Остерман семенящей походкой направился к двери.

Дарья Михайловна, догадавшись о его намерении, упала перед ним на колени, схватила за пухлые, всегда влажные руки.

— Меня ждет император,— пытаюсь освободиться от нее, резко сказал барон.— Дело мое здесь маленькое.

— Экий неблагодарный! Или, скажешь, не твоих рук дело? Знаю я тебя, близирного человека. Ну-ка погляди мне в глаза! Погляди! — настойчиво требовала Дарья Михайловна.

Остерман не ожидал этого. Он знал Дарью Михайловну как кроткую и тихую женщину. Так оно и было: всегда живущая за широкой спиной мужа, она никогда ни во что не вмешивалась, вроде бы ничего и не знала. И вдруг!

— Ты! Все ты, чтоб тебе подавиться русским хлебом,— резко заговорила она, зная, что никого нет рядом.— На тебя бы гнев Петра-батюшки! Он загнал бы тебя в собачью конуру. Ишь, к императору ему надо! Али Данилыч меньше твоего добра сделал для России? Отольются тебе, немчине, наши слезы. Кому-кому, а тебе отольются за подлость твою. Сама и детям своим накажу, чтоб слали они на твою голову проклятия, чтобы помог Господь Бог проказы твои да плутовство на свет Божий вывести.

Остерман, никогда не слышавший в свой адрес таких откровенных угроз, поперхнулся, задрожал всем телом, пытаюсь освободиться из цепких рук Дарьи Михайловны.

— Клянусь Богом, я ничего не ведаю,— испуганно оглядываясь по сторонам, сказал он.— До царских ли мне дел? — лукавил он.

Княгиня отпустила руку Остермана, когда увидела, что оторвала янтарную пуговицу с его обшлага, а та, крутясь, закатилась под шкаф. Андрей Иванович вздохнул и, как уж, выскользнул из канцелярии.

Шила в мешке не утаишь, а тут такая новость в Петербурге! Опала светлейшего князя! Уж какие только не ползли слухи! Уж какие грехи не приписывали ему недруги, и какое горе пало на сердце каждого, кто радел за дело царя Петра Великого!

Тем же вечером светлейшему князю был вручен указ его императорского величества: «Указали мы князя

Меншикова послать в Ранненбург¹, велеть ему жить там безвыездно, и послать с ним офицера и капральство солдат от гвардии, которым и быть при нем, чинов его всех лишить и кавалерии взять, а имению его быть при нем».

Глава вторая

Петербург гудел, как пчелиный рой. На каждом углу и перекрестке, в домах петербургской знати только и говорили о пышном выезде в ссылку светлейшего князя. Но больше всего разговоров было о несметных богатствах Меншикова.

— Карета-то устлана бордовым бархатом, на дверцах княжеская корона и герб, не нашими буквами написано. На конских головах красные султаны. Слуги в ливреях, пажи в зеленых кафтанах с золотыми позументами.

— Царская-то невеста, Марья Александровна, закрыла личико вуалью, плакала.

— Не сносить ему башки. Государь-то ишо Петр Алексеевич на заступы государыни в гневе говаривал: «Не хлопочи за него. На сей раз не спущу! В беззаконии Меншиков зачат, в плутовстве и окончит живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы!»

— Эко сколько воды утекло, ужо и сам государь успел преставиться, а он все свое творил.

— А сказывают, царская-то невеста красы неописуемой. За какие ее грехи молодой царь разгневался?

— Бедная, бедная. Какое горе ждет впереди. Царская-то нелюбовь пострашнее смерти!

Тем временем царская невеста сидела со своей матушкой в восьмистекольной карете, выложенной внутри шелковыми матрасами, и с волнением, вздыхая, глядела в окно. Камердинер Афанасий Ильюшин сидел на передке возле кучера и покрикивал на глазающие толпы. От его голоса Марья Александровна вздрагивала и прижималась к матушке, заливающейся горькими слезами.

— Полно, маменька, полно, — пыталась успокаивать ее княжна. — Плохо ли нам будет в своем имении?

¹ Ранненбург — крепость близ Воронежа.

Тишина кругом, люди кроткие, сердобольные. Бог милостив. Все еще образуется.

Княгиня отвечала тяжелыми вздохами.

В карете запахло настоем валерианы с примесью каких-то пахучих капель, которые по наказу доктора Иоганна капала в мензурку из темного пузырька приростившаяся в углу служанка Глафира.

— Испейте, — просила она княгиню. — Доктор наказывал пить, чтоб головушка не болела.

В окно кареты из толпы бросили ком грязи. Камердинер Ильюшин заругался матерно, заорал в толпу:

— Нехристи! Поглядим ишо, как впредь жить станете! Светлейший-то князь в делах живота своего не жалел! — Ильюшин кричал в толпу, готов был соскочить с облучка, но ретивые кони быстро мчали карету вслед за остальными экипажами.

Грязное пятно медленно расползлось по стеклу, чем была очень огорчена Марья Александровна: в каждом догоняющем кортеж всаднике княжна ожидала увидеть князя Федора Долгорукова. Она приподнималась с сиденья, припадала к окну и плашмя падала на мягкие матрасы, как только путник проезжал мимо.

В тот роковой сентябрьский день солнце, поднявшись над землей, заливало светом пожухлые травы на лугах, опаленную инеем листву деревьев. Притаившийся лес стоял в нарядном цветном убранстве. Громкоголосым эхом отдавался в тишине грохот и скрип быстрых экипажей, крики кучеров, цокот конских копыт, ржание коней, гарцующих под всадниками, охранявшими кортеж. И только чернокрылое воронье, лениво взмахивая большими крыльями, летало вдоль дороги, сопровождая кортеж сварливым карканьем.

— Так рано смерклось, — чуть успокоившись, тихо произнесла княгиня, доставая из-под обшлага душегрейки зеленого бархата носовой платок и старательно обтирая высвеченное вечерним солнцем лицо. Марья Александровна вопрошающе-испуганно поглядела на мать. Глафира, сдерживая себя, от волнения кусала ногти, жестаи умоляя княжну молчать; обе были потрясены страшным недугом княгини: по возвращении из царского дворца у Дарьи Михайловны в одночасье померкло в глазах — лишилась зрения.

— Как там батюшка наш? — спросила княгиня опечаленно, с непонятной улыбкой.

Машенька обвила шею матери руками и прижалась щекой к щеке с прежней детской ласковостью.

— Доченька моя, — уставив взор в залитый солнцем угол кареты, растроганно заговорила Дарья Михайловна, — глажу твои шелковые волосики и думаю: совсем ты еще дитяtko малое. И зачем только годы так быстро летят? Так бы и не выпускала тебя из своих объятий, так бы и лелеяла тебя да сказки рассказывала. А ты уже и царской невестой успела стать.

— Не надо, маменька. Ты же знаешь, кто мил моему сердцу. Царское обручение — горе мое, а быть может, и всему нашему семейству. Сама знаешь, то было не мое желание, а воля батюшки. Не видел, не хотел он видеть моих слез.

— Полно, доченька! Батюшка ради твоего счастья старался, — прикасаясь губами ко лбу дочери, проговорила Дарья Михайловна. — Бог милостив, ты только не держи зла на своего батюшку. И без нас немало недругов шлют проклятия на его голову.

— Разве в силах я забыть князя Федора, маменька? Помру я без его любви. Помру.

— Охладишь, светик мой. Уж мне ли не знать его любовь к тебе? На моих глазах родилась она. Родилась-то она, поди, на небесах, а явилась в дремучем лесу.

— Ох, кабы воля моя, так бы и осталась жизнь свою коротать в том дремучем лесу, в той тиши и покое. И не отводила бы я от него своего взора, день и ночь слушала бы его голос.

— Знаю, Машенька. Нет у меня слов для утешения, — княгиня сокрушенно покачала головой и смахнула слезинку. Ей представилось сияющее лицо дочери, нежно-трепетный голос при разговоре со встретившимся на пути молодым офицером. Она уже тогда знала, что это само счастье явилось ее дочери в образе прекрасного незнакомца.

Все случилось нежданно-негаданно. Находясь с дочерьми в имении на Полтавщине, Дарья Михайловна спешила в столицу. Оставалось всего несколько дней до дня рождения мужа, а событие это ежегодно справлялось с великой пышностью в присутствии всего императорского двора. Опоздание на такое торжество могло расцениваться как неслыханная дерзость.

Ноябрьские дни были наполнены студеным воздухом, лес оголился, дали были таинственно прозрачны. Опавшая листва глушила топот конских копыт. Камердинер Михаил Пермьяков, сопровождавший экипажи, остановился и, разминая можжащие в коленях ноги, осторожно постучал в окно княжеской кареты.

— Ваше светлость, — приоткрывая дверцу кареты, хриплым, простуженным голосом сказал камердинер. — Есть великое опасение гнать коней вброд через ручей. Спуск крут, да и сумерки. Опасно. — Дарья Михайловна, находясь какое-то время в раздумье, не нашлась что ответить, а камердинер продолжал: — Вон даже молодой офицер остановил свои экипажи. Не рискует. Денщик сказывал, заночевать на сем берегу собрались, кабы беды не накликасть.

— Как знаешь, Михаил Егорыч. Коли есть опасение, останавливайся.

Камердинер тихо захлопнул дверцу, ушел. Скоро кареты стало подбрасывать из стороны в сторону: экипажи заезжали в лес.

— Коли молодой офицер остерегается, то нам сам Бог велел, — вцепившись в поручни, проговорила Меншикова. Посмотрев на дочерей, она вдруг поразилась встревоженному взгляду старшей.

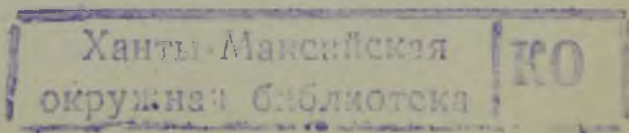
— Голубушка, Машенька, стоит ли так пугаться? Или головка закружилась? Бояться нечего: охрана у нас надежная.

— Я слышу голос, маменька! — воскликнула княжна. С шумом распахнув дверцу кареты, к удивлению всех, она выпрыгнула, обежала вокруг берез и, охватив одну из них, медленно стала опускаться на колени. Запоздалый луч закатного солнца, пробившийся меж стволов, осветил ее лицо. Оно было белее березовой коры. Широко распахнутые голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, пушистые, похожие на полумесяцы брови, густые завитки волос, выбившиеся из-под бархатного чепчика, пухлые губы — все это заставляло вспомнить о той красоте, что зовут божественной.

— Что стряслось с вами? — не без тревоги спросил подбежавший офицер, подавая княжне руку.

Машенька, посмотрев на него, вздрогнула. «Он!» — прошептала она, принимая руку. Странная улыбка появилась на ее губах. Она не могла понять, что про-

-45391-3

исходит с ней, но чувствовала, как вдруг стала теплеть рука и жаром ополоснуло щеки. Легкое прикосновение Дарьи Михайловны отвлекло княжну.

— Бог мой, ваш вид ввел меня в полное смятение, — прикасаясь губами к холодным пальчикам княжны, проговорил молодой человек. — Готов служить вашей светлости сколько угодно. Позвольте проводить к охотничьей избушке, — поклонился он княгине. — Я распорядился растопить там печку. Станем вместе коротать ночь.

Они медленно шли по разноцветному ковру осенних листьев. Эхом перекатывались в воздухе голоса кучеров, слуг, стражников, охраняющих семейство светлейшего князя. Готовились к ночлегу. Запахло дымом костров, прогремел выстрел. Девушка-подросток схватилась за руку княгини.

— Мой денщик рябчиков стреляет, — пояснил молодой человек, искоса бросая взгляд на бледную княжну. Чтобы скрыть волнение, он приложил руки ко рту и зычно крикнул в сторону своих экипажей.

На зов хозяина показались два холопа.

— Стол походный да стулья занесите в избушку! — крикнул он. — Да не забудьте прихватить войлок!

В заброшенной охотничьей избушке пахло старым мхом, гнилью и дымом. Из-под полов тянуло сыростью. От воткнутой в стену лучины к потолку темным столбцом тянулась копоть.

— Быть может, заночуем в каретах? — предложила Дарья Михайловна, совершенно не имея никакого желания коротать ночь в такой убогой и неудобной избушке.

— Маменька! — протестующе вскрикнула княжна. Личико ее вдруг зарделось, но этого никто не заметил. Дарье Михайловне стало неловко за несдержанность все время молчавшей дочери. Смекалистый денщик, шумно ввалившийся в избушку, сразу же распорядился принести и бросить на горевшие полешки росного лада-на, «для духу!», только потом поднял над головой двух подбитых им рябчиков, но, не услышав восторженных слов по поводу удачного промысла, незаметно вышел из избушки.

— Сей день, Мирон, на редкость счастливый, — ответил денщику офицер: у него ликовала душа.

Скоро вскипел чайник, появились домашние по-

дорожники: сдобные булки, пряники, пироги, запеченные в тесте гусиные лапки, от которых княжны тут же отказались. Подали на крохотный стол буженину, свиной лоб под чесноком, ножки бараньи в обертках.

— Кушайте, кушайте, — приглашала Дарья Михайловна. — Наши кухарки в дорогу наварили, нажарили. А ваше, как погляжу, дело казенное, жизнь походная, — и совсем неожиданно добавила: — А не назовет ли наш благодетель, наш приятный спутник своего имени-отчества?

— Решительно готов, — пытаюсь отодвинуть в сторону кипящий чайник, ответил офицер, но сделал это неумело: горячие брызги зашипели на кирпичках. Густой пар взлетел к потолку.

— Ваша светлость, Федор Васильевич! — с порога закричал денщик. — Не извольте беспокоиться. Али сие дело некому изладить? Этак и до беды недалеко.

Молодой человек немного смутился, раза два махнул ладонью перед лицом и, как пылинку, сдул жар с обожженного пальца. Молодая княжна сняла с головы чепчик и покрыла свои светло-русые волосы флеровым покрывалом. Она уже успела разглядеть густые усы, орлиный нос на смуглом лице молодого человека.

Молодой офицер не стал долго томить спутниц.

— Не скрою, фамилия наша на слуху при дворе. Дядя мой — почтенный фельдмаршал, которого в обществе зовут скучным моралистом, но в бури бед и несчастий вся наша фамилия собирается возле него.

Дарье Михайловне вдруг стало душно и жарко. Она принялась расстегивать верхнюю пуговицу у кофточки, потянулась к стакану с чаем, чтобы освежить враз пересохшее горло.

— Я не был исключением, когда не изъявил желанья снова поехать в Европу, поделился с дядюшкой своими сомнениями. Вскоре получил повеление императрицы нашей и поспешно отправился на персидскую границу, к генералу Матюшкину. — Встретившись взглядом с княжной, офицер смолк. Ему показалось, что он никогда еще в жизни не видел столь прекрасного лица, на котором так живо отображалась бы святая невинность; глаз, в которых так светло горел бы огонь всех добродетелей.

— Однако, ваша светлость, вы сын Василия Лукича

Долгорукова,— еле перевела дух от волнения княгиня Меншикова.— О вас говорят много похвальных слов, и я слышала о вашей храбрости в войне.

С удивлением, любопытством, предчувствием чего-то небывалого слушала княжна рассказ князя Федора о сражениях с дагестанцами, о крепости Святого Креста, где располагался его полк, и о том, как пришлось приступом брать столицу Тарха и как в тех боях храбро сражалась пехота, драгуны и сам генерал Матюшкин.

— Славные защитники Отечества,— сказала Машенька, явно повторяя отцовскую похвалу в адрес военных, и стусевалась, чувствуя, что говорит не то и не так, как просит душа. Она не могла больше слушать, не могла что-либо говорить: все меркло у нее в глазах от его вида и голоса.

От пристального взгляда княгини не могла ускользнуть искренняя заинтересованность молодых людей друг в друге.

— Пора откланяться и дать князю передохнуть,— ласково дотрагиваясь до его руки, сказала Дарья Михайловна.

— Это, может быть, самый прекрасный вечер в моей жизни!— не сумев скрыть своего чувства, князь неожиданно для всех бросился перед княжной на колени и стал целовать ее руки.— Да-да! Самый прекрасный вечер в моей жизни,— с жаром повторил он и стремглав выбежал из охотничьей избушки.

— Машенька, что же это такое? — запричитала княгиня, понимая, что жест, который позволил себе князь, обязывает ко многому.

Глава третья

Княжна Мария проснулась в ужасе: приснилось, будто в образе молодого офицера не князь Федор Долгоруков, а лесной оборотень явился в избушку, чтобы выведать, любит ли она Петра Сапегу, отпрыска старинного польского рода, богача, возможного и вероятного претендента на польский престол.

— Господи, оборони и помилуй,— прошептала княжна, чувствуя, что только теперь этот оборотень,

пыхтя и постанывая, отлетел от ее постели. Перекрестясь, она открыла глаза и увидела над собой склонившуюся мать.

— Доброе утро, Машенька,— тихо вздохнув, сказала она.— Ночью-то ты все вздрагивала и бормотала во сне, перед самым утречком только успокоилась.

Девушку насторожили слова матушки.

— Князь Долгоруков еще поживает? — будто кем-то подталкиваемая, вскочила с постели княжна.

— С полчаса как отъехали. Торопно, сказывали. На востоке уже зарделось.

— Отъехали? Не может того быть, маменька! Не может того быть, чтоб не простился князь! — с отчаянием закричала Машенька.

Дарья Михайловна попятилась, всплеснула руками, сразу не сообразив, что еще она может ответить дочери.

— Я по его глазам видела, я в них все прочитала! Не может того быть, чтоб уехал, не простившись!

Торопливо набросив на голову платок, на плечи душегрейку на легком горностаевом меху, княжна с силой распахнула дверь избушки.

— Доченька, отъехали экипажи князевы. Много-разно подходил он к избушке, да не осмелился потревожить твой сон.

— Никто не любит меня! Никто! Ты же, маменька, нарочно дала мне сонных капель. Да, да, дала, и не отказывайся!

Тяжелый туман плотной пеленой закрыл дали. Не разбирая дороги, ничего не видя под ногами, княжна бежала в ту сторону, где были оставлены на ночлег экипажи князя Долгорукова, бежала по лесу между колючими кустами, бежала в сторону ложбины, на дне которой протекал ручей. Камердинер, спросонья протирая глаза, а главное, боясь напугать молоденькую княжну, бежал за ней стороной. Зато прыткая служанка Глафира, получив от Дарьи Михайловны подзатыльник, бежала буквально по пятам.

— Милая горлинка наша,— на бегу проговорила служанка, и по ее тону княжна чувствовала, что Глафира знает больше о князе Долгорукове, чем матушка.— Не гневайся на князя, не держи на него обиды. Он всю ночь просидел возле дверей избушки. Сколько его

уговаривал денщик идти почивать! А он все подле двери неотступно сидел.

— Правда, Глафира? — резко остановилась княжна, обнимая служанку. — Я знала, что он не забудет меня. Знала!

— Он сказывал госпоже княгине, что непременно в столице отыщет вас. Я сама слышала, как он сказал: ждать ему больше нельзя, сама императрица его ждет. Маменьке вашей он тоже приглянулся, она попрощалась с ним со слезами на глазах и даже сказала, будет всегда его помнить. И сама подставила ему щеку для поцелуя.

— Так и сказала, Глафира? Так и сказала?

— А ишо он просил низко кланяться вам в ножки!

— Быть может, ты все это врешь? Быть может, тебе такие слова говорить мне маменька велела?

— Пуцай громом меня разобьет! — падая перед княжной на колени, клялась Глафира. — Как есть, все своими ушами слыхала.

На росистой траве четко вырисовывалась колея от недавно проехавших карет: помятая трава, свежие комья конского навоза, затушенный костер, от которого еще тянуло теплом.

— Я знаю, мне послал его Господь, — зашептала княжна, чуть дыша в лицо Глафире. — Не может того быть, чтоб он забыл меня!

— Не сможет. Таковую красавицу забыть! — сказала служанка, потупив глаза. Ей еще никогда не приходилось так откровенно разговаривать с княжной.

— Он мне давал крестовик¹, чтоб я вашей светлости фамилию назвала.

— Назвала? — схватив Глафиру за руку, вся дрожа, спросила княжна.

— Крестовик не взяла и фамилию не назвала. Так мне делать не надлежит. Это супротив моих господ.

Княжна спрятала свое прелестное личико в широкий воротник нового служанкиного повойника, от которого пахло теми же заморскими духами, что и от княжеских одежд.

— Никакие слова, никакие утешения не помогут,

¹ Крестовик — петровский рубль с крестом из четырех букв П.

если сама не увижу его,— и по выражению лица, и по тихим словам Машеньки Глафиры почувствовала, что ее слова отозвались в сердце молодой девушки смиренным и покоем. Держась за руку Глафиры, княжна повернула к избушке. Служанка в смущении лепетала что-то бессвязное, вроде того, что «служу, как покойная маменька наказывала».

Из-за хмурых туч пробивались бледные лучи солнца. Туман поднимался над землей, княгиня Дарья Михайловна, бросившись за дочерью, будто плыла в его волнах.

— Доченька,— изо всех сил стараясь не показать волнения, воскликнула княгиня и улыбнулась ласково, как сумела.— Экипажи поданы. Торопиться надобно. Батюшка заждался нас!

Взяв дочь под руку, она вдруг засмеялась звонко. Указывая на мокрые подола одежд, собравших росу, стала рассказывать о том, как камердинер, запнувшись в лесу о гнилой пень, угодил лицом прямо в муравейник, да тут еще на беду откуда-то вылетела оса и ужалила его так сильно, что всю правую щеку его скосило набок.

Ясно напускная веселость почтенной княгини происходила от бессонницы, в которой она провела ночь, и дум, которые одолевали ее. Нестерпимо болела голова. Все, что произошло накануне вечером, показалось каким-то наваждением: ворвался вихрь, распотрошил, раскидал, растряс все и утих, будто ничего и не было. «А что было, Господи праведный? — пыталась она слукавить перед собой, но горько усмехнулась, чувствуя тревогу за дочь, которая по своей наивности еще не умела хитрить и прятать свои чувства.— Она ж помолвлена! — только тут поняла, что долгоруковские экипажи отбыли вовремя. Она мысленно перекрестилась, хотя и понимала горькое отчаяние дочери.— Но разве можно повернуть вспять? Даже мысленно невозможно допустить увлечения дочери князем Долгоруковым.

И зачем они поспешили со сватовством? И на что Машеньке эта Польша? На что ей этот лупоглазый Сапега? И тогда, быть может, молодой и пригожий brave офицер Долгоруков просил бы ее руки».

Тут в стороне, за большим туманом, крякнула утка, в воздухе разнесся шорох, и запоздалая стая поднялась ввысь и скоро потерялась в густых облаках.

Дарья Михайловна торопливо обняла Машеньку, с жаром поцеловала в щеку. В глазах ее промелькнуло необъяснимо жаркое, страстное чувство любви, не принимающее, не слушающее никаких увещаний и даже сочувствия.

— Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и помилуй нас, грешных! — искренне и с мольбой в голосе произнесла княгиня и, как будто спохватившись, заговорила: — Скорее, скорее к бабушке. Вовремя надобно появиться на балу. Коли не поспеем — нанесем нашему бабушке обиду!

Не будь этого вечера и встречи с молодым Долгоруковым, Дарья Михайловна непременно напомнила бы Машеньке о ее суженом Петруше Сапеге, который ради любви к ней перестал носить красивый польский костюм и облачился в русский — алый бархатный кафтан на зеленой подкладке и модные зеленые чулки. И о том, что он, как и бабушка, ждет не дождется их скорого прибытия.

«Заколдованное место. Плюнуть бы на него надобно, да боязно: кабы нечистая сила вдогонку не бросилась», — подумала княгиня, со стоном располагаясь на мягких матрасах.

Кони неслись во весь опор, оставляя позади осенние перелески, ложбины, поляны, объезжая болотины и топкие места возле многочисленных озер.

Машенька сидела безмолвно, погруженная в думы о молодом офицере, и только княжна Александра, проснувшись перед самым въездом в столицу и не замечая грустного настроения сестры, весело воскликнула:

— Ох, как обрадуется наш Сапега! Ох, как нынешним вечером вы станете вытанцовывать с ним полонезы. Поскорее бы домой! Кабы не ночевка, уж давно бы горячие шанежки ели. Маменька, а ты знаешь, что сей ночью кто-то имел намерение зайти к нам в избушку?

— Полно, Сашенька, — с явным нежеланием разговаривать остановила дочь Дарья Михайловна.

— Да-да. Камердинер сказывал, кучера тоже. Денщик князя Долгорукова, сказывают, выстрелил. Вы не слышали выстрела? — Заметив, что на ее слова никто не обращает внимания, по обыкновению, надулась и замолчала.

Положив свою ладонь на ладонь Машеньки, княгиня

нежно похлопала ее, как бывало в детстве. «Бедная моя девочка, — подумала она, вспоминая обручение дочери, проходившее в присутствии императрицы, всей царской фамилии, иностранных министров и всего генералитета. Обручение вольможных жениха Петра Сапеги и невесты Марии Меншиковой вел архиепископ Феофан Прокопович. Тот Феофан, что сочинил указ, повелевавший доносить о государственных преступлениях, открытых на исповеди. Вспомнив об этом, Дарья Михайловна представила краснощекое лицо архиепископа, его пронзительный взгляд, большие распущенные усы и содрогнулась, поведя плечами: Машенька, исповедуясь, может открыть ему свои сердечные переживания о князе Долгорукове, о чем непременно станет известно Александру Даниловичу. — Бедная моя доченька, — вновь подумала княгиня, чувствуя, как у самой задрожали губы. — Крут твой батюшка, Машенька! Крут. Как прознает про твою тайну — несдобровать молодому офицеру». — Она откинулась на мягкую спинку матраса. По наезженной дороге карета мерно покачивалась, кучера весело посвистывали, камердинер Ильюшин, гарцуя верхом на коне, нет-нет да поглядывал на дремавших господ. «Столько милостей положено в день обручения, — чуть не слезами думалось Дарье Михайловне, готовой, если бы только это было в ее воле, вернуть все. Она понимала, что ничего не вернуть, но тем и счастлив человек, что мысль его вольна, и в этом всякий находит-таки успокоение. — Семьсот тысяч рублей золотом положил в приданое отец жениха. А холопов, замков без счета. Никто не упоминал сколько. Да и Александр Данилович не уступил в щедрости! Сама императрица, матушка наша Екатерина Алексеевна, была полна любезностей и внимания: подарила молодым драгоценные перстни, заставила молодых при ней обменяться ими. Тут же на расшитых золотом подушечках преподнесли ее портреты, усыпанные бриллиантами, для ношения на Андреевской ленте. В расписную шкатулку положили от ее имени еще сто тысяч рублей и многие бумаги на дарение многих деревень с крестьянами и угодьями».

Пушечный залп потряс воздух, эхом пролетел над лесом. Коней будто подстегнули. Они добавили ходу. Младшая княжна припала к окну и скоро с радостью воскликнула:

— Экипажей множество. Вся набережная в зажженных фонарях!

Но у Дарьи Михайловны на уме был только тот памятный день — обручение дочери: дворец, украшенный гербами графов Сапеги и собственным меншиковским, пушечные залпы, иллюминация. Да, надо сказать Машеньке: до свидания, князь Долгоруков, и навсегда выбросить из головы вчерашнюю встречу, смириться со своей участью.

Глава четвертая

Петербург встретил князя Федора колокольным звоном. Конечно, они звенели не в честь его прибытия, но было приятно после скитаний по чужим краям слышать благозвонное звонкоголосие церквей. Находясь вдали от столицы, он не знал, каковы стали нравы при дворе после смерти государя. Ходили слухи, что царствование Екатерины непрочное, что в один прекрасный день корона может оказаться на голове какого-нибудь самозванца. Правда, эти слухи всячески отрицались, но держали двор в постоянной тревоге: каждый понимал — идти дорогой Великого Петра было некому. При дворе делали вид, что особых перемен нет, что все идет по заведенному порядку, по старым традициям: постоянно проводились ассамблеи, торжественные вечера — и все как при покойном императоре.

В этот день двор готовился отмечать день рождения светлейшего князя, одного из любимейших друзей и сподвижника Петра Алексеевича и его супруги, ныне царствующей Екатерины. Меж семьями именитых фамилий — Толстых, Ягужинских, Нарышкиных, Лопухиных, Долгоруковых — шло невидимое соперничество. Каждая пыталась одолеть другую в своем влиянии на государыню, а заодно и перещеголять друг друга: покупались новые экипажи, заказывались моднейшие ткани за границей, приглашались парикмахеры для изготовления невиданных причесок.

Дядюшка князя Федора фельдмаршал Василий Владимирович, как и все, намеревался поехать во дворец, считая своим долгом поздравить князя, лишний раз пре-

клонить колена, зная, что Меншиков втайне все еще держит на него обиду: именно он, Василий Владимирович, в далеком 1715 году, по поручению государя, занимаясь ревизией государственных средств, уличил его, Меншикова, в крупном казнокрадстве. И если бы не государыня Екатерина, слезно защищавшая его перед мужем, не сносить бы князю головы. «Давно дело было, да памятью светлейший князь силен», — думал фельд-маршал, осматривая себя в зеркало после того, как лакей долго и старательно поправлял на нем мундир. Подойдя к окну, прислонился к нему лицом и долго вглядывался в снующие по мостовой экипажи, намереваясь увидеть золоченую карету Петра Андреевича Толстого, запряженную в тройку вороных. Уж после него, соблюдая субординацию, мог отправиться и он. Прошло минут десять, лихо промчался экипаж тайного советника и канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина. Следом за ним, грациозно выгибая шею, промчалась тройка сивых лошадей действительного тайного советника князя Дмитрия Михайловича Голицына. Следом, сбавляя шаг, неожиданно приостановилась карета явно не праздничного вида. Василий Владимирович прикинул в уме, кто бы мог к нему пожаловать. И каково же было его удивление, когда он узнал, что в его дом пожаловал племянник Федор. Не имея своих детей, фельд-маршал любил этого способного юношу.

— Неописуемо мое счастье! — заключил он в объятия и ласково похлопал по спине племянника. — Жажду, жажду новостей с передовых редутов. Как там здравствует мой бравый генерал? — суетился дядюшка, не зная, в какое кресло посадить молодого князя. Он испытывал смущение, что сразу с порога, не соблюдая законов гостеприимства, задает ему вопросы. Впрочем, не только родные, но и все при дворе знали фельд-маршальскую слабость: стоило напомнить о каком-либо сражении, как он, всегда с дотошностью изучавший ход любых баталий, забывал обо всем на свете. Не зря же он остался старым холостяком! Правда, в рассказах о его несостоявшейся свадьбе почти никогда не упоминали фамилии невесты, зато все знали, что в канун брачной ночи, узнав о победе Петра под Полтавой, он велел заказать экипаж и тотчас же поехал справляться, готовится ли в столице богослужение по случаю столь

важного события. По прибытии домой невесты не обнаружил. Не раздумывая, он незамедлительно отправился в Прибалтику, где в осажденной Риге повстречался с Александром Даниловичем Меншиковым, пережил там эпидемию чумы и с триумфом праздновал победу.

Получив от племянника письмо на имя императрицы, Василий Владимирович долго и вопрошающе смотрел на молодого офицера, хорошо зная превратности судьбы. Но тот поспешил обрадовать дядюшку, что в письме том должны быть приятные новости, так как одержана победа над татарскими войсками и силой оружия взята их столица Тарха.

— Bravo! Bravo! — совсем по-молодецки вскочив со стула, дядюшка вновь растроганно обнял племянника. Достав из кармана носовой платок, обтер лицо и глаза. — Сие будет великой наградой и большой радостью для нашей матушки, недавно снявшей траур по государю.

Он сообщил князю Федору о предстоящем нынче торжестве и, многозначительно прищурив глаза и уставив в потолок указательный палец, добавил: — Токмо того жаль, что сам генерал не пожаловал. — И только в коридоре, искоса поглядывая на племянника, заметил: — По всей видимости, благостно повлиял на тебя горный воздух! — Он достал из табакерки щепотку табаку, сделал глубокий вздох, постоял чуть с прищуренными глазами и, негромко чихнув, добавил: — Господом благословен был твой отъезд, Господом и обережен ты был от лихой пули.

— Служба отечеству — высшая честь, — ответил князь Федор в тон дядюшке, зная, что только такой ответ придется ему по душе.

— Сим поступком и военной доблестью ты уготовливаешь себе хорошее будущее. Ее величество императрица, как и наш покойный государь, умеет ценить усердие своих подданных.

Оставшись довольным разговором с племянником, он «под занавес» произнес еще и несколько фраз по-французски:

— Не встретила ли тебе, друг мой, на Кавказе горянка? Говорят, они прелестны!

— На Кавказе нет, а в российских лесах встретил девушку неопишуемой красоты.

На это дядюшка громко засмеялся, махнул рукой и отвернулся, давая понять, что это пустячное.

Народу в покоях дворца было еще немного. Редко бывая на столь великолепных приемах в дворцовых покоях и оттого смущаясь, князь Федор поддерживал под локоть дядюшку, сдержанно-изысканная походка которого выдавала в нем военного. В громадных зеркалах, расположенных в простенках, он увидел улыбающееся лицо дядюшки и то, как он припал к его уху, шепча: «Немало вельмож сей пол своими животами протирали!» Увидев вышедшего из соседнего зала ссутулившегося человека, фельдмаршал словно спохватился. Человек этот скорее походил на одного из неприметных распорядителей бала, чем на именитую особу. Полноват, коротконог, со сбившимся на лоб париком, в алом бархатном кафтане, в туфлях с жемчужными пряжками, но, по-видимому, чуть великоватых.

Оставив князя Федора одного, фельдмаршал о чем-то переговорил с этим человеком, полез во внутренний карман мундира и подал ему письмо. Тот взял его не сразу, могло даже показаться, что ему хотелось спрятать руки за спину, но потом он взял его, поглядел на фельдмаршала тяжелым, холодным взглядом и, поклонившись, зашагал в дальние покои.

— Андрей Иванович Остерман, — пояснил дядюшка князю Федору. — Обласкан еще государем, а ныне представлен учителем и воспитателем к внуку. Ко всему, вице-канцлер.

Проходившие мимо них нарядные фрейлины о чем-то оживленно разговаривали, бросая в их сторону любопытные взгляды.

— Ты встретишь здесь важных вельмож Отечества, — не без восторга сказал дядюшка. — Вон видишь: в окружении девиц тайный советник Петр Андреевич Толстой. Ученый муж и сочинитель. На русский язык переводит зарубежных пиитов, а экий бравый! В годах уж и ходит вприсядку по причине старческой подагры, а все вертится среди молоденьких девиц! Да и оне до него словно мухи до меду. — Фельдмаршал хотел еще добавить кое-какие светские сплетни и подробности из долгой жизни этого почтеннейшего человека, но послышались звуки литавр. Вспыхнули многотысячными огнями люстры. Пронесся

гул и тут же оборвался. Наступила тишина. Распахнулись все двери, по обеим сторонам которых стояли, как застывшие статуи, лакеи.

Ровным, степенным шагом, с гордо поднятой головой, выбрасывая впереди себя трость, украшенную жемчугом и бриллиантами, и со стуком ударяя ею по зеленому ковру, шел светлейший князь Александр Данилович Меншиков — виновник сегодняшнего торжества, — в парчовом кафтане, через плечо — лента пунцового цвета, на груди — блестящие звезды и ордена. За ним выступали великие князья и высокие сановники государства. По мере того как светлейший князь шел вдоль широкого коридора, сотни присутствующих гостей склонялись в низком поклоне. Играла музыка. И гром аплодисментов.

— Поверь мне, — в образовавшейся паузе с волнением сказал фельдмаршал изумленному князю Федору, — звезды на груди этого человека покрывают заботами отягощенное сердце, а легкая, кажется, ничего не значащая лента стоит немалых бед и горестей.

Все обратили внимание на беспокойный взгляд светлейшего князя. Оказавшись после приветственной церемонии среди высоких гостей, он не произнес и слова, хотя это совершенно не походило на общительного Александра Даниловича. Заметив вдали коридора каких-то дам, он даже приподнялся на цыпочки, и это сразу внесло разгадку в необычное поведение князя.

— Дарья Михайловна с дочерьми где-то замешкалась, — шепнула княгиня Черкасская соседке. — В дороге еще. Половодье кругом, дожди, дороги размыло.

И тут раздались звуки гимна. Все двери раскрылись еще шире. Появились пажи. Все стихло в ожидании появления императрицы.

Всем присутствующим в этом зале вспомнилась ее коронация Петром Великим незадолго до смерти Великого государя в майские дни 1724 года. И надо сказать, что ничего торжественнее этого не происходило в Кремле. В старую столицу прибыли президенты коллегий, иноземные послы, сенаторы, губернаторы. Торжественный обед был устроен в Грановитой палате, предназначенной для приема иностранных послов. Улицы Москвы освещались фейерверками. Роскошные кареты, блистающие серебром и золотом мундиры воен-

ных. Дамы, разодетые в бархат, парчу, спешили в Успенский собор, чтобы самолично удостовериться, что волею судьбы бывшая прачка стала супругой великого человека. Для нее была изготовлена мантия из парчи с вышитым на ней двуглавым орлом, подбитая горностаем. Но главной примечательностью была корона, предназначенная для Екатерины. Украшенная дорогими камнями и редкостными жемчугами, она превосходила другие короны изяществом и богатством. Царь самолично возложил ее на голову стоявшей на коленях Екатерины, а придворные дамы прикрепили мантию.

Коронованная императрица дня два принимала поздравления, среди которых было приложение к ее руке командира Преображенского полка, которым был сам император.

— А вот и матушка наша жалуется, — в низком поклоне сказал фельдмаршал. Екатерина появилась в проеме двери в парчовом платье французского фасона, с Андреевской лентой, с короной на черных крашенных волосах. На лоснящемся лице ее, усыпанном пушистыми родинками, — ласковая улыбка. На низком лбу подрагивали мелко завитые колечки. Приветствуя ее, все стояли в низком поклоне.

— О, Боже! — прошептал князь Федор, чем обратил на себя внимание пожилых дам, сделавших ему замечание. Князь замер на месте. Под руку с императрицей шла та прелестная девушка Мария! Та, с которой судьба свела их в лесной избушке. — Силы небесные! Не сон ли все это?

— Папенька! — восторженно воскликнув, бросилась она в распахнутые объятия светлейшего князя. Гул восторженных голосов, аплодисментов венчал эту трогательную встречу отца с дочерью. Над головой князя Федора, кажется, зашатался потолок, и если бы взоры всех присутствующих не были бы обращены к ее величеству, дядюшка непременно обратил бы внимание на его полную растерянность.

— Это старшая дочь светлейшего князя, — улыбаясь направо и налево, пояснял дядюшка будто мимоходом. — Недавно сие божественное существо было обручено с сыном графа Сапеги. Да вот он стоит поодаль.

Князь Федор находился в полном недоумении от всего, что совершалось вокруг. Лицо прелестной девуш-

ки стояло перед глазами, и он ничего не мог поделать с собой, не мог взять себя в руки. Он даже не расслышал, как императрица попросила письмо.

— Матушка Екатерина, свет наш,— страстно припадая к ее руке, принимающей письмо, воскликнул светлейший князь и увидел, как засветились черные глаза. Кто-кто, а Александр Данилович знал цену этому обворожительному взгляду.

«Броситься перед государыней на колени! Броситься к ногам светлейшего князя и просить руки прекрасной Марии»,— мелькнула отчаянная мысль у князя Федора.

— Читайте уже послание генерала Матюшкина,— донеслось до его слуха. Он очнулся от наваждения: вокруг была тишина. Каким-то скрипучим голосом, как пономарь на паперти, секретарь монотонно читал письмо храброго генерала о том, как силой русского оружия и храбростью солдат во имя ее императорского величества совершена победа над многочисленным врагом... И вдруг по многолюдному залу разнеслось громкое: «Виват! Виват! Виват!» Это был голос светлейшего князя Меншикова. Напряженная торжественная тишина сорвалась, наполнив блистательный зал приветствием:

— Виват Россия! Виват!

Всем показалось, будто петровский дух появился во дворце, да и сам он находится где-то в одном из многочисленных залов. И чудилось: вот-вот распахнется дверь и явится он во весь свой исполинский рост, не упустит случая обласкать человека, сражавшегося там, в горах, и доставившего радостную весть в столицу.

— Сей керой сопсем мальшик,— приподнимая холеную ручку и подходя к князю Федору, сказала Екатерина.— Очень благодарствую.— Он тут же припал к монаршей руке.

— Справедливость требует,— сказала императрица, взяла его за руку и подвела к княжне Марии.— Справедливость требует фам открыть пал с этой прелестной тевушкой.

От волнения князь Федор еле стоял на ногах.

Раздались звуки вальса. Князь Федор взял руку княжны и почувствовал дрожь. Чем сильнее дрожали руки, тем крепче сжимали одна другую. В громадном зале закружились пары.

Мария, в великолепном парчовом платье, с бриллиантовой нитью в золотистых волосах, была божественно хороша.

— Меня не обмануло предчувствие: мы опять увиделись, — еле слышно сказала она, и сомнения, которые не позволяли ему мечтать о взаимности, враз улетучились куда-то под своды зала. Пожав ее руку, он отдался вихрю танца, уносящего их в другое пространство, в другой мир.

— О, Мария! Милая Мария!

Она вдруг побледнела и, словно запнувшись, упала в его объятия. А вокруг мелькали голые плечи дам, мундиры, мраморные статуи, зеркала.

— Тебе дурно, дочь моя, — подбежала невесть откуда взявшаяся дама с большими выразительными глазами. — Ты устала с дороги, — говорила она, заметив, как зашущукались дамы, глядя на еле стоявшую на ногах княжну. — Поедем домой, моя голубка.

— Я провош-шу вас, княжна! — решительно заявил рослый брюнет, неожиданно появившийся рядом и намеревавшийся взять Марию под руку.

— Оставьте ее, любезный граф. Вам известно, княжна много дней провела в дороге.

— Но позвольте! — не без настойчивости сказал брюнет. Это и был жених княжны — граф Сапега.

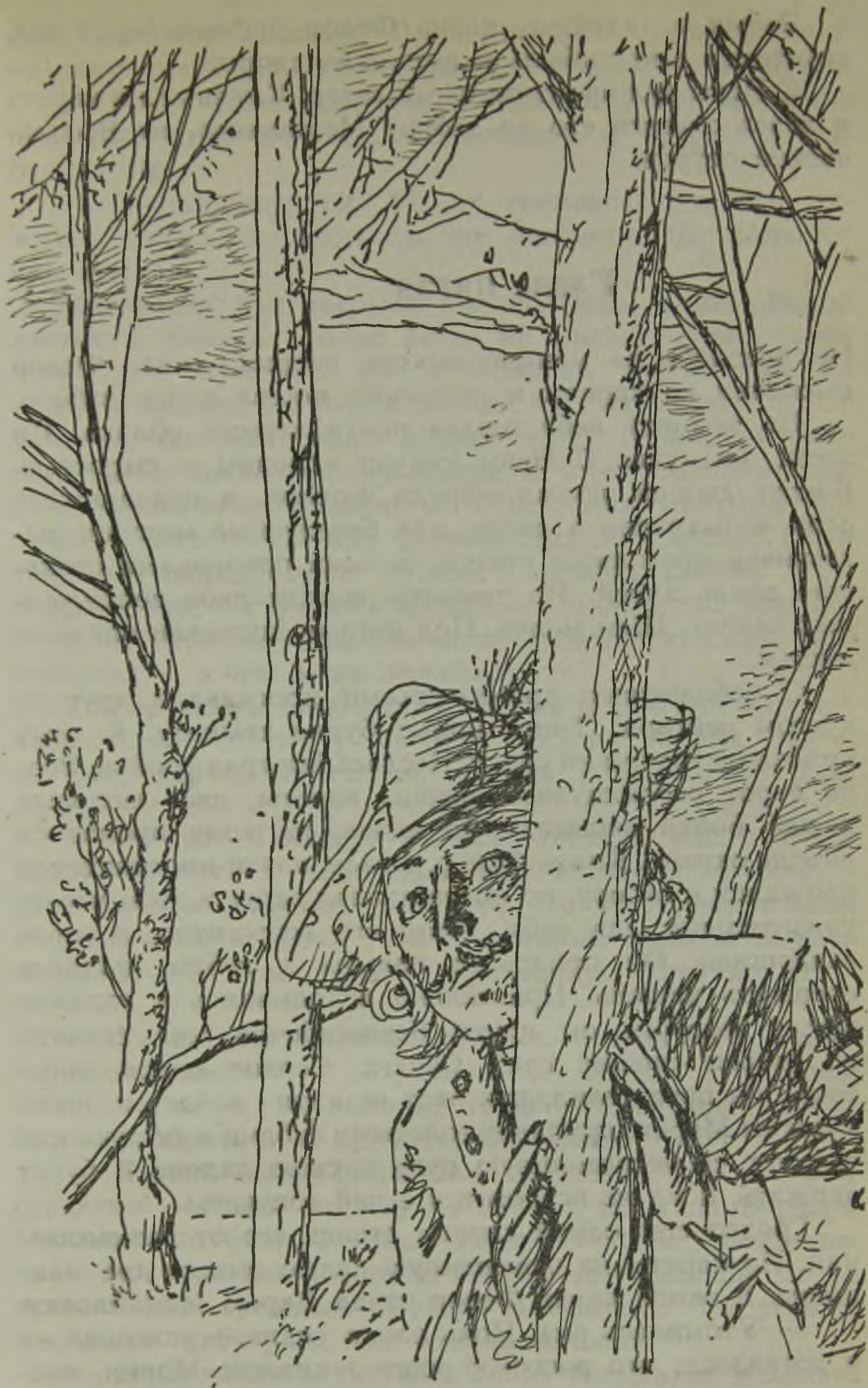
Князь Федор долго не выпускал руку княжны, да и она не делала никаких усилий, чтобы освободиться. Дама оказалась проворной и настойчивой. Извинившись перед князем, она взяла девушку под руку, и та, опомнившись, взглянула на князя и тихо сказала:

— Спокойной вам ночи, — в глазах княжны стояли слезы.

Они смотрели друг на друга и не могли оторвать глаз.

— Ш-што это знаш-шит? — изумленно спросил Сапега, не зная, к кому обратиться.

Дама взглянула на него так холодно, что это было красноречивее всяких слов. Это была Варвара Михайловна Арсеньева — родная тетка, воспитательница и наставница княжны. Только когда они подошли к двери, князь Федор обратил внимание на ее горбатую спину, но тут же отвлекся — князь Сапега неотступно следовал за ними.

Забыв о дядюшке, князь Федор прошел через зал, спустился в вестибюль и вышел из дворца.

С Невы дул пронзительный ветер. Князь сел в карету и велел отвезти его ко дворцу Меншикова, на Васильевский остров.

Глава пятая

Не доезжая до меншиковского дворца, князь Федор выскочил из кареты и медленно пошел вдоль забора.

По темноту небу плыли почти черные облака. Ни звезд, ни луны. С Невы тянуло холодом и сыростью. Вокруг дворца, дрожа, горели фонари, а праздничные огни вспыхивали и гасли, как беззвучные молнии, высвечивая мраморные статуи, белыми призраками стоявшие вдоль аллей. Из темноты вышли двое вооруженных солдат. Шли молча. Под ногами шуршали опавшие листья.

С небольшими промежутками проскакали друг за другом рейтары. Топот копыт будил темноту. К нему прибавился громкий свист. Неслась быстрая тройка. Возле ворот распахнулись дверцы кареты, двое молодых людей бойко зашагали по аллее, на ходу произнося пароль охране. Князь Федор, ежась, почти инстинктивно прижался к забору, но почувствовал вдруг в этом что-то унижительное для себя. Лицо его вспыхнуло, в горле запершило. Он приложил пальцы к губам, пытаясь сдержать кашель. Пристально вглядываясь в удаляющиеся фигуры, он почти безошибочно мог сказать: во дворец спешил граф Сапега. Сердце князя защемило: он представил, как этот шляхтич войдет в покои княжны Марии, припадет толстыми губами к ее руке или возьмет ее беспомощную руку в свою ладонь и будет держать, пока не встретится с ней взглядом.

Грохот еще одной кареты отвлек его от размышлений. Из кареты на освещенную аллею вышли две женщины. В одной князь Федор узнал Дарью Михайловну.

— Утомилась она. Ночь плохо спала,— услышал он и догадался, что разговор идет о княжне Марии, внезапно и неожиданно для многих оставившей бал. Камердинеры приказали кучерам ждать возле ворот, ускорили

шаг, догоняя женщин. Один, тучный и страдающий одышкой, раза два останавливался, чтобы прокашляться.

— Граф Сапега осерчал. Гневался. В сердцах денщику по харе надавал,— сморкаясь и фыркая, пробурчал он.

— Пущай тешутся. То их господское дело,— ответил другой, поднимаясь по лестнице на широкое крыльцо.

Прозвенел над дверьми колокольчик. Князь Федор хмыкнул, дивясь, что до этого не слышал звона, хотя дверь уже несколько раз отворялась. Он продрог на ветру, а пальцы на руках озябли так, что, сам того не замечая, он уже давно поднес их к губам, пытаясь согреть. Но ничто не шло в сравнение с тем унижительным подглядыванием, на какое он обрек себя, гонимый желанием увидеть княжну Марию. Все его мысли были там, во дворце, окна которого залиты светом. Там граф Сапега,— стучало в висках.— Он свободно заходит сюда, по первому желанию может увидеть княжну, разговаривать, о чем душа пожелает...

Тем временем лейб-медик Иоганн и княгиня Варвара Михайловна сидели у постели княжны. Мария, так и не сняв парчового платья, лежала с закрытыми глазами.

— О, буде, Господи, милость твоя на нас, яко уж уповахом на тя! — шептала старая женщина, приблизив свое лицо к лицу княжны так, что та почувствовала ее горьковатый запах табака, который любила жевать тетушка.— Сглазили нашу красавицу. Истинно сглазили.

— Кабы была я птичка вольная,— вдруг еле слышно сказала княжна и — разрыдалась,— далеко б улетела! За синее море. За высокие горы! — с трудом можно было разобрать в ее причитаниях слова.

— Светик наш Машенька. Поплачь да успокой сердечко! — глядя княжну по голове, шептала Варвара Михайловна, больше всех любившая свою племянницу.— Эко враз свалило тебя. Жаром вся пышешь. Да не оставит нас, грешных, Матерь-заступница. Ты ведь и так, наша щебетунья, как птичка вольная.

— Не вольная я, тетушка. Сама знаешь, не вольная.

— На все Господня воля,— уличенная в неискренности, закашлялась Варвара Михайловна.

— Не спрашивали, обменяли мою волю, цепями ко дворцу привязали, а я, быть может, в лесной избушке жить хочу!

— Полно, Машенька. Про какую лесную избушку говоришь? Поспи, отдохни. Нашто нам избушки, когда в каждой вотчине хоромины выстроены.

— Ничего тебе не ведомо. Кабы ты знала, какой ангел нынешней ночью побывал возле меня! Какие слова шептал мне на ухо, ты б и сама сбежала из этих дворцов!

На душе у Дарьи Михайловны было беспокойно, и, улучив момент, она заторопилась домой. Стараясь бесшумно войти в покои дочери, она встретила в коридоре нервно расхаживающего графа Сапегу, которого не пустила к княжне Варвара Михайловна.

— Что с моей невестой?— требовательно спросил он княгиню.

— Устала в дороге,— односложно ответила Дарья Михайловна, не желая объясняться.

— Надобно жалеть свою суженую,— не сумев скрыть своей нелюбви к графу, как-то подчеркнуто холодно добавила княгиня. Чуть приоткрыв дверь покоев, она скрылась за тяжелой дверью. У графа от негодования заходили желваки.

— Доченька, прости нам наши прегрешения. Прости,— усаживалась возле постели Дарья Михайловна, ладонью убирая локоны со лба княжны.

— Полно, Дарья Михайловна,— остановила ее сестра.— Какие могут быть прегрешения? Не гневи Бога. Устала Машенька. Вот поспит, успокоится.

— А то тебе неведомы наши прегрешения,— с укоризной покачала головой княгиня и залилась слезами. Иоганн растерялся, не зная, кому больше надо помогать — матери или дочери.

— Экие слезы развела, как над покойником,— остановила Варвара Михайловна сестру, велев Иоганну подать княжне травяного настоя и покинуть покои.

— Устала она,— сказала Дарья Михайловна.

— Ой, Даша, разве я не знаю тебя. Неправду молвить надо умеючи. Кабы ты от меня глаз не прятала.

— Влюбилась я, тетушка. Без памяти влюбилась,— пришла на помощь матери княжна.

Дарья Михайловна торопливо закрыла рот дочери ладонью, посмотрела на плотно прикрытую дверь.

— Полно, Машенька,— ласково проговорила Дарья Михайловна, чувствуя, что дочь мало-помалу приходит в себя.

— До чего же пригож князь Федор! Правда, матушка? Ты видела его, тетушка? Ну скажи, что пригож! Сестры переглянулись.

— Господи, спаси и оборони! — ответила на то тетушка.

На лице Дарьи Михайловны появилось подобие улыбки. Умная тетушка приумолкла, зная, что Машенька не замедлит поделиться с ней своими мыслями.

— Он сказал мне: «Милая Мария!», сказал во время танца. Я не ждала. Я не верила. У меня от его слов закружилась голова. Князь Долгоруков! Разве ты не заметила его? Разве можно его не заметить?

Тетушка поняла: переубеждать, племянницу нет смысла, надо срочно переменить разговор.

— Вы ведь не знаете, в столицу из Данцига приехал монах Брукенталь.

— Счастлива буду иметь с ним беседу,— с радостью подхватила разговор Дарья Михайловна и обратилась к дочери: — Ты помнишь его, Машенька? Он часто бывал в нашем доме, держал тебя на руках. Он был секретарем у государя, получил звание генерал-адъютанта. Ну вспоминай, вспоминай. Да подарил тебе перламутровый гребешок с тремя жемчужинками. Вон там он лежит, на твоём столике.

Княжна согласно кивнула.

Наступила пауза, но, как показалось Дарье Михайловне, в этой тишине мысли ее прояснились. Первое, что приходило в голову,— граф Сапега, который, как она уже поняла, не отличается деликатностью, скорее всего, ждёт ее в коридоре.

— Граф Сапега желает тебя видеть,— сказала Дарья Михайловна.— Вперед меня приехал с бала и расхаживает в коридорах.

— Маменька! Не надо Сапегу! Не хочу его видеть. Скажи ему — я умерла! Я умерла! Я все равно умру, если он останется моим женихом!

— Только вчера встретили этого князя Долгорукова в лесу,— отозвав в сторону Варвару Михайловну, нервно

шептала княгиня.— А она будто с ума сошла. Да и он тем же отвечает ей.

— Надо бы ей облегчить душу. Одна дорога у всех нас — в храм Божий.

— Нет,— возразила Дарья Михайловна.— Или тебе не ведомо: тайны у архиепископа перед Александром Даниловичем нету.

— Уж настолько велика тайна! — возразила сестре горбунья.— Более дел нету у святого отца. Поди, есть вразумление: где молодость — там и любовь. А по мне, для успокоения княжны надобно дозволить князю Федору посетить наш дом. Тут и у Александра Даниловича удивления не будет. Сам при государыне императрице назвал его героем.

— Ах, Варвара Михайловна! Или ты не знаешь нашего Александра Данилыча? Живет в порыве души. Услышит о доблестях — готов тут же шашку из ножен выхватить.

— Все едино,— настоятельно продолжала свою мысль тетушка.— Если у этого Долгорукова такое же наваждение — добра не жди, тайну не строй, а лучше до дому допусти. Не холоп какой! А со стороны все увидеть можно. Коли Машенька графа Сапегу не любит — то и слепому видать.

— Только бы гнева Александра Данилыча избежать. В гневе он власти над собой не имеет. Одного государя и побаивался, а теперь? Как скажет — так и будет. Екатерина-то Алексеевна ему не перечит.

— Да то всему свету ведомо,— со смиренным равнодушием, подходя на цыпочках к постели дочери, ответила княгиня. Она не меньше кого-либо знала об отношениях императрицы с Александром Даниловичем, однако считала: что было, то былшем поросло. Понимала, что могло бы стрястись с ней, распались она в своей ревности. Да и нравы при дворе были вольные, амурами занимался каждый камердинер.

— Во дворец воротиться надобно,— глядясь в зеркало и припудривая покрасневший нос, сказала Дарья Михайловна.— Кабы не хватился Александр Данилыч. Я шепнула государыне, что на минуту домой отлучусь. Она, слава Богу, сразу поняла.

— Глаза-то, глаза какие красные. Примочки бы сделать надо или вон перед форточкой посидеть.

— Уснула наша голубушка,— вздохнула горбунья, прислушиваясь к мерному дыханию княжны.— Иоганн-то сонного порошка подал. Даст Бог, все обойдется.

— Выходить боязно. Там, поди, все еще граф Сапега. Назойлив, как осенняя муха.

— Будет ужо! — сердито ответила сестре горбунья.— Рано еще пугаться. Перед кем голову гнуть собралась? Пойдем, провожу до кареты.

Они тихо вышли в коридор. Дарья Михайловна на минуту прижалась к стене, покрытой узорчатым голландским гобеленом. Слышен был ровный ход роскошных, в золотых узорах, часов с неподвижной стрелкой, вокруг которой двигался золотом расписанный круг. Варвара Михайловна подняла глаза. Стрелки стояли на середине — там, где двенадцать. В проеме двери виднелась фигура сморенного сном лакея. Утопая в мягком кресле, спал и граф Сапега. Денщик его испуганно вскочил перед княгинями и дотронулся до плеча графа.

— Рада вас видеть,— на ходу сказала Дарья Михайловна, чувствуя, что граф толком еще не может сообразить, где находится.— Княжна утомилась, уснула.— И быстро пошла, чтобы ни о чем не говорить с графом. Варвара Михайловна еле поспевала за ней.

В сопровождении камердинера, стоявшего возле дверей, они вышли на широкое крыльцо, залитое светом фонарей. С северной стороны изо всех сил дул ветер. Оголенные ветки берез, словно нагайками, хлестали оконные ставни.

— Зябко,— сказала Варвара Михайловна, приподнимая воротник. Они молча шли по аллее.

— Княгиня, простите, ради Бога,— узнала Дарья Михайловна голос князя Федора и даже не испугалась. Зато Варвара Михайловна, увидев упавшего перед Дарьей Михайловной на колени молодого человека, закричала:

— Охальник! Дарья Михайловна, экие вольности!

— Я так надеюсь на ваше доброе сердце! — легко поднялся с колен и подал Дарье Михайловне руку князь Федор, помогая сесть в карету.

— Приезжайте завтра к ужину. Варвара Михайловна, распорядитесь сейчас же о приеме. Быть может, бал закончится только к утру.

— Ну, милейший,— приходя в себя, выдохнула Варвара Михайловна. Она уже признала в полуночнике

бравого князя Долгорукова и теперь пыталась разглядеть его поближе.

— Спокойной вам ночи. Простите меня великодушно,— поклонился Варваре Михайловне князь.

— У Господа прощения просить надобно, каленая голова! К ужину, как сказала княгиня, пожалуйста,— отрезала горбунья, круто повернувшись.

— Глаза твои ничего не видели! Уши твои — ничего не слышали,— хрипло выговаривала она семенившему вслед за ней камердинеру.

Глава шестая

Все понимали, что новое возвышение князя Меншикова при дворе связано с императрицей. Сама же она после смерти Петра Алексеевича едва сдерживала свои привычки жить празднично и весело. И, справив траур по государю, шумно пустилась во все тяжкие. Триумфальный штандарт над крепостью, который раньше поднимался по случаю какого-нибудь торжества, уже висел постоянно. Желтое полотнище с черным орлом трепетало на ветру, палили пушки, в церквях служили обедни, звонили все колокола, веселились и справляли праздничные обеды во дворцах. Пир шел горой!

Однако чем шумнее и пышнее проводились праздничные и будние дни, тем явственнее понимал Александр Данилович, что с этими разгулами забываются все начатые государем дела, идет к упадку и разору государство. Казна пустела, а при дворе шла тайная борьба за влияние на императрицу.

Надо было искать пути сокращения государственных расходов. Много средств шло на содержание двора, но это было трудно регламентировать. Не могли же, в самом деле, траты сокращаться за счет потребления двором венгерских вин или данцигских устриц! Приходилось выбирать, с кого брать — с крестьян или с купцов и промышленников. Меншиков и его сторонники думали снизить подушное обложение крестьян за счет повышения налогов на купечество и предпринимателей. Речь, впрочем, шла не столько о крестьянах, сколько о дворянах, которые постоянно жаловались на

чрезмерные государственные подати. К тому времени недоимки составляли одну треть от всей суммы налогов.

8 февраля 1726 года создается Верховный тайный совет для формирования действенного правительства. Сюда вошли сам А. Д. Меншиков, а также Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой, Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. И. Остерман и герцог Голштинский Карл-Фридрих. Только в этой экономической неурядице все больше ощущалась беспомощность Екатерины, не обладавшей большим государственным умом. К тому же зять ее Карл-Фридрих стал вмешиваться во многие дела, часто замещая императрицу на заседаниях Верховного тайного совета, где уже даже выступал от ее имени.

В душе Александра Даниловича постоянно жило неприязненное отношение к герцогу Голштинскому, чего он скрывать не хотел и не умел, а это во многом осложняло отношения с Екатериной. Приходилось часами просиживать возле нее, убеждать, что все должное ей зятем — неверно, поскольку понять суть дел человеку, не знающему России, — невозможно.

— Я же моку понимать, — пыталась она возразить Александру Даниловичу, на что тот лукаво отвечал:

— То ты, наша матушка. Тебе все дозволительно. Поймешь, не поймешь — то твое царское дело. Мы — холопы возле твоих ног, а герцога все едино никто слушать не станет, потому как извеку наши люди упрямы.

— Верно, упрямы, — соглашалась императрица, принимая нежные поцелуи светлейшего князя. — Спрашивай уше. Делай как кочешь.

Но какое-то малообъяснимое предчувствие беды подкрадывалось к Александру Даниловичу — тихо, исподволь, и вводило в уныние. Он первый советник царицы, и ее, как считали все, любимец и баловень.

В последнее время Александру Даниловичу стал часто сниться царь Петр Алексеевич. Вот и сегодня: спать пришлось всего часа три, а он явился, постоял в дверях. Князь воочию увидел его бледное лицо, дрожащие в беспомощной улыбке губы, широко открытые глаза и услышал: «Не сгнил еще мой фрегат «Старый Дуб», князь?» Он бухнулся в страхе на колени: «Прости, прости, свет мой Петр Алексеевич. Знаю и чую, забывается твое дело. Ни у кого ума не хватает по-твоему дело творить. Все вокруг скудного ума люди».

На что царь сухо, без ругани, ответил: «Молчи, Алесашка, молчи! В душе твоей большой мрак. Ищи свет внутри сердца своего и молись». — «Буду, буду. Знаю, грешен в делах и помыслах. Сам, поди-ко, видишь, сколько коршунов закружило над Россией». — «А фрегат-то где?» — явственно услышал он голос Петра. «Каюсь. Не знаю. Давно не бывал на верфи».

Тут-то Александр Данилович и вскочил с постели от грохота: оторванная порывом ветра ставня, раскачиваясь, стучала об оконную раму.

«О, Господи, грехи мои тяжкие, — вздохнул князь. Закрыв глаза ладонями и замер. — Хорошо быть храбрым за твоей спиной. Правление твое создало славу многим болванам, в том числе и мне, но сегодня всем наплевать на твои дела. Рвутся к власти, и я туда же!» — ужасался светлейший.

Спальня светлейшего была обставлена с большим вкусом: жирандоли и тамбурные занавески, стены затянуты красным бархатом, на диванах и стульях черного дерева лежали парчовые подушечки. На углу стола — душистое куренье, до которого, впрочем, Александр Данилович никогда не дотрагивался. Это было скорее такое же украшение спальни, как горка с китайским фарфором, роскошные бокалы из перламутра — все в дорогих камнях, венецианские зеркала. Меншиков любил роскошь и красоту, ласкающую взор, хотя и не умел трепетно относиться к сотворенной красоте, не умел благоговейно восхищаться ее создателем...

— О, если есть загробная жизнь и мне предстоит встретиться с государем, я брошусь в его объятия и буду, как при жизни, слугой, только бы не отвернулся он от меня! Только бы не отвергнул. Если он попал в ад, то и мне не страшно жариться с ним в аду!»

Он еще сидел какое-то время в забытии — то был словно во сне, то вдруг прозревал. Дотянувшись рукой до золоченого колокольчика, позвонил.

— Туто я, — появилась из-за портьеры русоволосая голова лакея Луки. — Чайку али какой ягоды?

— Клюквы хочу, — сказал князь. Багрово-красные ягоды, обсыпанные сахарной пудрой, были тотчас поставлены перед ним.

Бросая в рот ягодку за ягодкой, он мало-помалу

приходил в себя, освобождаясь от наваждения. Снова позвонил в колокольчик.

— Оболокай! — приказал Луке. Лакей быстро натянул на ноги князю простые чулки, теплые шаровары и рубашку, накинул шерстяную кофту и, поправляя обшлага, заметил, как у светлейшего дрожат руки.

— Прикажи принести ковш малинового меду, да пушай добавят в нее чарку рейнского.

Лука, зная, как страдает с похмелья князь и что непременно может потребовать, давно приноровился и подал желаемый напиток незамедлительно, за что князь даже поклонился ему. «Ох, Мать Божья, прости грешного, — выдохнул он, обтирая вспотевший лоб. — Смотри, Александр Данилович, сердце зори да не проспи зари!» — сказал сам себе, поднося к губам украшенный червонным золотом ковш. Пил медленно, небольшими глотками, чувствуя, как терпкий напиток утоляет жажду. Боясь расслабляющей силы напитка, решительно встал. Лука еле успел отпрянуть от стола, чтобы не столкнуться лбом со светлейшим.

— Где Аристарх? — быстро спросил князь.

— На месте, ваша светлость.

Аристархом звали здорового парня, привезенного с северного Поморья. Он был страшно силен и на спор мог одним ударом кулака повалить двухгодовалого быка. Александру Даниловичу этот парень приглянулся за жалостливость. Будучи на одной из мануфактур, Меншиков, проходя мимо дверей, услышал собачий вой. Возле серой лайки, кем-то облитой кипятком, сидел на корточках здоровенный парень и плакал. Это немало удивило светлейшего.

— Экий детина, — засмеялся Александр Данилович, потому как был в хорошем расположении духа. — Псину этак жалеть? Вот возьму да определю тебя на живо-дерню.

— Вернее на земле твари нету, — ответил парень и бухнулся князю в ноги.

Сопровождавшие князя охранники подбежали к нему, с силой оттолкнули в сторону.

— Приведите его завтра на мой двор, — распорядился князь, встретившись с взглядом больших голубых глаз Аристарха. Парня привели. Дня два о нем не вспоминал князь, а потом распорядился:

— Будешь со мной в мыльню ездить да парить меня там до десятого поту.

Аристарх свое дело вел исправно: веники отбирал с гибкими ветками, мягкими листочками и заваривал их в кипятке так, чтоб не вытравить березовый дух. А уж как парил! Светлейший князь от удовольствия только кряхтел.

Однако сегодня Александр Данилович, проходя мимо покоев княгини, прежде чем отправиться в мыльню, надумал заглянуть к ней да рассказать об увиденном сне. Обычно он не делал этого и, как правило, навещал Дарью Михайловну после обеденных часов.

Он постучал в дверь и тут же приоткрыл ее. В кабинете перед спальней толпились массажистки и парикмахерши, портнихи и просто служанки. Все они были позваны княгиней. На вчерашнем бале злорадный смешок графини Апраксиной и ее реплику: «Пудры-то, пудры-то сколько!» — она приняла на свой счет и долго не могла успокоиться. Приехала домой с испорченным настроением, а поутру в ее покои сбежалась прислуга.

От неожиданного появления хозяина у парикмахерши-француженки Жоржетты из рук вывалился новый парик с крупными буклями. Кто-то ахнул, и все, шурша подолами, в поклоне вывалились в приоткрытую дверь.

— Господи, Александр Данилович, в экий незванный час,— Дарья Михайловна, только что принявшая ванну с ароматной водой, возлежала на кружевной постели.— В эком я виде, погодил бы часок.— Она успела накинуть на голову ажурный чепец, чтобы не показать князю редеющих волос.

— Полно, Дарья Михайловна. Про это ли в наши лета думать? — ответил Александр Данилович, целуя жену в губы. Он всегда делал так, и если бы поступил по-другому, жена могла бы его заподозрить в охлаждении к ней, как было в пору, когда светлейший амурничал с молодой гофмейстершей двора Нарышкиной. Тогда это вовремя заметил царь и дал князю выволочку. С той поры он не забывал целовать княгиню, только разве за исключением дней, когда возвращался после свиданий с императрицей, от которой он приходил то ли обеспокоенный делами и заботами, то ли пылкими «ссорами». Но этот грех она прощала великодушно.

— Устала. А сколько блеску было вчера! — заглядывая в глаза мужу, говорила княгиня, положив холеную ручку на его руку. — А иностранные-то послы подолами да коленями по полу скользили да поклоны клали. — Но по всему видно было, что супруга не интересуют ее слова. Он был задумчив. Печать грусти, все чаще появлявшаяся в последнее время на его лице, беспокоила княгиню.

— Государя во сне видел, — с каким-то укором в голосе сказал Александр Данилович.

— Да ну! Грозным?

— Ясное дело. А чем ему быть довольным? Одна гульба.

— Так и при нем дым шел коромыслом. Карнавалы, маскарады, катания на галерах.

— Пьян, да умен — сколь угодий в нем? — ответил на это князь. Дарья Михайловна перевела дух, нанизала на пальцы драгоценные перстни, лежавшие рядом на столике, спросила:

— Как явился-то?

— В покоях был. Ждал меня, курил. Табачищем все прокурил. Только уснул, он и явился.

— Ох! Александр Данилыч. Поосторожничал бы ты. Али не чуешь: чужеземцы валом валят во дворец. Явился-то он к тебе для пристрастки, чтоб в оба глядел, не потакал прихотям. Государыня-то одной рукой тебя гладит, а другой крепко-накрепко держит Карла-Фридриха. Али не видишь?

Александр Данилович хотел было остепенить жену, сказать: «У баб волос длинен, да ум короток», но, вспомнив про императрицу, удивился прозорливости Дарьи Михайловны и не стал дольше задерживаться. Хотелось побыть одному, поразмыслить.

— Ничего, Дарья Михайловна, я еще в силе, — и уже возле двери добавил: — Государь-то про «Старый Дуб» спрашивал. В Адмиралтейство заеду да на верфь!

— На верфь? — переспросила, будто не расслышала, жена. Она уже отвыкла от того времени, когда князь вместе с императором дневал и ночевал на верфи, готовя к спуску на воду девяностопушечный фрегат «Старый Дуб», построенный по чертежам царя русскими мастерами из русского леса.

— Нынче к ужину пожалует отец Брукенталь, —

напомнила Дарья Михайловна и сразу же, правда сжавшись, добавила: — И храброго офицера Долгорукова пригласила.

— Долгорукова-то зачем? — резко спросил Александр Данилович, зная, что этот княжеский род не скрывает своей ненависти к любимцу умершего царя за привилегии и милости, какими тот награждал его, а больше за то, что императрица Екатерина приблизила Меншикова, наделив его почти не ограниченной властью.

— Да это тот офицер, которого ты обласкал на балу, в честь которого сам воскликнул: «Виват!»

Князь ничего не мог ответить. Он был удивлен, что, такая разборчивая к гостям, Дарья Михайловна распахнула двери перед молодым офицером.

— Мы обязаны ему, Александр Данилович. Мы встретили его на переправе. Он приготовил нам ночлег в лесной избушке. Все было так сказочно.

Светлейшего не интересовали подробности. В висках у него застучало, но не от слов Дарьи Михайловны, а от большого напора крови: в таких случаях лекари ставили пиявки или «пущали кровь».

Княгиня приподнялась, упершись локтями в лебяжьи подушки, обратила внимание на ссутулившуюся спину мужа. Трудно было сейчас признать в нем вчерашнего бодрого, невозмутимо-самодовольного вельможу. Она перекрестилась, порадовалась, что оповестила князя о присутствии на ужине Федора Долгорукова. Позвонила в колокольчик, сзывая прислугу, — приготовить ее к приему гостей.

— Аристарх, скоко ныне веников исхлещем? — спросил Меншиков парня, сидевшего на облучке, на что тот живо ответил:

— Сколь душе будет надобно, — и натянул вожжи. Экипаж несся по набережной. Тройка сытых коней ровно цокала копытами по мостовой. По небу плыли тяжелые черные тучи, моросил дождь. Улица была пустынна. На волнах разбушевавшейся Невы мелькал одинокий баркас. Он то терялся, то выныривал на пенистые гребни. Сердце Александра Даниловича заныло. Опять вспомнился царь, стоящий на корме у руля. Ветер дул ему в лицо, от ледяных брызг колом стояло платье,

а струи дождя застилали глаза. Управляя фрегатом, он был счастлив.

Экипаж свернул к верфи. Запустение виделось всюду. Некогда шумевшая от множества народа, как пчелиный рой, пристань опустела. Дороги порушены, мостовые разбиты, остов какого-то строящегося судна издали казался громадным чудовищем с обнаженными ребрами. Гнать экипаж к берегу по мостовой было опасно. Вокруг пустынно, ни голоса, только монотонные звуки волн. Даже караул у башни с пушками, вделанными в стену, не окрикнул. Из-под крыльца сторожевой будки выскочила лохматая дворняжка, тявкнула и снова спряталась. Из дверей дружно вывалились двое караульных в голубых кафтанах, уставились на князя осоловелыми от браги глазами. Так же дружно попятились, испугавшись устрашающего вида высокого господина. «Эко дожил! На верфи признать не могут», — укорил себя князь и, еле сдерживая гнев, только отвесил оплеуху не ко времени расчихавшемуся мужику.

Поодаль стояли какие-то суда, баркасы, лодки. Со стороны залива шло судно под флагом.

— Давно отшвартовал фрегат «Старый Дуб»? — спросил Александр Данилович, впрочем совсем не ожидая, что быстро трезвевшие с перепугу мужики обскажут ему все с подробностями: мол, фрегат «Старый Дуб» после починки был нагружен пенькой, воском и зерном и в начале нынешней недели отчалил от пристани в сторону Швеции, а шкипером на нем вологодский купеческий сын Петр Мезенин.

Всю дорогу до мыльни не проронил ни слова. Аристарх исхлестал в жарком пару не один березовый веник, пока услышал единственное: «Буде!» Сморенный жаром, Аристарх сполз с каленого полка, бросил растрепанный веник в корзину, принес из предбанника и поставил перед князем ковш квасу. «Экий терпеж имеет, — подумалось ему. — Токмо позавчера полдюжины веников исхлестал. Экий терпеж».

Князь, так и не притрагиваясь к квасу, лежал на полке ничком. Эко? — стремглав подскочил Аристарх к князю, немало перепугавшись. Помог Александру Даниловичу спуститься с полка, положив его руки себе на плечи.

— Государыне-то нашей вечер на балу худо сделалось. Кабы беды не приключилось. Тогда один как перст останусь, — сказал Александр Данилович. — Мочи нету, парень, изболелась душа, на все гляючи. Ох и беспокойно на душе!

Аристарх почувствовал, что его хозяину надо поплакаться.

Глава седьмая

В столице в ту пору в вельможных домах не обходилось без соперничества — у кого богаче и разнообразнее разносолы. Ко дворцу Шереметевых, Апраксиных, Голицыных к обеду, а точнее сказать, к ужину съезжалось до сотни гостей. Больше всех славились столы у Строгановых, которые удивляли гурманов сибирской и уральской кухни. Неделю назад по Петербургу прошел слух: к столу было подано сырое оленье мясо! Мороженное, мелко наструганное тоненькими стружками, посыпанное солью и перцем, мясо имело необыкновенный вкус и буквально таяло во рту. Первым оценил это блюдо Вильям Иванович Геннин, приехавший с уральских заводов, куда был послан государем для разбирательства с горнозаводчиками Демидовыми, которые нарушали постановления Берг-коллегии. В демидовских северных владениях, где жили кочевые племена вогулов, Вильям де Геннин отведал впервые — пусть не без брезгливости — это экзотическое блюдо.

Впрочем, блюдо кочующих племен не всем пришлось по душе: баронессу Депортье едва не стошнило, а княгиня Брюс аж затопала ногами, увидев на тарелке капельку крови, похожую на ягодку.

Князь Меншиков не был исключением и тоже устраивал столы. Здесь готовились блюда, любимые царем Петром Алексеевичем, который, как известно, не признавал чрезмерной изысканности:

— Пальчики оближешь, когда попробуешь у светлейшего на ужине свиной лоб под чесноком и куру индейскую под шафранным взваром. Отведай, непременно отведай тетерева, окрашенного под сливу, и ножки бараньи в обертках, — говорил граф Шереметьев при-

ехавшему в столицу читинскому воеводе Афанасьеву.— Хороши у них и калачи крупчатые, и пшено сарашинское с визигою. Вроде все кушанья немудреные, а на вкус необыкновенны. А каков патошный цеженный мед? Или вишня в патоке! Или на той же патоке изготовленная наливка яблочная да с маком. Слюнки текут. Я своим поварам велел изготовить почки бараньи по кухне Меншикова — не могли! Шесть поваров сменил, а седьмой, Санька-кудряш, пронырливей всех оказался. Долго голову не ломал — сразу к повару Гансу в дружки навязался. Немец по-русски еле-еле калякал, а до девок-кухарок охоч. Только сам знаешь, девки наши нравов строгих. К ним сразу под рубаху не залезешь: али силой надо брать, али уговаривать. А Ганс силой не умел и уговаривать не мог. За него Санька все обтяпал: свел того Ганса с горничной, вроде любовно. Тут уж Гансу стало не до бараньих почек. Рассказал повару секрет. А не хватало-то пустяка: чеснока, залитого лимонным соком. Да за ночь разов пять надо было воду сменить. Теперь, считай, каждое утро эти почки мне готовят, а я ем и насытиться не могу! — При этом граф облизнул губы.

— У нас в Сибири проще, — усмехнувшись, ответил воевода. — Реберная говядина али жареный гусь под морковным взваром, косячок буженинки али утя под огурцами — и хватит!

— Ох, совсем забыл про квашеную капусту. Государь Петр Алексеевич, царство ему небесное, начинал с нее. У Меншиковых счету нету: солености, грибы, ягоды, огурцы...

Возвратясь домой, князь Федор застал дядюшку в полном раздражении. Он откровенно сердился и сетовал: как мог племянник отлучиться после вручения высокой награды самой императрицей, когда был самый подходящий момент нижайше испросить ее о любом желании.

— Да все только и ждут такого случая. Сам-то Александр Данилович большую часть всех вотчин получал от царя как награду. Умел показать свои заслуги. Да хошь и твой отец. Экое поместье получил в тульской стороне. А все оттого, что испросил вовремя.

Мог ли знать старый холостяк, что в это время тво-

рилось в душе племянника: он мог обратиться к императрице только с одной просьбой — просить ее помощи на брак с княжной Меншиковой! Все остальное для него не имело никакого значения. Но разве это было возможно?

— Любопытно узнать, куда с такой тщательностью собирается князь Федор? — открывая перламутровую табакерку с нюхательным табаком, спросил фельд-маршал.

— На ужин к Меншиковым.

— Да быть не может! — воскликнул старик с восторгом, одобрительно хлопнув племянника по плечу.

От ветра вдруг зазвенело в одной из оконных рам стекло, распахнулась форточка, взлетела к потолку портьера. Неторопливой походкой дядюшка подошел к окну, прикрыл форточку и, потирая ладони, уселся возле изразцового камина, сдерживая улыбку.

— Сказывали, будто светлейший князь ноне крепко хворал. Кровь горлом шла. А вчера поглядел, так он еще сокол соколом, слава Богу.— Взглянув на слугу, он словно спохватился: — Запомятовал. Василий Васильевич Голицын вчера предложил поиграть в шахматы. Он после балов изжогой мается, так от соблазнов всегда уезжает к кому-нибудь в шахматы поиграть или в карты.— Ну а ты поезжай. Экий бравый,— подмигнул он племяннику, любуясь выправкой и статью молодого офицера.

Через полчаса карета молодого князя подкатила к меншиковскому дворцу. Поднимаясь по мраморным ступеням парадной лестницы, князь Федор подумал вдруг, что по этим самым ступеням ходил и Петр Алексеевич. Он даже приостановился.

Вдруг кто-то окликнул его по имени. К нему направлялся Петр Шувалов, хрупкий с виду юноша с очень красивым лицом. Он приехал во дворец Меншикова по своим амурным делам и не скрывал этого.

— Прости, не мог вчера на балу поздравить,— подавая руку, произнес он.— Наслышан, наслышан о тебе! Прими поздравления.— Они шумно вошли в вестибюль, обратив на себя внимание присутствующих. Встреча с Шуваловым и в самом деле была спасительной: перед ними стоял граф Сапега в окружении незнакомых молодых людей.

— О, шляхтичи уже тут! — с нескрываемым пренебрежением сказал Петр и перевел взгляд на лестницу, по которой со второго этажа спускались фрейлины, одна из которых и была возлюбленной Шувалова — внучка графа Чернышова, Аннушка.

В дверях появился новый гость — человек очень высокого роста, статный, с седыми волосами до плеч, в длинной рясе, с крестом на груди; рука его покоилась на рогатом посохе черного дерева. На вошедшего сразу все обратили внимание. Поклонившись по сторонам знакомым и незнакомым, он степенно пошел в глубь зала.

— Брукенталь, Брукенталь, — зашушукались по углам: этот человек не был частым гостем в столице.

Все это время князь Федор с пристрастием рассматривал жениха Марии — графа Сапегу. «Ничего особенного: жирен, весь лоснится. Глаза навывкат», — но тут же уличил себя в предвзятости: не стой между ними княжна Мария, он непременно отметил бы не только недостатки Сапегу.

— Пойдем в зал, — позвал Шувалов Федора, увидев в дверях полноватого мужчину с сонными глазами под тяжелыми веками и в роскошном парике с большими буклями. Это был Остерман. — Не хочу кланяться этому блюдолизу. Скоро на царский трон вскарабкается: пластом стелется перед всеми! Ну хоть бы перед стариками — из-за уважения, а то и перед такими, как я, готов ползать! И ведь всем нравится, а того не уразумеют: кто ползает да руки лижет, тот полон злобы. Наши перед ним бисер рассыпают, а он уже стал членом Тайного совета. Все секреты говорятся при нем. Простофилей притворяется. Глянь-ка, с карлицей забавляется.

И в самом деле, возле ног Остермана, как крохотная болонка, вертелась рыжеволосая, ростом с локоток, карлица. Федор, встретившись с ней взглядом, испытал неловкость. В зале играла музыка, и вся обстановка располагала к отдыху: в нишах и углублениях зала стояли уютные диваны, кресла, пуфы.

— Погляди, — вдруг зашептал Шувалов. — Княжна Мария! Да что я говорю, весь Петербург гудит о вашем танце на балу. Прелестна, правда?

Князю Федору уже было все равно, что говорил Шувалов. Музыка смолкла, разговоры оборвались. В зал

вошел Александр Данилович с княгиней и молодой княжной. На нем был бархатный кафтан темно-зеленого цвета с красными обшлагами, поверх которого через плечо — лента пунцового бархата со звездой и орденами. Правая рука его, унизанная дорогими перстнями, касалась плеча дочери. Мария не вошла, а влетела в зал. Это было заметно по легкому шарфу, накинутому на парчовое розовое платье, расшитое кружевами. Казалось, что князь хотел удержать дочь. Но это только казалось. В роскошных распущенных волосах ее сияли бриллианты и жемчужные нити. В ее взгляде была трогательная кротость, которая придавала ее лицу очарование.

Князь Федор обернулся на Сапегу. Тот, ощупав пуговицы на кафтане, торопливо провел ладонями по густым черным волосам. Это длилось мгновение, но князь Федор заметил дрогнувшую жилку на лице шляхтича. Когда же Сапега подошел к Марии и, взяв ее руку, поднес к губам, из-под ног князя Федора, казалось, стал уходить пол.

Княжна освободила руку и, не одарив графа ни малейшим вниманием, пошла, окруженная свитой, вместе с Дарьей Михайловной в глубь зала.

— Шаслив, шаслив видеть, — не отставал от княжны граф, стремясь скрыть от окружающих явное равнодушие к нему Марии. Он сделал попытку придержать ее за локоть, но почувствовал, как девушка напряженно отдернулась.

В это время тетушка Варвара Михайловна принимала знаки внимания монаха Брукенталья. Лицо ее буквально светилось улыбкой. Она позволила себе поправить на его груди крест, убрала с рукава пушинку. Брукенталь же поглядывал на горбунью с высоты своего роста и, казалось, готов был погладить ее по голове, как ребенка. А ведь эту усохшую с годами всезнающую светскую львицу покойный государь Петр Алексеевич когда-то называл «гром-бабой».

Огромные столы следующего зала были накрыты сарпинковыми скатертями, уставлены яствами, но мало кто торопился занять места.

— Это та крохотная малютка, которая каталась на моей спине? — спросил Брукенталь, кланяясь и целуя руку княжне Марии.

— Она, наша доченька,— поторопилась ответить пышно разодетая Дарья Михайловна.— Время быстро летит! Невеста.

— Да-да, невеста,— взглянув на Сапегу, подтвердил светлейший князь.

И тут княжна, которая в очередной раз отпрянула от графа, неожиданно для присутствующих запротестовала:

— Нет-нет! Это все выдумки!

Наступила неловкая тишина. Дарья Михайловна, все утро живя в предчувствии какой-то беды, закрыла уши ладонями и чуть было не упала в обморок. Князь Федор оказался возле княгини, и она, встретившись с ним взглядом, в страхе зажмурилась, ожидая чего-то страшного и непоправимого:

И услышала восторженный голос дочери:

— Князь Федор! Где же вы потерялись? Что не подходите к нам? — Она даже протянула к князю руку, в то время как все вокруг онемели от ее вольного поведения.

— Машенька,— спиною чувствуя возмущение графа Сапеги, в бессилии пролепетала Дарья Михайловна.

— О, это наш прославленный герой! — нашелся светлейший князь, сконфуженный неприличной выходкой дочери.— Милости прошу! — Хотя в голове было другое: «Какая нелегкая тебя принесла?! Откуда ты выискался на мою голову?»

Княжна Мария, словно в насмешку над всеми, залилась счастливым смехом.

Побагровевший от негодования граф Сапега стоял посреди зала, сжав кулаки. Казалось, он готов броситься в драку. Нетрудно было понять, как был оскорблен нареченный жених.

— Князь Сапега, вы оставляете нас? — послышался вдруг голос княжны. Это было так неожиданно, что присутствующие боялись посмотреть друг на друга: труднообъяснимое поведение княжны было попросту дерзким.

Светлейший князь, на глазах которого все это происходило, не нашел ничего лучшего, как поднять голову вверх, где крепостной Панкрат Лебедев давно держал наготове дирижерскую палочку. Полилась веселая музыка...

Глава восьмая

Светлейший князь заболел. Домашний доктор Иоганн старался изо всех сил: каждое утро «пуцал кровь», но облегчение не приходило.

— Душа болит,— пожаловался он Дарье Михайловне, сидевшей возле его постели.

— Боже милостивый,— вырвалось у нее.— Душу-то только Бог вылечит.

— Сама знаешь, молюсь. Отец Родион по два раза на дню бывает, а все не легчает.

— Неумно надо,— несмело сказала княгиня.

— И тебе, Дарья Михайловна, тоже надо бы!

Она вспыхнула, с жаром вымолвив:

— Надо, надо, любезный Александр Данилович. Еще как надо!

Не называя имен графа Сапеги, дочери и князя Федора, они думали об одном и том же, переживали случившееся. Он посмотрел на Дарью Михайловну, одетую по-домашнему в распашницу из византийской тафты с широкими рукавами, на кружевной чепец, и лицо ее вдруг показалось князю совсем некрасивым, бледным, одутловатым, с опухшими, покрасневшими глазами. Он понимал ее состояние, верил, что в случившемся нет ее вины, и надо быть совсем бессердечным, чтобы требовать каких-либо объяснений. Но его удивляло, как княжна могла допустить прилюдно такую вольность и не увидеть в этом ничего предосудительного. И хотя многое объяснялось ее почти детской непосредственностью, светлейший князь видел в этом непокорный нрав Марии.

— Ничего, все переживется,— сказал князь, успокаивая не то себя, не то супругу.

Княгиня тут же встала на колени перед киотом с образами и тускло горевшей лампадкой и стала молиться. Князь не произнес больше ни слова. Из-за гардины выбежала крохотная болонка. Подпрыгнув, очутилась в ногах хозяина, потом, виляя хвостом, подбежала, облизала руки княгини.

— Ладно, ладно, Горошина,— приподнимаясь с колен, сквозь слезы говорила княгиня.— Знаю, что любишь, знаю.— Однако она не могла уйти из спальни, не повинившись.— Не усмотрела, Александр Данилович,

не усмотрела, — сложив на груди руки, запричитала Дарья Михайловна.

Александр Данилович как бы между прочим спросил:

— Князь бывает у нас?

Дарья Михайловна съежилась, приподняла плечи:

— Каждодневно! — ответила. — Сей день припоздал, так думала, княжна в окно выпрыгнет. — Она могла бы сказать и о том, что в эти минуты Машенька с князем Федором гуляют по парку, но сдержалась. Меншикова будто какая-то сила подбросила с постели. Глаза сверкнули так, как бывало в ранешние времена, во время недобрых разговоров с государем.

— Чтоб духу его тут не было! — крикнул он, зазвенев в колокольчик. Появился камердинер. — Прикажи сию же минуту позвать Марию ко мне. А этого Долгорукого гнать! Не знаю, как еще проморгаюсь перед императрицей. У всех на глазах замурничала! Она не просто княжна! Она дочь Меншикова! Второго лица в государстве.

— Господи, Александр Данилович, годы такие подоспели. Молодость, — попыталась робко вставить Дарья Михайловна.

— Ты-то, Дарья Михайловна, думаешь, о чем молвишь? Вперед нам заглядывать надобно!

— А она сказала, — собравшись с духом и опустив голову, продолжала княгиня, — коли не по ее будет — в монастырь уйдет.

— В монастырь? — закричал Александр Данилович. — Да ведомо ли тебе, что волен я сделать с ней? Какой монастырь? Какие Долгоруковы? Позвать сей же миг стражу.

— Александр Данилович, охладись, — хватая за руки мужа, умоляла княгиня. Но он был глух.

— Где тот Долгоруков?

— В парке с княжной и Варварой Михайловной, — ответила княгиня. Перед глазами ее замелькали искорки, и все вокруг потемнело.

— В парке! И там эта старая сводня? Уж ее-то умение заговаривать зубы мне ведомо. Значит, потекает княжне! Наставляет на ум-разум! Все сговорились творить мне зло? Старая горбунья, не живется ей спокойно, везде сует нос!

— Александр Данилович, не гневайся. Дочь она тебе.

Не ломай все через свое колено. Лаской-то боле сделаешь. Поосторожничай. И без того в мыслях Машеньки отчаяние и предчувствие чего-то недоброго.

Александр Данилович вспотел, от слабости ныло все тело, но возбуждение придало ему силы, и он поднялся. Появившийся в дверях камердинер доложил о приезде канцлера Андрея Ивановича Остермана. Это было неожиданностью для светлейшего князя.

Правда, узнав о его нездоровье, Екатерина уже оказывала знаки внимания: присылала своих врачей, подарки.

«С чем приехал этот хитрец? — удивился светлейший, зная, что приехать только за тем, чтобы навестить Александра Даниловича и справиться о его здоровье, было бы для напыщенного вельможи чрезвычайным поступком. — А ведь в Амстердаме был мичманом на галере! Но после — все возле государя. И в люди вышел», — рассуждал светлейший, приказав одеть себя в нарядный кафтан, напудренный парик. Сев за стол, склонил голову над составленной еще Петром картой с точными обозначениями всех гаваней на Балтике.

— Смотрю, ваша светлость в полном здравии, — расплываясь в улыбке, в комнату вошел Остерман.

— Милости прошу, любезный Андрей Иванович, — через силу вставая со стула, приветствовал Остермана светлейший князь. — Матушке государыне превеликое спасибо — заботой окружила. Знаю, кабы не она, многие бы рожу отворачивали. Меншиков у всех как зубная боль.

Остерман задумался, не зная, как вести разговор со светлейшим, который, судя по всему, был в плохом расположении духа. Он притворно зевнул, попытался поправить полы кафтана и долго ерзал в мягком кресле. С ним, с таким же бесфамильным вельможей, светлейший князь часто разговаривал без обиняков. — Мы с тобою, Андрей Иванович, при сих обстоятельствах оба по каленым углям ходим. И все нам в вину ставиться будет. Всякий промах. Нету рядом заступника, Петра Алексеевича, а чтоб тут крепко на ногах стоять, надобно дело цареву до конца вести. Мне он говаривал: «Помру, ты, Алексашка, мой корабль дострой!» Каково? А у нас все в раззор идет. Тебе, поди-ка, доложено, что я на верфи был?

— Слышал, — ответил Остерман, чем лишний раз подтвердил, что за каждым шагом Меншикова неотступно следят.

— Экое запустение. Хошь бы матроса одного встретил. От того и слег. Кабы государь одним глазом взглянул, всех бы на одной веревке повесил.

— Полно, Александр Данилович, — попытался остановить светлейшего князя Остерман. — Вчера на Тайном совете вели об этом крутой разговор. Потребовали от Михаила Михайловича Голицына полный доклад. А Карлу-Фридриху под строгим наказом запретили обо всем сказывать императрице.

— Для чего утайки? Экую гордость России — флот, великими трудами добытый, пускаем в полную поруху.

— Да до кораблей ли матушке? — поникшим голосом и вытирая кружевным платком слезы, сказал Остерман, радуясь возможности рассказать светлейшему князю о смертельной болезни императрицы. Эту тайну по секрету доверил ему доктор, прибывший из Франции. Припав влажными губами к уху светлейшего, он стал нашептывать обо всем, что знал. Посеревшее лицо Александра Даниловича вскоре побелело и показалось канцлеру безжизненным. Сквозь плотно сжатые губы Меншиков выдохнул:

— Конец! Тогда всему конец!

Слова светлейшего князя утвердили Остермана в мнении о неуверенности Меншикова.

— Чего делать-то будем? Не приведи Бог скорой кончины. Молода же она! — простонал светлейший, не желая допускать мысли о смерти Екатерины.

— Докторов иностранных полон дворец, — ответил Остерман, хорошо понимая, что Александра Даниловича интересуют не доктора. Он и без Остермана мог представить, сколько разного воронья закружило возле постели больной императрицы. — Долгоруковы вот... — начал было канцлер.

— К черту Долгоруковых! Близ государыни не пущать. Обхитрить всех надобно. Думай, Остерман! — грубо выкрикнул Александр Данилович. И было что-то пугающее во всем его облике. — Думай!

— Но ведь у императрицы только дочери и те внебрачные, — ответил канцлер, давая понять светлейшему

князю, что голова его уже занята мыслями о преемнике престола.

— Думай, Остерман! — готовый схватить Остермана за грудки, требовал князь. У гостя от волнения и неожиданного с ним обращения пересохло в горле. Он уже был не рад, что поделился с князем строжайшей тайной, хотя и понимал, что сделать это было необходимо для своего же спасения.

В ту минуту, когда Меншиков намеревался выкрикнуть что-то еще, канцлер успел взглянуть на него исподлобья. И заговорил сам да с такой быстротой, что трудно было что-то разобрать в смеси русского с немецким слов. Из слов Остермана понятно было только одно: во дворец на прием к императрице приходил старший Сапега.

— Сапега?! — крикнул в лицо канцлеру светлейший князь. — Да плевать мы хотели на него! Понял? Плевать! Только эти мои слова ты до поры до времени не слышал! Понял? А коли сболтнешь — пеняй на себя!

— Боже упаси, — без тени лицемерия прошептал Остерман, и губы его задрожали. Все происшедшее сейчас в какие-то недолгие минуты вернуло его в бурную петровскую жизнь. И он как будто из забытого далека встретился с тем Меншиковым, для которого не было никаких преград, кроме воли любимого государя.

От перенапряжения в голове Андрея Ивановича стоял шум, пропало всякое желание разговаривать, и в ушах звенело: «Думай, Остерман! Думай, Остерман!» Он не успел пожаловаться на свою подагру, на множество свалившихся в канцелярии дел. Он отяжелел и не смог подняться с кресла. Вошедшие в кабинет слуги помогли ему. Александр Данилович, поддерживая Остермана под локоть, пошел проводить его до дверей.

Прощался же с Александром Даниловичем растроганно, нежно целуя в щеки. Но стоило ему взобраться в карету и расположиться на бархатных подушках, как в злобе перекосилось его лицо. Он понимал, что Меншиков задумал что-то. Армия и сила на его стороне. «Крепись, Генрих Иоганн Фридрих!» — уговаривал он себя, веря в свою звезду, какую нашел в этой дикой стране.

Светлейший князь долго не отходил от окна. Проводил взглядом карету, за которой сзади скакал отряд

драгунов. «Хитер и умен, но и мы не лыком шиты,— думал он о канцлере.— Пожалуй, его и определю пестуном при малолетнем Петре — родном внуке государя.— Подумав, светлейший князь испугался собственных мыслей. Сделать так — значило творить заговор против своих союзников Апраксина, Бутурлина, Толстого, Голицына, мечтавших отдать корону Петровым дочерям — Анне или Елизавете.— Ничего, Бог не выдаст — свинья не съест. Память-то, поди, ни у кого не отшибло. Вспомнят восхождение Екатерины на престол и призадумаются, ежели жизнь дорога».

Тогда ни у кого не было сомнений: только он, Меншиков, возвел императрицу на престол. Не оплошал в самый решительный час. Это он вызвал в столицу Семеновский и Преображенский полки во главе со старым генералом Бутурлиным. Бой барабанов, пальба из пушек, крики «Виват императрица Екатерина!» ввели в страх каждого, кто думал иначе. А вошедший во дворец с офицерами генерал объявил о присяге гвардии августейшей вдове государя.

Светлейшему князю вдруг показалось, что он расслышал смех Марии. Так и есть: по запыленной легкой снежком аллее шли княжна с молодым офицером, а чуть поодаль, размахивая какой-то веточкой в руках, переваливалась с ноги на ногу горбунья Варвара Михайловна. Александр Данилович хмыкнул и, не желая беречь душу домашними неприятностями, пошел в спальню. «Бедная, бедная государыня», — с щемящей болью проронил Александр Данилович. Только теперь, оставшись один, он ужаснулся, представив, что всегдашняя его покровительница, умевшая не только гасить гнев великого государя, но обласкать-утешить каждого, может навсегда осиротить их. «И годков-то не шибко много. А поди-ка, более всего сгораешь ты от своей неумной буйной праздности». Говоря так, светлейший князь вовсе не ставил это в укор. Он просто думал, что печальный конец наступает раньше времени. И ему опять придется ходить по лезвию ножа, чтобы утвердить свое место в императорском дворце.

Глава девятая

Дарья Михайловна жила в тревоге, с трепетом ждала разговора Александра Даниловича с дочерью. Она не могла найти успокоения: мало ли что вздумается светлейшему. «Крут он, больно крут,— думала она.— Ведь не поглядит, что дочь. Уж как его родная сестра Анна Даниловна просила заступничества за своего мужа — Антона Девиера, как убивалась, в ногах валялась, а он на своем настоял: исхлестали мужика кнутием да отправили в дальнюю Якутию, в какое-то Жиганское зимовье. Да разве одного Девиера! Неукротим Александр Данилович. Недругам своим одно сказывает: что вам заказано, то мне сам Бог велел. Только что Остермана проводил — не до Машеньки пока. Андрей-то Иванович с пустыми разговорами не приезжает. И на ужине был — тоже может сомнение взять: по какой причине? Редко у кого канцлер в гостях бывает: все на свою подагру жалуется, а тут явился. И как на грех, при нем Сапегу обидели».

Все смешалось в голове княгини. Не знала, куда себя девать, с кем печальными думами поделиться. Разве только с Варварой. Не желая показываться сестре в расстроенных чувствах, достала из инкрустированного ящика хрустальный пузырек с настоем из валериановых корней, стала отливать в рюмку. Терпкий запах наполнил покой. «Мимо. Опять мимо налила. Плохо видят глазоньки», — ошупывая ладонью столик, думала княгиня, не в первый раз замечая, как при волнении перед глазами появляется темная пелена. В таких случаях она ложилась в постель, велела Глафире делать примочки из крепко заваренного чая. Последние дни она все видела как сквозь туман, но по необъяснимой причине признаваться в своем недуге не хотела. Быть может, оттого, что никто, кроме служанки Глафиры, не замечал этого.

— Проводи-ка до покоев Варвары Михайловны, — сказала княгиня, протягивая холеную руку служанке. — Да погляди-ка, не сбилась ли прическа.

— Все пригоже, — убрав со лба княгини локон, ответила Глафира и несмело добавила: — Только Варвары Михайловны в покоях нету. Она у княжны Марии.

Дарья Михайловна вздохнула, попросила поплескаться

ей на руки ароматной воды, постояла в раздумье.

— Узнай, на месте ли писарь Андрюша Яковлев. Коли он там, тогда...— она не договорила, зная: если писарь на месте, Александр Данилович займется делами и, быть может, забудет о своем намерении разговаривать с княжной, а она уж за это время все обдумает с Варварой Михайловной, как смягчить его гнев.

Глафира вернулась тут же и сказала, что Андрюшка сидит за столом — читает для его светлости надпись на новом гербе.

Дарья Михайловна перекрестилась, зная, какую радость доставляют Александру Даниловичу всевозможные знаки, звания, ордена.

— Теперь надолго, — повеселела княгиня, — тогда пойдем.

Но в коридоре показался высоченного роста камердинер, который с учтивым поклоном сообщил княгине, что его светлость просят к нему пожаловать. Дарья Михайловна оказалась в полной растерянности, не зная, на что и подумать. У нее подкосились ноги и опять туманом заволкло глаза. «Боже милостивый, спаси и оборони! Боже милостивый, будь заступником!» — творила она молитву, подходя к кабинету.

— Дарьюшка, — услышала веселый голос светлейшего и даже не поверила собственным ушам. Так давно не называл он ее ласковым именем. — Дарья Михайловна, погляди, каков? Экая символика. Герб семьи Меншикова. Каков? Лев, сжимающий две скрещенные трости, — означает власть. Всадник на белом коне — победу. А этот золотой корабль и оружие на фоне копий — владычество на море и на земле.

— Слов нет, Александр Данилович, ты теперь в большом фаворе, — сказала она, зная, что в такие минуты надо восторгаться вместе с ним.

— Благодарствую, Дарья Михайловна, на добром слове. Да и то помнить тебе надлежит: сей герб фамильный — на веки веков. — Сладко самому Александру Даниловичу от таких слов. Новый герб с символом владычества на земле и на море! А прежний был с кораблем и пушкой. Посреди щита — черный маленький орел, над щитом — пять шлемов, а щит держат два солдата с мушкетами. Разница не велика, не всякому заметна, а каково! Вспомнился первый архи-

тектор Доменико Трезини, палатных дел мастер Марио Фонтана. Мастера итальянские, а гербы сработаны в Париже!

Меншиков задумался, заменять ли в кабинете кресло, на спинке которого выведено латынью: «Доблесть — путеводительница, счастье — спутник».

— Ах, жаль, отказал в приеме двум послам, даже Федору Матвеевичу Апраксину, давнишнему другу, с которым вместе создавал потешный полк, громил шведов при Гангуте, строил гавани в Таганроге. И все из-за Остермана.— Погляди, Андрюха, не торчит ли кто в коридоре? Не ждет ли приема? Зови!

— В вестибюле, ваша светлость, архиепископ Феофан Прокопович, просит аудиенции.

— Какая ему аудиенция? — грубо ответил Александр Данилович, дав понять, что не желает видеть иезуитского выкормыша, впрочем преданно служившего ему.

Тут светлейший сообразил, что он, однако, может показаться излишне суровым к архиепископу в глазах супруги. Последняя, наряду с прочими знатными дамами двора, мирволила архиепископу-пииту, восхищаясь его ученостью.

Чтобы хоть как-то снять неловкость, Александр Данилович вынул из кармана несколько грецких орехов, неведомо каким образом очутившихся там, показал Дарье Михайловне, пожимая плечами, и пожаловался:

— Откуда что берется.

— В фантики играли, помнишь? Я положила. В другом-то, поди, леденцы?

Меншиков сунул руку в другой карман и, верно, достал пригоршню разноцветных горошин.

— И когда успела? — спросил, улыбнувшись, чем порадовал ее.

— Когда разговаривал с Брукенталем. Токовали, как два глухаря. Не то что орехи да леденцы положить...

— Знаю я, знаю твои проделки, — подмигнул светлейший. Вспомнил, как в былые годы в карманах его всегда находились сюрпризы: то сладости, то безделушки в виде мундштуков и табакерок, а один раз нашел и перстенок с зеленым камнем!

— Вот он, твой-то сюрпризик, — протянул он правую руку. — Помнишь? Тоже в кармане нашел.

— Носи на добрую память, — сказала Дарья Михайловна.

Вновь вошедший камердинер объявил, что приема просит боярин Прохор Медведев.

— И еще боярин? Назвался Прохором Медведевым? Зови боярина. Так и представился, каналья?

— Так. Токо добавил: с Поморья, — доложил камердинер.

Светлейший раскурил набитый слугою чубук, посопел, попыхтел, пропуская дым через ноздри.

— Однако с берегов Белого моря, — сказал, призадумавшись.

Среди свои обширных владений в России, а также в Малороссии, Польше, Пруссии, Прибалтике, Австрии Меншиков особенно ценил Поморье, его рыбные промыслы и рудники. Он один знал, сколько оттуда казне прибыли идет, сколько в мощну светлейшего князя. Вспомнил, как по этому поводу высказался когда-то генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский: «Мы все воруем, только один больше и приметнее, чем другой», имея в виду выводы комиссии во главе с Василием Владимировичем Долгоруковым, который вскрыл вопиющие грехи светлейшего. Тогда, к счастью, гроза прошла мимо. «Всю жизнь под ногами эти Долгоруковы!» — подумалось, но как раз в это время широко распахнулась дверь. В проеме остановился здоровенный краснорожий мужчина в охабене зеленого бархата, расшитом по полам жемчугом.

— Защиты прошу, светлейший князь, — завопил боярин, падая на колени. — Пришли Белым морем голландские корабли, и никакой на них нету управы, как хозяева каки! По-русски слова не знают, а толмачей науськивают, чтоб несли им на те корабли меха да икру, бобровую струю да клыки моржей и тюленей. А и того хуже: баб наших хватают и увозят. Воеводе все зубы выбили, в яму спустили и никому подойти не дают.

— Куда глядят гарнизонские чины? Припасов — пороху, свинцу, пушек, пищалей, пистолей — в северную сторону отправлено исправно.

— Про то не нам, боярам, спрашивать. Власти-то

нас лишили, Александр Данилович. А люд сразу нос по ветру пустил, токмо бы зло творить, да куражиться, да плевать в нашу сторону, да надсмехаться. Орут: мол, прошло ваше времечко!

— Да, у кого капитал, тот и господин. Испокон веку так ведется, — сказал светлейший, чувствуя кровную обиду боярина.

— На что он, капитал-то, коли власти нету? Силы нету, и всякий нерусь на нашей земле себя хозяином мнит. При государе-то Петре Алексеевиче за год один-два коча приплывут, погрузят тихохонько и уплывут — лишний раз веслом по воде не хлопнут, а ноне готовы все забрать! Пиши, Александр Данилович, бумагу гарнизону, сам свезу. Вели, чтоб в три шеи гнали чужеземцев. У меня сердце не терпит: болит и болит. Глаза бы не глядели — этак куражатся.

— Садись, Прохор Медведев, — поверив в искренность слов боярина, сказал светлейший. — Садись, охладись. — На глазах боярина-помора блеснули слезы. Он будто враз огруз, ноги согнулись в коленях. Из-под охабенья виднелся кафтан зербарфный с голубыми травами, по нему кушак с кручеными кистями, на концах которых искрились малые яхонты. Видно было, что Прохор много думал о наряде, собираясь в столицу, и знал, что ему к лицу.

— Это мы спроворим! — сухо пообещал светлейший, предполагая, что все это проделки Карла-Фридриха.

— А быть может, то не голландцы, а шведы?

Помор споткнулся на полуслове, широко распахнув голубые глаза.

— Не ведаю! Чужеземцы и есть чужеземцы! По мне, все едино вражина, ежели грабит да ворует. Все едино: защиты приехал просить. Прости меня, Христа ради, за дерзость явиться перед очами твоими. Немало в раздумии был: ехать — не ехать в столицу. Говаривают, что после смерти государя все в распыл пошло. Особливо земля русская.

Александр Данилович пристально глядел на помора. Он показался ему искренним и добрым человеком, какими полна вся окраинная Россия. После столичных передряг и интриг, сплетен и пересудов светлейший князь расслабился душой, тянулся сердцем к бесхитростным людям, каким оказался перед ним Прохор Медведев.

— Сказывали, за таковы речи могу головы решиться. Готов! Дома со всеми попрощался. Кому-то сказывать надо.

— Проверим, с чьего соизволения на вашей земле чужеземцы властвуют. Все поглядим, Прохор Медведев, — сказал светлейший. — Нам не все едино, как живется людям в северной стороне. Знамо, крепка наша земля добрым людом. Через него и богатство множится. Сам-то, поди, зело богат?

Прохор покраснел. Вместо ответа начал теревить серебристую бороду, потом долго тянул правый ус, блуждая взглядом по красивым стенам, обтянутым голландскими гобеленами с роскошными золотыми разводами.

— Не буду Бога гневить. На мой век всего хватит. Ежели не уворуют, то внукам и правнукам достанется. Только ведь можно в одночасье всего лишиться.

— Кто по-другому думает — безумец, — согласился светлейший, понимая, что потребовал от Прохора нелегкого ответа, и снисходительно улыбнулся, когда тот пообещал доставлять в лавки Меншикова икру в бочонках.

Дарья Михайловна не оставила намерения повидаться с дочерью.

— В покоях у княжны певчие, — сказала подошедшая служанка.

Дарья Михайловна приостановилась, закрыла лицо руками. Поступки княжны казались невероятными, и она не знала, как поступить в данную минуту.

— Варвара-то Михайловна там? — спросила княгиня, лелея надежду на светлый и рассудительный ум сестры: она-то, поди, в рассудке. Из-за двери доносились певучие голоса крепостных девушек, своими песнями и прибаутками веселивших хозяев в грустные минуты.

Я по дrolчке ревела,
Все таилася людей,
Всю подушечку смочила,
Сарафанчик до грудей.

Дарья Михайловна легонько постучала в дверь и, не получив ответа, широко распахнула ее. Внезапное появление княгини больше всех смутило Варвару Ми-

хайловну. Спокойно сидевшая на стуле, обитом золоченой кожей, с высокой спинкой, она в замешательстве поджала под себя ноги. И только после взволнованного, радостного возгласа княжны, бросившейся к матери с распростертыми руками, еле перевела дух.

— Маменька, маменька, ты послушай, как поют девушки! — стараясь схватить мать за руку, говорила княжна с восторгом. — И князь Федор в восторге. У них нет таких певучих девушек. Правда, князь Федор?

Варвара Михайловна беззвучно плакала, не зная, куда спрятать глаза, испытывая тревогу за племянницу: она сожалела о том, что нет ни возможностей, ни сил оборонить эти милые существа.

— Дашенька, — потерянном голосом позвала горбунья княгиню, указывая место на мягком диванчике с тонкими резными ножками. Она видела, как побледнела Дарья Михайловна, и догадывалась о предстоящем разговоре со светлейшим князем.

С появлением Дарьи Михайловны певчие девушки смутились, прижались друг к дружке.

— Что же вы, милые? — весело спросила княжна. — Разве кто не станет слушать таких песен? Запевайте новую! — и она сама, хлопая в ладоши, завела:

Трудно, трудно в синем море...

Девушки дружно подхватили:

Мелки камушки собрать,
А трудней у ягодинки
Думу на сердце узнать!

— Маменька, тебе нравится? Может, позвать того парня, который славно на рожке играет?

— Полно, Машенька, — еле слышно ответила Дарья Михайловна, и этого хватило, чтобы княжна встрепенулась, с испугом поглядела на мать, на тетюшку, на князя Федора. Она будто проснулась, очнулась от сладкого сна. «Полно»? — шептали ее губы. И вся она вдруг показалась такой беззащитной, такой беспомощной среди находившихся в зале.

— «Полно»? Как же «полно»? Отчего же «полно»? Князь Федор, неужто полно?

Но Варвара Михайловна уже подала знак певчим девушкам. Согнувшись в поклоне и опустив глаза, те осторожненько, чуть ли не на цыпочках пошли к двери.

— Куда же вы? — закричала княжна, подбегая к матери. — Куда же они?

Дарья Михайловна не в силах была разговаривать с дочерью: перед глазами плавала темная пелена, казалось, свет меркнет и все погружается во тьму.

Глава десятая

Меншикову не хотелось верить, что смерть императрицы предрешена, — с кончиной Екатерины мог прийти и конец его могуществу. Находясь на вершине славы, трудно представить, что такое возможно.

Низкопоклонство, почтение, хвала, восторги по любому поводу — голова идет кругом. Сыт. Слов нет, сыт почестями светлейший князь. А под ногами зыбко. Многим невдомек, а он знает о постоянных судах-пересудах великородных князей, не упускающих случая напомнить, что при дворе вершат судьбы фавориты. Он собственными ушами слышал, как Василий Долгуров обозвал прокурора Ягужинского свинопасом, а значит, и в его огород бросал камушки.

Перед поездкой во дворец Александр Данилович облачился в парчовый мундир, не забыл об Андреевской ленте, прикрепил на грудь портрет императрицы в алмазной рамке. Парикмахеры подкрасили и подстригли усы — на манер умершего государя. Покрыли ногти лаком, примерили несколько париков. Остановились на черном с буклями до плеч, в котором сероватое лицо светлейшего князя имело более страдальческий вид, а взгляд живых пронизательных глаз, всегда смущавший императрицу, был выразительнее.

Рассвет еле-еле брезжил у горизонта. Падал легкий снежок. Широкие липовые аллеи, очищенные от снега, подчеркивали стройную архитектуру парка. Пушистый снег заботливо укрыл цветники, оранжереи, беседки. На мраморные скульптуры, привезенные в свое время из Венеции, будто пряча наготу от ветров и морозов, накинуто легкое снежное покрывало.

Проходя по парку, Александр Данилович вспомнил государя, любившего бывать в его зверинце и птичнике, вспомнил про говорящего попугая по кличке Эзоп.

— Жив ли Эзоп? — спросил шагавшего рядом денщика.

— Токо вчерась всех звал дураками, — ответил Сергей Крылов, добавив: — Сотни лет живут эти птицы. И куда столько?

— Он и государя таким словом называл.

— Знамо. Про то все помнят.

— Позолоченную клетку получил, сделанную по заказу его величества.

Из головы не выходили вкрадчивые слова Остермана, которому было все едино, кто у власти, лишь бы он мог владеть ее тайными нитями. Находясь в тени, он мог хитроумно сплести судьбы: будто бы невзначай, кого оговаривал, кого выгораживал, кого ссылал в Сибирь, кого в застенки Тайной канцелярии. И делал все наверняка. Знал про это Александр Данилович. Знал, а потому и забеспокоился.

Роскошная карета светлейшего уже была переставлена с колес на полозья. Гусары, фореиторы, гайдуки были на своих местах. Он уселся поудобнее, думая, что ехать тотчас же во дворец нет смысла. До самого обеденного часа там бывает полное затишье. Спит государыня, спит и прислуга, дремлет стража. Все в эти часы погружено в полузабытье.

«Поеду вдоль набережной», — решил Александр Данилович и приказал экипажу трогаться. Снега было еще не так много, и карета покачивалась из стороны в сторону. Ее стекла скоро затянуло белесой пеленой инея. Обтерев угол бархатной занавеской, он прижался к стеклу, вглядываясь в фасады величественных зданий.

Смешанное чувство гордости и печали наполняло его душу. Легко ли было быть первым губернатором Санкт-Петербурга? Часто и самому приходилось с топором в руках взбираться на леса. Его красный поношенный кафтан с галунами мелькал повсюду. Умел он нерадивых потаскать за вихры, а то и отхлестать чем ни попадя. Все было во время возведения Северной Пальмиры. Многое и не нравилось, но разве скажешь царю слово поперек? К чему, например, государь дал крепости длинное немецкое название Санкт-Питербурх? Уж до чего нелюбо для русского слуха, а поди-ка скажи!

Вдоль набережной в надвигающемся с Невы бусом

тумане еле виднелись тусклые огни фонарей. Цокот копыт скачущего за каретой отряда драгун отдавался в тишине. Громадные исполины военных укреплений и бастионов то терялись, то вновь появлялись в снежной мгле. Бастионы носили имена лучших слуг государя: Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головкина. Бастион, носивший имя Меншикова, смотрел темными глазницами-бойницами в северную сторону. «Все строилось под моим доглядом», — вздохнул Александр Данилович и вспомнил самый первый бастион, носивший имя царя, — Петровский.

Лишения и невзгоды в строительстве города, нехватка жилья и еды, болезни и мор теперь воспринимались им как Божье наказание; перед глазами вставали обнищавшие, больные, изможденные непомерным трудом русские крестьяне, навсегда оставшиеся на болотистых берегах Невы. Но все это делалось во имя силы и славы государства и не позволяло чувству вины брать верх, хотя по ночам иногда при таких вот воспоминаниях щемило сердце.

Александр Данилович приоткрыл оконце кареты. Сразу же дохнуло морозцем. Навстречу неслась карета шестериком. «Толстой! Куда его в эту рань черти понесли? Не иначе, во дворец! — мелькнула ревнивая мысль. Он прижался к спинке сиденья, не желая быть увиденным, прикрыл оконце. — Туда, туда, ясное дело! Надо опередить». И светлейший распорядился ехать ко дворцу.

По огромным мраморным лестницам он шел не торопясь, не желал принять помощи денщика и даже, наоборот, щеголевато постукивал каблуками. Остановился перед дверьми. Высоченные, как на подбор, лакеи в напудренных париках, синих ливреях, в чулках стояли навтыжку, руки по швам!

Светлейший долго стоял возле зеркала. Денщик тщательно поправил мундир, ленту, портрет императрицы. Оставшись довольным собой, чуть взъерошил усы и направился по золоченой лестнице вверх. По паркету Александр Данилович шел на цыпочках, не желая привлечь ничьего внимания. Но тут отворилась дверь из внутренних покоев, и он лицом к лицу оказался с графом Петром Андреевичем Толстым. «Так и есть — опередил!» — мелькнула мысль.

— Матушке императрице с утра пораньше свои «Метаморфозы» читать изволил?

Граф уловил издевку в словах светлейшего, но будто бы не понял, ответил:

— До виршей ли? — Но чтобы не заставлять светлейшего князя мучиться в догадках, по какой причине он просил у Екатерины аудиенции, шепотом сказал: — Про царевну Елизавету сказывал. Вчера с этим французом Лестоком до того машкерачничали, до того наряжались, что холопы ее заместо простой девки в хлев утащили, щупали да бургундским вином так напоили, что она не знала, где земля, где небо!

— Нашел чем матушку удивить. Будто тебе неведомо.— Светлейший князь с циничной откровенностью напомнил графу, что сама-то Катенька побывала не в одних руках.

— «Так шелат Лизавет»,— всплеснул руками граф, передавая ответ императрицы.— «Так шелат». Наследника царского нет, а она вся в кутежах. Девочек-то, кои с ней были, выпороли, что плохо глядели, не увещевали царевну. А хоть всех запори. Экая гулеванка.

— О наследнике престола забота берет? При полном-то здравии императрицы? — лицемерно удивился светлейший.

— Все, все под Богом ходим,— ответил граф.— Кто, кроме нас, думать должен? И так немчура весь двор заполонила.

— Сама-то как? — спросил графа Александр Данилович.

— Видать, кукутся. Сам-то ее не видел — не вышла из опочивальни, а спальник передал. С глазу-то на глаз всякий разговор толк имеет, а что передано — напрасно. Спальник-то, лучший друг Лестока, зря оговаривать не будет.— Он махнул рукой.

Если бы это говорил не граф Толстой, Александр Данилович не придал бы этому значения. Но если этот хитроумный муж, дипломат, пользовавшийся особым доверием государя, ревностно оберегающий царственный трон, решился пойти к императрице с таким разговором, значит, что-то очень важное побудило его. «Хитер, всегда камень за пазухой имеет»,— думал светлейший, вспоминая рассуждения самого графа: «В высшей фортуне жить — как по стеклянному полу ходить».

Ни Толстому, ни Меншикову еще и в голову не могло прийти, что вскорости не на жизнь, а на смерть скрестятся их судьбы. В борьбе за власть светлейший князь объявит графа изменником и клятвопреступником, лишит богатства и всех чинов, отправит в Соловецкий монастырь, сгноит в земляной яме.

Это будет, а пока, раскланявшись, они расстались.

— Танилыч, свет мой! — императрица, услышав голос князя, залилась слезами. Она лежала в постели, накрывшись пуховым одеялом, и держала руку на ноющем животе, как делала раньше, когда жила ожиданием новой, носимой в чреве жизни. Она любила тот миг, когда Петр в радости одаривал ее страстными ласками, с сумасшедшим восторгом клялся в вечной любви. Но теперь она мучилась от нестерпимой боли. — Будто каленые укли, — жаловалась Екатерина, и на лице ее, бледном, с бескровными губами, появилась страдальческая гримаса. На какое-то мгновение она затаила дыхание, прикусила ровными белыми зубами нижнюю губу, издала протяжный стон.

— Матушка! — упав на колени возле постели и покрывая поцелуями ее руки, взмолился Александр Данилович. — Бог с тобой, покровительница, заступница. Где там лекарь Лесток?!

— Не надо Лесток, — с трудом приоткрыла она бледные губы и провела ладонью по влажному лбу. Александр Данилович вытер слезы, спрятал платок в карман, подыскивая подходящие слова, но, кроме «Ох ты, Боже мой!», ничего не приходило на ум. Он был в растерянности: кто-кто, а уж он искренне желал долгого здравия Екатерине, готов был служить ей и служил верой и правдой. Нет в этом сомнения у императрицы. — Всех ближе ты мне, Танилыч. Тебе все сказать туша шелат, — положив свою руку на руку князя, сказала Екатерина.

— Сохрани и обереги тебя Господь на долгие лета, — поспешно встал с колен князь.

Выкрашенные в жгучий черный цвет волосы Екатерины рассыпались по спине и плечам, придавая ее белому лицу бывшее очарование. В прорези пеньюара мелькнула белая грудь. И если бы глаза ее не были затуманены болью, в ней можно было бы узнать бесшабашную девицу Марту Скавронскую. И все-таки

Александр Данилович не устоял: убрав локон, он поцеловал императрицу в голое плечо.

— Танилыч, — простонала Екатерина и остановилась на полуслове.

— Что, матушка? Говори. Сказать что-то хотела?

— Помирать не кочу!

— Помирать? Да нам еще жить да жить надо! Про какую смерть заговорила? — уткнулся лицом в край одеяла светлейший князь.

Не один раз доводилось видеть Екатерине рыдающего князя. Не раз валялся у ног государя, прося прощения за какое-нибудь плутовство или «недогляд». Не раз целовал подол платья государыни, прося заступничества, но никогда она не видела его таким страдающим.

— Катенька! — сказал он вдруг.

Екатерина еще не знала, о чем станет просить ее князь, но поняла, что тот собрался о чем-то просить, и знала, что не откажет ему. Но ей так не хотелось в эти минуты, полные доверительного откровения, решать какие-либо дела. Пусть самые мелкие, самые пустяковые.

— Сверобой кочу! — перебила его Екатерина, чем ввела Александра Даниловича в замешательство. Он позвонил в колокольчик.

— Может, винца? Кабы хуже не было.

— Сверобой кочу!

Спальник скрылся за дверью. Они обменялись взглядами. Александр Данилович улыбнулся с сочувствием или, вернее сказать, с предосторожностью, боясь и в самом деле навредить ее здоровью. Но раздумывать долго не пришлось: дверь приоткрылась. На зóлоченом блюде стоял сосуд с царским гербом, наполненный настойкой янтарного цвета, две рюмочки и несколько бутербродов с икрой и кусочками лимона.

— Наплетут эти доктора. Их только слушай!

— Сама знаю, Танилыч, — Екатерина, потупив глаза, отбросила ногой край одеяла. Ноги Екатерины походили на надутые бычьи пузыри.

— Господи, — не удержался светлейший, — да давно ли в свете была?

— Все через силу, Танилыч. Все через силу.

— Да ведь мы с тобой вдвоем остались, одной веревочкой свиты. Как одна порвется — и другая не-

надолго протянет! Матушка Катенька, государыня великодержавная! — взяв в свои ладони ее руки, говорил он и умоляюще смотрел на императрицу. — Я без страха, без жалости отдам свою жизнь. Я познал премного радостей в ней, знаю, что будет после. Надо ли жить дальше, где все, что создавалось великим трудом, будет разорено. Ты сама знаешь, какая идет драка за власть. Всем, всем плевать на Россию.

— Не надо, Танилыч, — остановила его императрица: ей больно было слушать, что многое, сделанное государем, пущено на самотек. — Много было у Петруши врагов.

— Об этом и говорю, матушка. Только теперь и надо крутить их всех в бараний рог, покуда опомниться не успели да еще государевых указов боятся. Властито у тебя, матушка, много. А воронье слабость почувяло.

— Не под силу мне власть тержать, — вздохнула Екатерина, глядя на светлейшего с испугом и жалостью. Лицо его болезненно скривилось. Хотелось поторопить, подтолкнуть, так и вертелось на языке: «Ну, сказывай, чего надумала? Приказывай!»

— Штала тебя, — оживилась императрица. Просунув руку под подушку, вынула ключ на золотой цепочке. — Приходи, когда надо. — Это был ключ обер-камергера императора, позволяющий заходить в покои, минуя спальников.

— Благодарствую, — наклонив низко голову, ответил светлейший, истолковывая этот жест императрицы как желание говорить с ним наедине, минуя многочисленные глаза.

Быть может, от рюмки выпитой настойки или от невеселых разговоров и переживаний Екатерина вдруг снова застонала, крупные слезы хлынули из ее глаз. Светлейший князь испугался, зазвенел в колокольчик.

— Господи, спаси и помилуй, — говорил он, глядя на спокойное лицо француза Армана Лестока, по всей видимости привыкшего к подобным приступам Екатерины. Налив в рюмочку какой-то жидкости, лекарь проворно и, как показалось Александру Даниловичу, безжалостно надавил на щеки страдальце и в образовавшуюся щель меж стиснутых зубов вылил содержимое.

Светлейший переводил взгляд то на лекаря, то на

императрицу, которая показалась ему до того беззащитной и беспомощной, что видеть это было выше его сил.

— Ну, ты! — закричал Меншиков, отталкивая от постели лекаря. — Али заместо тебя некому боле подходить к матушке императрице? Экая на твоей роже брезгливость! — Гнев светлейшего был таким откровенным, а неприязнь такой очевидной, что Лесток, этот холеный педант, побледнел и не нашелся что ответить светлейшему, который тут же распорядился позвать к императрице своего лекаря, немца Шульца, и шереметьевского доктора Браса.

— Не дозволено сие Андреем Ивановичем, — проговорил чуть слышно француз.

— Кем? С коих это пор секретари и писари стали ведать здоровьем царской семьи? Пшол вон! «Ты и за Лизаветой волочишься с умыслом!» — подумал, но не сказал, боясь в гневе проговориться.

Приступ понемногу проходил: судороги, стягивающие руки и ноги, ослабевали. На краешке губ показалась полоска желтоватой слюны, дыхание стало легким.

— Экий простофиля, — корил себя светлейший князь за недогляд, за то, что здоровье императрицы было отдано на попечительство канцлера Остермана! «Да он, поди-ка, и довел матушку до этакой болезни, а теперь, почуяв кончину, струсил».

Императрица Екатерина вскоре после смерти государя почувствовала недомогание. Вначале все списывалось на ее безутешное горе и страдания. Но никому и в голову не приходило, что она смертельно заболела. Пиршества и гуляния, которые она так любила, перестали приносить ей радость. К тому же Екатерина старалась скрывать свою болезнь. Больше всего ее об этом просил любезнейший Андрей Иванович Остерман.

Остерман? — вздрогнул Александр Данилович, явственно ощущая над собой угрозу, исходящую от этого человека. Но все тут же прошло, когда в покоях появился доктор Шульц, седовласый старик с очень прямой спиной и высоко поднятой головой.

— Иоганн, — только и сказал светлейший князь своему доктору, и этого хватило, чтобы тот, перекрестившись, подошел к больной. С этой минуты Александр Данилович решил, что возле Екатерины будут только

преданные государю люди.— Пригласить к императрице, как только полегчает, монаха Брукенталя,— отдал распоряжение.— Да-да, прибывшего из Германии монаха! Сподвижника государя, его генерал-адъютанта. Да-да, государыне будет радостно видеть этого человека,— сказал Александр Данилович, наклонившись над Екатериной, на лице которой выступил нездоровый румянец.

— Матушка, ты слышишь меня? Брукенталя к тебе позвал. Знаю, любила его за кротость, за веселый нрав. Помнишь, как в Риге он елку наряжал да сам же в образе медведя явился, на спине государя катал? Помнишь? — светлейший хотел не только развлечь Екатерину, но и показать всем, что ничего особого не произошло. Мало ли что случается с человеком. Заметив, что Екатерина слышит и понимает его, нашел в себе силы — засмеялся: — Жди Брукенталя, а я под вечер навещу тебя!

Выйдя из покоев, он хотел было передохнуть, снять с себя напряжение, но увидел разгуливающего по залу Василия Лукича Долгорукова. «Воронье! — отметил Александр Данилович, хотя и слегка поклонившись ему со сдержанной улыбкой.— Побывать бы в их головах под напудренными париками. Выведать мысли, а то все как в потемках», — думал Александр Данилович, поспешно отправляясь в канцелярию.

Писари сидели за своими столами, скрипели перьями, шуршали листами бумаги, аккуратно рассылали по российским землям царские указы. Светлейшего приветствовали стоя.

— Позовите ко мне канцлера,— усевшись за стол, сказал Меншиков.

Остерман не заставил себя долго ждать, вошел в кабинет тихо, плотно прикрыв за собою дверь, с минуту постоял, держась за косяк. Он исподлобья наблюдал за Александром Даниловичем.

— Опять подагра мучает? — не то с издевкой, не то с сочувствием спросил светлейший. Андрей Иванович не уловил интонации князя и не знал, как отреагировать.

— С сего часу,— не поднимая от стола наклоненной головы, сухо сказал Александр Данилович,— быть тебе главным и единственным пестуном внука нашего государя — малолетнего Петра.

Остерман закашлялся от неожиданности, прикрывая ладонью рот. Он понял: Меншиков вступает в смертельную схватку с родовыми фамилиями.

— Будешь верен, — сухо сказал светлейший, — награжу, одарю щедрее государя. Прознаю: творишь проказу — не сносить башки!

Остерман вздрогнул, но не напугался, как бывало раньше. Какой-то внутренний голос подсказывал ему: непрочна власть Меншикова! Всю жизнь виляя между враждующими группами двора, он знал все тонкости придворных интриг. Но сказал смиренно:

— Все в вашей власти, светлейший князь.

Глава одиннадцатая

Удручающее чувство растерянности одолевало светлейшего князя. Он не знал, кому довериться, кого взять в сообщники, чтобы не проиграть на новом крутом повороте судьбы. «Куда ни кинь — везде клин, — думал он, лучше других зная глубину и причину противоборства при дворе, и понимал, что ему, Александру Даниловичу Меншикову, не найдется места в этом клубке династических сплетений. — Только на самого себя, только на самого себя, только на самого себя!» — снимая бархатный шлафор, думал он, ложась в постель.

Дарья Михайловна, казалось, уже давно сладко спала, положив ладонь под правую щеку. Так ей было удобно: часто, чуть приоткрыв глаза, она сквозь опущенные ресницы подолгу смотрела на мужа. На осунувшемся, посеревшем лице супруга от постоянного кровохарканья чаще, чем когда-либо, на лбу появлялись глубокие складки, которые, впрочем, тут же терялись, стоило ему только глубоко вздохнуть. Или вдруг ей виделась исковерканная улыбка на губах или шевеление желваков. Однажды ей даже показалось, что он нарочно строит гримасы.

Напрасно думал Александр Данилович, что Дарья Михайловна спит. Вот и сейчас стоило ему по привычке коснуться ее рукой, как услышал:

— Экая глубокая ночь. Караульный уже трижды прошел, — не убирая руку из-под щеки, разнеженно сказала княгиня.

Александр Данилович молчал. Молчание в ночи дает мыслям невообразимый полет. И сейчас каждое лишнее слово мешало светлейшему князю сосредоточиться. От рождавшихся мыслей становилось страшно. Тут был и разговор с Остерманом, и то недоразумение с Сапегой, которое хотелось превратить в шутку, чтобы, как князь часто говаривал, на все плюнуть и забыть! «Экий пуп! — подумал Александр Данилович, громко вздохнув и вспомнив надутого графа. — Да на голову Марии можно положить и не вашу польскую корону!» Подумал и обомлел. С небывалой проворностью схватил Дарью Михайловну в объятия, крепко прижал к себе. От неожиданности та вздрогнула, но ни одним движением не воспротивилась, чувствуя, как стучит его сердце.

— Господи, пособи! — услышала она, чувствуя, как слабеют его руки, тяжелеют плечи и большая седовласая голова медленно поворачивается на подушке. — Молись, Дарьюшка! Молись! — сказал и, горячо поцеловав ее в губы, запрокинул руки под голову, притих, прислушиваясь к своему дыханию.

Дарья Михайловна хотела было напомнить, что по набережной опять идет караульный, но передумала, приоткрыла глаза. В отблеске ночных фонарей между портьерами пробивалась узкая полоска света, но и этого хватило, чтобы увидеть профиль супруга с большим заострившимся носом. Он, конечно, не спал.

Если бы кому-нибудь довелось в эти минуты прочитать меншиковские мысли! Они могли показаться безрассудными, дерзкими, но уже прочно сидели в его сознании: светлейший князь знал, что не свернет со своего. Он задумал возвести дочь на царский престол. Но надо было с чего-то начинать. И главным препятствием перед двором и императрицей была помолвка Марии с графом Сапегой, и был нужен хороший предлог для расторжения брачных обязательств. Был бы предлог!

Ко всему, ему было небезызвестно, что Екатерина в свое время намеревалась обвенчать с Сапегой собственную родную племянницу Софью Скавронскую.

Теперь нужна была только решительность! Только она могла поднять его на вершину. Ведь тогда, при государе, только решительность и бесстрашие выводили его наверх и ставили вровень со многими важными

вельможами. В таких делах он был как в угаре. В таком же угаре, зажмурившись от страха, сбрасывал он с церкви звенящие колокола, грузил и вез их на переплавку для изготовления пушек. Душа трепетала, а делал, потому как государь твердил одно: выручать надо Россию!

Он еще не думал о том, во имя чего собирается претворять свои затеи, грозящие в случае неудачи в лучшем случае виселицей. Слов нет, в первую голову думал он о своей могучей власти. А пока — только не выдать своих намерений. Никому, даже Дарье Михайловне.

Он уснул незаметно, с самыми тяжелыми мыслями, от которых, казалось, невозможно было уснуть. Сон был тяжелый и утомительный: сплетались в один таинственный клубок явь и сновидения, забытые и прозрение.

Проснулся, когда было уже светло. За окном давно пробудилась жизнь: звонили церковные колокола.

И сразу вспомнилось, что с утра хотел ехать к Феофану Прокоповичу. Он-то и снился ночью, когда привиделось что-то страшное про Прутский поход: тогда, в 1711 году, Прокопович сопровождал покойного государя во время большой военной неудачи.

Впрочем, архиепископ часто оказывался подле монарха, особенно тогда, когда занимал сторону Петра в спорах с высшим духовенством, тщетно отстаивавшим первенство духовной власти над светской.

«Ишь, — подумалось светлейшему, — противились ведь как реформам государевым... И Стефан Яворский! И Феофилакт Локатинский! Токмо составлен был Прокоповичем «Духовный регламент», и все разговоры о том, царь-де разоряет христианские законы, поутихли. Прижали языки-то!»

Светлейший никогда особенно не жаловал церковников, хотя и давал себе отчет, что с ними стоит считаться. Тем более с такими, как Феофан Прокопович, на чьи проповеди всегда собирались толпы и чьи стихи — писал-то он как на русском, так на латыни и польском — высоко ценились среди людей просвещенных.

Поехать незамедлительно в Александро-Невский собор к архиепископу Феофану Прокоповичу было, как он считал, делом первостепенным: расторгнуть помолвку

Мари с Сапегой мог только он. Прозванный государем «великим вралем», этот дородный малоросс с жгуче-черными волосами, густыми усами и нагловатой ухмылкой, часто мелькавшей в черных глазах, был горд и надменен. «Еще заартачится, — подумалось мимоходом, но светлейший тут же ответил себе: — Куда он денется? Я поболее о нем грехов ведаю, чем он сам. В крайнем случае посулю земли под Тверью. Пусть подавится. А уж с матушкой...» Нет, не мог Александр Данилович представить, как скажет ей об этом, как у него повернется язык.

Феофан был в соборе и, сам не зная почему, пребывал в ожидании чего-то недоброго. В темном коридоре даже почувствовал чье-то дыхание в затылок, заторопился так, что запнулся о порог. В ушах звучали голоса давно казненных архиереев, а больше всех крик Степана Глебова. Пришлось на ходу творить молитву, ограждать себя от наваждения крестным знаменем.

Запыхавшись, торопливо вошел в свою келью, проход которой был завешен персидским ковром, и принялся облачаться в дорогой архиепископский наряд. Надел на голову шапку, шитую жемчугом, с бриллиантовым малым крестом.

До слуха долетело слаженное пение церковного хора, славившего Христа.

Когда протопоп шепнул ему на ухо о приезде светлейшего князя Александра Даниловича, он не сразу очнулся от своих мыслей. «Не к добру явился», — пронеслось в голове архиепископа. Слов нет, Феофан боялся могущественного Меншикова и пытался понять, зачем тот приехал, зная, что по пустякам тот к нему не приедет.

— Любезнейший Александр Данилович! — прижимая руки к груди, архиепископ склонился в почтительном поклоне и пригласил светлейшего в келью, где пахло ладаном и горело множество свечей. В переднем правом углу кельи от потолка до пола висел иконостас с иконами в золотых оправах. Резное кресло с подушкой-сиденьем из золотого бархата, с ковровым подножием стояло возле стола. На нем часто сидел государь, когда Феофан составлял по его приказу Духовный регламент. Александр Данилович по-хозяйски сел

на это кресло, провел пальцами по торчащим усам, пристально посмотрел в глаза архиепископа и, не долго раздумывая, даже с какой-то легкостью сказал:

— Надобно, любезнейший Феофан, расторгнуть помолвку моей дочери с польским графом Сапегой.— Сказал и сразу же, достав из кармана перламутровую табакерку, принялся поочередно толкать в ноздри табак.

Феофан молча вытаращил удивленные глаза. Он понимал, что сразу же, безропотно соглашаться не следует. Не спуская глаз со светлейшего, он вроде бы отрицательно покачал головой, а побледневшие губы с трудом вытолкнули:

— Прилюдно?

Александр Данилович посмотрел на него благодарно, но добавил с ехидством:

— А как отлучаешь от церкви? Али всех в храм зовешь?

— Более всего так архимандрит Феодосий делал, когда был духовником у покойного государя. Это он говорил: «Не гнушайся бесами. Черт хоть и нехотя, а Богу служит». Я же боюсь.

— Не лицемерь! — рассердился Александр Данилович и напомнил Феофану, как тот советовал царю наказывать заблудших — бить кнутом, рвать ноздри да ссылать в Сибирь.

— Полно, Александр Данилович,— поникшим голосом сказал Феофан. Обхватил голову руками, посидел какое-то время с горькой ухмылкой, кривившей побелевшие губы.— Коли мы с тобой зачнем укорами жить, тогда можно без покаяния закрывать глаза, живьем ложиться в гроб и отправляться в геенну огненную.— Он поднес к губам висевшую на шее панагию и внимательно поглядел на Александра Даниловича.

— То моя забота,— оживившись, ответил светлейший князь, догадавшись о мыслях архиепископа.

— Греха-то сколько берется на душу! Греха-то сколько! — не выдержал Феофан, во взгляде которого появилась неопишуемая печаль, показывающая, что он искренне страдает. Ему приходилось снова нарушать свой обет, данный после кончины царя Петра Алексеевича: жить в согласии с Богом.— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — страстно

взмолился Феофан, упав перед образами на колени.

Рука Меншикова дотронулась до плеча архиепископа: чуть заметным похлопыванием он как бы успокаивал и подбадривал Феофана.

— Я поехал, — сказал архиепископу добродушно. — Грехом больше, грехом меньше. Молись, Феофан. — В его интонациях архиепископ улавливал недосказанность, которую предстояло еще узнать.

Провожал светлейшего князя Феофан словно в забытьи: машинально кланялся, крестил на дорогу, а воротившись в келью, впился глазами в лик Богородицы-заступницы. «Экий неугомонный, — бормотал. — Знамо, на этом дело не кончится. Но где же найти смирение?» Однако понимал, что его бесполезно искать.

В келье была совершенная тишина. Феофан встал, в раздумье обтер платком лоб: идти к клиросу или не идти? Он знал, что только там, при виде многочисленной толпы прихожан, сможет освободиться от назойливых мыслей. Оставшись же один, не в состоянии будет побороть в себе нервное возбуждение.

Меншиков возвращался домой в плохом расположении духа, хотя разговором с архиепископом был доволен. Мало сказать — доволен, сумел-таки свалить одну из своих забот на плечи другого. Покачиваясь в мягких подушках кареты, обдумывал дальнейшие действия.

Мысли о Феофане сразу отпали и забылись, потому что не было никакого сомнения в скором расторжении помолвки Марии с графом Сапегой. «Кажись, Сапега был не очень люб княжне», — подумал князь, но именно эта мысль и была причиной его плохого настроения. Он и не ожидал сопротивления со стороны дочери его желанию расторгнуть помолвку, но все-таки объяснение с ней должно было состояться. «Да куда она денется? Для ее же блага стараюсь. Одеть на голову царскую корону! Мыслит ли кто такое? Быть государыней такого государства! — от этих мыслей на него напал озноб, необъяснимая тревога вызывала приступ легкой лихорадки. — Под носом-то у себя все уладить надо», — медленно вылезая из кареты, подумал Александр Данилович и посожалел, что такое деликатное дело нельзя никому доверить.

Внезапно до слуха его донеслись оживленные голоса.

Приостановившись, узнал смех княжны. По парку шла Мария с Долгоруковым. Они были так увлечены разговором, что не замечали никого вокруг. «О чем они говорят?» — задал себе несуразный вопрос светлейший, совсем не допуская мысли, что дочь его уже вышла из того возраста, когда безоглядно и покорно слушают наставления учителей, матушки. Впрочем, она и раньше если с кем и считалась, то только с тетушкой Варварой Михайловной. Старая горбунья умела давать спокойные и рассудительные советы, которые не вызывали у княжны протеста.

— Ты уж, Варварушка, будь подле Марии, — просила сестру Дарья Михайловна, обеспокоенная чрезмерным увлечением дочери молодым Долгоруковым. — Кабы какой гром не грянул. Александр-то Данилович нам не простит и малой оплошности. Про графа Сапегу не вспоминает, а это ведь не к добру.

Варвара Михайловна молчала. Давно познавшая блеск и шум царского двора, никогда не испытывавшая к себе ответного чувства любви, она, к великому своему счастью, смогла побороть в себе ехидство и злобу, так хорошо уживающиеся в ущербных людях. Откровенность племянницы и радовала, и вызывала опасения.

Глава двенадцатая

Приезжая по делам в канцелярию, светлейший князь решил воспользоваться ключом обер-камергера и, навестив императрицу, поговорить по душам. Он умел это делать, и она с великой радостью принимала его, тайно шепталась, раскрывая кое-какие секреты любовных похождения дочерей. Это ей доставляло большее удовольствие, чем вести разговор о работе Тайного совета, финансах в государстве, крестьянских возмущениях или слушать о поголовном море людей от оспы, свирепствующей в Поволжье.

Войдя в покои, по голосам понял, что кроме постоянной спальни Анны Сергеевны здесь был еще кто-то. Отодвинув портьеру, сквозь узкую полоску увидел сидящую возле постели Елизавету. Она плакала, спрятав лицо в ладони, а Екатерина безмолвно утешала ее,

ласково, по-матерински гладила по голове, то и дело осыпала волосы поцелуями.

— Надоел, — донеслось до слуха Александра Даниловича. — Какой он тут хозяин? Пусть отправляется из России. Вот и Анна плачет: Карл-Фридрих только амурничает.

— Коворить буту, — вздохнув, вполголоса ответила Екатерина, — коворить буту Карлом.

— Плохо говоришь. Не слушает он тебя, маменька. Вчера Анну по лицу ударил. Лесток схватил его за руку, да граф Остерман пригрозил. Не нужна ему Анна, а только нужна наша фамилия!

— Тайном совете коворить буту. Коротить Карлу руки надо. Батюшкиных трузей просить буту.

— Так проси скорее, маменька. Они любят тебя.

— Я ишо шива! Я ишо шива, а все короне руки тянут, — вдруг крикнула Екатерина. — Токо штут смерти!

— Маменька! — бросившись матери на шею, закричала Елизавета. — Маменька, прости. Говорю тебе, боязно мне. Тебе хозяйкой быть надобно. В строгости всех держать.

— Уметь надо, Лизавет, — сказала и повернула голову в сторону потайной двери, в которую вошел Меншиков, чувствуя там чье-то присутствие. Достав из-под подушки платочек, императрица стала вытирать заплаканные глаза дочери. — Токо твой батюшка умел руку крепко тершать. Я не моку: Толстой коворит — верно, Долгоруков коворит — верно, Танилыч коворит — верно. Все коворят — верно, а выходит — неверно. — В словах Екатерины была истинная правда: шатания и разногласия в управлении страной стали усугубляться в связи с нездоровьем императрицы.

О последнем старались не распространяться, тем более что время от времени она появлялась на балах. Да и возраст Екатерины был цветущий. Сорок лет — бабий век, а для правления — самый подходящий: перебродила молодая кровь, прошумели амурные вихри, вылетел хмель бесшабашных и опрометчивых поступков. Но это если человек способен править, Екатерина же только и могла кому милость оказать, кому долг списать, кого землей наделить. А ведь у ног ее была вся Россия.

У Александра Даниловича сильно забилося сердце от

своей нерасторопности и о том, что из уст Елизаветы он услышал подтверждение своим опасениям о намерениях Карла-Фридриха. «Слепец: Лизавета узрела, а я только пути-дороги ищу да кругом хожу. Братъ быка за рога — и делу конец», — подумал так и только собрался было пройти дальше, как прозвенел колокольчик и в покои толпой, с шумом и смехом вбежали карлы и карлицы.

Этих уродцев, свезенных для увеселения и потех дворца, особенно любила царская дочь Елизавета. Когда карлы прыгали, кувыркались, пели и танцевали, она забывала обо всем на свете. Екатерина знала это и, чтобы закончить неприятный разговор с дочерью, вовремя сделала знак Анне Сергеевне, которая сумела быстро распорядиться.

Самая маленькая карлица, ростом едва не с локоть, — на каком-то из торжественных праздников вдруг выскочила из громадного торта, вызвав всеобщий восторг, — сразу же прильнула к груди Елизаветы, щекоча ее шею крохотными пальчиками, дотягивалась до ушей, тоненько попискивая и что-то наговаривая.

Под этот шум, облегченно вздохнув, светлейший князь вышел из покоев императрицы. Пройдя мимо великана часового, увидел в конце коридора увлеченно разговаривавших Карла-Фридриха и Остермана. Сговор! — так и ударило в голову светлейшего. Переборов негодование, направился к ним уверенным шагом. Остерман, словно пойманный с поличным, пугливо отшатнулся, не сумев на этот раз скрыть удивления, а Карл-Фридрих замер на полуслове и поддельно весело засмеялся, стараясь скрыть волнение.

— Как здоровье матушки? — нашелся сразу же Остерман.

— О новостях не ведаю, — сухо ответил Александр Данилович, чтобы не дать повода говорить об императрице. Если бы кто другой увидел сейчас Остермана и Карла-Фридриха, то не сразу бы заметил их взволнованность, но от глаз Александра Даниловича не могло ускользнуть их замешательство — пусть Андрей Иванович и прибегнул к самому проверенному методу своей обычной маскировки: схватившись за грудь, начал громко ахать.

— Из Германии приехала дочь фрейлины Арнгейм,

пожелавшая посмотреть Россию,— чуть слышно прошептал Остерман, стараясь склонить светлейшего князя к придворным делам. Александр Данилович напряг память, вспомнил фрейлину Арнгейм, приставленную к жене царевича Алексея Шарлотте и покинувшую Россию сразу после смерти госпожи с великими проклятиями ее земле и народу.

— Воздадим почести,— в голосе светлейшего звучало столько пренебрежения, что надо было быть полным дураком, чтобы этого не заметить.

Откровенное раздражение светлейшего князя немало напугало Остермана, рассеяло сомнения насчет слабости Меншикова и его боязни вступить в открытую борьбу за укрепление власти. Собственной власти. Остерман понимал, что и Карла-Фридриха жажда власти не оставит до скончания дней, но был вопрос: чьих дней? Горячую, тяжелеющую голову светлейшего князя обуревали такие же мысли. Александр Данилович вздохнул и с облегчением откланялся.

В тряской карете почувствовал себя плохо, но надеялся, что все скоро пройдет, стоит только добраться до постели. А было не до постели: голова действительно шла кругом. Он сел в глубокое кресло с семейным гербом на спинке — при мундире, в ленте и орденах. Лицо его выражало бесконечную усталость.

Не поднимая глаз, он услышал, как вошла в кабинет Мария. И уже по легким шагам почувствовал ее радостное настроение. Он еще не знал, с чего начнет разговор с дочерью, но что разговаривать с ней надо, у него не было сомнения. Не маленький ребенок, а в прошлом году столько уговору было. Да еще этот Долгоруков возле ног путается.

Светлейший смерил дочь взглядом и даже привстал и всплеснул руками, увидев перед собой прелестное, очаровательное создание.

Александр Данилович в задумчивости, медленно подошел к окну и раздвинул портьеру. Дневной свет залил кабинет. На столе под лучами солнца за сверкали золоченые подсвечники, статуэтки, плафоны и люстры цветного хрусталя, письменный прибор.

— Какая ты взрослая, Мария,— сказал он наконец. На языке светлейшего князя так и вертелось слово

«невеста», но он осекся, не знал, произносить его или повременить: он боялся заводить разговор о своих намерениях, рискуя тут же получить категорический отказ. Он подошел к Марии, обнял ее за плечи, подвел к креслу, обитому золотым бархатом, посадил.

Молчание отца и затянувшаяся пауза насторожили княжну. Распахнутыми голубыми глазами в густых темных ресницах она пристально следила за каждым жестом отца и пришла сама ему на помощь:

— Я не жалею, что нас не посещает граф Сапега. Папенька, не надо нам польских графов. Разве можно сравнить князя Федора с Сапегой? — Она откинулась на спинку кресла, закрыв лицо тонкими ладонями, и говорила еще что-то.

Светлейший князь был поражен таким откровенным признанием дочери в чувствах к князю Долгорукову. Хотелось крикнуть: «Не быть этому!», но вместо этого он поморщился:

— Ты назвала имя молодого офицера? Для чего? — Взгляд Александра Даниловича посуровел.

— Я люблю его, папенька! Разве ты не увидел этого? — с жаром и откровением ответила княжна.

— Опомнись, Мария, — попытался он остановить дочь. — О чем ты говоришь?

— Я не скрываю, папенька. Я хочу, чтобы ты знал.

— Опомнись, Мария, — остановил Меншиков дочь.

Княжна не понимала, что своей откровенностью раздражает отца. По своей неопытности и наивности взяв за истинное, что князь Федор был принародно обласкан отцом и императрицей, она вела себя искренне и просто.

— Папенька, ты мало знаешь князя Федора. До поездки на Кавказ он был в Англии. Учился строить корабли. Он так любит море!

Княжна говорила все это, а сама вновь и вновь уносила мечтою из величественного дворца своего могущественного родителя.

Как бы желала она в эту минуту очутиться в лесной избушке, среди хмурых деревьев, непуганых птиц и в окружении той волшебной тишины, от которой становится жутко. Но все это становится не страшным, когда рядом тот, который способен уберечь тебя ото всех, защитить, спрятать, тот, с кем, доверившись ему, можно вместе умереть в одночасье.

Только так она воспринимала князя Федора, только так сложилась ее вера в него. Непылкие, но искренние признания его в любви не покидали княжну ни на одну минуту: спала ли она, ходила ли, вела ли с кем разговор. Теперь ей уже трудно было представить, как она жила, не зная князя Федора, не видя его глаз, не слыша его дыхания.

— Да-да, папенька, ты мало знаешь князя Федора! — повторяла княжна, и это было уже не бывшее детское желание капризно настоять на своем, а уверенность человека, выбиравшего и сделавшего выбор.

Мария замолчала и посмотрела на отца.

Александр Данилович уже делал над собой усилие, чтобы слушать ее.

— Ты молчишь, папенька? — с удивлением спросила княжна. — Ты молчишь? Отчего же? Я не маленькая девочка, я не Сашенька. Ты сделал меня невестой Сапеги, меня не спросил. Я не люблю, не люблю Сапегу...

Александр Данилович был сражен искренностью дочери: выражение ее лица и тон, каким она говорила с ним, были созвучны ее внутреннему состоянию.

— Разве я говорю вздор? Ты мало думаешь обо мне! — Тут голос княжны дрогнул, но она не заплакала, как ожидал того Александр Данилович. Резко поднявшись с кресла, она крепко вцепилась рукой в спинку. — Знай, папенька. Я раскрыла перед тобой свою душу, — сказала чуть слышно и добавила: — Быть может, и зря. Я ухожу. — Она почтительно поклонилась и быстро вышла из отцовского кабинета.

Ум и сердце ее были заняты одним — скорой встречей с князем Федором. Все остальное не имело для княжны никакого значения.

По коридору, широко размахивая длинными руками, шла Варвара Михайловна. Ей несложно было догадаться о плохом настроении племянницы, но она, как всегда, не стала докучать любопытством, ждала, когда Мария сама доверится ей. Она подставила костлявый локоть, предлагая княжне взять ее под руку.

Выслушав рассказ Марии о посещении кабинета Александра Даниловича, горбунья молчала. Она-то знала светлейшего. «Не может того быть, чтобы он надумал разлучить Машеньку с князем Федором! Не может

того быть!» — лихорадочно пыталась она убедить себя, но это оказалось не так-то легко.

Светлейший князь в свою очередь был обеспокоен разговором с дочерью, но сказал себе твердо: «Никуда не денется».

Был уже вечер. С темного неба смотрели многочисленные звезды. В туманной снежной дымке то терялись, то вновь появлялись дальние огни фонарей. Редкие прохожие горбились, отворачиваясь от резких порывов ветра, метавшегося в закоулках. Карета светлейшего подъехала к царскому дворцу почти одновременно с экипажами императорской фамилии. Веселая толпа молодых людей, путаясь в полах богатых шуб, с шумом и смехом взбегала по мраморным ступеням. Они, казалось, никого не замечали вокруг, увлеченные общим весельем. По визгливому хохоту узнал голос цесаревны Елизаветы. Взятая молодыми людьми под руки, она вдруг вырвалась от них и побежала стремглав, сбросив с плеч легкую соболью шубу. Все побежали за ней наперегонки, весело смеясь, и удрученные швейцары на лету хватали двери.

— Говорят, она прехорошенькая! Твоя мать обожала эту фрейлину Арнгейм,— узнал светлейший по голосу Ивана Долгорукова.

— Так она же ни одного слова по-русски не знает,— с веселым смешком ответил ему другой.

— Да ты приглядишься,— настоятельно сказал Иван.

— Ты думаешь, я совсем слеп? — раздраженно звучал молодой басок, который принадлежал внуку Петра Великого, будущему Петру II.

Светлейший князь пристально провожал взглядом молодого Петра, поднимавшегося по лестнице. В еще неуклюжей его фигуре угадывались дедова стать, походка и жесты до щемящей боли в сердце были знакомы Меншикову. Нет, у Александра Даниловича уже не было никакого сомнения в том, что русским царем, в случае беды с императрицей, станет не кто иной, как внук Петра! «Ишь ты, «прехорошенькая» фрейлина Арнгейм,— застучало в висках светлейшего.— Захотел прехорошенькую немку. Я те покажу «прехорошенькую»!

С появлением в дальнем зале императрицы молодой Петр отвернулся и только после, сделав над

собой усилие, присоединился к аплодисментам. Светлейший не мог за это судить молодого Петра. Столько бед и страданий принесла эта женщина его отцу, лично ему, что трудно измерить и обсказать словами.

Недели две она не показывалась на балах. Для всех — находилась на богомолье и только что вернулась в столицу. На самом же деле Екатерина безвыходно лежала в своих апартаментах, лишь изредка вставая. Вот и сейчас она шла в сопровождении зятя Карла-Фридриха с одной стороны и графа Петра Алексеевича Толстого — с другой. Светлейшего князя аж бросило в пот: все поплыло, закачалось перед глазами. Он почувствовал, как деревенеют ноги.

— Матушка наша! — воскликнул он с таким жаром, что вначале все обернулись. Стремительно опередив других, светлейший оказался возле императрицы и подобострастно припал к холодной руке ее.

— Танилыч, люпесный!

Румяна, покрашенные волосы, пудра скрывали болезненный вид и жалкие гримасы, похожие на улыбку. Меншиков увидел глаза императрицы. Они были бесцветны и смотрели в никуда. В них потерялся блеск и огонь, которыми она некогда сражала наповал своего царственного супруга, повелевала им, на время превращая этого исполина в послушного ребенка.

— Увети меня, Танилыч, — опять услышал он голос императрицы. Екатерина цепко схватилась за руку светлейшего. Все это произошло мгновенно, так что никто, кроме Андрея Ивановича Остермана, невесть как оказавшегося рядом, не успел заметить ее жеста. Еле слышный шепот Екатерины потряс Александра Даниловича, который уловил в нем страх и мольбу о заступничестве.

Звуки музыки спасли светлейшего от яростного гнева. Казалось, еще миг, и он, вопреки всем правилам приличия и предосторожности, схватил бы императрицу на руки и унес в покои, чтобы не видеть ее мучений. Но в торжественном менюэте уже кружились пары, и никому не было дела до того, что происходит с государыней. Приглушенный шепот, шорох парадных платьев, легкое постукивание каблучков по паркету и таинственные вздохи — все смешалось в один гул, позволяющий дать волю мечтам и любовным проказам.

В нескольких дальних ложах потух свет: по всей видимости, нетерпеливые кавалеры уединились с хорошенькими партнершами. В веселье и шуме мало кто обращал на это внимание.

Но не спускал взгляда Андрей Иванович Остерман, казалось, безразлично сидевший на бархатном диване в углубленной ложе зала. Потеряв над собой контроль, он нервно кусал ноготь на указательном пальце. «Уж это-то не упустит случая быть тут как тут», — мелькнула у светлейшего князя мысль, но было не до Остермана. Вне себя был и Карл-Фридрих. От волнения он позабыл все русские слова, пыхтел, как индюк, кружевное жабо дрожало на его тонкой шее. На графа Толстого не глядел: только ему он приписывал перипетии сегодняшнего вечера. Это он, граф Толстой, настойчиво требовал выхода в свет императрицы, потому как разговоры о ее болезни с молниеносной быстротой стали распространяться по столице.

Екатерину уложили в постель. Она тихо стонала и жестами просила всех уйти из спальни. Но никто словно не замечал.

Первым нашелся Александр Данилович. Улучив минуту, припал к руке Екатерины и, не скрывая слез, сказал вкрадчиво-ласково:

— Поправляйся, матушка! Господь Бог поможет тебе. Поправляйся, свет наш.

— Танилыч, люpezный, — услышал в ответ, и крупная слеза покатилаь по щеке Екатерины, вздрогнула и потерялась в лебяжьей подушке, оставив на наволочке едва заметное пятнышко. Именно в эту минуту он заметил скрещенные удивленные взгляды графа Толстого и Карла-Фридриха. «Сговор! Быть может, это моя последняя встреча с Екатериной! — подумал светлейший князь. — Это воронье скоро найдет добычу!» Он еще раз поцеловал Екатерину и тихо вышел из покоев.

Раздумывать не было времени. Теперь он ясно видел свое спасение только в обручении Марии с молодым Петром и знал, что ни перед чем не остановится. Плохо помнил, как его усаживали в карету. Лицо походило на мертвенно-бледную маску, и только глаза, в обычное время не отличавшиеся выразительностью, вдруг засверкали колючими, недобрыми искрами.

— Не пускать! Молодого Долгорукова не пускать! — сказал он страже, стоявшей возле дома.

Глава тринадцатая

Морской ветер трепал поблекшие флаги. Тугие волны бились о берег, покрывали песок белой пеной. Прибрежные чайки кружили возле кораблей, гребных судов, вереек и плотов, орали, заглушая людские голоса. Шла разгрузка голландского корабля. Работный люд, как потревоженные муравьи, сновал по сходням с берега на борт и обратно, взваливая на спины тяжелые кули.

С Петропавловской крепости пушечные выстрелы возвестили о прибытии нового корабля. Князя Федора охватило волнение: он стал вглядываться в морскую даль, хотя и понимал, что невооруженным глазом корабль еще не увидишь. Море для него, как и для многих молодых людей, было вначале мечтой, а позже стало делом. Его, еще маленького мальчика, отец часто брал в Адмиралтейство, ему доводилось бывать и на торжествах в честь спуска новых кораблей. Он своими глазами видел государя, когда тот сам, как простой плотник, с топором в руках лазил под киль судна, глядел, все ли в порядке.

В детском сознании сохранились мельчайшие подробности торжеств. Особо запомнились несмолкающие пушечные залпы, от которых вылетали оконные стекла, вставали на дыбы кони, тучей взмывало испуганное воронье, со зловещим карканьем кружило над крышами домов, над церковными куполами. Запомнились триумфальные ворота с резными картинами. На одной из них — орел, напавший на слона, и надпись: «Орел не мух ловит». Аллегория сия была прозрачна: ведь «Элефант» — значит «слон». Об «Элефанте», самом сильном шведском многопушечном фрегате, в Петербурге знали все. С победой над ним были захвачены в плен девяносто восемь вражеских галер с полным запасом и пятнадцать тысяч десантников. Сам «Элефант» был захвачен русскими вместе с прославленным шведским адмиралом Эреншельдом.

Вот тогда-то и стал бредить морем подросток Федор Долгоруков. С благословения самого генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина отпрыск знатного рода Долгоруковых был направлен на учение морскому делу в Голландию. Около двух лет плавал мо-

лодой офицер по морям, познал капризы Балтики, бывал в чужих странах.

Все изменилось после кончины Петра Алексеевича. В интересах семейного клана Долгоруковых — и в первую очередь по желанию своей матушки — князь Федор был вскорости отправлен на Кавказ. Теперь же, по возвращении, обласканный самой императрицей, он мог бы просить ее милости и вернуться на службу во флот, однако встреча с прекрасной Марией перепутала все планы.

Да и разве мог он рассуждать о каких-то планах? В голове все перепуталось, все подчинилось одной-единственной мысли, одному желанию — быть рядом с Марией, слышать ее голос, ловить кроткий взгляд, любоваться красотой ее волос, тонкого стана, легкими движениями рук, от прикосновения которых он вспыхивал, в любую минуту готовый схватить ее на руки и, не думая ни о чем, целовать ее манящие, никем не тронутые уста. То, что княжна станет его женой, у князя Федора не было сомнения. Но какое-то предчувствие беды нет-нет да посещало князя. И в тревоге, пытаясь охладить ум, он начинал вспоминать образ прекрасной персиянки Альфии, доставленной ему по приказанию генерала Матюшкина по случаю военной победы. Горянка была невиданной красоты: стройна, смугла, с удивительно красивыми длинными волосами, усыпанными золотистыми блестками и дорогими камнями. Стан ее был тонок и гибок, а тело источало манящий аромат и дурманило голову. Она была в меру кротка, в меру смела, а незнание русского языка, как и незнание князем персидского, спасало обоих от любопытных вопросов и объяснений. Альфия была гетерой и могла с большими артистическими способностями покорять молодые сердца. Князь Федор не был исключением. Проведенные с нею вечера принял за награду, ниспосланную ему свыше. Генерал Матюшкин, заметив привязанность молодого офицера к персиянке, настоятельно потребовал немедленно отправиться с докладом в Петербург.

Недели две образ Альфии стоял перед глазами Федора, но, по мере того, как исчезли вдали поднебесные горы, образ горянки постепенно истаивал, будто девушка была частью этого гористого края. И Федор просил ямщика погонять лошадей, радуясь бескрайним далям

русских полей, лесам, перелескам, большим и малым рекам, бедным деревенькам вдоль дорог, пламенным утренним рассветам и вольному ветру, крикам журавлей. Все было любо его сердцу, и даже дождь, теплый, тихий, похожий на слезы.

И вот встреча с Марией в дремучем лесу. Дивная русская фея! Все в ней родное: и цвет глаз, взятый у небес, и голос как шелест трав. И уж если суждено было им встретиться под покровом небес, то путь их вел только к венцу.

Мысли его прервал окрик — к нему бежал высоченный верзила, которого никогда и ни с кем невозможно было бы спутать. Это был капитан голландского корабля Франц Иоганн Мария Руцвук.

— Фьёдор! Фьёдор! — он схватил князя в объятия, ткнулся в щеку влажной бородой, быстро-быстро заговорил. Он даже покраснел от напряжения, подбирая слова. Но Федор понял, что капитан прежде всего интересуется, когда он вернется на флот. Помогая себе жестами, голландец пытался высказать, что хотел.

— Скоро, Франц Иоганн! Скоро. Вот только женюсь!

— Женюсь? Корошо, Фьёдор! — снисходительно вздохнул голландец и опять хлопнул князя по плечу. Оглянувшись по сторонам, он полез рукой за пазуху и вынул из кармана штофик с ромом.

Федор не сумел да и не хотел отказаться и последовал за ним. В капитанской каюте они распили из четырехугольной посудинки, отчего капитан повеселел, да и у князя Федора поднялось настроение. Он утвердительно сказал Францу Иоганну, что вскорости незамедлительно вернется на один из кораблей и даже передал недавний разговор дядюшки фельдмаршала с генерал-адмиралом Федором Матвеевичем, имеющим намерение назначить его капитаном на одно из крупных судов.

— Шенись, Фьёдор, и скорей море! Шена, тети — все корошо, а море... — голландец крепко зажмурился сжал кулаки и крикнул, вкладывая в это свою преданность флоту и влюбленность в морскую стихию.

Когда они снова оказались на мостике, с моря дул пронзительный ветер. Князь поежился и вновь вздрогнул от пушечных выстрелов с Петропавловской крепости.

— Шведский корабль, — сказал Франц Иоганн,

подняв взгляд на поднимающийся флаг.— Штатъ будем? — полюбопытствовал голландец, но Федор торопился. До назначенного часа свидания с Марией оставалось мало времени. Именно сегодня он имел намерение явиться к светлейшему князю и просить руки его дочери.

До меншиковского дворца доехал быстро, бойко взбежал на мраморные ступеньки, по привычке постучал каблуками, отряхая подошвы. Каково же было его удивление, когда придворный стражник преградил ему дорогу.

— Не узнал? — князь Федор чуть было не оттолкнул старика в сторону.

— Не велено пущать вашу милость, — потупил глаза стражник, добавив: — Светлейший князь наказали.

Последние слова ввели князя Федора даже не то что в замешательство — в оцепенение. Он так и замер. Вскоре подошли два унтер-офицера из гвардейского караула и попросили князя следовать за ними.

Уже за оградой парка, усаживаясь в чью-то незнакомую карету, он посмотрел на дворец, отыскивая взглядом окно княжны Марии, — ему показалось, что и там кто-то смотрит, прижавшись к стеклу. Впрочем, он не ошибся. Смотрела Варвара Михайловна.

Тут князь Федор услышал, как за ним щелкнул замок дверцы. И один из унтер-офицеров приказал вознице поторопиться. Повозка тронулась.

Все произошло так быстро и неожиданно, что в первое мгновение князю показалось, что он видит кошмарный сон. «Какой произвол! Так, среди бела дня!» — опомнился князь Федор. У кого хватило дерзости его, представителя знатнейшей фамилии, Долгорукова, героя войны, обласканного вниманием и любовью императрицы, чуть ли не втолкнуть в обшарпанную карету? Князь забарабанил по стенкам и дверцам кареты. Впрочем, никто, похоже, и не собирался обращать на его стук внимание, только кони пустились в галоп. Схватившись за деревянный поручень задрапированной темным дверцы, он попытался сквозь узкую щель догадаться, куда его везут. Сначала не видел ничего, кроме сопровождавших драгунов, что гарцевали на своих рослых конях. Наконец он узнал Ореховый остров и понял, что везут его в сторону Шлиссельбургской крепости.

«Господи, Мария! Что же это такое? Неужели нас разлучают навсегда?» — В полной растерянности он опустился на жесткое сиденье, прикрыл лицо ладонями.

В это время во дворце светлейшего все было тихо и спокойно. Но это только могло показаться со стороны. На самом же деле Варвара Михайловна в полном расстройстве лежала на койке с холодным компрессом на голове и придумывала про себя разные небылицы — на случай, если придется что-то объяснять княжне Марии.

Княжна Мария вошла вскорости, и в ее глазах был нескрываемый испуг. Варвара Михайловна поняла, что не сможет задать племяннице ни одного вопроса. Все выглядело бы лицемерно.

— Испей водицы. Испей, моя голубка! — дрожащим голосом сказала горбунья.

Зубы княжны дробно стучали о край хрустального стакана. Несколько капелек скатилось по бледному подбородку. Тетушка ласково погладила княжну по голове.

В покоях стояла тишина, нарушить которую боялись обе.

— Отчего же князь не пришел? Быть может, с ним что случилось? — спросила наконец тетущку княжна Мария. Варвара Михайловна молчала. Она не знала, что ответить.

— Это, наверное, папенькина злая шутка, сердце чувствует. Жизнь бы отдала, чтоб всю правду узнать.

— Машенька, ведаешь ли ты, что произносят твои уста? — прижав к себе княжну, в испуге спросила Варвара Михайловна и бросилась на колени перед образами. — Иди ко мне, Машенька! — вся дрожа, просила горбунья княжну. — Разве можно душу отдавать? Ведь нечистая-то сила у нас за спиной все время стоит. Только и ждет, когда бы ввести человека в грех. Иди сюда, голубушка. Иди, Машенька. Сними с души греховные мысли. Господи, оборони ее, дитя неразумное! — молилась Варвара Михайловна, не скрывая слез.

— Все люди лживы. Только Господу поверю, а коли и он не услышит меня...

— Княжна! — закричала горбунья, вскакивая с колен. — В церковь пошли! Одевайся!

— Я в монастырь пойду, тетущка! Там стану родительские грехи замаливать. Не я грешна, не мне надо

просить у Бога заступничества, а моим родителям. А более всего — батюшке!

Схватившись руками за голову, Варвара Михайловна не нашла, что ответить на это: порыв княжны Марии был таким искренним и неожиданным, что возражать ей — значило брать на душу еще один грех.

— В церковь пойдём, Машенька! — как можно ласковее сказала Варвара Михайловна. — К маменьке зайдём, Сашеньку возьмём с собой и пойдём все пешочком. На улице оттепель, со стрех слезинки капают.

— Нет. Я буду ждать князя Федора, — потупив взор, чуть слышно сказала княжна, и крупные слезы покатались из ее больших голубых глаз.

Глава четырнадцатая

В этот день Александр Данилович побывал, казалось, всюду: в канцелярии, на заседании Тайного совета, на Монетном дворе, принимал иностранных послов. Он был бодр, быстр и весел. Но так виделось только со стороны. Чувство одиночества и растерянности не покидало его. Казалось, что все в заговоре, все шепчутся за его спиной и стоит ему промешкать, оступиться, сделать неловкий шаг, как полетит он в тартарары. Меншиков понимал, что уже вовсю идет тайная борьба за власть, и высчитывал ходы соперников, как опытный игрок.

Одним из самых серьезных соперников он считал Петра Андреевича Толстого, хотя, кроме великих заслуг перед Отечеством, тот имел и немало уязвимых мест — уж светлейший-то знал об этом не меньше, чем сам граф.

Персона и в самом деле большая, весьма значительная, если иметь в виду нынешний расклад при дворе. П. А. Толстой, в эту пору почтенный старец, когда-то бывший главным распорядителем торжеств на коронации Екатерины после смерти Петра Великого, помог вдовствующей императрице взойти на престол. Только вот было в этой блистательной карьере такое, о чем ему сейчас и вспоминать не хотелось: он начинал с расследования дела царевича Алексея и теперь боялся увидеть на троне сына погибшего.

Впрочем, многие боялись, что, взойдя на престол, сын Алексея призовет к ответу всех, кто повинен в смерти отца. Список же тех, кто поставил свои подписи под смертным приговором, возглавлял Меншиков. За ним следовали Головкин, Апраксин, Толстой, Бутурлин, Шафиров — всего 127 человек.

Вот почему Толстой настаивал: «Надобно уговорить, чтобы ея императорское величество для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елисавету Петровну, или Анну Петровну, или обоих вместе. И тогда так сделается, что ея величеству благонадежнее будет, что дети ее родные». Насчет же внука Петра имел другой план: «Как великий князь научится, тогда можно его за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаются, чтобы между тем могла утвердиться здесь коронация их высочества».

Но Меншиков опередил всех. Пока опытный интриган Толстой мудрил перед единомышленниками, не раскрывал своих подлинных планов, а прощупывал их настроения, Александр Данилович, зажмурившись, пошел напролом. «Где наша не пропадала! Изловчимся и тут!» — подбадривал себя Александр Данилович, понимая, что ставка слишком велика.

К императрице в покои явился под вечер. В глубине спальни горели свечи, пахло воском. Приставил к постели стул, сел со вздохом, всматриваясь в бледное лицо Екатерины. Он знал, что в эти дни в покои императрицы под разными предложениями напрашиваются войти самые высокие вельможи, но она не велит пускать их к себе.

— Матушка наша, — припадая к отяжелевшей руке Екатерины и не скрывая слез, произнес светлейший князь. Поправив подушку, заметил, как затряслась больная.

— Танилыч, колова круком! Колова круком! — услышал он.

— Положись на меня, матушка. Сама знаешь, верой и правдой служил царскому дому, Отечеству. И теперь, пока жив, не допущу ничьего хозяйствования.

— Снаю, снаю, Танилыч. Умеешь ты их в страхе тершать. Терши.

— Петр Андреевич, да Дивер, да Бутурлин двор баламутят. Все про Лопухиных разговор ведут. Доподлинно не ведаю, о чем говорят, а о Лопухиных — истинная правда.

Лицо Екатерины сморщилось, губы скривились: о здравствующей сопернице, первой жене Петра Великого Евдокии Федоровне, она не могла спокойно думать: все-таки бабушка Алексева сына.

— Приложи свою руку к Указу — и всем разговорам придет конец. Указ от твоего имени — и воцарится покой в муравейнике.

Екатерина несколько раз кашлянула и, протяжно застонав, отвернулась лицом к образам, пошевелила губами:

— Тавай.

Проворно вытащив из-под широкого обшлага заготовленные бумаги, светлейший положил их на край столика, приказал Анне Сергеевне зажечь новую свечу и выйти из спальни.

— Как же сесть-то тебе поудобнее, чтоб все разборчиво было написано. Как же сесть-то? Давай, спусти ноженьки, а я подержу за спину. Давай, матушка наша, — захлебываясь от сильного волнения, спешил светлейший князь.

Дело было сделано. Граф Петр Андреевич Толстой — единственный человек, способный свалить его, Меншикова, оказался в преступниках.

В Санкт-Петербурге стало известно, что императрица почувствовала облегчение.

Граф Петр Андреевич к немедленному расследованию своего дела с высоты восьмидесяти прожитых лет отнесся хладнокровно: он еще питал надежду донести императрице о самоуправствах Меншикова.

«Немедля, немедля! — стучало в висках светлейшего князя. — Бутурлина — в ссылку, Ушакова — в полевой полк, Дивера — в Сибирь, Апраксина? Всем найдется место, только подале от столицы! Еще герцог Карл-Фридрих. Кораблей хватит — пусть, не мешкая, отправляется восвояси...»

И вот уже «взяты в учредительный суд бывший тайный советник и кавалер Петр Толстой, генерал Иван Бутурлин, и сказан им арест, и сняты с них кавалерии

святого апостола Андрея и с лентами голубыми и шпаги, Толстой и Бутурлин отданы под караул».

Участь старому графу была уготована наипечальная: учредительный суд предписывал архангелогородскому губернатору Измайлову доставляемых в Архангельск Петра Андреевича Толстого с сыном переправить в Соловецкий монастырь, где — было приказано — «содержать ево, Толстого с сыном, под крепким караулом: писем писать не давать, и никого к ним не допускать, и тайно говорить не велеть, токмо до церкви пущать, за караулом же, и довольствоваться брацкою пищею»...

Зная, что самое страшное позади, Меншиков все еще не мог поверить, что самые ярые его противники уже на пути в ссылку, что в шкатулке, хранившейся в Верховном тайном совете, уже лежал ее, императрицы, тестамент (завещание), в котором она назначала своим наследником Петра Алексеевича и благословляла брак царевича с дочерью Меншикова.

— Машенька с самого утра никому не отворяет и голоса не подает. Плачет. В монастырь грозитя уйти, — в кабинет светлейшего, пряча глаза, вошла Дарья Михайловна, имевшая привычку все, что накопилось, высказывать сразу же. «Все ветки в костер! Все ветки в костер! И пусть все сгорит синим пламенем», — говорила она, когда надо было без утайки рассказать о чем-то Александру Даниловичу. — Отчего-то второй день не приходит князь Федор. Она плачет, винит тебя. И грозитя, грозитя! В тебя ведь она, Александр Данилович. Яблоко от яблони недалеко падает.

— Императрицей станет! — вдруг сказал муж, хлопнув ладонью по инкрустированной крышке стола. Кивнул в сторону двери, добавил: — Поговорить надобно с Марией. Срок подошел. Пойдем, Дарья Михайловна.

Вид у светлейшего князя был бодрый, походка уверенная, будто и не было тех часов, когда размягшее тело искало покоя, а душа была в полном смятении.

Еще вчера вечером генерал Семен Салтыков доложил, что все исполнено и указанная Меншиковым персона доставлена под строгий надзор в крепость.

Генерал не упоминал ни фамилии, ни чина доставленного в крепость молодого офицера. Им был князь Федор Долгоруков.

— Я ей покажу «уйду в монастырь». Я покажу,— бурчал светлейший, стремительно вышагивая по ковровым дорожкам.

— Поосторожничай, Александр Данилович,— у покоев дочери княгиня схватила супруга за руку, взмолилась: — Не шуми.

Александр Данилович остановился, оглядываясь: вокруг уже стояли Варвара Михайловна и перепуганная прислуга. В глазах Александра Даниловича зарябило, но он постарался, чтобы охватившее его вдруг волнение осталось незамеченным, даже хохотнул, передернув плечами. Все молча переглянулись.

— Машенька-а-а,— припала к двери Дарья Михайловна.

— Машенька, ты слышишь меня? — в глазах Александра Даниловича вспыхнули гневные огоньки.

Неожиданно дверь бесшумно распахнулась, и от нее, как испугнутый лесной зверек, отшатнулась княжна. Минуты две все были в каком-то замешательстве. Стояла полная тишина.

— Папенька, куда вы дели князя Федора? — сжав крохотные кулачки, не спрашивала, а требовала княжна ответа.— Я говорила ведь, папенька, что люблю князя Федора. Больше жизни люблю. Где мой друг? Где душа моя?

Александр Данилович растерялся, схватил дочь в объятия, прижал к груди, замер, чувствуя, как вздрагивают ее плечи. На глаза светлейшего навернулись слезы, и те грозные слова, какие могли в эти минуты вырваться из его уст, замерли. Он не мог понять, чье сердце стучит сильнее: его или княжны.

— Милое мое дитячко... Сделаю тебя самой счастливой на свете! Сделаю тебя царицей. Не держи на отца обиды,— светлейший князь, покрывая поцелуями голову княжны, крепко держал ее в больших, сильных руках. Казалось, что он поймал жар-птицу и боится, что она может улететь.

— Князя Федора люблю, папенька,— шептала княжна.— Люблю, люблю. Больше жизни люблю.

Глава пятнадцатая

Денщик князя Федора Мирон, подъехав ко дворцу с малым опозданием, выругался, досадуя за свое промедление, и велел кучеру остановить в условленном месте. Ожидая карету, если такое случалось, князь обычно расхаживал по тропке меж разросшимся боярышником или сидел чуть подалее на укромной скамеечке, откуда просматривались окна княжны. Она иногда взбиралась на подоконник и махала рукой. На этот раз князя нигде не было. «Я-то думал, выволочка будет», — усмехнулся в усы Мирон. Он вновь вышел на проезжую дорогу. Разбрасывая по сторонам ошметки грязи, неслась тройка вороных. Карету швыряло из стороны в сторону. Казалось, на каком-нибудь взгорке или ухабе ее непременно занесет на обочину. В Петербурге эту карету знал каждый: наносила визиты вдова князя-кесаря Ромодановского. И хотя со дня смерти пыточных дел мастера прошло немало лет, всякий при виде этой кареты вздрагивал. По сей день не снимавшая с себя траура вдова своими внезапными визитами старалась лишний раз напомнить о себе. И сейчас проезжала мимо меншиковского дворца с умыслом попасть на глаза светлейшему. Тогда бы она непременно остановила тройку. Приподняв рукой черную вуаль, она припала к окну кареты широким рыхлым лицом и беззубо улыбалась неведомо кому.

Грохот кареты в предвечерней заре поднял воронье, и птицы, взмыв черной тучей, орали вслед старухе Ромодановской. Недоброе предчувствие овладело денщиком.

То ли с неба, то ли с реки сырой ветер доносил мелкие холодные капли. Неприятный озноб, пробираясь под полы широкого кафтана, холодил спину. Войдя в парк и издали глядя на караул, Мирон не знал, спрашивать ли у них о своем хозяине. И не успел: навстречу шел один из гвардейцев, который еще издали крикнул Мирону:

— Убирай свою карету! Скоро светлейший князь во дворец приедет.

— Уеду, как своего хозяина дождусь, — ответил Мирон. — Али меня впервой увидал?

— Впервой не впервой, — строго ответил караульный. — Нет тут твоего хозяина. Оглох, чо ли?

— Как нету? — возмутился Мирон. — Сам привозил.

— Давай отваливай! И не жди. Нету твоего хозяина.

Царский эскорт показался из-за поворота: отряд драгун впереди, за ними карета светлейшего князя. Мирон вскочил на облучок, отмечая про себя, что все это неспроста: никогда раньше в такой час не приезжал домой светлейший.

Впрочем, Александр Данилович тоже немало волновался: пусть не за молодого офицера, а за дочь, которая была в полном отчаянии. «Лишь бы провести обручение, а уж после все приведу в порядок. И этого долгоруковского выкормыша выпущу. За рубеж куда-нибудь отправлю. Только бы ничего не случилось», — думал он.

Князь Федор был водворен в крохотную камеру, в которой не было ничего, кроме грубо сколоченных непокрытых нар. «Какая-то чепуха», — приглядываясь к единственному источнику света — небольшому зарешеченному окошечку близ потолка, сказал он вслух. Ведь даже некому задать вопрос: что же все-таки происходит? Все походило на сон. Он сел на низкий, грубо сколоченный табурет, обтер носовым платком лицо и руки.

Кто осмелился? Кто это не убоился поступать так дерзко? Но можно было и не теряться в догадках, определенно ответить: светлейший князь. Только он может так дерзнуть. «Значит, что-то задумал. Недаром княжна все время жила в тревоге, в предчувствии какой-то беды. Бедная моя Мария!»

Пробежавшая по камере мышь прервала его мысли. Князя передернуло от брезгливости, он топнул ногой и стал колотить сжатыми кулаками по двери, настоятельно требуя коменданта.

На двери приоткрылось крохотное потайное окошечко, и усатая рожа строго и зловеще прошипела:

— Сиди тихо! — Окошечко тут же захлопнулось.

— Как ты смеешь так отвечать мне? Князю! Офицеру!

Рожа ответила:

— Молчи! Ты сидишь бесфамильно, без роду и племени. Можешь остаться тут навсегда. Много здесь князей таких!

Князь Федор не мог сразу вникнуть в суть, но по прошествии нескольких минут он оцепенел от сказанного караульным. «Бесфамильным остаться? Как бесфамильным? Неужто именитый род Долгоруковых позволит остаться ему бесфамильным? А как же Мария? Быть может, светлейший решил выдать ее замуж? Но она же любит меня! Мы не сможем жить друг без друга. Кто это решил нашу судьбу без нас?» — он сидел ошеломленный вопросами, на которые невозможно было найти ответа. Мысли его были печальны. Он мало-помалу стал обдумывать происшедшее с ним, осознавая, что испокон веку рядом с роскошью и благополучием идет другая жизнь, полная лишений, страданий, несправедливости и беззакония. И князь Федор даже как будто устыдился того, что совершенно не знал этой другой жизни.

В памяти опять возник образ Марии. Вспомнилось, как много в последние дни они говорили о светлейшем князе. Вспомнилось и то, что говорили о Меншикове при дворе: как об одном из виднейших и умнейших государственных мужей и вместе с тем как о величайшем в России казнокраде, сплетничали о его родословной, об отношении Александра Даниловича к друзьям и родственникам.

О многом говорили в высшем обществе, не щадя даже скромной и застенчивой дочери Меншикова, красавицы Марии. Впрочем, это неудивительно, ведь скандал, что произошел с Сапегой, случился у всех на виду. А тут еще и расторжение помолвки, и то, что вскоре императрица дала согласие на брачный союз своей племянницы с польским графом.

Отношения молодого князя Долгорукого и Марии Меншиковой были замечены всеми. Кто-то считал их ни к чему не обязывающей амурной забавой, кто-то — а таких в аристократическом Петербурге было большинство — предрекал этой паре самую счастливую судьбу. И вдруг все разрушилось. «Милая моя Мария, если бы ты знала, — вырвалось из уст князя Федора. — Если б знала!»

Он обхватил голову руками.

Вскоре щелкнул засов, в дверях обозначилась мужская фигура с огарком свечи в руке.

— Выходи! — огарок освещал пол и часть каменных

стен. Вокруг темень, воздух тяжелый и спертый. Откуда-то донеслось заунывное пение мужских голосов, видно, шло моление в крепостной церкви. Огарок в руке караульного бросал тени, которые шарахались от стены к стене. Скрипнула дверь, и князь снова оказался один в комнате, только она была более просторной, с постелью и сальной свечой в подсвечнике. На столе, покрытая салфеткой, стояла еда. Он проглотил горечь во рту, но к еде не прикоснулся. Сквозь зарешеченное оконце виднелось голубое небо. Белые кучевые облака неслись с удивительной быстротой, и было трудно определить, в какую именно сторону плывут они. Все это наводило на князя тоску. Быстро сняв сапоги, он упал на грубую постель, прислушиваясь к шагам за дверью. Насторожился. Вокруг стояла тишина, но ощущение чьего-то присутствия рядом не проходило.

Почему-то подумалось о Варваре Михайловне. От ее глаз ничего нельзя было утаить: ни радости, ни печали, ни восторга. Теперь в тех глазах, наверное, испуг.

Князь был близок к истине. Варвара Михайловна не находила себе места, когда узнала о намерениях светлейшего князя обручить Машеньку с будущим наследником престола и что это уже включено в завещание самой Екатериной.

— Так она же, слава Богу, еще жива, — растерянно повторяла горбунья. — Это при живой-то императрице в такой грех дочь свою вводить? — беспомощно вопрошала она такую же беспомощную Дарью Михайловну.

— Что о князе Федоре справляться? Александра Даниловича рук дело, его! — Варвара Михайловна металась по спальне, швыряя по сторонам все, что попадало под руку.

— Я допытывала Александра Даниловича. Сказывал: ничего об этом не ведает. Намедни князя видели в Адмиралтействе с каким-то капитаном с чужого корабля. Быть может, с ним и уплыл, — робко попыталась Дарья Михайловна встать на защиту мужа.

— Да кто поверит, что князь Федор уплывет в дальние края, оставив здесь Машеньку?

— Поберегла бы ты меня, Варвара Михайловна,

не рвала бы мое сердце. Оно и так, кажется, на волоске, — еле сдерживая слезы, простонала Дарья Михайловна.

— Лукавит Александр Данилович. Все он лукавит, — стояла на своем горбунья. И так многое сестре не договаривала. Щедро одарив караульных, она выведала таки, что князя Федора куда-то увезли, когда он намеревался зайти во дворец, и что команду эту дал генерал Салтыков.

Дверь в покои Варвары Михайловны тихо приоткрылась. Глафира, буквально сияя лицом, радостно сообщила:

— Княжна проснулась. Открыла глаза и лежит.

Сестры едва не бросились за Глафирой. Возле порога Варвара Михайловна торопливо сказала:

— Исповедаться надобно Машеньке. Немедля исповедаться надобно.

— Исповедаться надобно, — смиренно сказала Дарья Михайловна, входя в покои дочери.

Княжна лежала в постели. В окно незаметно проникла полоска света, разделив пополам комнату.

— Как здоровье, Машенька? — склонилась над дочерью Дарья Михайловна. — Слава Богу, поспала немножечко. На личике румянец играет.

Княжна искоса глянула на мать. Еле заметная горькая гримаса коснулась ее губ. Вместо ответа Дарья Михайловна встретилась с печальным взглядом дочери. Припав к щеке княжны, она стала ласково что-то нашептывать ей, но по сжатым губам княжны и сдвинутым к переносице соболиным бровям поняла, что все это не получает никакого отзвука в душе дочери.

— Надобно, Машенька. Надобно, голубка наша, — вмиг очутилась возле постели Варвара Михайловна, не упустившая случая погладить княжну по голове, обласкать взглядом. — Сходим все вместе, облегчим душу.

— А ведомо ли вам, о чем я стану просить Бога? — не шевелясь, спросила княжна.

— Неужто станешь перечить отцовской воле?

— Перестаньте меня мучить, маменька, не прибавляйте тяжести моему сердцу. — Княжна рассеянно обвела взглядом расписной потолок спальни, драпированные шелком стены, будто отыскивала в замысловатых ри-

сунках ткани, изображающих райский уголок и крохотных птичек среди густых зарослей, какой-то особый, лишь ей одной понятный образ.— Вы не знаете, маменька, где сейчас князь Федор? — спросила и добавила: — Только не повторяйте батюшкиной лжи: будто он уплыл морем. Он непременно подаст мне весточку, если жив. Я знаю.

Увидев в окно идущих в церковь супругу Меншикова с сестрой и с княжной Марией, священник Егорий перекрестился, умылся холодной водой из кувшина, провел влажной ладонью по большой окладистой бороде, приободрился. И все же при встрече имел смущенный вид, приветствовал прихожан кротко и вежливо. Руку княжны долго держал в своих теплых, мягких ладонях.

Княжна посмотрела ему прямо в глаза, чем вызвала в его душе смятение. Но поскольку он был человек доброго склада, то улыбка сама собой осенила его лицо, что определяло его истинное расположение к пришедшим. Он понимал, что должен стать посредником между светлейшим князем и княжной Марией, между которыми оказался князь Долгоруков, о чем поведал ему Александр Данилович, хотя и не знал всех тонкостей дела. Безусловно, он не знал и того, что князь Федор находится в Шлиссельбургской крепости.

— Бог простит наши заблудшие души,— сказал он, и сердце его упало, когда рука княжны крепко схватила его руку. Было что-то пугающее в ее жесте, или упреждающее, или уличающее в неискренности, но он, будто бы не заметив этого, продолжил: — Где хочет Бог, там чин естества побеждается.

Княжна не убирала руки, словно хотела остановить его.

— Тяжело мне,— вдруг призналась княжна, и слезы градом покатились из ее глаз, но, странное дело, отец Егорий вместо сочувствия и благостных слов, в каких нуждаются кающиеся, измученные сомнениями души, вдруг сухо сказал:

— Смирись, княжна. Тебе не следует огорчать своего родителя.

Княжна замерла. Сквозь узкую щель закрытых ставен еле-еле брезжил солнечный свет, а постоянно горевшая лампада освещала только лики святых в старин-

ных дорогих окладах. Мария с трудом могла разглядеть лицо священника. Орошенное потом, оно выражало страдание, а припухшие веки скрывали смущенный взгляд. Княжна поняла, что он не умеет хитрить и, скорее всего, сам нуждается в очищении души.

Мария вдруг опустилась на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

— Христос слушает исповедание твое. Он здесь, с нами. Не скрывай своего горя, княжна, ни от Иисуса Христа, ни от меня.

Мария вдруг вспомнила, что отец Егорий в детстве ласково называл ее «горлицей», «солнышком ясным», «голубкой ненаглядной».

— Не таись, облегчи душу. Приму я все на себя, стану отмаливать, просить у Бога заступничества.

— Не ведаю, отец, грех ли это: люблю я князя Федора Долгорукого. Больше жизни люблю! — с жаром сказала Мария.

На какое-то время в воздухе повисла тишина, и только огарок догоравшей свечи вдруг затрещал остатками воска, рассыпая вокруг подсвечника синеватые отблески искр.

— Как печально, что ты рождена Меншиковой, а он Долгоруковым, — со вздохом ответил отец Егорий, положив ладонь на горячую голову княжны. Но Марии стало холодно от прикосновения его рук. Она быстро вскочила с колен, взгляд ее был неистов.

— Я не в этом хочу покаяния, а в том, что желаю своему родителю большого несчастья! Он, он один виноват в том, что я не вижу князя Федора. Я хочу, чтоб сам Бог слышал меня!

— Бог простит тебя! — И, целуя панагию, произнес: — Он накажет виновного!

— Отец Егорий, любили ли вы кого-нибудь? Знаете ли вы, как может трепетать и замирать сердце, ожидая встречи с любимым? — вдруг спросила княжна Мария, в бессилии опустившись на стул. Она, без сомнения, знала, что ответит ей священник.

— Нет, княжна, не ведаю я, что такое любовь.

— Я так и знала. И здесь сердце мое угадало, почувствовало лед вашей души, — спокойно, даже с облегчением, сказала Мария, глядя на него распахнутыми глазами.

Не отводя глаз от божественно прекрасного лица княжны, он чуть слышно повторил:

— Сия чаша счастья обошла меня стороной.

Глава шестнадцатая

Александр Данилович, боясь, что кто-нибудь может уговорить императрицу составить новое завещание, был возле нее неотлучно. Чаще других приходил в монаршие покои Андрей Иванович Остерман. Приходил, раскланивался, молчал, слушал и порою даже подставлял ладонь к уху, боясь пропустить не только слово, но и вздох светлейшего и все понимал с полуслова. Лавируя между враждующими группами при дворе, он немало боялся за себя, так как знал, что любая оплошность будет стоить жизни. Только при одной этой мысли канцлера прошибал пот, слова путались, но в голове упрямо сидело: «Силен светлейший, но под ногами его зыбко. Долго такая шаткая власть не продержится: потерял он таки опору». Обо всем этом Остерман постоянно думал и передумывал, понимая, что сейчас, когда императрица при смерти, он может полегоньку да помаленьку подвинуть мысли будущего императора, что его опекает самый наизловредный человек: и к убийству отца руку приложил, и бабушку Бог весть куда упрятал, и к трону монаршему подбирается. Встречаясь у императрицы со светлейшим князем, Остерман холодел, смиренно опуская глаза. Мнилось, будто думы его были выписаны на лбу и стоит Александру Даниловичу внимательнее взглянуть, все сразу и прочтется.

«Петруша-то с характером,— в очередной раз — теперь уже при прощании, кланяясь светлейшему, думал он.— Взгляд надменный, но дитя еще, дитя. Куда ветер — туда и ум». Остерман порадовался, что не ведает Меншиков, как молодой император не без влияния фаворита Ивана Долгорукого топал ногами и кричал, что не хочет жениться на Марии.

Четким, ровным шагом вышагивающий навстречу Андрею Ивановичу фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков бросил на канцлера подозрительный взгляд: он предполагал, что в исчезновении князя Федора по-

винен этот коварный человек. Конечно же, никто не думал, что с князем Федором может произойти что-либо ужасное, но высылка из столицы была вполне возможна. Фельдмаршал слегка поклонился и не придворному резко спросил: «Там?» Догадавшись, что речь идет о Меншикове, Остерман утвердительно кивнул.

Императрица Екатерина умерла тихо, будто уснула. Накануне к бургундскому вину спросила устриц. Пила и ела в удовольствии, даже улыбнулась несколько раз.

— Полегчало, матушка? — поглаживая холодную руку императрицы, спросил Александр Данилович.

В ответ услышал вздох и знакомое «Танилыч...». Служанка отвернулась, пряча глаза, а доктор Лесток стал поддерживать голову Екатерины, стараясь поудобнее положить подушку, потому что императрица вдруг захрипела.

— Матушка! Матушка-а-а! — громко крикнул, увидев безжизненно упавшую руку, светлейший.

Началась суета: сбежались сановники, придворные, поехали отыскивать дочь Елизавету, которая накануне уехала в один из монастырей молиться. Ударили в колокола, возвещая о кончине императрицы.

На другой день гроб с телом почившей Екатерины был перенесен в тронный зал. Более других убивалась и оплакивала государыню Елизавета, будто только сейчас спохватившись о том, что может случиться с нею, с дочерью великого Петра, после смерти матери. Нет, пренебрежительных ноток по отношению к себе она еще не слышала, но весь Петербург шумит, что править будет всемогущий Меншиков — станет опекать ее племянника Петра. Но пока не объявлено об этом, пока все в догадках.

Остерман строго-настрого наказал фавориту малолетнего Петра Ивану Долгорукову, который покорила сердце мальчика устройством всевозможных потех, не спускать с наследника глаз.

Но вот Петру было объявлено, что надлежит ехать в царский дворец для провозглашения его императором.

— Не хочу венчаться с Марией! Не хочу! — заупрямился он и стал отшвыривать специально сшитые для этой церемонии царские одежды.

— Да какое венчание, Петруша? — ласково заговорил Остерман. — Сей день только завещание станут зачитывать. Волю императрицы объявлять. Станешь с сего дня императором! — Он подошел к Петру, погладил по голове, на что тот с детской откровенностью сказал:

— Боюсь. Императрица только глаза закрыла — поди, все слышит?

— Закрыла, закрыла. Тебя благословила.

— Отчего ж не Лизавету?

— Про то сам разбираться будешь, — уклончиво ответил Остерман, торопя Петра на торжественную церемонию.

Лакеи давно размотали ковровую дорожку, по которой наследник прошел до царской кареты в сопровождении большой охраны.

Светлейший князь встретил его с поклоном, подал руку, унизанную кольцами с дорогими каменьями.

Петр был в мундире Преображенского полка. С правого плеча его спускалась широкая лента, еще не украшенная ни звездами, ни орденами. Загремела музыка — исполняли гимн. В сопровождении великих князей, высших сановников российского государства Петр II шел в тронный зал, высоко поднимая худые ноги. Парик с длинными буклями удлинял его и без того продолговатое лицо. Большие круглые глаза глядели по сторонам в упор. Смущение у многих вызывали и плотно сжатые, капризные губы. Чем выше он поднимался по лестнице, тем увереннее были его шаги, величественнее облик.

— Император! Истинный император! — с дрожью в голосе прошептал Федор Матвеевич Апраксин, узнавая в повадках малолетнего наследника манеры Великого Петра.

— Он, он, — поддержал его граф Гавриил Иванович Головкин, еле сдерживая слезы. — Ишь подбородок-то как выпятил. Чистый дедушка, — вырвалось у него.

С соблюдением всех церемоний было оглашено завещание императрицы. Екатерина I объявляла наследником трона внука Петра Алексеевича — Петра II. Тут же состоялось принесение присяги. Первым поцеловал крест и поставил свою подпись Александр Данилович, за ним последовали другие вельможи и го-

сударственные мужи. У многих дрожали во время этого ритуала руки. Особенно после того, когда стало известно о желании императрицы, благословившей малолетнего императора на брачный союз с дочерью светлейшего князя.

Людской гул пролетел над залом: могущество Меншикова как главного опекуна императора было узаконено и признано всеми.

Екатерину похоронили торжественно — под непрерывный звон колоколов, хор певчих и божественный молебен. По обеим сторонам идущей по Невской перспективе процессии стройными рядами шли Преображенский и Семеновский полки с черными лентами на треуголках. Черные кони с черными султанами, черные кареты. В скорбном трауре члены царской семьи. Во главе светлейший князь с семейством, генералами и сенаторами. И бесконечная людская толпа.

— Меншиков, Меншиков, — неслось со всех сторон.

— Молод император! Дитя ишо. Чо будет с Россией?

— Эвон, вся в черном дочь Лизавета. Лица не видать! Идти не может — падает! Господи, спаси!

Процессия шла на кладбище. Прорвавшееся сквозь тучи яркое солнце будто бы освещало последнюю дорогу Екатерины, высвечивая приспущенные императорские штандарты с черным орлом на золотом поле.

Весь вид Александра Даниловича — ссутулившаяся спина, опущенные плечи, неловкие движения — были выражением духовного надлома человека, осознающего всю меру потери, тяжесть свалившейся на него ответственности. Черный парик не скрывал покрасневшие от слез глаза. Ни до, ни после этих похорон слез Меншикова никто и никогда не видел.

— Машенька, — позвал он находившуюся рядом дочь. — Машенька, — светлейший подхватил дочь, еле стоявшую на ногах. — Да придержите ее покрепче! — обратился он к Дарье Михайловне. — Упадет ведь на глазах всего народа. Этого только не хватало...

После панихиды к траурным каретам потянулись, соблюдая как степенную скорбность, так и придворную иерархию, семейства важных персон.

«Умчатся бы с глаз. Побывать одному, — мелькнула мысль у светлейшего князя, когда он почувствовал, как чьи-то ловкие руки подхватили его, стоило чуть

оступить. — Уехать бы от всех вас. Уехать». Готовый заткнуть уши от перезвона колоколов, он вспоминал, как царь Петр во время больших переживаний скрывался в своем маленьком, низеньком домике, срубленном из соснового леса. И жил в одиночестве, молясь образу, которым благословила его мать — царица Наталья Кирилловна. С этим образом он не расставался никогда, бывал с ним в боях и походах, в плаваниях и в чужих заморских землях. У светлейшего же князя не было такого вот материнского благословения.

— Поезжайте, — обернувшись к семейству, сказал князь, понимая, с каким пристрастием глядят на облаченную в черный траурный наряд Марию придворные сановники, связывая с ее именем свою судьбу.

— Сейчас, сейчас, — прошептала горбунья, чувствуя абсолютное равнодушие Марии ко всему, что творилось вокруг. — Сейчас сядем в карету и домой. В одной карете поедем, Машенька.

— Поедем, — был ответ княжны. Они проходили сквозь людскую толчею, и нетрудно было затеряться в ней, не будь вокруг надежной охраны. Вдруг Варвара Михайловна почувствовала: чья-то рука подтолкнула ее в бок. Она уже готова была прикрикнуть на шагавшего рядом гренадера, но краем глаза заметила мужскую руку с алмазным камнем. Горбунья догадалась, что ей что-то сунули в карман, но разглядеть, кто это сделал, она не смогла: мужчина шагнул в толпу.

— Поехали, поехали! — заторопила Варвара Михайловна, пропуская впереди себя племянницу.

На мягкие сиденья усаживались долго, подтягивая полы шубки. Как бы мимоходом сунула руку в карман. Сомнения не было: там лежала бумага.

Утром, по случаю похорон императрицы, князь Федор был выпущен из крепости со строжайшим указанием Адмиралтейской коллегии о немедленном выезде из столицы в Англию для продолжения обучения кораблестроительному делу. Но разве мог он уехать, не повидав Марии. Подойти к ней он не мог, и двоюродный его брат Александр, бесстрашный флотский капитан, вызвался передать княжне письмо.

Кучер, удерживая коней, остановил карету. Лакей в черной ливрее ловко соскочил с запяток, с шумом отбросил подножку.

— Побыстрее, побыстрее, тетушка, — оглядываясь по сторонам, будто отыскивая кого вокруг, просила Машенька. — У меня в ушах гул стоит: голоса в воздухе летают.

— Колокола звонят, людно вокруг, — успокаивала Варвара Михайловна племянницу.

— Как это ты не слышишь ничьих голосов? Али весна так приходит, а мы ране не замечали? — И, не дожидаясь тетушки, она вдруг побежала вдоль расчищенной аллеи, свернула к оранжерее, в сквер.

— Глафиру зови! — закричала Варвара Михайловна лакею, изумленная поведением Машеньки.

Вспомнила о страшном начале дня, когда сам Александр Данилович встал перед дочерью на колени, лишь бы она поехала на похороны императрицы, а Дарья Михайловна на какое-то время лишилась чувств. «Ладно ли с ней?» — кружа на одном месте, думала горбунья. Увидев издали Глафиру, хотела было крикнуть, да передумала: мимо проезжали одна за другой траурные кареты, из которых, припав к окнам, кланялись царские сановники, а их жены помахивали черными перчатками, выражая Варваре Михайловне свое внимание.

Во дворце тетушка сразу же распрощалась с племянницей и поднялась по лестнице к себе в покои.

Причиной всему было лежавшее в кармане письмо. Закрыв за собой дверь, Варвара Михайловна с облегчением вздохнула, бросила возле порога шубу и какое-то время сидела на низком пуфе. Письмо разворачивала так, будто кто-то мог подглядеть. «Милая моя Мария!» — прочла она, и листок задрожал в руках пожилой женщины.

Варвара Михайловна еще не знала, как поступить с письмом, но все-таки радовалась за Машеньку, за ее любовь к князю Федору.

Позвала прислугу, приказала умыть и причесать себя. Вода охладила лицо, терпкий запах заморских духов наполнил покои. Заложив за губу щепотку табака, она сидела в задумчивости, прислушиваясь, как потихоньку дурманится голова, и легкая поволока туманит глаза. Благостное успокоение побудило Варвару Михайловну не думать о предстоящем обручении племянницы с императором. Она решительно направилась к княжне.

— А я-то все поджидаю, все поджидаю,— неожиданно весело заговорила княжна, пустившаяся к тетушке с нежностями, которых давно не видела горбунья.

— День-то ноне траурный,— стараясь охладить княжну, сухо сказала Варвара Михайловна, поднося к глазам носовой платок.— Похороны государыни.

— Поплакали. Все помрем, только, как говорит отец Феофан, не в одно время,— с дерзостью ответила на это Мария.

— Грех-то какой берешь на себя, Мария,— попыталась вразумить племянницу.

— Вчера папенька был откровенен со мной: «Не думаю, Мария, что ты можешь не ценить императорскую корону!» А мне безразличны его слова.

— Охладись, княжна. Шутки ли в таком деле?

— Но он еще сказал: пройдет не меньше трех лет, когда Петр сможет стать моим мужем! Сердце мое, тетушка, затрепетало от счастья. Три года! Пусть что угодно творит батюшка. Я буду жить одной мечтой — о моем единственном возлюбленном, о князе Федоре.

Варвара Михайловна слушала княжну, покачивала головой, не в состоянии возражать. Рука ее машинально лезла в карман за письмом.

— Читай, горlinkа моя,— одними губами произнесла Варвара Михайловна, отводя взгляд от Марии.— Это тебе.

Глава семнадцатая

Зиму Александр Данилович Меншиков со своим семейством встретил в Ранненбургской крепости. По мере того как один день сменял другой, он все больше убеждался, что в жизни его произошел крутой поворот и возврата к прошлому уже не будет.

Умом понимал, а сердце не могло смириться. Здесь, в Ранненбурге, он вдруг почувствовал себя птицей с перебитыми крыльями.

Крепость Ранненбург близ Воронежа — земляная фортеция с пятью бастионами, окруженная давно высохшим рвом,— была сооружена по чертежам самого Петра Алексеевича. Внутри крепости стоял огромный

жилой дом, покрытый красной и черной черепицей в шахматном порядке. На верхнем этаже было сорок шесть комнат, на нижнем четырнадцать. Раньше, к приезду хозяина, здесь наводили лоск и блеск. Теперь же дом был в запустении.

И не было бы спуску управляющему за то, что дом в таком раздоре, если бы строгий регламент, присланный из Петербурга, не определил проживание семейства светлейшего только в четырех комнатах. Никак не мог понять проворный и изворотливый мужик, что стряслось с князем: почему такие перемены. Мыслимо ли, светлейший — и в таком стеснении?

Однако вот уж и зима миновала. Семейство светлейшего почти всю зиму не выходило из покоев, никто не навещал их.

И вдруг по кованым воротам застучали.

Дворня, как в былые времена, встречая праздничные эскорты, из разных дверей побежала на стук.

— А ну по норам! — грозно остановил их капитан гвардии Степан Пырский. В сопровождении пятерых солдат он торопливо шел по вымощенной кирпичом дорожке к воротам. Сердце его больно кольнуло. Он приостановился, сделал глубокий глоток свежего воздуха, искоса взглянув на сонных солдат, удостоверился: нет, не заметили его волнения. Виноват Пырский. А кто устоит? Светлейший щедр на подарки! Почти не заметил Степан, как в кармане оказались золотые часы, золотая табакерка, перстень на пальце.

У капитана не было сомнения: прибыли оттуда, от Верховного тайного совета — хотя во всех своих донесениях Пырский не упускал случая подчеркнуть строгость содержания под стражей опального князя. Пырский сбился с шага, запнулся и выругался:

— Экий дождище! Экая грязь под ногами!

В ворота стучали по-хозяйски. Встревоженные собаки залиvisto забрехали, выскочили из-под телег и понеслись к воротам, разбрызгивая грязь.

— Караул-то что не отпирает? — заметил один из офицеров.

— Что караул? — сердито ответил Пырский. — Я ведь наказывал — без меня никому не отворять.

Раздался звон одного из семи колоколов, расположенных на парадных каменных воротах.

Услышав звон, Александр Данилович встревожился, вскочил с постели, отбросив в сторону одеяло, и, не раздумывая, ринулся к окну, шлепая босыми ногами по холодному полу. За окном шумели на ветру деревья. Окна комнаты были обращены в сторону парка и пруда. Меншиков не раз просил гвардии капитана переменить ему комнаты, но тот только разводил руками.

Тихое всхлипывание донеслось с постели княгини.

— Дарья Михайловна, душа моя! — поправляя ажурный воротничок на рубашке жены, князь сел на краешек постели.

— Колокольного звону испугалась, — призналась княгиня. — Может, кто с доброй весточкой к нам явился? Может, мои письма да депеши Варвары Михайловны возымели силу. Не все же онемели при дворе?

— Полно, милая. Все быльем поросло, — со вздохом вымолвил князь, обернувшись на еле слышный скрип за дверями. — То караульный. Почитай, все время за нами подглядывает. Видеть-то его не вижу, а взгляд на себе чую.

Подала голос собачонка ростом с рукавичку, Горошина, любимица старшей дочери — княжны Марии Александровны.

— Девочек разбудили, — встревожилась княгиня. — Спали бы да спали еще. Солнышко, поди, еще не взошло.

Князь не стал переубеждать жену, что давным-давно рассвело, а солнце растопило остаток снега на крышах крепостных башен. Княгиня по приезде в Раненбург ослепла, но вела себя так, будто ничего не случилось. И ни разу не пожаловалась на свой недуг, чтобы не причинять боль мужу, считавшему себя главным виновником всех бед, свалившихся на семейство.

— Быть может, Наталья Кирилловна Нарышкина мне ответ прислала. Я просила, чтобы для тебя лекаря послали, — продолжала Дарья Михайловна.

— Все может быть, — обреченно ответил князь. — Скворушка-то как повеселел. Слышь, щебечет? — пытался отвлечь княгиню Александр Данилович. — Весна, слава Богу, пришла. А помнишь весну, когда мы вместе с государыней приехали к нам в Нарву? Ты, Дарьюшка, еще перстень с зеленым камнем по-

дарила мне. С той поры и не снимаю. Какие только бриллианты не сверкали, а этот памятнее.— Александр Данилович повеселел, заметив, как лицо княгини порозовело.

— Мы тогда, в предрассветном тумане, отчалили с государем на тридцати лодках. Подкрались к кораблям шведского адмирала Нумерса. Он еще и не знал, что Ниеншанц пал и был уже в наших руках, и вошел в устье Невы. Мы корабли его взяли на абордаж и закончили баталию в считанные часы. Ох, и радовался царь Петр! Еще бы! Это была его первая победа на море.

Александр Данилович слышал неистовый лай Горошины и готов был послать Луку, но тот еще не пришел, хотя, быть может, стоит подле двери и ждет, когда караульный позволит войти в покои светлейшего.

— Что так встревожило Горошину? — забеспокоилась Дарья Михайловна.— Быть может, княжна плачет. Собачонка не любит слез.

Мать была недалеко от истины. Заслышав шум в крепости, молодая княжна заметалась по комнате, не дожидаясь прихода служанки Глафиры, отворила форточку и вслушивалась в каждый звук, зная, что из тысячи голосов она узнала бы голос князя Федора Долгорукого.

Проснулась и приподнялась на локтях младшая сестра Александра. Она не удивилась тому, что Мария Александровна стоит, прижавшись к стеклу.

— Простудишься, Машенька. Ветер такой прохладный.

— Ты слышишь во дворе чьи-то голоса?

— Эх, Машенька,— ответила сестра.— Кабы молодой император сменил гнев на милость, вернул нас обратно в столицу!

— Нет, нет, нет! — закричала княжна.— Не хочу в столицу! Не хочу видеть императора. Это по его повелению князя Федора отправили за границу. Какая жестокость! — в порыве отчаяния княжна упала на постель. Горошина жалобно заскулила.

— Сходить надо к девочкам, Александр Данилович,— прислушиваясь, сказала Дарья Михайловна.

Светлейший только здесь, в Ранненбурге, в долгие

зимние вечера по-настоящему осознал свою вину перед Марией Александровной. «Ладно бы обручение с императором! Матушку Екатерину упрашивал, а дочь и в известность не поставил. Какое там... Отдал приказ готовить к обручению, и делу конец. Прежде настоял на обручении ее с Сапегой. Да и то подумать — хороший выбор был. Сапега, сын богача из богачей, вероятный претендент на польский престол и корону Пястов и Ягеллонов! Чем не жених?»

— Может, какие вести от Андрея Ивановича, — прервала мысли супруга Дарья Михайловна. — Не ему ли помнить твое покровительство?

— Чтоб я не слышал этого подлого имени, — разгневался князь. — Это его рук и ума сплетение. Обвел он меня вокруг пальца. Не я ли представил его воспитателем к молокососу царевичу? Доверил свою тайну из тайн? Старый дурак! Из-за него. Только из-за него мы несем такие страдания.

— Будет, милый, будет, — успокаивая мужа, сказала Дарья Михайловна. — Нелегкая дернула меня за язык.

Князь опять глубоко вздохнул, потуже затянул пояс на халате, обернулся на дверь, в которой с минуты на минуту должен был появиться Лука.

В крепости чувствовалось оживление: негромкие голоса, торопливые шаги и легкий наигрыш балалайки. На ней играл по утрам крепостной Илюшка — карлик, привезенный сюда когда-то государем Петром, так и коротавший свой век на казенных харчах. Управляющий тотчас по приезде Меншиковых приказал Илюшке-карле по утрам наигрывать русские мелодии, под которые плясал еще сам Петр Алексеевич.

Зато немец-скрипач Вольфган Куц одним из первых, тайком, покинул крепость Ранненбург, узнав опальное положение Меншикова. Вскоре после него выехали из крепости и другие иностранцы. Стало меньше лакеев, конюхов, певчих.

В дверях показался Лука.

— Потри-ка мне икру на правой ноге, — сидя в кресле, вытянул ногу князь. — Всю ночь стягивало судорогой. — Закрыв глаза, он ощущал тепло рук лакея.

— Полно, полно, Лука, — облегченно вздохнул Александр Данилович. — Чего доброго, и усыпить можешь,

Принеси-ка парик, хоть его-то грабители оставили. А все оттого, что один локон подпален. Целых пятьдесят париков забрали, ироды, а я им и счету не знал.— Светлейший вспомнил день, когда по дороге в Ранненбург по царскому указу у него забирали имущество, взятое с собой. Что там домашняя утварь? Белье? С каким любопытством расстегивались сундуки, футляры, из которых доставали вещи, усыпанные бриллиантами и жемчугами! Теперь уже и не вспомнить всего. Ордена изъяли, не посовестились взять и награды иностранных монархов. А там была шпага с золотым эфесом, украшенная алмазами,— подарок польского короля; дорогие запонки с большими бриллиантами — подарок прусского короля. «Ладно, хоть совсем нагишом не оставили»,— вслух сказал Александр Данилович.

На этот раз слуге показалось, что пояс штанов, сшитых из синего бархата, стал великоват, и, не поднимая головы, он спросил хозяина: не желает ли тот надеть суконные?

— Ваша светлость похудеть изволили, а Нюрка-портниха на той неделе в бега пустилась с Ванькой-конюхом. Все одно, сказывали, отсюдава боле никогда не выпустят, а как зачнут распродавать нас, так неизвестно, какому хозяину ишо достанешься. И как они из крепости вылезли?

— Стража-то где была? — спросил князь. Лука скукожился, втянул голову в плечи, ожидая затрещины.— Стража где? — допытывался Александр Данилович.

Глава восемнадцатая

К весне в столице успели убедиться, что с могущественным Меншиковым покончено.

Более других возврата Меншикова боялся Остерман. «Знаю я эту каналью Александра Даниловича. Ох как знаю! Сколько раз бывал на волоске от смерти, а умудрялся выскользнуть из-под топора. Что для него Ранненбург? Его деньги могут сделать все!» На такие грустные размышления навело последнее донесение капитана Пырского, в котором была обронена фраза: «Живет князь в достатке».

От светлейшего всего еще ждать можно. Сказывают, Варвара Михайловна каждому сенатору письмо написала. Да, главное, не постеснялась напомнить, как каждого из них благодетельствовал когда-то князь.

«Завтра же, — дал себе слово Остерман, — стану готовить указ об отправке светлейшего на край света, в снега. Государь подпишет. Медлить нельзя».

Остановившись на крыльце, Остерман перевел дух. Ветер дул с Невы острый, пронизывающий.

Придя домой, почувствовал себя плохо, лег спать. Но всю ночь ворочался с боку на бок, ругал прислугу, жарко натопившую печи.

— Вот кровать скрипит, опять скрипит! Опять тебя бессонница мучит? — сквозь зевоту спросила жена Марфуша. Марфа Ивановна, в девичестве Стрешнева, была свояченицей царя. Мужа своего почитала за рассудительность, начитанность и кротость, впрочем особенно не вникая ни в какие его дела. «Муху не обидит. До того кроток Андрей Иванович! А сколько божественных слов знает. Они у него так ласково звучат, так ласково», — хвалилась она придворным дамам, которые то и дело жаловались на мужей.

Заметив, что Андрею Ивановичу не спится, Марфа Ивановна, отбросив одеяло, перебежала в постель к мужу.

— Горячий! Не захворал ли! — обеспокоясь, спросила супруга.

— Дела. Да сон еще дурной приснился. Светлейшего видел во сне. Будто стоит он на крыльце и кричит: «Знаю, твоих рук дело — моя опала. Вернусь — колесую!»

— Ой, — спрятала лицо в подушку Марфа Ивановна. — У него это сбудется! Сбудется. Уж его-то я знаю. Рисковый человек. Сбудется, сбудется! При Петре-то Алексеевиче и одного волоса с его головы не упало.

— Упало бы, упало, — вяло возражал барон, пытаясь найти для себя оправдание. — Сколько раз между ними размолвки были.

— Были, да все без наказания. Все государь умел прощать ему. За заслуги перед Россией.

— Марфуточка! Чьи это слова ты повторяешь, душа моя?

— Али у меня своей головы нету!

Больше Андрей Иванович не слушал Марфу Иванов-

ну. Внутри дрожала каждая жилка. Страх, что светлейший князь может возвратиться в столицу, вызвал головокружение.

Раным-рано Остерман отправился в канцелярию.

В Ранненбургскую крепость прибыл отряд, посланный на смену отряду Пырского. Им командовал капитан гвардии Петр Наумович Мельгунов и действительный статский советник Иван Никифорович Плещеев. Последнему было доверено следствие по делу Меншикова.

— Плещеев?! — не владея собой, закричал светлейший князь, когда узнал, что плешивый служака с узеньким лбом и бойкими глазками, который постоянно проводил время в его приемной, приехал с такой ответственной миссией.

Пырский только пожал плечами, давая понять, что сие от него не зависит.

Царский двор и сановники, уверовавшие в свою полную победу над Меншиковым, стали привыкать к мысли, что ничего особенного не произошло: ну поправил всемогущественный временщик, однако окоротали-таки выскочку. Иначе думали продолжатели преобразований Петра Великого, считая, что при всех своих слабостях светлейший князь имеет право на признательность россиян и благодарность правящей династии. Но последних было немного. И глаза многим застила зависть. Тем более что обомлевшие от богатств, конфискованных у светлейшего, не унимались в догадках и предположениях, уверяя Тайный совет и Сенат, что в Ранненбурге еще найдется немало припрятанных князем богатств.

— Мало им еще? До нитки обобрали. По миру хотят отправить детей наших, — жаловалась Дарья Михайловна лекарю, когда Александра Даниловича вызвал к себе статский советник Плещеев.

В обширном кабинете, где когда-то царь Петр проводил совет по вопросам строительства большого флота в Воронеже, за широким дубовым столом с резными ножками сидел статский советник Плещеев. Ох, как хотелось Александру Даниловичу подойти к этому столу, схватить советника за нахлобученный парик и вышвырнуть его, парик то есть, в окно. И сделал бы, не моргнув глазом! Но... не смог. «Ради детей! Ради семьи!» — уговаривал он себя.

Плещеев небрежно перекладывал на столе описи имущества светлейшего князя. Не поднимая головы, спросил:

— Вам надлежит сказать подлинно, без утайки: куда вы употребили полученную в нонешнем году от имений ваших сумму? Сами употребили или кому на хранение отдали? — И, немного помолчав, добавил: — Также буду добиваться ответа: нет ли где ваших средств в чужестранных государствах.

Князь присел на стул.

— Я капитану Пырскому на эти вопросы уже отвечал. Без утайки, — спокойно сказал Александр Данилович, думая не без злорадства: «Хотел бы назвать все, да не смогу».

— Про ларчик, хранящийся у княгини Татьяны Шевховской, утаили?

— Пожалуй, пожалуй, запомнил, — согласился Меншиков, полагая, что не стоит запереться из-за такой мелочи.

Плещеев понимал, что подобное дознание — дело зряшное, так как фактические богатства Меншикова не способны будут оценить люди и по прошествии веков. Ведь только сумма, в которую оценены уже конфискованные вещи, составляет двадцать миллионов рублей, столовой серебряной посуды на двести пятьдесят тысяч рублей, плюс восемь миллионов червонцев и тридцать миллионов серебряной монетой!

— Хорошо. Теперь о свояченице вашей Варваре Михайловне Арсеньевой. Ее по государеву повелению надлежит отправить в монастырское заточение.

— Варвару Михайловну? В монастырь? — вспыхнул князь и повысил голос, от чего Плещеев повеселел. Так ему хотелось вывести из себя невозмутимого Меншикова.

— Да, в монастырь! — хлопнув рукой по столу, статский советник закричал через весь зал: — Похотин! Дай команду запрягать. Сей же день надо отправить в монастырь свояченицу князя.

— Погодите! — попытался остановить его князь. Он был обескуражен и не мог представить, что его семья внезапно останется без Варвары Михайловны. — При чем тут беззащитная женщина? Какое касательство она имеет к моим грехам?

— Больно ретива. Сама на свою голову опалу накаркала, — щеголевато пройдя мимо Меншикова, ответил Плещеев. — Все комиссии и Тайный совет заполнены ее письмами. Каждый князь, каждый сенатор письма имеет от нее. Правды она ищет!

Статский советник, безусловно, оговаривал Варвару Михайловну. Она действительно отправила несколько писем в столицу, адресуя их именитым особам. Но только тем, которые, как она считала, были в неоплатном долгу перед светлейшим князем и его семьей. Письма писала сдержанные, почтительные и личные. По всей видимости, не желая больше знаться с поверженным светлейшим князем, каждый отрещивался от связи с ним и пересылал те письма в Тайный совет.

«Так было всегда. Так будет всегда», — думал Александр Данилович, перевидавший на своем веку «преданных друзей», отрещивающихся от любой дружбы, лишь бы не быть причастными к осужденному.

Глава девятнадцатая

Варвара Михайловна со дня свадьбы сестры жила в меншиковском доме. Когда над головой князя грянул гром и последовала опала, она уже по дороге в Ранненбург стала отправлять письма влиятельным знакомым. Послала гонца к генералу Михаилу Михайловичу Голицыну, чтобы тот ходатайствовал перед царем о предоставлении опальной семье милости. С такой же просьбой послала гонца в Москву и к престарелому сенатору Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. Но ответов не было.

И вот сейчас Варвара Михайловна, утонув в кресле и поджав под себя ноги, со страхом наблюдала, как вышвыривали из помещения вещи. Именно в этот момент вошел Александр Данилович. Она страдальчески поглядела на него.

Из больших карих глаз Варвары Михайловны внезапно покатались крупные слезы, на щеках разгулялся румянец.

Князь, еще поднимаясь по лестнице, пытался сообразить, чем же можно утешить свояченицу. Рождались

всевозможные варианты, но ничего путного и убедительного в голову не приходило. «Кабы погодили, а то как обухом по голове», — сетовал князь, зная только одно верное средство в подобных делах — взятку, а еще лучше и безотказнее — интригу. Только какая может быть интрига вокруг горбуни, на веки вечные обиженной судьбой, да еще отсюда, из Ранненбурга.

С плачем вбежали в комнату дочери светлейшего князя. Обняв Варвару Михайловну с разных сторон, княжны осыпали ее поцелуями, не находя подходящих слов, чтобы выразить ей свою любовь и тревогу за нее.

— Хороните, что ли, меня? Так я живуча! — старалась казаться спокойной тетка, хотя это у нее совсем плохо получалось. Утирая глаза носовым платком, приговаривала: — Везде люди живут. Везде люди...

— Как же мы без тебя будем? У кого станем просить совета, искать помощи? — племянницы покинули комнату по знаку отца.

Горбунья и сама понимала безысходность своего положения: знать, на сей раз сильно кого-то прогневала.

«Однако хватит еще у меня времени оплакать жизнь свою загубленную, — как всегда, рассудительно подумала Варвара Михайловна. — Вот как останусь одна. А пока всех поддержать следует. И девочек уговорить, что крепиться надо, и с Дарьюшкой проститься. Ох, Дарьюшка. Кабы ты знала, что всего тяжелее мне расставаться с тобой. Свидимся ли еще? Поди, навсегда расстаемся».

В этот момент один из тех, кто выносил вещи, на ходу принялся выворачивать карман ее бархатной душегрейки. Варвара Михайловна обомлела, выхватила душегрейку из рук и стала со всей силы хлестать парня по лицу.

— Жулье!

— Зачем мне твоя душегрейка? — оборонялся тот, откидывая назад голову. — Зачем она мне, кабы не было приказу.

Но Варвару Михайловну, наверно, никто бы не смог остановить.

— Матушка, Варвара Михайловна, — попытался остановить свояченицу Александр Данилович. Но горбунья не владела собой, вид ее был ужасен: горб на спине приподнялся, на побелевшем лице сверкали чер-

ные, как уголь, глаза. За всю жизнь она не бывала такой разъяренной, никто и никогда не мог представить ее в таком неуправляемом состоянии. Всю жизнь боясь неосторожным движением или неловким поворотом показаться еще более уродливой, она вдруг словно бы забыла о своем изъяне и дала волю неистовству.

— Матушка, Варвара Михайловна, — повторил Александр Данилович и, чувствуя, что добром это не кончится, схватил женщину обеими руками, прижав к себе. Распорядился позвать доктора Шульца. Горбунья билась в руках князя, как пойманный в капкан звереныш, и, мало-помалу теряя силы, слабея, повисла у него на руках.

Меншиков не без содрогания провел ладонью по бугристой спине. При дворе все знали, что каждый наряд ей шила привезенная из Швеции портниха. Она изготовляла горбунье корсеты, придумывала каждый раз новый покрой нарядов. И сама Варвара Михайловна, не жалея себя, по утрам до пота разминала горб: отогнув край ковра, каталась на голом дубовом полу, предварительно на два замка заперев дверь, чтобы никто не подглядывал. В свет выходила такая модная особа, что многие фрейлины, не скрывая любопытства, просили у Варвары Михайловны разрешения на изготовление и пошив подобного наряда по прошествии года.

Высвобождаясь из крепких рук Александра Даниловича, она начала поправлять кружевной воротник, сплетенный рукодельницами-мастерицами, заталкивать под капор растрепанные волосы.

И вдруг Варвара Михайловна разразилась смехом. Было в этом смехе что-то страшное, зловещее.

— Полно, полно, Варвара Михайловна, — не глядя на свояченицу, говорил князь. — Не на смерть же. Даст Бог.

— Ну вот и все, Александр Данилович, — голос свояченицы был чужим. — Вот и настало время расставаться. Часто думала: как это мы расставаться станем? Как оставлять друг друга? Люди чужие рассудили.

— Даст Бог, свидимся.

— Нет, батюшка, не свидимся. Пробил твой час, а значит, и наш тоже!

Александр Данилович возразить не смог.

— Кривить душой, Александр Данилович, не стану.

Сейчас не к чему. Ненасытный ты был, ненасытный! Кабы вовремя остановился, поразмыслил, голова у тебя светлая, глядишь — и перехитрил бы недругов. Ох и честолюбив же был и все гнал за властью да почестями. А ведь они сыпались к тебе со всех сторон!

— Твоя правда, Варвара Михайловна. Только от этого моего знания теперь толку нет.

— Не покривлю душой: любо мне было жить в твоём доме. От тебя, солнышка, и мне света лучик доставался. За твоей широкой спиной жила, как у Христа за пазухой. Благодарствую.

Варвара Михайловна медленно опускалась на колени. Светлейший князь попытался поднять ее с пола.

В дверях, без всякого стука, показался статский советник Иван Никифорович Плещеев.

— Ну-ну, как не оплакивать такого зятя? — съехидничал он.

Пересилив в себе обиду, Александр Данилович с подчеркнутой важностью в голосе сказал:

— Из двадцати двух тысяч, что сейчас у княгини Шеховской, половину отдаю тебе, Варвара Михайловна. Благодарствую за добрые советы, за любовь к моим детям, за все страдания, которые пережила с нами.

— Экипажи ждут! — указывая на дверь, поторопил Плещеев.

Тут-то с Варварой Михайловной и случился глубокий обморок. «Не мертвую же ее везти отсюда», — бурчал Плещеев, негодуя, что пришлось распрягать лошадей.

Медленно наступал вечер. Обласканные ярким солнцем облака серебрились, бежали мелкими кучковатыми стайками к горизонту. От подогретой земли тянулся ввысь запах жухлых трав, прошлогодних листьев. Из соседней деревеньки доносилось мычание коров. Прощальным аккордом прошедшему дню было кукареканье петухов.

Варвара Михайловна, открыв глаза, сразу заговорила, будто и не было случившегося беспомыслия:

— За деньги, Александр Данилович, благодарю. Отказываться не стану.

— Не надо, ничего больше не говори.

— Нет, надо! — машинально положила она поверх одеяла тонкую руку с аккуратно вычищенными ногтями. — Я ведь все свой разговор откладывала. Думала:

вот все уладится, и поговорим. Сказать-то мне есть чего.

— Может, повременишь? — вставила тихо сидевшая в изголовье сестры Дарья Михайловна.

— А когда позднее-то? — спросила горбунья.

— Мы, Александр Данилович, — через силу заговорила Варвара Михайловна, — все перед Богом равны. Ты бы разве дал своим врагам послабление? Как плакала, как просила тебя родная сестра Анна Даниловна, помнишь? А ведь ты приказал жениха ее кнутом высесть! А как расправился с Петром Андреевичем Толстым? А за что? За то, что он открыто сказал царице: «Ваше величество, я уже вижу топор, занесенный над головой ваших детей и моей. Да хранит Вас Господь, сегодня я говорю не из-за себя, а из-за Вас...»?

— Откуда тебе это известно? — вспыхнул князь.

— А рек он истинную правду. Только за это ты отправил его в Соловецкий монастырь. Ты, Александр Данилович. Да только ли его. Всем ты закрутил рога. Уверовал в свою безнаказанность. А Господь Бог хватить тебя за руку! И вовремя схватил. За это надо Богу молиться.

— Ну говори, говори, — покачивая головой, молвил светлейший.

— А с дочерью-то своей что творил? Она для чего на свет рождена? Ей только пятнадцать полных, а ты венчать с Сапегой. А потом вытребовал у царицы завещание. Ты хоть спросил когда свое дитя? А князь Федор? Сердцу твоей дочери люб, а ты его в крепость, в крепость! Бога бойся, Александр Данилыч. Не людская казнь страшна, а Божья!

Тут голос горбуньи дрогнул, и она перекрестилась, направилась к окну, возле которого стоял светлейший князь. Все ли он слышал, о чем говорила Варвара Михайловна? Наверное, все. Спина его ссутулилась, поястребиному заострился нос, с утра небритое лицо покрылось густой щетиной.

Александр Данилович молчал.

В дверь постучали. Одетый по-дорожному солдат сказал:

— Коней запрягают. Через час надо выезжать.

— Ну вот и все, — со вздохом сказала Варвара Михайловна и заплакала.

Вдруг, увидев свою карлицу, подошла к плетеной корзине:

— Что же мне с тобой делать?

Считалось особым шиком иметь в знатном доме всевозможных уродцев, карлиц, арапов. Не было исключением и дом светлейшего князя. Понятливая карлица была кроткого характера, любила уединение и могла по нескольку суток не показываться своей хозяйке. Приходила по первому зову. Главным и посильным делом для нее было чистить ногти Варваре Михайловне.

— Что же мне делать с тобой? — снова спросила Варвара Михайловна.

— Возьмите с собой, — робко попросила Мушка. Карлице было лет пятнадцать от роду, она была ловка и проворна. — Пригожусь.

— Нет, Мушка, оставайся дома, — вздохнула Варвара Михайловна.

За окном начинался рассвет. Солнце весело поднималось над землей, заливая светом дали. Во дворе крепости Ранненбург оно заглянуло позднее: вначале залило светом крыши построек, обласкало каменные стены крепости, а потом его лучи залили и окна. Чувствуя приближение нового дня, фыркали кони. Конюхи и дворовые мужики готовили лошадей в дорогу, чистили им гривы, расчесывали хвосты. Слуги сносили вещи Варвары Михайловны к карете.

— Половину вещей оставить! — приказал капитан гвардии Мельгунов, заменивший в крепости Пырского.

— Какую еще половину? — возмутилась Варвара Михайловна. — Сгинь с моих глаз! Я тебе не князь светлейший. На меня не было и нет царского указа. Я по доброй воле поехала в Ранненбург.

Мельгунов невольно посторонился, пропуская вперед себя Варвару Михайловну.

Не будь такого оборота, расставание, наверное, было бы тягостным.

Князь подошел к карете:

— Прости, Варвара Михайловна. Прости!

— Что ты, голубчик! Что ты! — взволновалась горбунья. — Не поминайте лихом!

Нетерпеливым жестом гвардии капитан Мельгунов приказал экипажу трогаться. Дверца захлопнулась. Ворота распахнулись, увозя в Александровский монастырь Варвару Михайловну Арсеньеву, свояченицу светлейшего князя, будущую инокиню Варсонофию.

Глава двадцатая

В утренней тишине долго слышался конский топот, скрип телег. На опустелый двор выбежала серая сучка с отвислыми сосками, впалыми боками и голодными глазами. Вслед за ней, перекатываясь пушистым клубком, бежали щенята, жалобно повизгивая.

— Не видишь, что голодна? — сердито крикнул князь мужику, подметавшему двор.

— Ее псари не кормют. Остарела. Совсем глуха.

— Как остарела, коли приплод имеет? — возразил Александр Данилович.

— Приплод иметь дело немудреное. У нас вон в деревне у Ефрема Косоротова отродясь хлеба нет, а кажий год ребенок.

— Кормить сучку, как остальных собак, — строго сказал светлейший, отправляясь в крепость. Шаги его были тяжелыми, мысли рассеянными. Запальчивая речь свояченицы будто ушатом холодной воды окатила его. Не было желания ни с кем встречаться, ни с кем разговаривать. На этот день он сказался больным и просил его не беспокоить. Игравшего на балалайке Илюшку слуга почти в тычки прогнал с завалинки, чему тот сопротивлялся, потому как недавно от самого светлейшего получил наказ по утрам будить княжеских дочерей веселыми наигрышами.

Такого гнетущего состояния Александр Данилович не испытывал давно: все опустело в душе, казалось, что у него не было никогда светлых дней, что вся жизнь его пронизана мрачными преступными деяниями, за которые надлежит ему быть повешенным.

Мысли уносили его к последним часам жизни императрицы. «Не без моей помощи взошла она на престол, не без моей! Да только все это было ненадолго. Пережила матушка мужа своего на неполных два года! И опять в стране переполох. Сколько охотников на трон? Такая свара. Я-то ратовал за продолжение дела, начатого Петром. При матушке императрице исполнялись все его указы, сохранялись введенные им новшества. А кому это нравилось? Ладно, матушка Екатерина слушала меня. Да и то, если сказать по правде, пока носила траур. А потом как сдурела, будто торопилась наверстать упущенное: маскарады, праздники по лю-

бому случаю, смотры гвардейских полков, прогулки по Неве. День и ночь перемешались. Неужто и я должен был ослепнуть в это время? Россия пускалась в разор. Надо было жертвовать всем, чем можно, даже дочерью Марией. Понял ли кто-нибудь, поймет ли когда кто мои намерения? Да, вытребовал у императрицы завещание. Знал, что, делая это, играю с огнем».

— Ваша светлость, банька протоплена, — высунув голову в приоткрытую дверь, сказал Лука.

— И осталась одна отрада — банька, — простонал Александр Данилович, тяжело поднимаясь с постели. — Ох, Лука, грехи мои тяжкие, — пожаловался слуге, — поясницу ломит, плечи тяжелит, наверно, воздушные потоки буйствуют. Это Петр Алексеевич нездоровье воздушными потоками объяснял. Как только возьмет его какая хворь, он одно свое: «Потоки воздушные буйствуют».

В ответ слуга размашисто перекрестился.

— Ноне, как вы любите, березовыми дровами баню протопил да вересок запарил. Вот скоро березонька поспеет. Мне дубовые веники не глянутся, а береза — что баба руками по спине дубасит: и чувствительно, и ласково. Меня от этого в сон клонит.

— Ишь, шельма, — хохотнул Александр Данилович. — Бабы руки ему глянутся.

— А как же, Александр Данилыч. — Знамо и нами, откель ноги растут. Токо вот моя баба все дивится на господ, когда оне кружевные панталоны на себя напяливают. Экой, грит, кружевной красотой заднее место закрывают. А на што?

Князь кашлянул. Слуга сразу замолк.

Лука парил князя в бане часа по два, до своего полного изнеможения купался в парном тумане. Обливал княжеское тело попеременно то горячей, то холодной водой, поил его из деревянного ковша свежим квасом и снова парил. Данилыч только кряхтел от удовольствия и млея, расслабляя каждую жилку в теле.

Признаться, светлейший не умел толком отдыхать.

Раньше о здоровье Меншикова большей частью беспокоился сам государь Петр Алексеевич, да супруга, надо отдать ей должное, всегда следила, чтобы он был сыт — а значит, считала она, и здоров.

В 1719 году государь силой — иначе не скажешь — заставил князя поехать на Марциальные воды.

По приезде на место Меншиков в один присест выпил аж семь стаканов целебной воды. О количестве выпитой воды он регулярно докладывал государю, благо переписывались с покойным монархом они постоянно.

Однако самым страшным на этих Марциальных водах для Александра Даниловича было не число стаканов и не количество жидкости из минерального источника, а безделье.

Не привык светлейший сидеть сложа руки. И даже потехи всевозможные, которыми пытались развлечь его приехавшие тогда же князь Голицын и граф Толстой, не могли отвлечь его от мысли, что находится он не там, где должен находиться...

«Кабы теперь поехать на Марциальные воды, — мелькнула издевательская мысль, — да еще в компании с князьями-графьями».

Вспомнился двор, и почему-то ярче других предстал перед глазами образ Остермана.

Александр Данилович всегда опасался этого человека, хотя ценил его за проворство мысли — эдакую сообразительность и хитрость одновременно.

Они даже близки были по духу в чем-то.

Андрей Иванович Остерман был насколько осторожен, настолько и жаден — и в этом последнем бывал смел и даже нагл.

На своих наушников, что было доподлинно известно Меншикову, Остерман тратил немалые деньги и выпытывал самые мелкие подробности. У него на службе состояла вся прислуга императорского дворца: писари, секретари и даже камердинеры.

Вспомнилось расслабленному под банными вениками Меншикову и то, как пренебрежительно относился к нему молодой император в последние дни светлейшего при дворе.

Уж Александр-то Данилович рассыпался перед ним бисером: возил на конюшенный двор лошадей осматривать, на Галерный двор, где специально для него производили спуск судов, как мог развлекал, на охоту возил. Сам в учителя назначил этого паршивого Остермана. А они сети плели тем временем. Права была, пожалуй, Варвара Михайловна: «Не верь, — говаривала, — Дани-

лыч, немчине. Не верь! Он, как собака с хорошим нюхом, знает, где лизнуть, знает, когда гавкнуть! Самый притворный человек при дворе! Помяни мое слово!»

Мыслимо ли дело, дружка подсунули юному императору — Ивана Долгорукова. Специально. Слов нет, специально! Фаворит Петра не был глупцом, образование получил в Варшаве. Был статен, красив, имел множество поклонниц. Не скрывал своей связи с женой придворного живописца Ивана Никитина — Марией Монденс, говорил: «Не так хороша собой, как угодлива».

Да, все стягивалось в последнее время в тугой узел. Зашевелились родственники молодого государя — дальние и близкие.

Где тут разобраться? И денег уже не жалел. Хотя бы той же инокине Елене — бабушке царя — отдал целую тысячу ефимков за то, чтобы зла не держала на Александра Даниловича, заключившего ее в Ладожский девичий монастырь под крепкий надзор. Теперь же она, почитаемая всеми бабка Петра, в миру Евдокия Федоровна Лопухина, получила из меншиковских конных заводов пять цугов лошадей со служителями, сорок верховых и разъездных лошадей и пять расписных карет. Принимая деньги и зная от кого, только сказала: «Все, что было — былью поросло, а деньги не пахнут! А ему поделом!»

Появился Лука с холщовой простыней в руках, насухо вытер светлейшего. Потом помог ему выйти, подставляя плечо под отяжелевшее тело Меншикова. Тот, побряхтывая от удовольствия, тихо вышагивал по двору, сопровождаемый верным слугою.

«Неужто одна баня теперь из прежней жизни осталась? — подумалось Александру Даниловичу. — Одна лишь роскошь — парная?»

После парной светлейший часок отходил в постели, а уж потом принялся пить чай.

За столом никого не было: Дарья Михайловна и дочери изъявили желание пить чай у себя.

Александр Данилович сидел возле самовара, пот все еще градом катился со лба, щек, шеи. Лука сменил полотенце, а потом предложил сменить взмокшую рубашку.

Глава двадцать первая

В Петербурге и Москве появились подметные письма о светлейшем князе Меншикове, о «великих способностях и уме сего несчастного министра». Письма эти имели под собой почву: люди устали от нескончаемых балов, маскарадов, спектаклей, охоты. «А более всего оттого, что каждый ворует сколько может», — сообщали своим государям иноземцы.

Верховный тайный совет беспрестанно допрашивал меншиковских секретарей об этих письмах, «противных его императорскому величеству и Российской империи», всерьез полагая, что у Меншикова найдется много сторонников, которые могут совершить отчаянную попытку вернуть ему власть. Отсюда и шли намерения обвинить Меншикова в государственной измене. Однако свидетельств государственной измены светлейшего князя так и не нашлось. Тем не менее, чтобы положить конец всем пересудам, был обещан манифест «О винах Меншикова». Надо было убедить как внутри страны, так и за ее пределами: Меншиков — государственный преступник! Кроме того, в Тайном совете считали, что у светлейшего князя в Ранненбурге все еще имеются немалые сокровища.

Особенно были взбудоражены при дворе известием о том, что у Меншикова был изъят самый крупный в Европе яхонт. В реестре описанных вещей значился камень этот как купленный в 1706 году за девять тысяч рублей.

Отправляя комиссию в Ранненбург, Андрей Иванович Остерман дал ей точную инструкцию и предписание все рапорты присылать только на его имя.

Александр Данилович шел на встречу с капитаном гвардии Мельгуновым по широким коридорам крепости. На стенах еще висели зеркала, по углам стояли алебарды, в нишах, отделанных дорогими камнями, красовались чучела зверей, обитающих в здешних лесах, — и даже чучело кабана, убитого на охоте царем Петром Алексеевичем.

Увидев светлейшего, находившийся все эти дни в отдалении Пырский распахнул дверь кабинета.

— Милости прошу, — услышал князь внешне радуш-

ное приветствие Мельгунова. Решительно шагнув навстречу, Меншиков не заметил, что Пырский, которому было приказано тайно присутствовать при разговоре, проскользнул за широкую ширму, сшитую из толстого зеленого сукна, когда-то купленного князем в Англии.

— Приехали искать доказательства моей измены? — опередил вопрос Мельгунова Меншиков. А тот и вправду только-только собирался спросить Александра Даниловича о переговорах со шведской стороной об отдаче им Риги и Ревеля.

Президент Берг-коллегии Алексей Кириллович Зыбин, готовя комиссию, тщательно выписывал документ, свидетельствующий о сговоре князя с иноземцами. Перерыли домовые и походные архивы и перед самым отъездом еще раз допрашивали меншиковского старшего писаря: «Не отбирал ли он к себе каких писем и не приказывал ли каких драть и жечь?»

Мельгунов молчал, собирался с духом, чтобы ознакомить Меншикова с царским указом, которым предписывалось всему семейству светлейшего князя оставить Ранненбург и следовать в дальний сибирский город Березов.

— На то и царский указ, — смиренно ответил Мельгунову светлейший, однако озабоченность скрыл плохо. Призадуматься же светлейшему князю было над чем.

Надо было прежде всего подготовить к этому страшному известию Дарью Михайловну и дочерей. Было что-то зловещее в том, что именно он должен говорить семье о новых бедах. «Боже праведный! Язык не поворачивается, ноги одеревенели». В свое время он придумал бы тысячу планов, нашел сотни ходов и выходов. Да и теперь, будь он один, рискнул бы.

«Сибирь», — прошептал он. И только теперь понял, с какой бесчеловечной легкостью высылал туда своих недругов.

Но делать было нечего. Он вошел в покои дочерей, где была и княгиня.

— Александр Данилович, что вошел чуть слышно? Будто и не ты, — протягивая к нему руки, сказала княгиня. — Али нездоров?

Светлейший издал какие-то нечленораздельные звуки, отчего обе дочери насторожились.

— Спрятать надобно драгоценности подальше. Раздать прислуге: Луке, Глафире, Анне.

— Что случилось, батюшка? — у Марии Александровны обеспокоенно округлились глаза.

— После, Мария Александровна. А пока собирайтесь в дорогу.

— В Петербург?! В Москву? — закричал княжич. — Я так и знал, что мы скоро отсюда выедем. Конюх Степан телегу чинил да все на меня поглядывал. Поглядывал да головой качал.

День клонился к закату. Александр Данилович стоял у окна и смотрел на высокие стены крепости, на чистое небо. Аллея заморских деревьев, которую старательно выращивали садовники на радость государю Петру Алексеевичу, еще не разметала лист, но ветки отяжелели, набухли почки, готовые вот-вот лопнуть и наполнить округу диковинными запахами. Зато уже березняк весь купался в зеленом мареве.

Капитан Мельгунов, проходя по коридору, остановился возле князя и тихо произнес:

— Надо собираться в путь.

16 апреля 1728 года экипажи с семейством опального князя оставляли крепость Ранненбург.

Дарье Михайловне сразу не сказали о месте ссылки. Она и без того, узнав о царском указе оставить Ранненбург, сникла и потеряла способность задавать какие-либо вопросы.

Александр же Данилович был в хлопотах. Шикарных карет, в которых семейство выезжало из столицы, не было и в помине. Во дворе стояли простые телеги и три возка. Десять крепостных мужиков, которых разрешили взять с собой опальному князю, стояли поодаль с узлами, плетеными корзинами, прощались с родными, быть может, навсегда.

Мельгунов, Плещеев возбужденно наставляли вооруженный конный отряд, но чаще всего подзывали к себе немолодого лейтенанта Степана Крюковского, которому надлежало сопроводить семейство Меншикова до Тобольска.

Возок, поданный для князя с супругой, был изрядно обшарпан. Не лучше был и возок, где разместились дочери Александра Даниловича. В третьем, с тремя

лакеями, уселся княжич — так он захотел. На телегах рассаживались крепостные мужики, но прежде каждый поясню раскланялся на четыре стороны.

Не спускавший глаз с Александра Даниловича Пырский, улучив минуту, подошел к бричке, шепнул: «Остерегайтесь. Обыск будет».

По земле шла весна. Воздух был наполнен такими запахами, от которых пьянел не только человек. Коровы, выпущенные из хлевов, шевелили скользкими ноздрями и жалобно мычали. Собаки, обнюхивая воздух, брехали попусту. Петухи, насидевшиеся за зиму в курятниках, горланили наперебой. Деревенские ребяташки, увидев в небе прилетевшего в родные края журавля, кричали:

Курли, курли, курли,
Летят, летят журавли!
Икли, икли, икли —
Это журавли, журавли!

Курли, курли, курли,
Летят, летят журавли!
Курлыси, курлыси,
По Руси, по Руси!

Дороги расползались, обнажая ухабы и рытвины. Скрипели телеги. Осталась позади крепость Ранненбург, скрылась из виду высокая башня со шпилем. Плыли белые тучки по весеннему голубому небу. Впереди была дальняя неизведанная дорога.

Глава двадцать вторая

Лейтенант Степан Крюковской среди друзей считался человеком бывалым. И хотя, возвращаясь после очередного сопровождения ссыльных в Сибирь, на Алтай или на Кавказ, подолгу хворал, клял жизнь, но от новых длительных поездок не отказывался.

«Денежки у него в кармане зашевелились. Немалые денежки, — втихомолку, не без зависти, поговаривали о нем сослуживцы. — В прошлом годе экономя купил с черноземными землями, а ноне возводить начал каменную усадьбу.

Хотя на этот раз от Сибири Степан думал отговориться: бывал, мол, там уже — спину застудил, кабы напрочь не отсекло. Но когда его вызвали в канцелярию Тайного совета, был польщен и везти новую партию в Сибирь согласился безоговорочно. «Сказывают, персона важная, так что куш будет велик», — думал про себя, подбирая для дороги надежных напарников. Он еще не ведал, что станет сопровождать самого Александра Даниловича Меншикова с семейством. Когда же узнал, обомлел, но назад дороги не было. Ему давали наставления: каждые три дня пути посылать в столицу эстафету о пути следования опальных.

Эскорт проезжал мимо деревень: низенькие хаты, покрытые соломой, бани, топившиеся по-черному, дети, бегущие вдоль дороги с радостными криками.

Степан Крюковской нет-нет да оборачивался. Он знал, что часа через два после выезда из Ранненбурга их догонит отряд Мельгунова, чтобы произвести очередной обыск. Так было предписано Тайным советом. Там, в столице, не могли успокоиться оттого, что Меншиков, как они предполагали, может утаить миллионы.

Александр Данилович прижимал правой рукой ослабевшую и равнодушную ко всему Дарью Михайловну. В это время по слюдяному окошку кареты застучал черенком хлыста лейтенант Крюковской. Дарья Михайловна вздрогнула, но, ощутив на плече теплую руку мужа, успокоилась и притихла.

— Выходите, — приоткрыв дверцу, сказал лейтенант таким голосом, что переспрашивать не было резона. Надо было выходить. — Туда, туда, к дубу, там суше.

— Требую объяснить, — Меншиков не понимал, что собираются предпринять с ними вооруженные люди.

Со свистом и гиканьем неся нагоняющий их отряд. Грязь летела из-под копыт.

«Федор! Князь Федор! Это он. Я знаю, это он», — в возбуждении прошептала Мария Александровна, выпрыгивая из брички. И никого не слыша и не видя, побежала по грязной дороге навстречу конному отряду.

— Куда? — повернул за ней вороного коня лейтенант. — Куда? — догнав княжну, громко спросил Крюковской.

Мария Александровна запнулась, упала на колени. Лейтенант спрыгнул с коня, подал княжне руку. Та

вскинула на него испуганный взгляд. Крюковской обомлел, увидев прекрасное лицо девушки.

— Царская невеста! — вырвалось у него. — Подайте же мне вашу руку!

— Кто нас догоняет? — едва слышно спросила Мария Александровна.

— Отряд из крепости, — мрачно ответил Крюковской. — Сожалею, но ваше семейство будут обыскивать. — Ему казалось, что он никогда еще в жизни не видел такой красивой девушки, и не мог отделаться от впечатления, что девушкой двигает жуткое отчаяние и безысходность.

— Не падайте духом, — попытался успокоить девушку Крюковской.

Мария Александровна подняла голову, с усилием встала на ноги. Лейтенант показался ей неказистым, но у него были храбрые глаза.

— Возвращайтесь к бричке. А еще лучше — сразу идите к дубу.

Самого Мельгунова не было с вооруженным отрядом, хотя порядок обыска был предписан им. Капитан не имел ни малейшего желания еще раз встречаться с Меншиковым, не хотелось снова видеть унижение заслуженного перед отечеством человека. Хотя до приезда в Ранненбург гвардейцу казалось, что великая вина светлейшего князя доказана.

Выполняя волю молодого императора, посланные вдогонку нарочные потребовали вернуть обручальное кольцо.

— Благо-то какое! — неожиданно для всех воскликнула царская невеста.

Все замерли.

Княжна с осторожностью прикоснулась пальцами к обручальному перстню.

У Александра Даниловича потемнело в глазах: все вокруг закачалось и поплыло, но он сжал зубы и молча творил молитву.

— Вот и делу конец, — непривычно дерзко сказала княжна, держа в руках перстень, которому не было цены. В нем была власть и судьба государства. — Возьмите, а не то брошу. Мне теперь все едино!

Старший офицер подставил дрожащие ладони. Перстень оказался в грубой солдатской руке.

— Еще велено взять личные подарки покойного Петра Алексеевича и императрицы Екатерины.

Когда юный, с нагловатыми глазами солдат бесцеремонно стал выворачивать карманы светлейшего, терпение Александра Даниловича лопнуло. Большого унижения перед своей семьей князь не мог пережить. Размахнувшись, он с силой ударил юнца так, что тот не смог устоять на ногах, отлетел к обочине дороги. Солдаты, оставив фургон, возле которого потрошили княжеское имущество, не зная еще, в чем дело, бежали, полные желания защитить товарища.

— Прочь! — лейтенант Крюковской остановил их с шашкой наголо. — Я имею предписание из Петербурга! Мизинцем не прикасаться к князю и его семейству. Прочь!

Сопровождавший ссыльных отряд оградил семейство от возможного бесчинства.

— Кто знает, как у них было во дворцах. Сегодня бранятся, завтра — милуются. А вдруг да государь передумает. Вдруг да вытребуется свою невесту обратно? Как тогда? — выговаривал он возбужденным солдатам. — Тут вам не кто-нибудь, а сама царская невеста!

Александр Данилович понимал, что все это лейтенант придумал на ходу, чтобы защитить светлейшего.

— Делайте свое дело да нас не задерживайте. Иначе греха не оберемся, — вложил в ножны саблю Крюковской. — Да не воруйте!

Прошло около двух томительных и унижительных часов, прежде чем пришли к князю подписать бумагу с описью вещей. Он сделал это не глядя, лишь бы не видеть, что делают с его добром.

— Садитесь в возки, — лейтенант поглядывал на хмурое небо. Ему хотелось подойти к молодой княжне, которая стала еще бледнее. Ее руки, сложенные на груди, не шевельнулись даже тогда, когда мимо, еле-еле переставляя ноги, прошла Дарья Михайловна, поддерживаемая с обеих сторон слугами.

Лука долго не мог застегнуть пуговицы на атласном зеленом кафтане князя. Пот заливал лицо Александра Даниловича, и он ежеминутно обтирал его носовым платком.

— Прости, Дарьюшка! Прости, милый друг, — взбираясь в бричку, говорил князь. — Один я во всем вино-

ват. Прости. И у тебя и у детей перед Богом буду просить прощения.

Повозки на ухабах и рытвинах кидало из стороны в сторону. У Дарьи Михайловны начались спазмы. Отряду пришлось располагаться на ночлег в первой попавшейся деревеньке. Доктор Шульц не отходил от больной, а под вечер, отозвав Александра Даниловича в сторону, с горьким сочувствием сказал:

— Светлейшей княгине скоро придет закат. Бедное сердце тихо тук-тук. Совсем тихо.

— Иоганн,— до боли сжал руку доктора Александр Данилович, и Шульц сразу понял, как князь наградит его, если поправится Дарья Михайловна. Заветной мечтой доктора было возвращение на родину. Многие из прислуги светлейшего возвратились с полдороги в Петербург. Иоганн же постоянно был возле семейства опального князя: он авансом получил огромную сумму денег.

— Отпущу. Другого лекаря найду,— пообещал Александр Данилович. Но Иоганна это не утешило. Он понимал, что состояние княгини настолько плохо, что навряд ли во всем Петербурге найдется лекарь, который мог бы поставить ее на ноги. «Вместе с княгиней помру в Сибири»,— бормотал Шульц. Он шел по узкой просохшей тропке возле плетня, на который метрах в десяти от доктора с шумом взлетел петух. Внезапное урчание лохматой собаки, лежащей возле телеги со сломанным колесом, испугало доктора. Он вздрогнул и остановился, боясь сделать лишний шаг.

Это был старый, уже отслуживший свое пес. Один глаз у него давно вытек, и на его месте была узкая щелочка. По-видимому, в пору своей молодости этот серый лохматый пес вел бурную собачью жизнь, храбро сражался с соперниками за право быть первым. Теперь же он лежал, скосив набок голову, не проявляя ни малейшего желанья подняться от телеги. Но Иоганн стоял как вкопанный.

Со стороны поля показалась чья-то фигура. Близорукый доктор не сразу узнал в ней прислугу Глафиру. Она, запинаясь, шла обочиной с охапкой первых полевых цветов. Во всем облике ее сквозила весенняя свежесть. Казалось, она была дочерью этого поля. Доктора Глафира не заметила, хотела было обойти плетень, но услышала тихое:

— Клаша, Клаша!

Девушка, увидев его и лохматого пса, догадалась, отчего тут затаился Иоганн. Она не стала расспрашивать, присела на корточки возле собаки, погладила ее по голове и спине.

Доктора потеряли. Княгиня стала совсем плоха: она уже не узнавала голоса дочерей.

Лейтенант Крюковской, отослав в Петербург очередное донесение, при всем сочувствии к князю, сказал определенно:

— Поутру отправляемся в дорогу.

До Переяславля-Рязанского Дарью Михайловну пришлось везти в специально сооруженной качалке, привьюченной к двум лошадям.

Переяславль показался к полудню. По берегу реки, насколько хватало глаз, виднелись леса. Деревянная крепость приютилась в излучине. Высокие, потемневшие от времени стены, глубокий, наполненный водой ров придавали ей солидный вид.

Степан Крюковской пришпорил коня и поскакал к крепости, оставляя после себя вихри пыли.

— Кажись, монастырь здесь, — обтирая потное лицо, сказала княжнам подошедшая к ним Глафира. — Вон, глядите, монашки в поле пошли, — показала она на двигающихся вдоль стен женщин в долгополых черных одеяниях. — Ох, в поле хочу! — вырвалось у девушки.

По всей видимости, из крепости уже заметили приближающийся эскорт. Вооруженные солдаты в красных кафтанах вышли настречу Крюковскому с ружьями в руках. Один из них, унтер-офицер, отделился, принял подорожную.

— Привязывайте лошадь, проходите. Да поторопитесь застать воеводу в избе, а то разговаривать не станет.

Увидев в дверях Крюковского, писцы, сидевшие за столами, глазами показали Степану на дубовую дверь.

Воеводой здесь был Дмитрий Петрович Пуртов. По указу, предписывающему пребывание в этой должности не более четырех лет, ему пора было уходить в отставку. Но по причине того, что предполагаемый преемник его был уличен во взяточничестве, Пуртова оставили послужить еще годок-другой. Внешность Дмитрия Петровича была ничем не примечательна: толстые губы, гор-

батый нос, седая борода и усы. Из-под нависших бровей светились поблекшие голубые глаза. Но была у него и особая отметина: правое ухо его было отсечено саблей в пору его молодости в боях под Полтавой. Он встретился с Крюковским лицом к лицу, но не остановился, а прошел вразвалку мимо писарских столов и вышел.

Степана он, конечно, заметил, но возвращаться не посчитал нужным.

Солнце играло в высоком небе. Остановившись на широком крыльце воеводской избы и запрокинув голову, Дмитрий Петрович глядел в небо. Там, в выси, летали голуби. Он и сам разводил голубей: саморучно кормил, саморучно выпускал из голубятни. Скоро стая начала спускаться и кружить над воеводским двором. Белый голубь вдруг стал камнем падать к земле. Дмитрий Петрович озорно свистнул. Голубь пролетел над головой воеводы и взмыл, уводя с собой стаю.

— Нонче барки многих денег стоят, — не глядя на Степана произнес воевода. — Лесу поблизости не стало. Все пожары съели. — Услышав колокольный звон, перекрестился и пошел к обедне. — Ступай на торговую пристань, — сказал, отойдя на несколько шагов.

Солдат в серой епанче, в железной шапке, берестяных лаптях проводил воеводу до калитки и долго глядел ему вслед.

Крюковской вздохнул с облегчением, оглядывая добротные деревянные постройки: рубленые в лапу избы, тесовые крыши, удобную бревенчатую пристань вдоль берега. Порывистый ветер рябил речную гладь, касался молодой поросли изумрудной травы. Стоя возле калитки, почувствовал прилив сил, на какое-то время освободился от забот. Однако окрики со стороны крепости вернули его к действительности. Они сразу же напомнили ему о делах. Он бросил затуманенный взгляд на еловец — старый шпиль крепости с небольшим флажком — и быстро пошел от калитки, по пути чуть не сбив с ног замешкавшегося солдата.

Распорядившись об устройстве ссыльных на отдых, Крюковской взял с собой шестерых солдат, которым случалось плавать на барках по Северному морю, и спустился на пристань.

Переяславские приказчики знали толк в торговле речными судами. Доподлинно знали, почем нынче ладьи,

баркасы, барки, лодки. Мужчина лет сорока в высоких кожаных броднях важно расхаживал по берегу. Увидев приближающихся солдат, громко крикнул, сложив руки рупором. Голос покотился по волнам, ухнул у заводи, отдался эхом вдоль реки. Это был хозяин пристани Матвей Спиридонович Токарев. Окинув взглядом приближающихся вооруженных людей, почти безошибочно определил: эти в Сибирь!

Выслушав лейтенанта, Матвей Спиридонович почесал затылок, махнул в сторону рукой. Его команды, по видимому, ждали, потому что тут же подбежал здоровущий парень с огненно-рыжей бородой.

— До Тобольска плыть надо. Какой совет дашь? — спросил хозяин.

— Только до Тобольску плыть надо али дале?

— Дале, — ответил Крюковской. — Но пока дал бы Бог до Тобольска, а там у других пусть голова трещит.

— Выводи, пушай глядят. Все одно продавать надо, — кивнул хозяин в сторону заводи и свистнул.

Скоро несколько босоногих мужиков, зацепив крепкими пеньковыми веревками, вывели на плав несколько барок.

— Добре, — подал голос солдат, назначенный плыть до Тобольска кормчим. Он тут же направился к баркам и стал их осматривать. Отметил, что на носу суден выстроена защита от набега встречной волны. Помещения для людей и припасов просторны. — Хороши барки, — одобрительно сказал он, на что рыжебородый подобострастно закивал головой.

— Он что молчит? Ты разговаривать не велишь? — спросил Крюковской.

— Да нет, — ответил хозяин. — Безъязыкий. Промышленники на Двине отрезали, чтобы секреты строительства не выдавал. А он и руками все расскажет, только денежки плати.

— Двух барок хватит? — спросил кормщика Крюковской. — Нас наберется.

— Торговаться станем?

— Что торговаться? Деньги у светлейшего князя изъяты.

— Ну, Михайло, — обратился офицер к кормчему, — ты дальше соображай: не первый раз — знаешь, что надо, да окромя припасов и харчей купи одежонки

мужикам, каких нанимать будем. Бог его знает, какова дорога. Это сибирские реки. У них свой нрав, да и на берегах ватаги почище волжских разбойников гуляют.

— Реки-то нынче могут большой разлив дать, будут пострашнее моря-океана, — сказал хозяин пристани, чем дал понять прибывшим, что следует поторапливаться. Матвей Спиридонович не любил, когда у него на пристани подолгу стояли проданные суда. Да и в словах его была правда.

— Я к воеводе, — ловко вскакивая на коня, сказал лейтенант, еще раз поблагодарив хозяина пристани.

Воевода ждал проезжего лейтенанта, но вида не подал. Молча принял документы, не глядя, сунул в стол.

— Сопровождаемый — важная персона, — заговорил с воеводой Крюковской.

— И важных в Сибирь надо! — ответил тот.

— Александра Даниловича Меншикова с семейством по указу государя на поселение в Березов отправляем.

У воеводы округлились глаза.

— Повтори-ка! — откинувшись на спинку стула, попросил воевода. — Назови опального фамилию.

— Светлейший князь Александр Данилович Меншиков с семейством.

— Господи, спаси и помилуй! Неужто! — подняв ладони к лицу, воскликнул Дмитрий Петрович. — Я ведь сразу-то не понял. Тугоухий я. С тех полтавский боев. С тех! Где были покойный государь и Меншиков. Господи! В чем вина его?

Крюковской не мог, не имел права ничего говорить, кроме того, что написано в подорожной.

— Надо бы свидеться, — понимая всю нелепость своих слов, все-таки вымолвил воевода. — Драгуном я подле него, подле светлейшего князя был!

Воевода так был взволнован, что не мог спрятать выкатившейся из глаза слезы. Спесь и напыщенность сдуло, как пыль ветром.

— У нас на Руси все с ног на голову ставится. Пошто мы таких людей в Сибирь гноить шлем? Ведь он в летах. Али на нашей земле ему места нету? Туда разбойников шлют, убивцев, и туда же самого светлейшего князя!

Лейтенант пожал плечами. Он мало разобрался в

государственных делах, хотя слова воеводы пришлись ему по сердцу.

— Ты гляди, не озоруй в дороге. Да и в оба гляди, чтоб кто-нибудь княжну не пообидел. У государей думы переменчивы: вдруг да пожелает возвратить свою невесту, — поправляя усы, сказал воевода и, ссутулясь, сошел с крыльца, нервно поправил ремень на коротком синем кафтане.

Глава двадцать третья

В пятистеннике, выстроенном из добротного леса, под тесовой крышей, разместилось семейство светлейшего князя. Было несколько комнат с высокими окнами и цветущей на подоконниках разноцветной геранью.

Возле ворот, калитки и входных дверей стоял караул. За пределы усадьбы ходила только прислуга. Глафира бегала на базар. Она давным-давно не видела такого изобилия. У проворных хозяек поспевали уже свежие огурцы и лук. Вынутые из погребов хрусткие грузди и рыжики казались такими свежими, будто только что просоленные. В воздухе явственно ощущался аромат яблок — прошлый год был на диво на них урожайным. Возле бочек с липовым медом роем кружили мухи. Торговец-пасечник, обозлившийся на надоедливых насекомых, матерно орал на весь базар, размахивая по сторонам рогожным мешком.

— Закрой лохань-то! — оборвал его Лука.

На рынке слуга искал свежей телятинки для княгини. Хотел порадовать хозяйку мясом, затомленным в русской печи.

Княгиня не вставала с постели. Отчего настроение у всех было подавленным.

А вокруг стояла по-настоящему летняя погода. Впервые после долгой зимы скотину выгнали в поля. И бабы вечер окатили пастуха водой, чтобы — как старики сказывают — во все лето не дремал. Глафира хвалилась княжнам, что поутру она слышала кукушку. Все эти простые житейские приметы несли радость и вселяли надежду на перемены в судьбе. Хотя и ждать их не-

откуда. Молодые княжны томились в комнатах, дивясь царскому указу — держать семейство в строгости.

— Пройтись бы по берегу реки, поглядеть на людей, — вздыхала молоденькая Сашенька. — Неужто все время так будет? — со слезами на глазах спросила она сестру.

— Не плачь, Сашенька. По весне всегда грустно бывает, — ласково ответила сестре Мария Александровна. — В эту пору, мне кажется, у человека тоже начинает цвести душа. Она как цветок: если добрая земля, цветок цветет, благоухает, если плохая — он чахнет и умирает. Если у человека в душе любовь — он весел и счастлив, если тоска — то наоборот. Твоя душа, Сашенька, цветет!

— Как же это она цветет, если мне плакать хочется?

— Оттого и хочется плакать, что томится она, нет ей простора, а она цветет. Время пришло.

Сестры, быть может, еще продолжали бы разговор, но из соседней комнаты послышался звон колокольчика.

— Маменька зовет Глафиру, — сказала княжна Александра. — Боже мой, какие страдания!

— Боюсь даже представить, что будет в дороге. Вчера воевода присылал доктора. Он долго сидел возле маменьки и ушел, удрученный ее видом. Он, правда, ничего не сказал. Но всегда ли надо говорить?

— Как воевода узнал о болезни матушки? Возможно, лейтенант Крюковской ему сообщил?

— Мир не без добрых людей, — уклончиво ответила Мария Александровна.

Слышно было, как пробежала к княгине Глафира, потом проскрипела дверь на ржавых петлях в комнате Александра Даниловича. Послышались его тяжелые шаги.

— Кабы маменьке хуже не стало, — шепнула младшая княжна. — Иоганн вчера вечером так усердно молился.

— Не о маменьке плачет Иоганн. Домой просится, да папенька не пускает. Охота ли в Сибирь?

— Другие ведь не спрашивали, сбежали. Твои фрейлины и все-все. Выезжали из Петербурга пышно, — тут княжна Александра запрокинула голову, разбросила в стороны руки, прикрыла томно глаза, передразнивая царедворцев. — А потом всех как ветром сдуло. И когда

повернули обратно? И как их конвой отпустил? Даже всех карлов забрали. Мне пуделя жаль. Он у пажа Мурра был на руках. И его увезли в Петербург. Значит, всем можно, а Иоганну — нельзя?

— Батюшка столько заплатил Иоганну денег, столько перевел в Германию его родителю, что ему во всю жизнь не расплатиться. Вот он и плачет,— пояснила Марья Александровна, прислушиваясь к отцовским шагам.

Александр Данилович быстро вошел в комнату Дарьи Михайловны, откуда вышел несколько минут назад. Княгиня, почувствовав его возвращение, протянула руки.

— Мне что-то, Александр Данилович, страшно стало одной. Все кажется, когда ты уходишь, будто подле меня чьи-то вздохи да стоны. Кто хоть хозяин этого дома? Добрый ли человек? Поди, столько людей загубил, что их души по ночам здесь носятся.

— Что ты, Дарьюшка, самый благообразный человек. Купец. Только с ним разговаривал, за постой расплатился.

— Как расплатился? Разве мы жить не тут будем? А? — от Дарьи Михайловны скрывали скорый отъезд.

С улицы отчетливо послышался топот копыт, а поскольку дом стоял наособицу, не было сомнения, что едут именно сюда. Князь выглянул в окно и сразу узнал лейтенанта. С ним было еще несколько наездников. По-видимому, они были навеселе, потому как разговаривали чересчур громко.

— ...Сибирь! — донеслось до Александра Даниловича, и он заторопился прикрыть окно. Понял, что все готово к отъезду до Тобольска.

— Алексаша, открой-ка окно. Что там они говорят? Какая Сибирь? Открой окно-то,— Дарья Михайловна, пожалуй, настояла бы на своем, но очередной сердечный приступ не дал ей возможности это сделать. Она сморщилась от боли, тихо застонала и повалилась на подушку.

— Иоганн! — резким голосом позвал Александр Данилович, приоткрыв дверь.

Поднялся переполох. Все забежали из комнаты в комнату. Иоганн, на бегу открывая бутылочку, выронил

ее из рук. Та покати́лась, наполняя воздух резким запахом.

Княгиня долго не приходила в себя. Князь сидел подле, не выпуская ее руки из своей. Взор его затуманился. Он явственно ощутил, что час их разлуки недалек.

Княгиня открыла глаза, когда день катился к закату. Над землей в теплом мареве, радуясь жизни, все еще сновали птицы. Было странно, что такие по-детски чистые, широко распахнутые глаза не видят света.

Тревожные мысли о кончине супруги все чаще овладевали светлейшим, но он подавлял их в себе. Однако, когда Дарья Михайловна попросила позвать старшую дочь и оставить их наедине, Александра Даниловича охватило недоброе предчувствие.

Княжна буквально влетела в спальню к матери, упав ей на грудь. Она едва сдерживала рыдания.

— Стоит ли жалеть о том, что послал Бог? — спросила княгиня, и в голосе ее была та мудрая искренность, та неподдельная откровенность и прямота, от которой становилось не по себе. — Я не об этом, Мария Александровна, тужу. Я, дочь моя, оплакиваю твою судьбу. О, если бы Федор был не Долгоруковым! Я помню, как он бросился к моим коленям. Как воскликнул: «Ах, какое семейство мы бы вместе составили!» То было в лесу. Ты помнишь?

Мария Александровна промолчала в ответ, но было видно, как жадно и внимательно слушает она мать.

— Я тогда назвала его своим сыном. Это правда, Мария. Он так и останется моим сыном... Если тебе суждено будет увидеть его — передашь эти слова... Помнишь, Мария, когда князь Федор в моей комнате встал на колени, то же сделала ты. Я положила руки на ваши головы и сказала: «Будет Бог вашим заступником, милые мои дети!» Я даю вам свое благословение. Я верю в вашу любовь. Да пусть ниспошлет Бог вам лучшую, счастливую долю! Поверь матери, доченька, ты прекрасное создание и, верю, сделаешь счастливым своего избранника. А князь Федор, я это чувствую, достоин счастья!

— Не надо, матушка. Не говори о Федоре.

— Машенька, — почувствовав желание княжны не

бередить душевной раны, продолжала Дарья Михайловна.— Я прошу тебя об одном: не оставляй отца. Он так несчастен. Он без меня будет совсем одинок!

Глава двадцать четвертая

Последние дни воевода Дмитрий Петрович Пуртов жил в каком-то предчувствии.

Нынешним утром встал ни свет ни заря, пошел к базарной площади. Поглядел, как готовились торговать бойкие вологодские мужики. «Оне не стоко ведут торг,— жаловались на них горожане,— скоко пьянствуют да охальничают. Яко жеребцы, за девками бегают». Прошелся по улицам, направился к пристани.

Там, возле барок, встретил хозяина пристани и кормчего Михайлу.

— Хорошую цену выторговал?

— Слава Богу,— весело ответил хозяин пристани.

— До Тобольска дорога не ближняя,— обратился воевода к кормчему.— Ладно хоть в лето плывете. В прошлом годе по восемь волоков встречалось, да все верст по восемь, по десять, а один так все двадцать был.

— Так тогда арестанты были,— вклинился в разговор Матвей Спиридонович.— Они лямки на плечи и — эй, ухнем! — а тут, сказывают, княгиня шибко больная — совсем в дороге расхворалась, две княжны да прислуга все бабы.

— Вначале две барки купили, а потом еще одну,— поясняя, вставил кормчий.

Хозяин пристани пригласил воеводу пройтись по берегу. По полноводной реке, не так давно сбросившей лед, разгуливал вольный ветер, коробил гладь. Ухала какая-то птица.

— Бают, старшая из княжон — царская невеста. Царь-то ей при обручении кольцо одевал, а потом, по дороге в ссылку, велел отобрать.

Воевода не стал ни подтверждать сказанное, ни возражать, а только молча перекрестился. Со стороны берега доносились голоса. По зыбким сходням шли

люди, и хозяин пристани сразу узнал впереди шагавшего лейтенанта Крюковского. Шепнул воеводе:

— Арестантов ведут.

— Каких арестантов! — шикнул на Матвея Спиридоновича воевода.

— Вона, вона, кажись, царская невеста. Ладная такая, — стаскивая шапку с головы, шептал Матвей Спиридонович. — Княгиню на руках несут. Совсем, видать, расхворалась.

«И кому светлейший стал поперек дороги? Кабы Петр Алексеевич был, не допустил бы такого поругания», — думал в это время воевода.

— Царская-то невеста, — пялил глаза Матвей Спиридонович. — У царя губа не дура. Поди, в России есть из кого выбирать.

— Много ты знаешь! — оборвал его воевода. — Они, государи-то, все себе невест чужеземных выбирают. Петр-то Алексеевич все с немками якшался и женился на немке. Это что! Он и сына своего, царевича Алексея, на какой-то Шарлотте женил, а тот с русской девкой Ефросиньей сбег!

— А это-то какая? Русская али нет?

— Что, ослеп? Отец — вона, и мать тут же! Подойти, что ли, поклониться? Как думаешь? — спросил воевода. И, подойдя к воде, отхлебнул несколько пригоршней, проведя напоследок мокрой ладонью по разгоряченному лицу, пригладил бороду.

Кормчий Михайло с высоты палубы сокрушался: эко сколько баб. Чего хорошего ждать от такой дороги? Еще и блевотиной, глядишь, изойдут.

В высоком чистом небе плыли серебристые облака. Ветер рябил слегка реку.

Александр Данилович знал толк в самых разных морских и речных судах. Издали увидев барки, признал их надежными. Только уж совсем маленькие, так что не до особого комфорта. Даже для большой супруги.

На палубу поднимались осторожно. Доктор Шульц, сухой и сторбленный, с ужасом оглядывался вокруг, не умея сдержать слез, впрочем, кое-кто считал, что плачет он от сопереживания страданиям княгини.

Для лейтенанта Крюковского не было неожиданностью встретить на пристани воеводу: он хотел было

отдать честь, но именно в это время сзади раздался громкий голос Александра Даниловича:

— Петька! Брат родной!

— Так точно, ваше высочество! — хрипло отрапортовал воевода.

Прошло еще какое-то мгновение — и они крепко обнялись и у всех на глазах поцеловались.

— Плаксив все ж таки русский мужик, — первым нашелся воевода, утирая ладонью глаза.

— Вот так-то, драгун! Спасибо за память, — выдохнул светлейший князь и зашагал на судно.

На пристань пришел священник с кадиллом, в котором тлела богородская трава. Он взошел на судно с молитвой, пожелав всем счастливой дороги, обошел и другие суда. Кормчий Михайло, благословясь, взялся за руль. Суда вывели на воду.

Скоро раздалась команда, гребцы взмахнули веслами.

Берег опустел. Воевода долго стоял в полном оцепенении, не слыша ни Матвея Спиридоновича, ни колокольного звона, зовущего к заутрене. Желая остаться один, свернул на чуть приметную тропку вдоль берега. Сел прямо на землю возле куста шиповника, спрятал лицо в ладони.

Княжич Александр, один из всего семейства, был в полном восторге от плавания. Он встал рядом с кормчим и смотрел по сторонам.

На берегах, вдоль которых проплывали барки, росли глухие дубравы, кое-где попадались деревеньки. Буйствовали взбодренные весенними дождями травы на изумрудных лугах. Паслись стада. Во всю необъятную ширь расстилалась русская земля.

А вот остальные Меншиковы чувствовали себя худо. От речной мороси княжон стало знобить. Слуги достали тюфяки, тафтяные шубы, пуховые платки. Лука в походной треноге постоянно держал огонь, заливал горячей водой бутылки, отогревая ими дрожащих девушек.

Но хуже всех чувствовала себя Дарья Михайловна. От качки у нее началась рвота. Иоганн, неотступно находившийся с ней, не верил в ее выздоровление и уже ждал часа, когда преставится раба Божья.

Как бы люди ни готовились к потере близкого, как бы ни уговаривали себя, что это ждет каждого, что, отходя

в иной мир, освободишься от земных страданий, смерть всегда страшна. Когда среди ночи Александра Даниловича разбудили, он сразу все понял.

«Господи, прости меня, грешного!» — ни о чем не спрашивая Луку, со скорбным лицом подошел князь к постели умершей.

Испуг застыл в глазах светлейшего, когда он взглянул на безжизненное лицо княгини. Дрожащими ладонями он прикрыл остекленевшие глаза Дарьи Михайловны, поправил под головой подушку и только тогда запричитал: «Нет, нет. Не может того быть, Дарьюшка! Это как же? На кого ты нас оставила? Прости-и-и!»

Подбежал Крюковской. На судах засуетились. Навзрыд заголосили княжны, им подвывала прислуга.

Первым нашелся сержант. Он все это время был незаметен, но, узнав о случившемся, предложил лейтенанту похоронить усопшую в первой же деревне.

— Ради Бога, — со смирением попросил Александр Данилович, — ради Бога там, где церковь.

— Какой разговор! — ответил Крюковской, мвявший в руках треуголку. — Скоро будет большое селение Верхний Услон.

Село, расположенное на высоком волжском берегу, насчитывало не менее четырехсот дворов. Издали виднелся купол деревянной церкви.

Гроб сколотили из сухих дубовых досок, купленных у дряхлого рыбака и приготовленных для своей старухи, уже не первый год лежавшей без движения. За хорошую цену тот продал доски не раздумывая, пробормотав: «Смерть расплохом берет. От смерти не отмолишься».

Церковь была старая, такая же, как и священник, который молился над усопшей. Служивые люди кучно стояли в сторонке, на лицах их была печаль. Старшей княжне было очень плохо, она пошатнулась и лишь с помощью служанок осталась на ногах. Все померкло в глазах Марии Александровны: жизнь без маменьки, сердечного друга, казалась ей конченой.

К церкви, со стороны поля, с грохотом подъезжала телега. Мужик в длиннополой рубахе, опоясанной пеньковой веревкой, в лаптях с онучами шершавой рукой убирал с телеги молодые зеленые травинки и искоса поглядывал на двери церкви. Скоро, высоко поднимая

ноги через порог, показался сержант с солдатами и работными мужиками, выносившими гроб. Поставив гроб на телегу, все молча постояли, а Александр Данилович в изнеможении схватился за край телеги. Неказистая с виду лошаденка беспрестанно размахивала хвостом, отгоняя роившихся мух. Стоило мужику взяться за вожжи, она резко дернула телегу. Телега загрохотала, гроб затрясло. Мария Александровна негромко вскрикнула, плач пронесся со стороны людей светлейшего князя.

Кладбище было под горой. Гроб несли на руках попеременно мужики и солдаты. Убитому горем семейству Меншиковых казалось, что все это происходит не с ними, что это — страшный сон, который вот-вот кончится. Но о реальности происходящего говорил быстро выросший земляной холм.

Глава двадцать пятая

Утопающее в зелени селение Верхний Услон, где в сырой земле была оставлена жена светлейшего князя, осталось позади, и все разошлись по местам. Только Александр Данилович не мог подняться с палубы, где он молча сидел, глядя куда-то вниз. Лука, примостившись поодаль, не решался тревожить хозяина, дремал. Возле него лежал кафтан светлейшего, чтобы, как только тот поднимет голову, набросить ему на плечи.

Мелкий морозящий дождь бесшумно падал на палубу. Доносился всплеск весел и волн да редкий глухой кашель кормчего.

Задремавший слуга вдруг вздрогнул, вскинув глаза и не поверив увиденному — князь стоял возле кормчего. Лука узнал его голос:

— Дай руль!

— Места тут круговоротные, в быстротечную Каму скоро заходить будем.— Кормчий вроде бы возражал, но место князю-таки уступил, посторонился.

Александр Данилович по-хозяйски уверенно взял руль. Ветер хлестнул в лицо, и князю показалось, что

кто-то шепнул над ухом: «Живи, живи, светлейший князь!» А скорее всего, он сам об этом подумал.

Ветер усиливался. До этого дремавший в кустах, он стал все чаще налетать с берега, с силой ворочать волны и бить ими по корме. От стояния возле руля у Александра Даниловича загудели ноги. Он поблагодарил растягивающего в зевоте рот кормчего и пошел в каюту. Там спал княжич, калачиком свернувшись на постели. Он и раньше спал так же, и такая поза никогда не вызывала в князе желания пожалеть ребенка. Сейчас же сын показался ему круглым сиротой, всеми забытым. Он быстро укрыл его своим покрывалом, сел на краешек постели. На деревянном гвозде висела пуховая шаль княгини. Александр Данилович быстро снял шаль с гвоздя, спрятал в нее лицо, ощущая родной запах. «Я ведь, Дарьюшка, вчера отпустил Шульца. Оставил его подле твоей могилы. Денег дал. Слово с него взял. Честное слово перед Господом Богом. Он в Услоне поминки по тебе справит, и сорокоуст, и подарки раздаст. Свечи ставить будет за упокой твоей души, пока церковь не выстроит. Я ему много денег дал. А там пушай едет в свою Германию». Александр Данилович положил шаль княгини себе под подушку. «Есть хочется», — подумалось вдруг. Он забыл уже, когда последний раз притрагивался к пище.

— Ухи хочу, — сказал князь, принимая от Луки завтрак.

— Сварю. Рыбы-то тут — какой душа пожелает.

В это время из соседней каюты кто-то вышел. По всей видимости, это была Мария Александровна. У Александра Даниловича закололо под левой лопаткой, боль отдалась в плечо. «Куда ни крутни — везде виноват! — с горечью подумал князь. — Ведь она перед самым обручением с юным государем сказала мне, что любит Долгорукова. А как ответил ей тогда: «Ты должна повиноваться, Мария!» — «Воля ваша, — сказала. — С этих пор ни в чем меня не вините».

Александр Данилович хотел бы освободиться от воспоминаний. Но как?

На палубе снова слышались шаги. «Ох, Марьюшка, Марьюшка!» Сколько радости было в твой день рождения. На счастье была ты рождена. Как Петр Алексеевич праздновал твой день рождения! Обласкана ты

была великим государем: назвался он твоим крестным отцом, на «зубок» положил сто крестьянских дворов.

Князь осторожно приоткрыл дверь, взглянул на палубу. Мария стояла, укутавшись в большую теплую шаль. Почувствовав на себе взгляд, обернулась. Александр Данилович распахнул дверь и вышел на палубу к дочери, обнял ее за плечи. О, как не хватало ей ласки! Как не хватало ей добрых слов! Он приклонил голову к ней, она, сильнее прижавшись к нему, всхлипнула:

— Следующий, батюшка, мой черед.

— Не говори таких слов, Мария. Вот только явемся на место, обустроимся, попрошу у государя самую малость — отпустить к нам Варвару Михайловну. Все тебе легче будет. Напишу государю.— Александр Данилович, конечно, не думал сейчас о свояченице. Но то, что присутствие здесь Варвары Михайловны во многом облегчило бы жизнь дочерей, было несомненно.

— Она монастыри не любила. Все мне говорила, все меня отговаривала, что в монастырях одни посты да моления. Богу и в миру служить можно.

— Умница, умница наша Варвара Михайловна. Слов нет, умница!

— Она, как узнала, что я собралась в монастырь убежать, позвала к нам князя Федора. Не позвала, а в своей карете к нам в дом привезла! Двери в ее комнатах заперли. Тебя боялись. Она тогда сказала еще: я вот Богом обижена, а в монастырь все равно не пойду. А теперь ее в монастырь против воли!

— И матушка знала? — вспомнив свою неприязнь к Долгоруковым, неожиданно сурово спросил князь.

— Знала, батюшка, — ответила княжна, не страшась строгого родителя. Ей даже доставила радость внезапная собственная откровенность.

— Ну и молодцы, — совсем неожиданно услышала княжна в ответ.

— Правда, батюшка? Ты не таишь гнева на князя Федора? Господь пошли тебе доброго здоровья за это! Господи, спаси и помилуй моего возлюбленного! — оживилась княжна.

— Нет у князя Федора передо мной вины, кроме той, что он Долгоруков.

— Быть может, батюшка, я еще свижусь с ним?

Быть может, судьба еще будет благосклонна ко мне?

— Быть может,— в задумчивости ответил князь, понимая, что только большие перемены в государстве смогут изменить их судьбу. Но на это не было никакой надежды. Планы юного государя, посаженного светлейшим князем на трон, были Меншикову неведомы.

Мария Александровна потянулась к отцу, поцеловала его. «Он больше никогда не будет таким, каким был»,— подумала княжна, когда князь пошел к себе в каюту.

— Простынете,— узнала она голос лейтенанта Крюковского.— Зябко и сыро от воды.

Княжна в ответ кивнула головой, направилась в свою каюту, где спала младшая сестра. После разговора с батюшкой и воспоминаний о князе Федоре посветлело на душе. Над рекой и вправду было холодно.

Прошло больше месяца плавания, и барки вынуждены были плыть по небольшим уральским рекам, чтобы попасть в Иртыш. В этих глухomanных местах совсем редко появлялись селения, зато удивляло обилие птиц, тучами чернеющих в небе.

Когда приходилось сходить на берег, налетали несметные полчища комарья, в полном смысле слова не давая житья. Они лезли в глаза, в рот, в нос, так что невозможно было вздохнуть, впивались в тело. Монотонный гул, тягучий и звенящий, стоял над головой. И только клубы дыма от разожженных костров могли отогнать их. А выходить на берег приходилось все чаще. В этих местах барки из одной речушки в другую выводили волоком. На берег сходили все мужчины, накидывали на плечи пеньковые лямки и тащили по пересыхающему руслу по пояс в воде.

Смотреть на все это Марии Александровне и младшей сестре было невыносимо тяжело. Главным образом еще и потому, что светлейший князь, скинув с себя одежду, вставал в один ряд с гребцами и мужиками, выполнявшими роль бурлаков.

— Голубушки мои,— успокаивал он дочерей, стараясь казаться веселым.— Я ведь старину вспомнил. Таскал я суденышки. Вместе с Петром Алексеевичем. Вначале на Воронеж-реке, потом на Нарве.

Он еще о чем-то говорил, но его слова были для Марии малоутешительными. И она, заткнув уши, убежала в каюту, где уливалась слезами. Она оплакивала отца, себя, сестру и брата, понимая свое бессилие что-нибудь изменить.

Зато, на удивление всем, светлейший князь повеселел. Это была не показная веселость — она сквозила во взгляде, в движениях. И даже в том, как наедине с собою он стал думать о будущей жизни, не желая пускать ее на волю случая.

И когда позади остались многие реки и речушки, а барки выплывали на простор Иртыша, он думал уже о том, как явится в Тобольск, как встретится с губернатором Долгоруковым, который уже давно получил эстафету о ссылке светлейшего князя в Березов.

Глава двадцать шестая

Близ впадения в Иртыш поднялась зыбь. И уже в который раз княжна Мария Александровна лежала ничком, изнемогая от качки. Были перепробованы все средства, начиная от настоек, оставленных доктором Шульцем, до крепкого настоя смородиновых листьев.

— Может, к берегу причалим? Отдохнем? — спросил Крюковской кормчего. — Комаров не должно быть: ишь как продувает.

— Какие тут комары? Экий простор, — ответил Михайло. — Пристать можно.

На песчаную косу вдоль берега, протянувшуюся верст на десять, причалили легко. Гребцы первым делом растирали ладонями затекшие колени, кряхтели и охали, падая на песок и подставляя солнцу и ветру кто спину, кто живот, кто бока. Княжеские мужики разводили костер для варки уха.

Мария Александровна и ее младшая сестра в сопровождении Глафиры пошли вдоль берега и, разувшись, бродили в теплой воде. Потом поднялись по откосу, нарвали цветов и уже разругавшиеся возвращались обратно.

Уха варилась в нескольких котлах. Возле котла

для светлейшего и его семейства хлопотал Лука. Гребцы нет-нет да глядели на княжеских дочерей, отмечая про себя, что лицом и статью они очень пригожи: они уже давно прознали, что одна из них была царской невестой, и потому боялись лишний раз засмеяться или громко крикнуть.

— Я в этом месте, как только на берег взойду и прикорну, сразу во сне Ермака Тимофеевича вижу. Будто я на Чувашском мысу дерусь с ханом Кучумом. Вот и сей раз. Долго ли спал, а опять его видел, — сказал кормчий, когда к нему подошел Александр Данилович.

Вскоре по команде кормчего все взошли на суда.

Волны на Иртыше буйствовали, качали суденышки, как зыбку: то относили к середине, то к берегам. Верткие лодки, сновавшие вдоль берегов, ныряли между волнами, как легкие жердочки. Небо над Иртышом казалось низким, готовым вот-вот лечь на волны. Моросил дождь. На самой середине, среди волн, плавал одинокий лебедь. Как он оказался тут, никто не мог понять.

В это время, будто с облака, донесся благостный звон тобольских колоколов.

По спине Александра Даниловича пробежал озноб. Предчувствие чего-то неведомого, загадочного взволновало светлейшего. Он вроде бы все это время был в каком-то сне. Все им воспринималось с полным спокойствием и равнодушием, разве что смерть Дарьи Михайловны привела его душу в смятение и печаль, но и она была будто отзвуком и продолжением тех событий, которые были вытканы судьбой. Все это время он не испытывал страха. Были сомнения, обида, разочарование, но не было страха. А вот сейчас...

Звон колоколов заставил трепетать душу. Казалось, она отрывается, летит через облака и ищет, ищет пристанища, просит чьего-то заступничества.

Михайло знал свой родной Тобольск: его церкви, взвозы, имена воевод и губернаторов, где, когда и какие бывали пожары, с кем ведет торг каждый купец. Он был любопытным и дотошным человеком, имел из-за этого много неприятностей. И, от греха подальше, пустился Михайло в плавания по Оби, а в зимнее время ходил в обоз.

— А после стрелецкого бунту сюда прибыли четыре полка, сосланные государем. Воеводами тогда были отец и сын Черкасские, отобрали из них партию дюжих мужиков, чтобы месить глину для строительства Тобольского кремля.

— Раньше-то ты где был, Михайло? — прислушиваясь к звону, спросил Александр Данилович кормчего. — Такая дорога была, а ты все молчал.

— Меня родные колокола всегда будят, — сознался тот. — Уплыву от Тобольска в другие места и спокойно живу-поживаю. Как только возвращаюсь — как заколдованный: все в памяти всплывает, как волшебство какое находит. Ермака Тимофеевича словно живого вижу. Разве татары думали, что русские одолеют их? Дерзкие были мужики русские! Им только надо было струги свои причалить около крутого берега. Никому бы и в ум не пришло такое, а они взяли топоры и давай рушить свои корабли, а бревна и плахи наверх, на гору. Город-то зачинался строиться из судового лесу. Вначале появился частокол, потом воеводская изба, амбары, землянки для казаков. Из этого же судового леса поставили церковь.

«Слов нет, великий град», — подумал светлейший.

По природе любознательный, он и теперь — в новом печальном своем положении сосланного и опального вельможи — находил чем если не обрадовать, то хотя бы согреть душу: скажем, той же встречей со столицей Сибири. И в этой по-детски трогательной радости Александра Даниловича от встречи с городом, о котором столько слышал, как раз и проявлялось то, что так и не смогли отнять у поверженного Меншикова его противники — самообладание и вера в себя, свою звезду.

«Жаль только, что о Березове я толком ничего не знаю, может быть, так сердце бы не саднило, — подумалось вдруг князю, чья мысль забежала вперед, уже далее Тобольска. — Помню только, что заложили его более ста лет назад, чтобы было в тех диких местах укрепленное место для торговли — а если надо, то и для отпора им — с обскими остяками и вогулами. Да еще, помнится, докладывали, пожар там был лет двадцать назад большущий, едва ли не все сгорело».

На палубах чувствовалось волнение. Караул приводил

в порядок одежду и оружие. Княжеские слуги складывали по сундукам и баулам вытащенные в дороге вещи. После долгого обдумывания, в каком виде ему явиться к губернатору, Александр Данилович сказал:

— Лука, доставай новый камзол и белые чулки. Знаю, знаю, что ты их припрятал.

Слуге действительно удалось утаить от обыска в своих корзинах несколько хороших княжеских одежд.

Александр Данилович хорошо знал Михаила Долгорукова — нынешнего губернатора Тобольска. Именно по настоянию светлейшего князя он угодил сюда. «Впереди от него, от Мишки Долгорукова, многое зависит, но не покажу я перед ним своего падения, — подумал светлейший, — пусть знает по бумагам, а чтоб увидеть меня в армяке и лохмотьях — не дождется!»

— Парик-то доставать? — спросил слуга.

— И парик, и туфли, — ответил князь.

Лейтенант Крюковской, увидев на палубе светлейшего князя в малиновом камзоле, опешил.

— Как же? — воскликнул он. — Разве это дозвоительно в вашем положении?

— В моем положении все дозвоительно. Где у тебя написано, в каких одеждах я должен ходить?

И в самом деле, в предписанных бумагах ничего не было написано, как должен быть одет светлейший князь. Он корил себя, что, еженедельно отсылая в Петербург депеши, не удосужился спросить об этом. Просто в голову не приходило — орденов нет, лент нет.

Смекалистые служанки поняли, что и княжон и княжича надо одевать под стать отцу. Для этого они тоже нашли на дне сундуков припрятанные платья. Девушки, вспоминая прежнюю роскошь, не без трепета смотрели на свои вещи. Особенно взволновало Марию Александровну платье из серебряной парчи, раньше она носила его с красной мантией, подбитой горностаем, а на груди медальон с портретом Петра Первого.

— Спрячь, спрячь, — с испугом замахала руками княжна. — Боюсь напоминаний. Спрячь. Как это все уцелело?

— Пошарим, так еще найдем. Это я успела убрать, когда в крепости караульный сказал, что в дороге снова вещи трясти будут. И у Анны есть ваши наряды,

и у Луки. Лука-то все в рогожки совал да в телегах прятал, под сено.

Александр Данилович заметно посмурел лицом, задумался: «Уж эти мне Долгоруковы. Расплодились да все в люди вышли. Все возле царского трона. Заслуг у них немало. Яков все был возле Петра-государя, участник Азовского похода. Кажись, больше десяти лет пробыл в шведском плену. Сенатором был. А Василий Васильевич — генерал-фельдмаршал? А Василий Лукич — дипломат? А Григорий Федорович? А светлейший князь Василий Владимирович? Все Долгоруковы. А нонче при дворе Алексей Григорьевич — тоже светлейший князь? Они подмяли меня. Крепко теперь закрутят! Новая-то долгоруковская поросль какая хваткая. Иван-то! Обкрутил государя. Женят они на какой-нибудь Долгоруковой молодого Петра». Перебирая в памяти важных персон долгоруковского рода, он отдавал должное их способностям, хотя при этом не без бахвальства вспомнил: «И по вашим головушкам походила моя рука».

Вспомнился и князь Гагарин, что сидел в Тобольске воеводою допреж. Уж Матвей-то Петрович не чета был сегодняшнему губернатору, под рукой у царя-батюшки был, а какую кару понес? Под началом государя строил шлюзы на Донском канале, потом сидел воеводой в Нерчинске, состоял судьей в Сибирском приказе, был комендантом в Москве. Стал управлять самой большой губернией в России — Сибирью. Только попутал черт его карман с государственной казной. Но и на это Петр глядел сквозь пальцы. За все хвалил он Матвея Петровича, а особливо за то, что тот свои знания по гидротехнике применил в Сибири, принял решение отвести русло Тобола назад, на два километра выше, потому как, сливаясь с Иртышом, река подтачивала берега, что могло привести к оползнию Троицкие горы, а значит, повредить Троицкую церковь. Работу сделали пленные шведы — опять же даровая сила.

И для всех неожиданным был приезд Гагарина по личному требованию государя. Он был обвинен в лихоимстве, и Петр Алексеевич своему близкому сподвижнику определил позорную смерть. Тобольского генерал-губернатора повесили перед зданием Двенадцати

коллегий в Петербурге. Два месяца тело его не разрешали предавать земле.

Александр Данилович перекрестился, вспомнив, каким жестоким порою бывал государь.

Лейтенант Крюковской с караулом, сопровождавшим опального князя, вышли на берег первыми. За ними шли гребцы и княжеские холопы, переодевшись в чистые рубахи. И лишь потом вышел светлейший, за которым медленно тянулись дети.

«Вот она, столица Сибири!» — подумалось Меншикову.

Среди ясного неба полыхали золотые главы Софии. Между верхним и нижним посадами, как натянутая струна, красовался Прямской взвоз — 270 ступеней вели в город.

Город строился крепостью. Его сокрушали пожары, но он восстанавливался заново, и все в тех же формах. Во второй половине семнадцатого века кроме клетских — четырехгранных — срубов ставят башни — шестерики и восьмерики. Они-то и создают сложный силуэт ярусов и затейливых кровель. Причем башни наособицу: одни глухие — с амбарами, другие — проезжие, с подъемными воротами, с «боевыми часами», с набатными колоколами, третьи — с часовней.

Сам Петр Первый приказал строить город в камне! Помог в этом сибирский митрополит Павел. Он выпросил у царя разрешение на строительство каменной соборной церкви взамен сгоревшей рубленой Софии Премудрости. Прототипом храма послужила Вознесенская церковь, что в Новодевичьем монастыре в Москве.

Чуть позже Семен Ульянович Ремезов выстроил каменный кремль.

Однако в 1714 году вышел указ Петра о прекращении каменного строительства по всей России. Все силы были брошены на возведение Петербурга. Уж кто-кто, а светлейший знал этот указ, знал и как он исполнялся. В мае 1714 года, когда Петр Алексеевич отправился с флотом в море, оставив Меншикова в Петербурге, Александр Данилович был наделен полномочиями главного смотрителя на верфи, так что заботы по добыче камня для сооружения гавани легли на него.

Государь остался доволен, найдя по возвращении в

Петербург много новых построек. Прежде всего светлейший князь не забыл собственную персону, построив на Васильевском острове каменный дворец. Это был дом для празднования военных побед, приема посольств и прочих торжеств.

«Кто из Долгоруковых не побывал в моем дворце? Кто не пивал в нем заморских вин?» — думал Меншиков, направляясь в город за Крюковским.

На пристани шла обычная толкотня, велись бойкие торги. Слышалась разноголосая речь, грохотали телеги, кричали, доказывая что-то друг другу, бородатые мужики, туда-сюда сновали юркие лодчонки.

Необычный вид появившихся на берегу господ не остался незамеченным. Крюковской попытался разгонять любопытствующих, но чем больше он запрещал подходить к процессии, тем больше собиралось народу. Караулу пришлось перегородить крутую лестницу, ведущую в город, чтобы никого не пускать на нее до тех пор, пока по ней не поднимется светлейший князь с семейством.

Глава двадцать седьмая

Губернские чиновники, давно поджидавшие опального князя, стояли на высоком берегу. Дремавший возле коновязей татарин-скороход вскочил на крепкие ноги.

— Ага! — вскричал он спросонья, почувствовав всеобщее оживление.

— Беги, Махмуд, прибыли! — сказал кто-то скороходу. Тот, не раздумывая, кинулся бежать к губернаторскому дому.

На взгорье, чтобы не вести опального князя пешком, ждали крестьянские телеги.

Подводы прогрохотали по пыльной дороге к бревенчатому острогу с крытой галереей и бойницами. Князь окинул взглядом темные стены, неряшливо разбросанные дрова, стоявшие где попало телеги, отметил про себя, что в этом остроге нет порядка. «Надо побыстрее встретиться с губернатором, — подумал светлейший. — Просить буду Михаила Владимировича, чтобы не здесь находиться».

Губернатор Тобольска Михаил Владимирович Долгоруков был в почтенных летах. Но военная выправка и врожденный аристократизм помогли ему сохраниться — точно таким он был и в день их последней встречи.

Получив из Петербурга депешу о ссылке в Березов светлейшего князя, воскликнул: «Сколько вор ни ворует — беды не минует!»

Сказал это не без основания. Когда-то ему случилось руководить следственной канцелярией, которая выявила, что светлейший князь израсходовал один миллион восемнадцать тысяч двести тридцать семь казенных рублей на собственные нужды. Только светлейший тогда одолел Долгорукова. Помогло любезное отношение к Меншикову царицы.

С тех пор прошло много времени, утекло много воды, но памятный Меншиков всегда держал Михаила Владимировича на расстоянии. Нелегко принял губернаторство генерал Долгоруков, отговаривался. Тому же Меншикову писал, прося не удалять его от двора.

К счастью, Михаил Долгоруков был мягкосердечен. Весть о том, что в дороге умерла княгиня Дарья Михайловна, вызвала в душе губернатора искреннее сочувствие и сожаление.

Снова перечитал, что «прислан по Указу его императорского величества за великоважную вину враг Отечества Меншиков со фамилией на безвыходное поселение до кончания живота, под крепким караулом». И проговорил про себя: «за великоважную вину враг Отечества».

И кто писал такой указ, подписанный рукою государя? Недобрый человек. Уж нашли бы для него другие обвинения.

В дверь постучали и доложили:

— Доставили опального Меншикова! Тут он, а семейство в остроге оставили.

Респектабельный наряд светлейшего — малиновый камзол, белые чулки, напудренный парик — притягивал внимание. Но Меншикову сейчас было не до восторженных взглядов толпы. Он чувствовал себя совершенно больным: гудело все тело, ноги отяжелели, казалось, он уже в кандалах.

Кабинет губернатора был выполнен с блеском и

вкусом. И хотя Меншикова трудно было удивить роскошью, привлекли внимание белоснежные спинки стульев, искусно вырезанные из моржовой кости.

Из потайной двери тут же появился Михаил Владимирович.

Светлейший почувствовал, как моментально взмок его лоб, и, не зная, как себя повести, после неловкой паузы низко поклонился.

— Прими соблезнование, — вместо приветствия сказал губернатор, приложив руку к мундиру, увешанному орденами.

У Меншикова повлажнели глаза, и он на какое-то время крепко зажмурился.

— Господь поделом покарал. Да теперь не обо мне речь. Дочери да сын осиротели, про меня уж теперь какой разговор.

Вошедший в этот момент слуга доложил:

— Ваше сиятельство, вызванных на прием впускать али подождать? Все прибыли.

Долгоруков лихорадочно силился вспомнить, кому же именно из записавшихся в этом месяце на аудиенцию или вызванных из губернии он назначил на сегодня. Но как ни старался Михаил Владимирович, припомнить с точностью не мог. А спрашивать в присутствии Меншикова было вроде как бы и неприлично: все-таки давно он знал светлейшего, еще с тех времен, когда тот работал вместе с покойным государем на верфях Ост-Индской компании в Голландии — обучался, как и прочие приближенные Петра, кораблестроению.

«Не дай Бог, — промелькнуло в голове у Долгорукова, — выкинет фортуна коленце, и столкнется Александр Данилович Меншиков нос к носу с давним своим знакомцем Абрамом Петровичем Ганнибалом. И не где-нибудь, а в Сибири, куда светлейший, собственно, и законопатил бывшего своего сослуживца по бомбардирской роте Преображенского полка.

Впрочем, тогда, на заре их знакомства, Абрам Петрович был попросту молодым арапом Ибрагимом, о котором ходило множество всяческих историй и сплетен: начиная с того момента, когда курчавого черного мальчишку подарили Петру Алексеевичу вместе с другими подарками из Эфиопии, кончая женитьбой отличившегося во многих сражениях — а воевал он

не только со шведами, но и даже побывал в схватках Испанской войны — капитан-лейтенанта гвардии на первой красавице Петербурга, дочери богатого боярина Гаврила Афанасьевича Ржевского — Наталье».

Однако молчание затянулось, слуга ждал, и Долгоруков скомандовал:

— Пусть заходят по одному. Кто там первый?

— Ибрагим Петров из Пелыма.

Долгоруков в душе чертыхнулся. Надо сказать, что он задолго еще до этой встречи немало злорадствовал по поводу ссылки Меншикова и был готов многое светлейшему припомнить.

Но одно дело думать о человеке, другое — видеть и слышать его. Губернатор не без умысла вызвал сюда Ибрагима Ганнибала, который тоже отбывал свою бессрочную ссылку в далеком Пелыме. Не думал крестник Петра, что ему придется строить фортецию на далекой таежной реке. А все Александр Данилович, который приложил руку к судьбе Ибрагима.

И вот встреча.

— Не поминай, Ибрагим, лихом, — начал было виниться Александр Данилович. — Бог все увидел, ни-спослал мне и всему семейству великую кару.

— Какой для тебя Бог, — сверкнул гневными глазами Ибрагим. — По трупам ходил, как по бревнам. — В ярости он забыл, что находится у губернатора и то, что ему, ссыльному, негоже говорить подобные обвинительные слова.

Отмеряя сотни верст по лесным дорогам, Ибрагим не мог найти ответа: для какой надобности он был вытребован в Тобольск.

Глава двадцать восьмая

От губернатора Александр Данилович вышел с нелегким сердцем, хотя и понимал, что лучшего ждать не приходится. «Ладно хоть принял, — довольствовался опальный князь, повторяя последние слова Долгорукова: «В Березов, как определено царским указом. И в Березове люди живут».

Устроили семейство опального князя в остроге более или менее по-человечески. На три раза перемыли и выскоблили ножами полы в двух камерах. Но уснуть никто не смог. Полчища клопов повели такое отчаянное наступление, что семейство еле-еле дождалось утра.

После ухода Александра Даниловича губернатор вынул из стола письмо, недели две тому назад пришедшее из столицы от двоюродного брата. Василий Лукич, извещая о новостях в столице, не забыл упомянуть: «Мой-то Федор с ума сходит по старшей дочери светлейшего. Боюсь, как бы у тебя в Сибири не оказался. Заявил мне: «Я не люблю двор, для которого вы меня назначили». На что я ему ответил, чтобы не показывался мне на глаза!»

Встреча со светлейшим князем будто пробудила от спячки. Он вдруг почувствовал, осознал, что, быть может, жизнь в далекой провинции есть благо, спасение от неприятностей и интриг двора. Думая о разладах при царском дворе, он не исключал возможности в скором времени увидеть в Тобольске и других именитых вельмож. Ведь опалу светлейшего князя принимать можно было только как результат дворцовых интриг. Судьба Меншикова вызывала в душе участие. Хотелось даже как-то помочь. Но как?

Утром следующего дня губернатор нагрел в острог.

— Как устроились княжны?

— Все в самый аккурат! Две камеры вымыты кипятком, выскоблены.

— А остальные не моются? — услышал в ответ. Суетливо забегаая вперед, офицер показывал:

— Княжны вон тамо, под телегами, изволили уснуть. И князь там же.

— Где?

— Под телегами, ваша светлость. Спалось им плохо, вот и устроились в холодок. И клопов нету, и комары не донимают. Они люди изнеженные.

Кто-то уже будил княжеских дочерей, расталкивал князя, нашептывая: «Сам губернатор явился! Поторапливайтесь!»

Нет, не зря прихорашивали служанки своих княжон. Не зря Александр Данилович велел нарядиться всем в лучшие, оставшиеся после конфискации, платья. А беспокойная ночь и почти детская беспомощность

молодых княжон вызвали в сановнике искреннее сочувствие.

Княжна Мария Александровна, взглянув на Михаила Владимировича, закрыла лицо руками. Сходство с князем Федором было очевидное. Но она не потеряла самообладания и, подойдя к губернатору, сделала реверанс.

«Она! Федор не мог полюбить другую», — мелькнула мысль, и губернатор в поклоне поцеловал руку княжны. «Божественной чистоты дитя», — подумал губернатор, как бы мимоходом взглянув в удивленные глаза княжны.

— Рад видеть вас, Мария Александровна, — произнес губернатор, на мгновение представив, что может случиться с этой нежной красотой в остроге.

Он быстро повернулся и направился к карете. Тройка лихо неслась по городу, по объездной дороге спустилась к реке, поднялась опять в гору, объехала кремль, промчалась по базарной площади.

Этот пятиминутный визит изменил почти все в тобольском пребывании семейства светлейшего князя. Нет, никто ничего не приказывал, никто ничего не просил. Все делалось как по мановению волшебной палочки.

Были закуплены удобные и проверенные в плавании по Оби дощаники, или «осетрины». Это довольно большие, длинные и плоские суда, чьи размеры позволяли устроить там постели, лавки, столы. Неудобство было лишь в том, что выпрямиться во весь рост на дощанике было невозможно.

Князю и семейству разрешено было в сопровождении караула посещать базар, чтобы закупить провизию.

То, что увидел князь здесь, было удивительно. Особенно в рыбных и пушных рядах, где в замечательном изобилии было представлено то, чем богат сибирский край. Торговали также конями, прочим скотом, шелком и персидским сафьяном, коврами, китайским фарфором, чаем, перцем. Купцов можно было определить по товарам: пояски — пермские, ложки — вятские, попоны — ярославские, иконы — суздальские, ножи — кирилловские, холсты, топоры, гвозди — татарские. Иноземные купцы торговали здесь беспощинно. Многоголосый люд. Голова вокруг.

Возвращался Александр Данилович полный разду-

мий: слишком мало знает двор о своих дальних провинциях. Опора государства — вот где, вот куда надо глядеть. И еще подумалось: «Жаль, Петр Алексеевич не побывал за Камнем: как мог бы во славу России умножить казну. Слава Богу, купцов Демидовых поддержал да обласкал. А сколько жалоб было? Сколько преград тем рудодобытчикам чинили недруги да завистники; принято у нас прибыли в чужих карманах считать. А какую пользу государству Акинфий принес? Кто считал? Да и я мог бы побывать здесь, а ведь даже в голову такая мысль не приходила».

Он шел по берегу Иртыша. Дул легкий ветер. Несметное число лодок воткнулось носами в песчаный берег. Земля дышала теплом. Посмотрев на высокий Прямской взвоз, Александр Данилович приостановился: предстояло еще подняться по крутым лестницам. Крюковской, который в Тобольске должен был расстаться с опальным князем, уже узнал за долгую дорогу многие привычки светлейшего и умел их упреждать. Но тут не надо было быть прозорливцем, чтобы понять, не от базарной толкотни устал пожилой человек, а от житейских невзгод.

Кстати оказалась подвода подъехавшего караула, что ожидал возле крутой лестницы.

— Благодарствую, детки, — сказал, с трудом усаживаясь на брошенный рогожный куль. Закрыв глаза, вздохнул.

Лошадь, дугой изогнув шею, с трудом поднималась по взвозу. Солдат, сидевший впереди, легким посвистом как бы помогал ей и подбадривал.

По острогу, отдавая распоряжения, с озабоченным видом ходил один из местных офицеров.

Он рассчитывал как можно скорее отправить семейство светлейшего князя в Березов, а там будь как будет. «Побыстрее бы их с глаз долой, особенно эту царскую невесту. Лучше не иметь в острогах таких высокопоставленных вельмож. Одна канитель с ними. И погода хорошая, дождей пока нет, и река в берегах. Сказывают, купец-рыботорговец Макрушин за сосьвинской селедкой в Березов плыть собрался. Все по пути».

В один из дней в сопровождении небольшого караула семейство светлейшего князя и их прислуга пошли в Софийский храм к заутрене. Мария Александровна

будто на крыльях летела к храму с золочеными куполами. Да и сам Александр Данилович, любуясь убранством храма, подумал: увидим ли еще когда-нибудь такую красоту?

Началась служба. С высоких сводов с состраданием взирали на молящихся лики святых.

Мария Александровна упала перед священником на колени, заставив расступиться прихожан, пришедших облегчить душу.

— Слушаю, дочь моя,— вскинув взгляд из-под густых, нависших бровей, почти шепотом сказал священник.

Мария Александровна ощутила тепло от руки, дотронувшейся до ее головы.

— Слушаю, дочь моя.

У княжны перехватило дыхание. Она с трудом проглотила комок в горле, мешавший говорить.

— Господь наделил меня любовью,— всхлипнула княжна.— Я умираю от любви. Если он не услышит моего голоса, я умру! Моя душа полна отчаяния.

— Кто твой избранник? — чуть слышно спросил духовник.

— Князь Федор Долгоруков.— Княжна почувствовала, как священник поправил на груди большой золоченый крест.— Да, Долгоруков. Племянник губернатора,— предупредила она следующий его вопрос.— Я знаю, только злые люди могут задерживать его. Я знаю, все на свете может измениться, неизменной была и будет только наша любовь. Батюшка, помогите мне. Помолитесь за меня,— с жаром просила княжна.— Пошлите моей душе успокоение, дайте силы одолеть печаль, но оставьте одно: вечно думать и вспоминать моего любезного князя Федора. Оставьте мне этот грех. Оставьте. Я стану нести его не как кару, а как благо и принимать муку любви, зная, что нет в этом моей вины.

— Дочь моя,— пробормотал священник, оглянувшись по сторонам.— Дочь моя...

Но княжна будто не слышала, находясь в плену своих чувств, которые так давно никому не высказывала: — Я готова была умереть, но встреча с его дядюшкой-губернатором напомнила о светлых днях моей жизни. Благословите меня ради Христа. Не нужны мне царская

корона и царский трон. Я с облегчением отдала государю обручальное кольцо. И этим облегчила душу. Но где мой Федор? Тщетно зову своего Федора. Услышит ли он мой зов из заснеженной Сибири?!

— Дочь моя... На все Господня воля,— растроганно сказал священник.— Бог не может не услышать тебя. Я буду молиться за твою любовь, раба Божья. Господь ниспослал тебе великое испытание души. Пройдет немного времени, и ты успокоишься. Все в жизни приходит и уходит.

— Нет, святой отец, не все,— возразила Мария Александровна.

Священник посоветовал ей поставить свечу к иконе Божьей Матери и надеяться на ее заступничество.

Мария Александровна, сама очень желавшая успокоиться и поверить священнику, почувствовала облегчение, в почтении поцеловала его руку.

— Иди с Богом,— ласково проводил он ее.

Антоний, митрополит Тобольский, узнав о приезде Александра Даниловича Меншикова, не хотел с ним встречи. Властная рука светлейшего князя наказала Антония Стаховского в бытность его архиепископом Черниговским. Хотя вина-то была невеликой — просто не дал санкции на расстрижение монаха, которого светлейший хотел за какую-то провинность передать в застенки Тайной канцелярии. Стаховского тогда вызвали в Синод, а после определили в эту вот удаленную епархию.

Митрополит еще на пристани узнал князя, немало был удивлен случившимися переменами, но злорадства не испытывал, хотя и желания свидеться тоже не имел.

— Владыка! — подойдя к аналою, негромко окликнул митрополита светлейший князь, склонившись, чтобы поцеловать подол его ризы.

— Встань, раб Божий,— сухо сказал Антоний.— Бог милостив — простит! Не забывай его! — Но на просьбу об исповеди ответил отказом: — Ступай к отцу Лаврентию. У меня рука не поднимется.

— Почему так? — спросил Александр Данилович.

— За себя боюсь. Пожить еще хочу. Ступай с Богом. Тебе безутешно надо Господу молиться. Злобы у меня на тебя нет.— Митрополит поглядел на Меншикова, отметив про себя, что князь изменился,

стал проще, смиреннее, но разговаривать больше не стал.

Тягостно было на сердце князя, хотя он и понимал, что это еще малая толика людских обид возвращается к нему.

На исповедь к отцу Лаврентию Меншиков все-таки сходил.

Глава двадцать девятая

Велики реки Сибири — Обь и Иртыш. Сколько воды несут они в океан. Сколько страха наводят на человека крутые волны. И все равно человек воздает им хвалу: поет песни, слагает былины, называет кормильцами. А сколько народу прошло по их берегам — с молитвами и слезами. Сколько тропок-дорожек проторено бурлаками, работными людьми, монахами, беглецами. Разные народы нашли свой приют и кров на их берегах.

Остался позади Тобольск с храмами и колокольным звоном, с кремлем и золотыми куполами. Впереди новая тысячеверстная дорога водой.

Остался в Тобольске лейтенант Семен Крюковской, трогательно простившийся с семейством светлейшего. Сменилась и команда караула. Новым начальником караула был назначен полковник Миклашевский, человек приятной наружности, но малоразговорчивый. С ним в Березов было послано тридцать пять казаков — для благополучного перевоза ссыльного князя.

У судов были паруса, но больше плыли на веслах. На мелководных местах отталкивались шестами или тянули дощаники бечевой с берега. Этот проверенный годами путь купец Иларион Макрушин, согласившийся с тобольскими властями за хорошую сумму доставить семейство светлейшего князя в Березов, освоил в совершенстве.

После осторожных камер плавание доставляло удовольствие; семейство князя часто выходило на палубу, сидело на скамеечках, и только при крутых волнах княжны прятались за дощатой перегородкой, над чем рыжебородый Иларион Иванович не упускал случая ухмыльнуться.

Но скоротечно северное лето. Навстречу уже поплыли хмурые облака, подули ветры. Будто крадучись и стыдясь, по ночам над рекой пробежали мелкие дожди. Сыростью пропитывалась постель. Мария Александровна все больше была в каюте, кутаясь в пуховую шаль.

— Ничего,— успокаивал купец своих попутчиков,— в Березове дров много, бабы печки топят жарко, отогреетесь.

Иларион Макрушин был богатым рыботорговцем и не любил конкурентов. Многие уловные места купил он у инородцев, заключил с ними дороворы, скрепленные печатью воеводы. Если на Оби, особенно в низовье, еще были соседи по рыбным промыслам, то на Сосьве-реке хозяев серебряистой селедочки, что к царскому столу подавалась, было только трое: кроме него еще двое зауральских дотошных купцов. Но он не видел их и видеть не хотел. Инородцев же, истинных хозяев здешних речных песков, Иларион Макрушин умел ублажать. В каждом большом селении у него были приказчики, которые нанимали рыбаков, хранили снасти, солили рыбу, продавали инородцам ножи да нитки, бисер, иголки, зеркала. Особым товаром были свинец и порох.

У купца было собственное судно с удобной каютой, но он постоянно перебирался на дощаник, где находилось семейство светлейшего князя.

Если бы кто узнал его тайные мысли! Впрочем, он и сам немало удивлялся себе, но поделаться ничего не мог: нравилась ему старшая дочь светлейшего.

В один из ясных дней по желанию хозяина на палубе приготовили стол, поставили самовар. Княжны, заметив хлопоты прислуги, хотели было спуститься в каюты.

— Прошу составить компанию,— весело сказал купец.— Скоро мы поселок проплывать станем, там сойдем на берег,— продолжал он.— У здешнего моего приказчика Захара второй год живет ручной медведь,— бормотал он первое, что шло в голову, хотя в поселке и без медведя было что показать, хотя бы церковь Преображения, построенную на его деньги.

Прислушивающийся к разговору Миклашевский утвердительно кивнул. У него были свои интересы — попариться в бане, да и светлейший его о бане уже

спрашивал: его самочувствие как-то враз ухудшилось.

Скоро за поворотом Оби, на высоком берегу, показались церковные главы Малого Атлыма. На берег бежали люди, неслись с лаем и визгом собаки, торопились на юрких лодчонках рыбаки. Шум, крики, восторженные возгласы доносились с берега. Приказчик Захар, не ожидавший, что суда и баржи купца Макрушина пристанут к берегу на первом пути, прослезился от радости.

— Кормилец, баня уже топится, пельмени стряпаются, брага пенится,— тянул он хозяина за рукав.

Увидев Миклашевского и спускающихся по зыбким сходимям княжон, Иларион Иванович вздохнул с облегчением, наказав доставить всех с дощаника в лучшие и чистые избы.

А приказчик жужжал и жужжал ему в уши, говорил и говорил о делах, и, к его великому удивлению, хозяин только кивал, соглашаясь решительно со всем. И только когда пожаловался приказчик, что нынешней весной у него сгорела изба во время грозы, остановился и сказал:

— Строй новую!

Село Малый Атлым раскинулось на взгорье, и с любого места можно было видеть великую Обь. Избы разбежались вдоль берега ровным порядком. За избами расстилалось выкошенное поле с множеством высоких стогов. Поодаль, возле леса, паслось стадо коров, разгуливали стреноженные кони. На плетнях неистово орали петухи.

— Папенька, а селенье пригожее,— после бани сказала отцу Мария Александровна.— Ежели и Березов таков, то не умрем.

Порывистый ветер с какой-то бешеной силой подул вдруг из-за реки, поднял и закружил в воздухе листья и сухие стебли трав, взъерошил шерсть на спинах собак, приподнял у княжны подол широкой юбки.

— В избу проходите. Простудиться недолго на таком ветру. Сторона северная, студеная.— Иларион Иванович посторонился, пропуская в дом княжескую дочь.

Дальнейшее плавание было тяжелым из-за непогоды: казалось, что солнечные лучи уже никогда не проникнут через громаду черных туч. К долгожданной пристани причалили в проливной дождь.

Березов был заложен в 1593 году как крепость-острог для сбора ясака Московскому государству. Место это было выбрано не случайно: по Березовскому тракту, который служил продолжением Верхотурского, шла бойкая торговля с горнозаводскими районами Урала. Торговали мехами и рыбой, получая взамен промышленные товары.

Два ручья — Стрижичий и Культучный — образовывали два глубоких оврага. На севере протекала река Вогулка. На реке Сосьве, среди хвойного леса — кедра, ели, лиственниц и сосен, разместился этот городок — последнее пристанище светлейшего князя Меншикова с семейством.

Холодное, морозящее небо висело над землей. В топкой прибрежной няше толклись носильщики, грузчики, лошади, впряженные в телеги. Невообразимый, непонятный крик несся над пристанью с разных сторон. Короткий день угасал быстро. Скоро на берегу трудно было что-то различить.

— Иларион Иванович! Иларион Иванович! — слышались голоса с берега. — Ждем тебя, кормилец. Иларион Иванович, подвода возле амбара. Иларион Иванович!

Полковник Миклашевский уже несколько раз выбегал на берег. Узнал: для казачьей команды места готовы. До рассвета найдут где приткнуть голову. А куда деть работных людей Меншикова? А куда семью с прислугой? В Тобольске говорили, что определить надо в остроге. «Острог у черта на куличках, — ответил дьячок, к которому полковник обратился, — токо в нем лет осемь никто не сидел. Жили монахи из местной обители, да после пожара покинули его».

Вся эта неразбериха напомнила светлейшему время строительства Петербурга. Пристань Невы. Оборванный, голодный люд на берегах Невы, а над ним морозящее дождем небо.

— Чего же делать станем? — слышался на палубе громкий голос купца Макрушина. — Я-то думал, все как надо, все готово, — с возмущением говорил он.

— А ну-ка, беги к избе купца Пряничникова, зови сюда приказчика Митроху, — распорядился Иларион Иванович.

Вскоре показался Митроха. Но прежде чем он появился, кто-то из мужиков успел доложить Макрушину:

«На печке дрых — сказывает, спина отнимается».
— Оттого и отнимается, что дрыхнет,— строго сказал Иларион Иванович.

Тучный Митроха и в самом деле еле-еле переставлял ноги, скособочившись вправо.

— Кабы не ты, Иларион Иванович, головы бы не поднял,— толстый мужик протянул руку купцу.

Договорились скоро. Казакам отдали приказ сгружать княжеские вещи, а семейству Маклашевский скомандовал выходить на берег.

— Вы в своем рассудке? — плохо сдерживая негодование, зашептал Макрушин полковнику.— Перед вами фельдмаршал. Перед вами царская невеста.

— Поруганная невеста,— усмехнувшись, съязвил Миклашевский.

Глава тридцатая

Весть о том, что в Березов прибыло семейство светлейшего князя Меншикова, никого не оставила равнодушным. Всякому хотелось посмотреть на человека, жившего в царских дворцах, на того, кто был одним из самых богатых людей в государстве. Возле избы Пряничникова, где на ночлег остановилось семейство, валом валил народ. Кто будто по пути, кто совсем случайно, но все оказывались на этом краю города.

На воеводстве в ту пору сидел бывший поручик Преображенского полка Николай Степанович Шульгин. При отправлении на должность из Сибирского приказа ему выдали «наказ» с изложением служебных обязанностей. На воеводе лежало: командование военными силами города, охрана порядка и производство суда, контроль над торговлей и сбор ясака. Короче говоря, вся полнота власти оказалась в руках одного человека, которому сейчас предстояло определить дальнейшую судьбу некогда приближенного к трону человека. В предписании, врученном Шульгину полковником Миклашевским, с которым он встретился ранним утром, было четко сказано: «определить в острог».

— Острог-то острог, да я и сам там не бывал, только слышал об нем,— признался Николай Степано-

вич.— Придется его обихаживать да неделю подождать, пока там печки протопят. Сырь, поди.

Острог, построенный в 1724 году, незадолго до смерти Петра Первого, был с самого начала предназначен для содержания в нем государственных преступников. Внутри небольшого двора, обнесенного тыном из толстых стоячих бревен, находилось невысокое длинное деревянное здание с закругленными вверху окнами. Оно осталось от упраздненного березовского Воскресенского монастыря, иноки которого после пожара в деревянной монастырской церкви были переведены в Кондинский монастырь — далее по реке Оби.

Едва забрезжил следующий день, как прибывшие с Миклашевским казаки принялись за ремонт острога: поправку крыши, починку печей, навешивание дверей. Но прежде чем они попали к воротам, понадобилось немало труда, чтобы прочистить дорогу: заросли тальника, переплетенные стебли сухой травы укрывали от глаз бревенчатый тын.

Николай Степанович сочувственно вздыхал, представляя, какой убогой покажется здешняя жизнь семейству светлейшего князя.

Когда острог наконец привели в какой-то порядок, Миклашевский тут же скомандовал ссыльным перемещаться туда.

Вступив в ограду острога, Александр Данилович перекрестился. То же сделали и остальные — члены семьи и вся прислуга.

— Папенька, подай руку! — вскричала младшая княжна, боясь ступить на темные ступеньки, ведущие в подземелье.

Княжна же Мария Александровна не произнесла ни слова. Она на ощупь шла за Глафирой, останавливалась, где ей говорили, поворачивала, куда показывали.

Это молчаливое согласие пугало князя больше, чем слезы младшей дочери. И когда княжна легла на разостланную Глафирой постель и положила руки на грудь, он вдруг испуганно подумал, что она возьмет да никогда больше не откроет глаза.

А княжне ночью приснился сон. Она увидела тетушку Варвару Михайловну. Проснувшись, она всерьез задума-

лась: к чему такой сон — уж не благославляет ли он семейство на доброе проживание в Березове.

«Узнать о тетушкиной судьбе, — подумала княжна. — Была бы она сейчас с нами, делила бы все эти неудобства и радость. Хотя в чем она? И будет ли когда-нибудь?»

Варвара Михайловна с первых же верст, как ее увозили из крепости Ранненбург, мало думала о себе, пусть по строгому царскому указу ее и надлежало отправить на пострижение в Александровский монастырь.

В дороге она смекнула, что делу помочь могут только деньги, а они, схороненные от всех произведенных обысков, у нее были — берегла на черный день.

Перестав лить слезы, она попросила остановить карету, подозвала офицера и осведомилась, далеко ли до Москвы. Когда услышала, что через сутки экипаж минует ее, посулила ему двадцать золотых за некоторую услугу.

— Куда? — спросил офицер, озираясь по сторонам.

— В Москву.

— А как из-за тебя на дыбе висеть?

— Черт не выдаст — свинья не съест! — услышал в ответ.

— Шибко много денег. Боязно! — На это Варвара Михайловна не ответила.

К первому она решила попасть на прием к генерал-губернатору Ивану Федоровичу Ромодановскому.

Провела целых два часа в гостиной. У нее пересохло в горле. От езды по ухабистым и пыльным дорогам вся одежда пропиталась пылью. Хотелось получить приглашение и переночевать. Но слуга, спустившийся по широким, устланым персидскими коврами ступенькам, шел не спеша. У Варвары Михайловны часто забилося сердце в недобром предчувствии, но она не подала вида, сделала шаг навстречу.

— Велено передать: его высочество Иван Федорович больны, принять не могут. Просили кланяться вам. — И слуга, долговязый верзила, с зоркими, как у ястреба, глазами, пристально поглядел на Варвару Михайловну, заметив, как изменилось в горестной гримасе лицо несчастной женщины.

Зато сенатор Иван Алексеевич Мусин-Пушкин скоро, не томя в приемной свояченицу светлейшего князя, прислал записочку: «То не мое дело» — и даже не поставил свой вензель, что делал непременно по всякому пустяку.

— Трусливые людишки, — ругала Варвара Михайловна в негодовании вельмож, во многом обязанных Меншикову.

В Москве свояченица светлейшего в общем-то ничего не добила: те приватные — и тайные — визиты, что она сделала, были схожи в одном: никто о Меншиковых даже говорить не хотел. А у конвоя был приказ: без промедления явиться в свой полк в Петербурге, по дороге сдав Варвару Михайловну в один из новозаложенных близ невской столицы монастырей — под роспись.

Однако золотые сделали дело, и свояченица светлейшего оказалась-таки возле меншиковского дворца. Было непривычно тихо: не стоял караул, не теснились как всегда, экипажи, не сновали возле ворот привратники. В окнах было темно.

Кучер резко, от страха, который не мог не чувствовать, затормозил возле ажурных ворот. Но они были закрыты, и он, натянув вожжи, поехал, ожидая команды, вдоль набережной. «Поеду к Татьяне Степановне, — вспомнила вельможную даму, что совсем недавно надоедала светлейшему своими визитами. — Про монастырь и не обмолвлюсь! Про то, что у князя все ордена отобрали, тоже не проговорюсь, хотя, наверное, уже знают».

Дворовые княгини, к которой она приехала, по видимому, спали. Спущенные с цепи псы грозно лаяли, подбежав к воротам.

— Фу, — взмахнула рукой Варвара Михайловна. — Али ослепли? Свои, свои, угомонитесь.

Шаркая по брусчатому настилу стоптанными башмаками, возле ворот появился привратник.

Княгиню Татьяну Степановну будто кто в спину толкнул. Толстая, оплывшая, кряхтя, она поднялась с постели, позвонила в колокольчик. Недоуменно тарасила на хозяйку глаза заспанная горничная.

— Оглохла? Собаки лают. Поди, погляди, кого там черти носят.

Тотчас же и доложили:

— Варвара Михайловна Арсеньева приехали.

У княгини, хозяйки особняка, были основания задуматься. Во время своего могущества светлейший князь завез к ней ларчик, а в ларчике том было ни много ни мало — тысяч на сто или больше драгоценностей. А тут вдруг падение князя, опала, высылка... Дня через три после этих вестей княгиня, не долго думая, закрылась у себя в спальне, пересчитала драгоценности и, перекрестясь, ополовинила содержимое ларчика, а то и больше — кто проверит?

Когда же при общей описи имущества светлейшего князя кто-то вдруг наябедил о ларчике, комиссии, приехавшей для изъятия драгоценностей в казну, набралось всего ничего — если иметь в виду то, что они ожидали.

Варвара Михайловна издали узнала хозяйку. Приободрилась, обтерла ладонью лицо, спрятала под капор выбившуюся прядь вьющихся волос.

— Какими ветрами! — изобразила на лице радость Татьяна Степановна. — В такую позднюю пору.

Татьяна Степановна обняла Варвару Михайловну, охая и жалуясь на нездоровье. Она была в полном неведении, зачем же явилась горбунья и что ждать от нее.

Тихо просыпалась Варвара Михайловна, будто выплывала из забытья, силилась понять: где она? А ее ждал чай, ждала княгиня, которая с вечера подняла прислугу и поваров, жаривших и паривших всю ночь.

— Не знаю, с какого краю и пробовать, — призналась гостья.

Татьяна Степановна, ожидавшая от горбуньи каких-нибудь каверзных вопросов, была все это время в напряженном состоянии.

Впрочем, чаепитие продолжалось недолго.

— Ничего не говори, любезная. Меня сейчас отвезут в монастырь. Так распорядился государь. Но ты помни: если придет человек от меня за деньгами — дашь столько, сколько попрошу. Не сделаешь — окажешься со мной в монастыре. Уж я-то постараюсь!

Татьяна Степановна была готова к чему угодно, только не к такому обороту. Она, как обычно в минуты гнева, затопала было ногами, готовая позвать дворовых и вышвырнуть «гостью» в зашей.

— Угомонись. Не испугалась! — с вызовом сказала Варвара Михайловна. — Выведи меня тихо за ворота, я там подожду карету.

К монастырским воротам подъехали следующим утром. Ограда казалась темной на фоне светлого неба. Стая черных ворон, каркая, летала низко над землей, с дуга доносился звук рожка, сзывающего стадо.

Солдат постучал в ворота черенком хлыста.

Без всяких расспросов тяжелые ворота открылись, впустив возок на монастырский двор. Было пустынно, но скоро на крыльце показалась инокиня. Она назвала Варвару Михайловну по имени-отчеству. Было ясно: ее здесь ждали.

Глава тридцать первая

Напрасно старый скоморох-балалаечник, заметив плохое настроение хозяйки, изо всех сил наяривал плясовую. Татьяна Степановна никак не могла успокоиться. Уходя, горбунья Варвара Михайловна посмотрела исподлобья, плюнула в ее сторону с порога. «Быть может, порчу нагнала?» — неотступно преследовала мысль.

Домашний лекарь посоветовал выпить полстакана кофею да настоя толокнянки. Татьяна Степановна хотела было прикрикнуть на сухопарого Филиппа Густавовича, да безмолвно зашла к нему в комнату.

— Молодой Долгоруков изволили вас спрашивать, даже сюда заглядывали, — отсчитывая капли в мензурку, сообщил лекарь.

— Да ну! — удивилась княгиня. — На что я ему понадобилась?

Княгине было невдомек, что князь Федор, узнав, что семейство светлейшего покинуло Ранненбург и ссылается в Сибирь, ищет, кто из тех, с кем Меншиковы были на короткой ноге, может сообщить какие-либо подробности.

Если бы знал он, что часом раньше у Татьяны Степановны была Варвара Михайловна Арсеньева!

Князь Федор не находил себе места — куда бежать, что делать, с кем говорить.

В голове было множество дерзких планов, чтобы вырвать молодую княжну из рук злой судьбы. Он хотел похитить ее, увезти тайно за границу и жить там под чужими именами и даже подговаривал друзей помочь в этом.

— Государь-то вчера с Иваном Долгоруковым на охоту умчались,— начал Федор сразу же после обмена приветствиями с княгиней.— Да, скорее всего, свернут к тетке государя — Елизавете Петровне. Иван-то с ней в амуры играет.

— Да уж умен ваш долгоруковский род! — не скрывала раздражения Татьяна Степановна, в упор глядя на Долгорукова.— Иван-то к тетушке государя, а Алексей-то Григорьевич юному государю свою Катерину подсовывает. Все видят, как они изо всех сил стараются. И к тетушке ездят неспроста. А ежели правду говорить, то Катерина-то красы посредственной. А государь-то юнец как в силу войдет — в деда будет, Петра Алексеевича. Тот, между нами говоря, гулеван еще тот был. Ох! Впрочем, судья ему не я, а Бог!

Они еще долго обменивались обычными светскими сплетнями, пока наконец князь Федор не выпалил: «Не слышала ли княгиня что о Варваре Арсеньевой?»

Татьяна Степановна испуганно поперхнулась: еще не хватало, чтобы ее обвинили в связях с семейством опального князя. Она даже не могла задать элементарного вопроса, откуда об этом стало известно князю Федору, но понимала, что, раз тот что-то, видимо, знает, скрывать от него про этот внезапный визит бесполезно.

— Была. Была эта горбунья,— скривила губы Татьяна Степановна и, схватив князя Федора за руку, шепотом спросила: — Голубчик, миленький. На что тебе сдалась эта горбунья? На что это тебе? Ну, была. Черт ее приносил. Была. Больше не будет ее здесь. Определен ей Александровский монастырь!

— Александровский монастырь? А еще что говорила? — князь Федор попытался узнать что-нибудь новое о семействе светлейшего князя.

— Токо одно: все семейство Меншиковых отправлено в Сибирь, в какой-то Березов. Я более ее ни о чем и не спрашивала, и не слушала. Не надо мне про это знать. Меньше знаешь — меньше голова болит

и язык болтает. А ее по государеву указу в монастырь. Вот она на прощание и явилась ко мне. А откуда ты узнал? — все-таки не удержалась от вопроса Татьяна Степановна, хотя и знала, что ответа не получит.

Князь Федор уже ни о чем не хотел спрашивать княгиню. Все было ясно. Надо было бы попытаться увидеться с Варварой Михайловной. А затем, не откладывая, — в Сибирь, в Березов, к Марии, к его дорогой Марии.

— Мне пора! — сказал он с неожиданной решимостью.

— Поезжайте с Богом, — отвечала ему княгиня. — Но дайте мне слово никому не говорить об этой горбунье.

Князь Федор решил немедленно поехать в Александровский монастырь. И вот уже конь во весь мах нес его сквозь поля и небольшие перелески.

Сторож, по-видимому, давно заметил приближавшегося всадника, вышел за ворота, как только князь Федор подъехал к монастырским стенам.

— Скажи, любезный, — обратился князь к сторожу. — Не привозили ли этой ночью к вам кого военные?

Благородный вид князя внушал уважение, и привратник сообщил, что где-то к утру в монастырь прибыла только какая-то горбунья.

— Горбунья? — спрыгивая с коня, обрадованно воскликнул князь. Татьяна Степановна сказала правду. — Ну, спасибо тебе!

Никогда не думала Варвара Михайловна и не предполагала, что ее постриг будет справляться с такой поспешностью. Она только вошла в отведенную ей келью, как в дверь постучали.

— Пора, — сказала с порога бледнолицая инокиня. — Пора. Скоро должна начаться литургия.

На монастырской колокольне загудели колокола.

— Погоди, милая. Не могу я так с бухты-барухты идти на литургию. Я еще с дороги опомниться не могу.

Инокиня, будто не услышала, о чем говорила ей Варвара Михайловна, стояла, не прикрывая дверей.

— Я тебе русским языком сказала: ступай! И закрой дверь. Куда так заторопились? Духом надо

собраться. Не по доброй воле сюда явилась. А вдруг да я не захочу постриг принимать, и все тут!

— И насильно стригут,— сухо ответила инокиня,— да не таких увечных, как ты.

Варвара Михайловна не могла допустить по отношению к себе подобной дерзости. Схватив со скамейки плетеную корзину с тряпьем, швырнула ее в инокиню. Та завизжала и, путаясь в длинной монашеской одежде, побежала по коридору, сзывая на помощь.

— Грешно, дочь моя, с такого неповиновения начинать свое житие в обители,— обратилась к Варваре Михайловне вошедшая настоятельница.— Не по своей воле инокиня Ефросиния разговаривала с тобой,— сказала тихо.

— Тем более смиреннее должна быть,— ответила на это Варвара Михайловна.— Кто не видит моего уродства, да рта не открывает, а тут с порога! Не бывать этому,— решительно сказала Варвара Михайловна.

— К вечерней службе готовы будьте,— сказала настоятельница.— Сама за вами приду.

— Пока не пойду. Не торопите! — услышала в ответ и ушла в полном негодовании от непослушания свояченицы светлейшего князя.

Ночь прошла беспокойно. Варвара Михайловна, не привыкшая к чужим постелям, находила, что они жестки, пахнут чужим потом подушки, сквозь наволочку торчат пестики утиных перьев, колют щеку. От досады она едва крепилась, чтобы не расплакаться.

Князь Федор не знал, как получить свидание с Варварой Михайловной. Но знал, если с этой просьбой обратиться к настоятельнице, то об этом тотчас будет сообщено в Петербург. Ему же нужно было тайное свидание.

Побывав в соседней деревне, он отыскал там звонаря монастырской колокольни. Им оказался деревенский силач Сергей Переперьев, участник едва ли не всех кулачных боев в округе. Князя встретил учтиво, узнав, в чем дело, попросил: «Только как след ручку позолоти. Беднота одолела».

На колокольню забрались ни свет ни заря. С высоты земля казалась невообразимо чистой. Казалось, что даже

вырубки-просеки прорублены не топорами, а начерчены Божьей рукой. Над рекой и озерцами поднимался туман.

Внизу захлопали двери и ворота, зазвучали голоса, залаяли собаки, загоготали гуси, замычали коровы.

Варвара Михайловна сидела на постели, так и не начав одеваться. Она знала, что идти к амвону нужно будет босыми ногами и в рубахе из грубого холста. Оторопь охватила бедную женщину, привыкшую жить в полном довольстве.

— Пора, — услышала она голос.

Наскоро облачившись, Варвара Михайловна торопливо вышла из кельи. Они шли узкими лабиринтами с низкими деревянными потолками, пропитавшимися запахами трав, воска, ладана.

Рубаха грубого холста показалась ей невероятно тяжелой и колючей. Босые ноги сразу ощутили на полу мелкие песчинки, и подошвы враз загорелись, словно шла она по горячей плите, по всему телу поплыл жар, скоро перешедший в озноб.

Инокиня властно потребовала:

— Кланяйся! Почаще кланяйся!

Где-то вверху, над головой горбуньи, читали молитвы, пел монастырский хор. Вдоль стен смиренно стояли монахини.

— Кланяйся! — вновь приказала Варваре Михайловне инокиня. — И кайся! Кайся!

Архимандрит монастыря, человек средних лет, низкого роста, с широкими плечами, имел румяное лицо, шевелюру седых волос, чьи вьющиеся завитки ровно падали на расшитую золотом рясу.

— Подойди, дочь моя, — сказал он сухо, сделав несколько шагов в сторону от амвона.

При этом архимандрит бросил суровый взгляд на инокиню, приведшую Варвару Михайловну: та должна была подготовить ее к принятию монашеского обета.

Рука священника не сразу отыскала на столе ножницы. Соблюдая обряд, он бросил их к ногам Варвары Михайловны, опустившейся на колени.

— Подними, подай владыке ножницы! — с гневным придыханием шепнула инокиня Варваре Михайловне.

— Не подам! — ответила та, стоя на коленях.

— Да подними же, несчастная! — взбешенно сверкая

голубыми глазами, инокиня вшпилилась в костлявое плечо горбуни.

Архимандрит принял ножницы, будто не заметив возле своих ног возни двух женщин. Подойдя к Варваре Михайловне вплотную, он отрезал на лбу, затылке и с боков по прядке волос — крестом, положил на столик и произнес:

— Сестра наша Варсонофия постригает волосы свои во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Громче запел монастырский хор, воссияли лампы, во всех углах зажглись свечи. Варвара Михайловна вдруг почувствовала страшное одиночество. Будто душа ее отлетела от тела, оставив посреди церкви жалкую плоть.

— Господи, помилуй! — взмолилась она и опять почувствовала, будто это не ее голос произнес слова, а прилетели они откуда-то из потустороннего мира.

Инокиня, придерживая ее за локоть, провела несчастную мимо сестер-монахинь, облаченных в черные одежды.

Князь Федор, к тому времени спустившийся с колокольни и стоявший в одной из храмовых ниш, стал невольным свидетелем совершенного над Варварой Михайловной обряда. Надо ли говорить, какие тягостные минуты пришлось пережить молодому человеку! Тем более что он давал себе отчет, что на этом месте могла бы стоять его возлюбленная Мария!

— Охолодись, господин, — остановил дернувшегo было к инокине князя Федора наконец-то заметивший его присутствие пономарь, ухватив его за рукав. — Не вводи несчастную сразу в грех. Она пока кружит в потустороннем мире. Ее слова только ангелы подхватили и понесли к небесам. Погоди. Не мешай.

Тут случилось неожиданное. Новопостриженная инокиня обернулась вдруг на иконостас и, крестясь, не то простонала, не то выдохнула:

— Господи, не оставь их там, в Сибири! Согрей в далеком Березове! — После чего обвела обезумевшими глазами своды церкви, несколько раз обернулась вокруг себя и с плавной легкостью, будто кто-то придерживал ее за спину, повалилась на пол.

— Эко чо творится, — держась за плахи в проеме стены, сказал пономарь. — Дух испустила! — Он стал

набожно молиться, искоса поглядывая на побледневшее лицо молодого князя.— Подымешься ли на колокольню? — спросил чуть слышно.

Состояние князя Федора трудно было передать. Он не хотел смотреть, как станут поднимать с пола Варвару Михайловну, как понесут ее из церкви. Появилось единственное желание — оказаться за стенами монастыря и ехать на поиски любимой.

Глава тридцать вторая

Холодный ветер дышал с севера. Сквозь густые тучи, как через сито, бусил и бусил дождь. Всю даль окутала дымка. Река казалась недвижимой. Душу светлейшего князя съедала вина перед детьми, вынужденными нести с ним непомерно тяжелый крест. Особенно кручинился он о здоровье княжны Марии Александровны, увядающей на глазах. Кашель дочери был глух, почти не слышен. «Подземелье и есть подземелье», — думал он о крохотной келье в остроге, где поселились его дочери. Это еще хорошо, что холопы каждую жердинку отстрогали, каждую плаху, какую только можно было, протравили дегтярным настоем. Окна, находящиеся под самым потолком, проворная Глафира дня два оттирала, а под конец, разрыдавшись, призналась, что толку от ее стараний нет никакого: слюда вся искрошилась, и хотя до белизны выскоблены подоконники и переплеты рам — все равно темно.

Александр Данилович в первые дни поселения в острог решил очистить от зарослей двор, поправить частокол, сровнять и подсыпать каждую ямку и рытвинку вокруг острога, по крайней мере саженьях на двадцати. Всеми этими работами занимался сам, и скоро стало очевидно, каким жалким было их нынешнее жилье.

Ни свет ни заря, по всегдашней привычке вставать в одно и то же время, Александр Данилович был уже на берегу реки. Серый сермяжный кафтан, который он приобрел еще на тобольской ярмарке, надел с удовольствием, отметив, что в нем свободно, а главное — тепло. Сшитые по заказу легкие бродни из лосиной

кожи, просмоленные на костре березовым дымом, также пришлось Александру Даниловичу по душе: они были легки и непромокаемы. Поэтому, расхаживая по берегу среди болотной хляби, он нет-нет да хвалил обутку.

Прибывшая из Тобольска охрана не докучала семейству своими наставлениями и запретами. По-видимому, полковник Миклашевский не хотел утруждать себя лишними заботами, служба шла своим чередом, и карульные возле ворот и в отведенной крохотной будочке менялись точно по часам.

Со стороны города донесся глухой колокольный звон. Александру Даниловичу показалось, что доносится он не с колокольни, а откуда-то из-под земли. Надо было собираться к обедне. Он представил, с каким трудом будет добираться до храма Мария Александровна, хотя и не подает виду. Не позже чем вчера он заметил, что лоб княжны покрылся бисеринками пота, дрожали руки. «Лежать бы ей да лежать, — подумал князь, — а она не пропускает ни одной службы. Кабы была своя церковь! Кабы была!» И тут мысль ясная, дерзкая и, скорее всего, несбыточная осенила вельможного князя. Он вдруг представил храм, возведенный на берегу, возле острога. Видение было столь явственным, что он долго стоял, прикрыв глаза, словно боялся вспугнуть его.

Моросил дождь, мелкими каплями орошая лицо, и он не мог понять, то ли это дождь, то ли слезы.

По реке Сосьве шла шуга. Среди этой массы оледеневшего снега вдруг появилась небольшая, верткая лодка. Человек, сидевший на корме, ловко работал веслом, умудряясь отталкивать от бортов ледяные комья. По-видимому заметив на берегу человека, хозяин лодки круто повернул ее и направил к острогу. С легкостью и проворством причалил, и сидевшая на носу лодки шустрая собачонка выпрыгнула на берег, обнюхала воздух и разразилась звонким лаем.

Берег был крут. Мужик, хватаясь руками за сухие ветви прибрежного кустарника, быстро поднялся вверх. Отряхнув руки о полы кафтана, стащил с головы шапку-ушанку, учтиво поклонился Александру Даниловичу.

Лицо мужика было волосатым, как у лешего.

Из-под нависших бровей светились лукавые глаза.

В первую минуту у князя екнуло сердце, охолодила мысль: опять кто-нибудь из мучеников, сосланных в Сибирь по его повелению. Но на этот раз служивый человек Евлампий Чудинов — так он представился — был незнаком Александру Даниловичу.

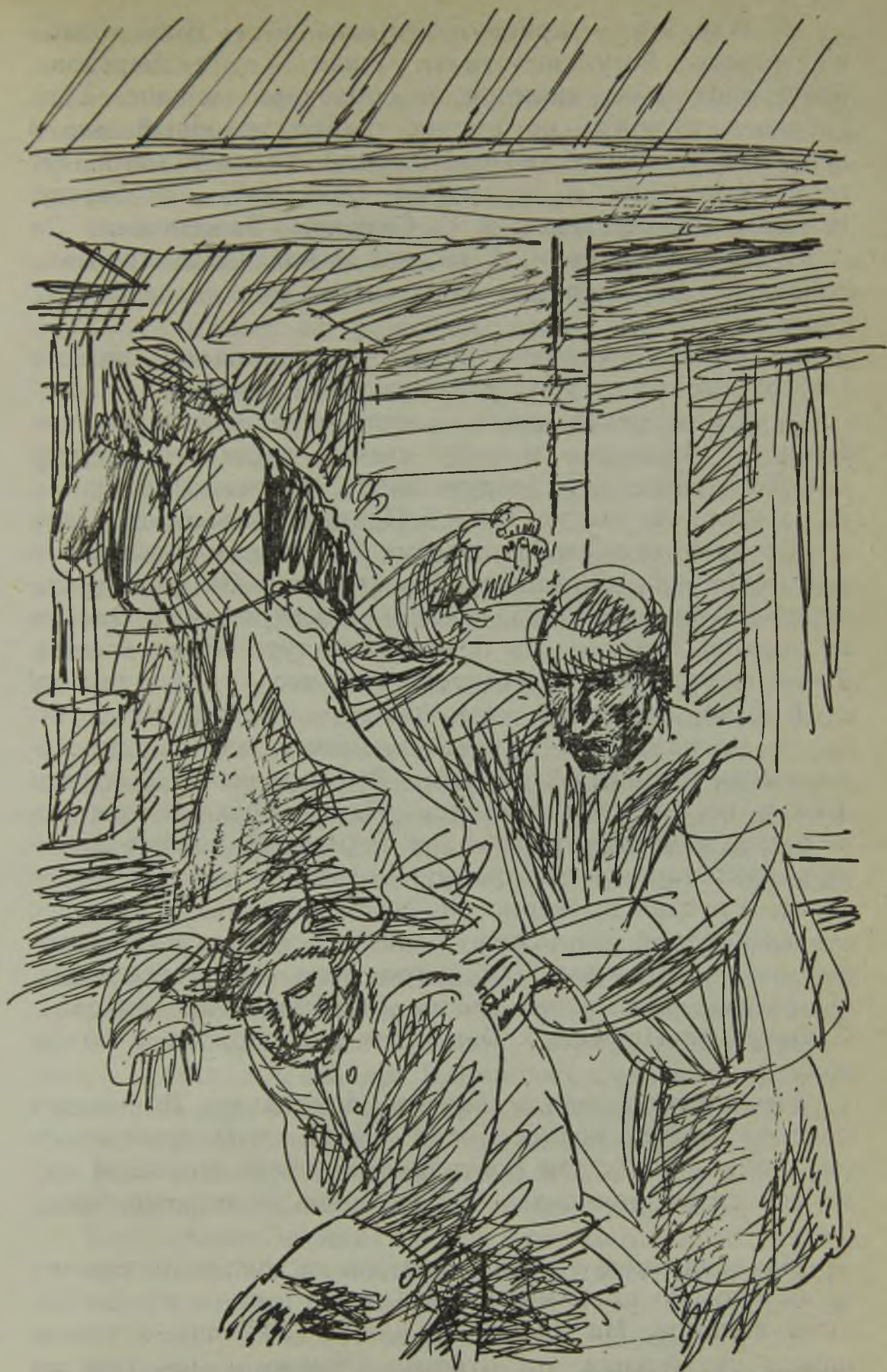
Оказался он здесь после турецкой кампании.

— Жалование в ту пору казакам платили хорошее. Окромя денег, можно было брать и провиантом. Соблазнился на вольную жизнь да так и остался. Жисть тут вольгоная, — говоря это, Евлампий пристально оглядывал берег. — Я ране-то мимо острога проплывал, а туто гляжу: берег чист, люди гоношатся. Вчерась проплывал — вижу, пни корчуют, костры горят. — Увидев в отдалении меншиковских холопов и возле ворот караульного с ружьем, весело подмигнул князю: — Ничего, и туто люди живут. Я попервости тосковал, а опосля... — Тут Евлампий почесал затылок и ухмыльнулся в бороду: — Опосля на вогулке взял да женился. Вогулки — бабы добрые, тихие. Таким, как ты, тяжельше. Мужуку под каждым кустом изба, а вашему брату — Господне наказание. — Он свистнул, подзывая убежавшую собачонку, и подставил ладонь к уху. — Неугомонный этот Семка Баженов! Слышь-ко, али я обознался? По мне, так вроде он топором стучит. И как ему только не надоест! Как руки не устают — одну избу срубит, другую начнет! Коли сосчитать, так пол-Березова отстроил. Чистый дятел. Его так туто Дятлом и зовут. Топором рубится али у меня в башке кровь дятлом стучит? Завсегда в ненастную погоду ломит в висках до красных искр в глазах.

Александр Данилович удивился сам себе, как это он, прислушиваясь каждое утро к разным звукам и шорохам, мог не расслышать равномерного стука топора.

— Семен, — утвердительно сказал Евлампий. — Бобыль бобылем. Вся утеха в строительстве. Все ему нипочем! Токо в морозы, когда дерево покрепче кости станет, а из-под топора искры сыплются, на отдых идет. Ложится на печку у вдовы Катерины и ждет солнышка, когда дерево податливее к рубке станет.

Подбежавшая собачонка, повернув к хозяину любопытную мордочку, выжидала. Затем кинулась к лодке и, вскочив в нее, залаяла.

— Иду, иду! — крикнул ей Евлампий. — Изба-то моя на берегу Вогулки стоит. Ушел я из Березова. Тамо спокойнее, тише да и соблазнов меньше. Туту кабак. А я, когда во хмелю, шибко недобрый: все в драку лезу, будто кто-то нарочно толкает меня. От греха подальше я и срубил себе избу на берегу. Не сам, ясное-дело, а с Семеном Баженовым. За одну весну и срубили. А ты, как я поглядел, строиться собрался? Берег-то как обиходил! Сыздали любо поглядеть.

— Кабы церковь построить! — неожиданно для него самого вырвалось у Александра Даниловича.

— Ежли грехов много — церковь великое услужение Господу. Я только и могу свечку поставить, а будь у меня деньги — не задумываясь, поставил бы храм. Да многие ли могут такое? Правда, сказывают, была в Березове церковь построена на деньги отставного унтер-офицера Доментия Колигорова. Он все грехи перед Богом замаливал: какие — никто не знал. Опосля та церковь сгорела. Да пожаров-то туту много бывает. То ли место какое проклятое. Чуть что — опять пожар!

Собака, заливаясь лаем, снова выскочила на берег.

— Да иду, иду! — учтиво кланяясь Александру Даниловичу, говорил Евлампий. — Вот торопится. Дом чует. Там у нее щенята остались. Иду. — Ловко запрыгнув в лодку и оттолкнувшись от берега, Евлампий крикнул, как старому знакомому: — Навещу ишо до рекостава, — и стал проворно работать веслами.

Александру Даниловичу было приятно слушать мало-знакомого мужика, бесхитростные его суждения. «Церковь! — от этой мысли затуманились глаза. — С шатрами! Повыше к Богу! Сначала церковь, а потом избу».

Направляясь вдоль берега, Александр Данилович оглядел место, которое и в самом деле показалось ему подходящим для постройки Божьего храма. И тут до его слуха донеслась чья-то брань. Князь прибавил шагу.

Нахлебавшись в кабаке сивухи, караульный сержант за неведомую провинность охаживал одного из княжеских холопов. На крики служанки Глафиры, вступившейся за мужика, он ответил бранью и, намотав на руку ее длинную косу, грозил добратся и до княжон.

Глафира от боли визжала на всю округу.

Сержант не заметил появления Александра Даниловича, и потому удар, который князь ему нанес, был страшен: он не устоял на ногах и отлетел в сторону, кровь хлынула из носа. «Пшел вон!» — бросил в сердцах князь и пошел в острог.

Не хотелось светлейшему ссор из-за своих холопов, хотя и не раз видел, как караульные куражатся над мужиками, но на этот раз не стерпел. «Кабы поганых слов о княжнах не услышал, проморгался бы, а тут только в рожу давать надо», — рассуждал он, пытаясь оправдаться перед самим собой.

Надо было собираться к обедне. Княжны уже были одетыми и ждали отца. Драка во дворе напугала молодых барышень, и они сидели, прижавшись, в углу, готовые вот-вот разрыдаться.

— Папенька! — обрадованно кинулась к отцу младшая. — Караульный пьяный чуть не ввалился в нашу келью. Холоп Степка заступился и был бит сержантом.

— Знаю, — сухо ответил князь.

Березовская церковь Рождества Богородицы была выстроена в одной связке с колокольной и каменной сторожкой. Ограда кругом церкви была тоже каменная. Служил здесь в ту пору сын тобольского мещанина Андрей Георгиевич Страхов — тридцати шести лет от роду. Он был вдов, имел дочь девяти лет. Горожане любили своего священника.

От острога до церкви было версты две. Семейство опального князя шло по узкой тропке между зыбкими кочками. Княжны то и дело охали, проваливаясь в жидкую грязь. «Простудят ножки, бедные мои голубушки», — думал Александр Данилович, подавая руку то одной, то другой дочери. Зато молодой княжич прыгал по упругим кочкам с легкостью и весельем и быстрее всех выбегал к мучным складам, откуда в церковь вела наезженная, посыпанная песком дорога.

Березовские мещане не без любопытства глазели на семейство князя, поселившегося в остроге. Многие ждали их появления, охали, восторгались.

— Экой красы неопикуемой!

— Какие взоры кроткие!

— Эта-то — царская невеста!

— Юбки-то, юбки-то все бархатные! Душегрейки заморские, мехом оторочены.

Поговорят и разойдутся. А вот воеводская жена Милитина Федоровна испытывала к княжеским дочерям какой-то особый интерес.

«К себе, что ли, позвать? Да как на то посмотрит Николай Степанович? — думала она, искоса поглядывая на молодых княжон.— Поживем — увидим. Вот как соберется к нам купец Макрушин, я подлижусь к муженьку, чтобы и этих пригласить. Уж больно охота с княжнами поговорить...»

Ждать семейного праздника воеводша долго не заставила, тем более что Макрушин, пообещав ей привезти ведро вишни, которую Милитина Федоровна не пробовала целых десять лет, свое обещание выполнил.

Воеводша была еще молода и хороша собой. Николай Степанович, присланный сюда за бывшее рукоприкладство, вел жизнь осмотрительную, много опасался, так как боялся еще раз оступить. Зато Милитина Федоровна как хотела, так дело и воротила, пользуясь неограниченной властью мужа. Она не только жителей Березова держала в постоянной зависимости от своих капризов, но и инородцев заставила повиноваться.

Николай же Степанович на все смотрел сквозь пальцы, считая, что два канцеляриста, назначенные ему в помощники, не проморгают непорядки в городе.

Приезды рыботорговца Макрушина для воеводы всякий раз были как праздник, и по такому случаю в его доме всегда устраивался званый ужин.

В новом воеводском доме было чисто и уютно. От натопленных березовыми дровами печей было тепло. Из второй половины дома доносились вкусные запахи сдобного хлеба, рыбных копченостей, соленых грибов.

— Кого, Николушка, нонче звать к себе будем, окромя Илариона Ивановича? — начала Милитина Федоровна разговор с супругом.

— Кого твоему сердцу угодно. Мне все едино.— Воевода не торопясь отмеривал рассыпный порох. Он сидел за столом, наполняя им патроны. Кругом лежала кучками дробь, войлочные пыжи. В удовольствие занимаясь своим любимым делом, снаряжаясь к будущей охоте, муж никак не мог взять в толк, отчего жена весь вечер твердит об одном и том же.

— Полковник Миклашевский опять прибыл.

— Ну и пригласи Захара Лукича. А как же? Человек степенный. Поди, целый короб тобольских новостей расскажет. Вон какую важную птицу в наш город привез!

— Любопытствуешь? — спросил воевода жену.

— А как же! В острог поселили, а оне все в парче да в бархате. А идут-то — как лебеди плывут. О них-то все разговоры, а ты вот молчишь. Все ждешь, как допытываться стану, нет чтоб самому сказать!

— Они — государевы преступники, и жить им прописано в нашем городе.

— Про то я знаю, — в сердцах ответила Милитина Федоровна.

— Был этот человек все время подле самого государя Петра Алексеевича. А как не стало государя — власть-то переменилась. Что белым звалось — стало черным зваться, что правдой было — кривдой выходит.

— А вдруг да все не так? — возразила Милитина Федоровна.

— То, матушка, не нашего ума дело!

— А ежели мы их к себе позовем? Поглянулись мне княжны. Гляжу на них в церкви крадучись и наглядеться не могу. Как иконы.

Воевода оставил дело, пристально поглядел на жену.

— Уж больно плох наш острог. Сказывают, там сыр да плесень. Зачахнут княжны. Придут в церковь, слышно — кашляют.

— Про них в царском указе поименно ничего не сказано. Написано: «с семейством». А какое оно, семейство-то? Жену светлейшего-то князя по дороге сюда похоронили.

— Ой, лихонько! — закрыла лицо руками Милитина Федоровна. — Матери лишились. Пожалеть их надо, Николай Степанович. И священник про то же говорит.

— Говорить можно, а ответ держать воеводе одному придется.

Глава тридцать третья

Пролетел над землей первый снежок, припудрил кустарник, ершистые травы на кочках, побелил жерди на изгородях и поленницы дров.

Полковник Миклашевский шел в острог. Под ногами похрустывал молодой ледок, из-под которого время от времени выступала грязная болотная жижа.

Он шел туда по жалобе сержанта, которого скосорылило на правую щеку от удара опального князя. «До чего же мы, русские, мерзкие люди,— рассуждал полковник, вспоминая донесение сержанта.— Ведь и этот прыщ почуял себя господином! Понятное дело, глаза на Марию Александровну пялит, а за косы Глафиру таскает, кобель! Ясно, вынудил князя: подумал бы хоть — возле кого рядом ходит».

Захар Лукич был человеком степенным, рассудительным, за что был в чести у начальства.

Еще издали он увидел Александра Даниловича. Тот стоял у самого обрыва реки и был занят своими мыслями: он уже представлял, как на берегу будет стоять Божий храм с высокими шатрами. Он верил: стоять на берегу Сосьвы-реки Божьему храму.

Миклашевский подошел к обрыву и тоже стал вглядываться в темную воду реки.

— Сало плышет,— сказал полковник, кивком указывая на сгустки слипшегося снега.— Зима близко.

Александр Данилович засомневался:

— Вроде рано: сентябрь на дворе.

— Здесь все по-другому. Сей день зима знак подала, а ровно через месяц мороз ударит.

Полковник полюбопытствовал, как семейство, на что Александр Данилович ответил: с Божьей помощью.

Беседуя, они прошли по направлению к острогу. Миклашевский сразу отметил, что работные люди князя не едят свой хлеб даром: вся площадка вокруг острога расчищена от гнилых кореньев и кустарника, дорожки посыпаны песком, по всей видимости принесенным из-под крутого яра. Высокие поленницы дров из мелко-лесья сложены ровными клетками — для лучшего продувания их ветром.

— Приклониться придется,— предупредил Алек-

сандр Данилович полковника, решившего спуститься вниз.

От прогнивших и отсыревших бревен стоял удушливый запах, хотя в потолке была сделана вытяжная отдушина. Миклашевский не мог не заметить старания плотников, стесавших заплесневшие и гнилые бока у бревен, но многолетнее запустение все равно давало о себе знать.

Заглянув в келью, полковник еле удержался от восклицания. Здесь были и нарядный иконостас в переднем углу, и свисавшие с потолка зажженные лампы на золотых цепочках, и лежавшие псалтыри с разноцветными атласными закладками. На полу — две купленные недавно медвежьи шкуры.

В это время из-за дощатой перегородки соседней кельи донесся глухой кашель. Миклашевский вопросительно взглянул на князя, который, побледнев, перекрестился.

— Вчера по дороге в церковь ноги промочила. Много ли ей надо?

Речь шла о княжне Марии Александровне, которая по прибытии в Березов начала часто хворать, будто враз захлебнулась здешним воздухом.

Пользуясь случаем, Александр Данилович решил испросить у Миклашевского разрешения на постройку избы для семейства и — главное — на возведение Божьего храма. К такому Захар Лукич не был готов.

— Задача, — обтирая вдруг вспотевшее лицо, выдохнул Миклашевский. — Хотя греха в таком желании нет. Воеводу спросить надобно.

— Денег на храм не пожалею, — светлейший давал понять, что располагает сбережениями.

— Благое дело. Слово Божье везде нужно, а здесь, в Сибири, особенно. Слыхали о Василии Мангазейском? Жив еще в памяти людской.

Миклашевский поудобнее уселся в кресло, не спуская взора с лампы на длинной золотой цепочке.

— Жена-то нашего воеводы Милитина Федоровна нынче приглашала к себе старцев из Туруханского монастыря, куда были перенесены мощи блаженного Василия, и все доподлинно у них узнали. Чудес полно. У нее в горенке есть рукотворный лик этого мученика.

Взгляд Миклашевского блуждал по богатому иконостасу, по дорогим окладам икон, украшенным камнями.

— Лука! — крикнул вдруг слугу Александр Данилович. — Погаси-ка вон ту лампадку, — приказал холопу, указав на святой лик Богородицы.

Лука затушил дрожащий огонек лампадки и по новой команде светлейшего снял ее вместе с цепочкой, подошел к князю и подал в протянутые руки. Александр Данилович осторожно взял лампаду.

Полковник Миклашевский представил, как смог бы поправить свои финансовые дела и, главное, уплатить под большие проценты отсроченный на год картежный долг. Ровно на столько, сколько проживет в Березове полковник.

— Не знаю, чем и пособить вам. Сами ведь лучше меня знаете, что может статья за послабление — да еще такому государственному... — Миклашевский замылся. — Такой высокой персоне, как вы. Одна только надежда — далеко! От всяких глаз далеко.

«Карась на наживку клюнул, — радуясь обороту дела, подумал Александр Данилович, вздыхая с облегчением. — Теперь полегоньку, полегоньку вытаскивать надо. Осторожно, кабы не сорвался».

— Здоровье старшей дочери беспокоит, — вздохнув, пожаловался Александр Данилович. — А зима вся еще впереди. В остроге, сами видите, сыро, как в подполье.

«Отдам ему эту лампаду с цепочкой», — решил Александр Данилович.

— Будьте так любезны, Захар Лукич, примите от меня небольшой подарок.

Миклашевский попятился. Он не мог вымолвить ни слова. Князю было знакомо такое состояние. Не единожды, когда государь делал ему внезапные подарки под влиянием настроения, отписывая имения или презентуя какую-нибудь дорогую вещь, у светлейшего перехватывало дух, и он долго молчал, затаив дыхание.

— Благодарствую, — еле продохнув, прошептал полковник.

— Так дозволено ли будет поставить мне церковь вот тут, на берегу Сосьвы, а заодно и собственную избу, — не заметив волнения Миклашевского, спросил светлейший.

— У воеводы испросить надобно. Ежели речь

пойдет о строительстве церкви, тогда отказу не будет. В этом можете быть уверены. Об этом я позабочусь. Церковь — благое дело, похвальное. В Кондинске женский монастырь строится во имя Святой Животворящей Троицы.

— Избу-то ради детей строить надобно. Мне, грешному, в этом остроге гнить судьба распорядилась, — сказал князь с искренней грустью в голосе, — а дочерям жить еще.

— Поговорю с Николаем Степановичем, — сказал Миклашевский. — Да! Совсем забыл. Воеводша Милитина Федоровна настоятельно приглашала княжон на чашку чая.

— Как можно? — удивился Александр Данилович.

Откуда-то со стороны Вогулки доносился стук топора. «Дятел», — вспомнил князь о плотнике Семене Баженове.

Ветер пронзительно завывал, свистел в ветках прибрежного кустарника. Небо, темное и низкое, придавило землю своей свинцовой тяжестью.

— Как самочувствие, Мария Александровна? — галантнейшим образом спросил Александр Данилович, подойдя к дочери.

— Маменьку давеча во сне видела, — дрогнувшим голосом ответила дочь. — И князя Федора.

— Матушка меня к себе звала, — продолжала княжна. — Холодно, говорит, там у вас.

— А мы, доченька, избу теплую срубим да возле нее церковь поставим. — Меншиков принялся успокаивать дочь. — Богу станем молиться, глядишь, он и облагодетельствует нас.

— Правда, папенька? — обрадовалась княжна. — Правду говоришь? Свою церковь поставим? Здесь? На берегу?

— Здесь. Я, грешник, целые дни в ней буду на коленях перед образами стоять и грехи свои замаливать. Целыми днями, без усталости. — В словах Александра Даниловича было столько горячности и искренности, что княжна бросилась ему на шею.

Глава тридцать четвертая

Сержант, получивший от полковника Миклашевского нагоняй за свои бесчинства, шел вокруг острога и дивился: он не мог взять в толк, для чего княжеские холопы сдирают с болотистого берега Сосьвы мхи, срубают кочки.

Потом пустили по берегу пал. Трава на кочках обгорела, и они стали походить на лысые татарские головы, но зато легко срубались топорами и горели в кострах. Под слоем тяжелых мхов обнажилась коричневая, будто замшевая, подкладка из отгнивших корней, которая прикрывала вечную мерзлоту, эту ледяную, мертвенно-холодную землю.

— Вечор двое остяков набрались в кабаке у Серебрякова дешевой сивухи да чуть было к водяному в гости не угодили, — подходя к костру, возле которого собрались холопы погреть озябшие руки, весело заговорил служивый. — Так и утопи бы, кабы на берег не прибежал священник. Один-то из тонувших оказался крещеным. Через него тутошный дикий народ в веру нашу обращается. Священник в рясе заскочил в лодку и замахал веслами напрямиком к тем остякам.

— А селяне-то чо? — спросил кто-то из холопов.

Сержант махнул рукой, показывая свое пренебрежение к поведению глазевших с берега мужиков.

— Опосля-то, как священник поплыл, многие стали стаскивать с берега лодки да догонять его, чтобы помочь. Священник-то тутошный громкоголосый, как зарет на них: «Без вас управлюсь! Колите овечек али баранов да в сырую и теплую шкуру их!»

— На што баранов-то?

— А вот так тут делают. Как кто в ледяной воде искупался — только этим и спасают, а ежели не завернут в свежую, теплую шкуру, человек зачахнет, сожрет его чахотка.

Холопы хмыкали, переглядывались друг с другом, дивясь услышанному: в каждой стороне свои порядки.

— У нас бы в России сразу — в жаркую баню да под березовый али дубовый веник часа на три. Опосля браги парной — и опять мужик вскочит солдатиком.

— А как только светлейший приказал этим нехри-

стям вина подать, так они вроде бы сразу ожили, заорали: винка! винка! винка хочу!

— Все винка любят. Никто мимо рта рюмочку не проносит,— сказал подошедший к костру Лука.— Потому как оно кровь разбивает, мысли в голове шевелит.

— А кого на буйство тянет.

Служивый вспыхнул, чувствуя, что холопы бросают камушки в его огород, засопел.

— Я уж и не помню, когда пробовал,— почесывая за ухом, продолжил Лука, стараясь сгладить неловкость по отношению к сержанту. Были дни молодые, когда на барщине жил. Медовуху варили. Выпьем в поле, а вокруг такая благодать: земля хлебом пахнет, хлеб землей, кругом кузнечики стрекочут, бабочки разноцветные порхают, васильки голубыми глазками отовсюду глядят, а на душе песня-а-а! — И тут Лука неожиданно разразился таким громким плачем, что сержант отскочил, чертыхнулся, жалея, что ввязался в разговор с холопами.

— Да разве жизнь в таком холоде? — вопил Лука, которому вроде бы меньше всех приходилось бывать на морозе да ветру, а все вертеться возле горячих кастрюль.— Вся душа в человеке остужается, не токмо плоть.

— Боже милостивый! — пошатнувшись, проговорил сержант, у которого всякое веселье как рукой сняло.

Сержант нес в кармане какую-то бумагу для светлейшего князя и думал, как после случившегося давеча к нему подойти.

Бумага была от воеводиши Милитины Федоровны.

Конечно, Милитине Федоровне, чтобы добиться от воеводы разрешения пригласить опальное семейство, пришлось пустить в ход все свои женские хитрости.

— В уме ли ты, голубушка! — в первую минуту услышала она, когда только заикнулась насчет гостей из острога.— Меншиков ноне государственный преступник. А про гости заладила. Одна-то царской невестой была! Как разговаривать-то станешь? Про что говорить? Всяк простой человек для них земляным червем был, а ты звать их к себе.

— Нешто в остроге краше, чем в воеводском доме? — возмутилась Милитина Федоровна.— Али кто лучше нас

живет во всем Березове? — воеводша уже смекнула, что Николай Степанович специально так говорит для нее, хотя в уме у него совсем другое.

— Кабы все было просто, голубушка, не послан был бы с ними такой караул.

— Это твоя забота. А моя — пригласить княжон.

— А как да за такую вольность меня самого вместе с тобой в острог отправят?

В это время хлопнула калитка. Воеводский слуга доложил, что к ним пожаловал полковник Миклашевский.

— Вот видишь? — посмотрела на супруга Милитина Федоровна. Раскланявшись с полковником, она выскочила из горницы отдавать распоряжение кухаркам.

Миклашевский начал издалека:

— Нонче к берегу Сосьвы ходил. Шуга идет. Вот-вот встанет речушка, — заговорил полковник.

— Обь-то, матушка, опосля всех успокоится.

— Как бы старшая княжна не померла здесь. Кашлем вся изошла, а в остроге сырь.

— Ясное дело: после хором — сразу в острог, — сочувственно ответил воевода.

— Пособить бы чем, да боязно, — признался полковник. — Только попробуй дай князю послабление — сразу в Петербурге известно станет.

— В Петербурге не в Петербурге, а уж в Тобольске — точно узнают. А тогда попробуй оправдайся!

Они помолчали с минуту, и, конечно, думы их были о семействе светлейшего.

— Испрашивает князь разрешения построить собственную избу возле острога, да еще есть у него намерение Божий храм там поставить. Сей день с ним разговор был, — не глядя на воеводу, сказал Миклашевский. — Денег, говорит, на все хватит. Храм, говорит, поставлю всем на заглядение. Грехов-то, чай, на душе много, денно и ночью замаливать надобно.

— Избу-то, поди-ка, поставить можно. В случае чего не увезет с собой. Так на берегу Сосьвы и останется. А уж про храм-то похвально слышать. Епархию испросить только надобно, — рассуждал воевода, и это было крайне приятно слышать Миклашевскому: золотую лампадку надо было отрабатывать.

— Будет несказанно рад опальный князь.

— Тогда лес-то у Кондинского монастыря просить надобно. Он сосновый, просушенный. С разливом реки на плотях и перегнать. У нас, правда, лесу-то тоже слава Богу! Кедрачи эно какие. Вершину увидеть — так башку задрать надо, шапка свалится, а все одно, с кондинских сосновых боров лес лучше.

— Деньги-то чего не сделают! — согласился с воеводой полковник.

Миклашевский не ожидал такого оборота — скорого согласия воеводы. Да мало — согласия, еще и совета насчет сухого леса. Даже закралось подозрение: не говорил ли об этом ему сам Александр Данилович. Но никогда ни один из караульных, сопровождавших любого из членов семейства в город, не доносил ему о том, что были какие-нибудь разговоры воеводы с опальным князем. На то он и торчит здесь, чтобы знать все о каждом шаге ссыльного Меншикова.

— Моя Милитина Федоровна надумала пригласить на чашку чая молодых княжон. Я отговаривал, да куда там! Говорит, не может того быть, чтоб и княжны были в опале! Какую они провинность совершить могут, такие кроткие!

— Да не провинность, — поправил полковник. — Мария-то Александровна царской невестой была. Ну пусть сняли с нее то обручальное кольцо. Так ведь из песни слова не выбросишь! Сам государь к ее руке прикасался, помолвка между ними была. Блюсти ее надо пошибче опального князя. Мало ли какие перемены?

Глава тридцать пятая

Княжна Мария Александровна проснулась и, вскочив с постели, ступая босыми ногами по промороженному полу, подбежала к двери и застучала в нее кулаками. В перепуге прибежала Глафира, обняла девушку и почти силой уложила в постель. Служанка не спрашивала, что потревожило хозяйку. Она знала: Мария Александровна опять увидела во сне князя или ей послышался его голос.

— Успокойся, моя милая. Успокойся, моя краса-

вица. Успокойся, моя умница! — убирая со лба девушки взмокшие от пота волосы, причитала служанка.— Скоро светать будет: к заутрене пойдём, помолимся, душу успокоим. Мне тоже кажется, князь Федор мчится сюда. Ночью его во сне видела: будто скачет он на белом коне и погоняет, погоняет лошадь плеткой. Та под ним гарцует, а он наклонился этак к ее уху и будто говорит: «Дура ты, дура необъезженная. Не работать я на тебе собрался, а к любимой тороплюсь. К моей ненаглядной Марии Александровне. Заждалась она меня, голубушка». Лошадь-то будто как подскочит над землей да как полетит! Летит, летит, а вокруг снега, снега, снега. А князь Федор твердит свое: «Торопись, торопись. Горюет моя Мария Александровна. Думает, что я забыл про нее, ан зря печалится: моя любовь к ней вечная».

Мария Александровна мало-помалу стала успокаиваться. Глафира же, зная целительность слов, почти каждый день рассказывала ей такие вот «сны» о молодом князе.

За окном бушевал ветер, в крохотное слюдяное окно ударялись снежинки.

Приглашение воеводши вызвало радость только у младшей княжны. Она долго и весело смеялась, требовала у кормилицы Анны отыскать для нее самую нарядную кофту с пуфами и мелкими оборками на груди и совсем не слушала, когда та, сокрушаясь, говорила, что еще по дороге, сразу после выезда из Ранненбурга, ту кофту забрали посланные царем люди, как и многое другое. Но молодая княжна не хотела ничего знать и, возможно, еще долго куражилась бы над бедной кормилицей, если бы разругавшийся княжич Александр не ввалился в острог с бойкой собачонкой. Радостно взвизгивая, та прыгала на задних лапах, облизывала каждого. Собачонка привела в неопикуемый ужас капризничавшую княжну:

— Убери, мерзкий мальчишка, эту тварь! Убери! — визжала княжна так громко, что к ним вышел светлейший. Собачонка с громким лаем подбежала к нему.

— Откуда это? — попятился князь, глядя на княжича, старавшегося изо всех сил удержать на тонком поводке собачонку.

— Мужик Евлампий подарил.

— Какой еще Евлампий? — отталкивая ногой собачонку, сердито спросил Александр Данилович сына.

— Да тот, что на Вогулке живет. Плыл мимо, увидел меня. Говорит: бери, барин, в подарок. Все веселее будет.

— Где я тебе псаря возьму? За собакой присмотр да присмотр надобен.

— Какой, батюшко, присмотр? — смешался Лука, вышедший вслед за княжичем. — Собаки тутошние под крылечками спят, обедками кормятся.

— Княжичу, Лука, потекаешь, — уже спокойно сказал князь.

— Истинный Бог, так. Разве ваше высочество не видели, скоко по Березову собак бегает? А у каждой собаки хозяин есть, и оне свой дом знают. Быть может, и этот у нас приживется. Я вон ему в берестяную чашку ополоски вылью, покормим.

— Батюшка! — умоляюще протянул княжич.

— Ну, как знаешь, но чтоб в жилье духу этой собаки не было! Выдумали — псов в жилье заводить! — бурчал князь, заходя в свою келью.

Ему почему-то вспомнилась царская охота. По чести говоря, Александр Данилович не любил этой потехи, потому что царь Петр Алексеевич редко позволял себе, а значит, и всем приближенным тратить попусту время. Зато внук его, Петр II, с другом своим, гулеваном и повесой Иваном Долгоруковым, целые недели напролет носился по лесам за зайцами, косулями, лосями и кабанами. Однажды, чтобы угодить будущему зятю, светлейший князь ездил куда-то в подмосковные леса. Устал там до беспамятства. Разве можно было угнаться за молодыми? Он знал, что в больших царских псарнях велось большое хозяйство под присмотром немецких псарей, знающих не только породы, но разные тонкости в содержании охотничьих и гончих собак.

Впрочем, взволнован он был, конечно же, не появившейся вдруг собачонкой, а предстоящей встречей с воеводой. Он бухнулся в широкое, сплетенное из прибрежного ивняка кресло.

«Боже милостивый, — перекрестился Александр Данилович, — до каких дней дожил: к какому-то несчастному воеводе, живущему на краю света, с опаской собираюсь. В другое бы время не то чтобы не пошел,

не плюнул бы в ту сторону, где воевода живет, а вот как жизнь повернула. Идти надо, коль приглашение есть. Мог бы и одного позвать, а то написано «непрерменно со всем семейством». Гляди-ка, и полковник Миклашевский побеспокоился.

Княжну Марию Александровну Глафира наряжала, как в давние времена. Конечно, не было никакого сравнения с прежним великолепием придворных нарядов, сияющих всевозможными драгоценными камнями, не было той пышной прически, раньше искусно возводимой заморскими парикмахерами. Однако, смочив прядки волос сахарным сиропом и закрутив их в букли, служанке удалось соорудить на голове у княжны нечто вполне приличное.

— Только, Мария Александровна, разреши эту красоту платочком повязать. Кабы снегом не смочило.

В ответ Мария Александровна лишь вздохнула тяжело:

— Как знаешь.

Глухо зазвенел церковный колокол. Княжеское семейство в сопровождении караульного отправилось к заутрене.

Северный ветер неся с буйной силой, не останавливаясь ни на минуту, подбрасывал и кружил в воздухе стебли и листья высохших трав, вытряхивал из птичьих гнезд перья вперемешку с липкими хлопьями снега. Откуда-то из заснеженной дали доносились отрывистые, незнакомые звуки, и, по мере того как ветер набирал силу, они то пропадали, то слышались вновь: гей! гей! гей! гей!

Скоро, к великому изумлению княжон, из снежной мглы выбежали рогатые существа. Они бежали навстречу княжескому семейству, отчего княжны подняли испуганный крик, подхватили отца с обеих сторон.

— Олени это! Олени! — закричал караульный, выбегая навстречу бегущим оленям.— Гоните стороной!

— На санках-то люди сидят,— не отпуская руки отца, говорила Мария Александровна, когда длинный обоз в несколько десятков нарт пробежал мимо, оставляя после себя полосы на снегу.

— К кабакам поехали,— говорил вслед убегающим нартам караульный.— Приказчики быстро их облапошат. Давно поджидают. Уж нас, прожженных выпивох,

умудряются обчистить, а про этих и говорить не приходится.

В словах караульного была правда, известная здесь любому. Изворотливые приказчики всегда с нетерпением ожидали приезда коренных обитателей здешних мест. Те, дождавшись первых заморозков, приезжали в Березов целыми семействами: запасались припасом для охоты и пили «огненную воду». Что тогда творилось в этих кабаках! Упившись до беспамятства, дети лесов и тундры путали дни и ночи, спали на нартах, возле каждого порога, куда только впускали хозяева, тянули заунывные песни, похожие на завывание пурги, плакали.

Вскоре семейство зашагало по деревянному настилу. Идти стало легче, и вот уже, обтерев о рогожный куль ноги, перекрестясь, Меншиковы вошли в церковь.

Милитина Федоровна в это утро была в большом волнении, хотя стол в ее доме уже был накрыт скатертями отбеленного, искусно вышитого монастырскими мастерицами холста, из сундука вытащена фарфоровая посуда, купленная у китайского купца на Обдорской ярмарке: соусницы и солонки, всевозможных размеров тарелки, салатницы, рыбницы.

Она уже окольной тропкой сбегала в церковь, где удостоверилась, что все званые ею люди пришли к заутрене, а значит, непременно придут к ним, несколько раз подбегала к зеркалу, поправляя прическу, оборки на кофте, раскладывала на груди жемчужные бусы.

Затем, опершись о подоконник и глядя в окно, Милитина Федоровна ждала, когда закончится служба. Первой из церкви выпорхнула купеческая сноха Перевалиха, ни с того ни с сего запнулась на ровном месте и упала. Милитина Федоровна, зная, что та на сносях, ахнула, но молодуха бойко вскочила, отряхнула подол длинной юбки, побежала напрямик домой.

Потом на крыльце появился Николай Степанович с полковником Миклашевским и, не задерживаясь, направились к воеводскому дому. Их догнали дьяк Иван Храпунов и лекарь Герасим Петрович Сосунов.

— Милости просим! Милости просим! — стоя на крыльце, приглашала гостей Милитина Федоровна. — Вот и Покров на пороге! Вот и первое зазимье! С какого краю ветер дует — оттуда и всю зимушку ветров ждать! С праздничком вас! С праздничком!

Хлопнули тяжелые ворота. В камзоле нараспашку ввалился веселый рыботорговец Макрушин, напевая:

Скоро, девушки, Покров,
Скоро нам гуляночки...

— Где ты девушек-то увидел, — хохоча, спросил его дьяк Иван Храпунов.

Девушки вы, девушки,
Где берете денежки? —

не хотел прерываться развеселый купец.

Летом ягодки берем,
Зимой куделечку прядем!—

уважила допевкой Милитина Федоровна, пропуская мимо себя гостей.

Последним пришел священник, и только семейство светлейшего князя то ли задерживалось, то ли не решалось навестить воеводский дом. Милитина Федоровна была в полной растерянности.

— Никто не идет сзади вас? — спросила она священника.

— Не видел, — ответил тот, отряхивая с яловых сапог снежок.

Церковь почти опустела, а Мария Александровна все стояла на коленях и, не поднимая головы, молилась. Она опять отчетливо слышала голос князя Федора и с растревоженным сердцем пришла в храм, чтобы Всевышний услышал ее молитвы.

Обращаясь к Божьей Матери, молила о спасении души князя Федора, веря, что слышанный ею голос не что иное, как отзвук его беспокойного, тоскующего сердца.

— Мария Александровна, — коснулся плеча дочери Александр Данилович, — пойдете, неудобно: нас ждут.

В это время вошедшие в горницу гости безудержно хвалили хозяйку, и ей было обидно, что молодые княжны не могут этого услышать.

— Еще кого-то ждете? — спросил купец Макрушин, облизывая губы, сухие от изрядно выпитого накануне заморского вина.

— Семейство светлейшего князя пригласила, — ответила Милитина Федоровна.

Восторгу купца не было предела. Глядеть на Марию Александровну — уже счастье.

— Да-а-а,— протянул священник.— Красотой ее Господь Бог не обидел.

— А я,— поторопился вставить свое слово лекарь,— могу про светлейшего князя истинную правду рассказать. Он ведь ох каким крутым человеком был. Годов с десять тому назад довелось мне быть на богомолье в одном монастыре. Там и наслушался. Да кто знал, что воочию могу увидеть этого важного вельможу.

— Начал, так рассказывай,— попросил купец Макрушин.— Рассказывай, а я сравню: где твоя правда, где наговор. В дороге-то я князя узнал.

— Не я, а люди говорили,— пошел на попятную лекарь.— В ту пору там стоял казацкий полк. Как прознали в том полку о приезде князя Меншикова, сразу дали команду сотне встречать светлейшего князя с трубами и литаврами. А он сразу пировать начал.

— А в церковь как, ходил? — поинтересовался дьяк.

— В народе говорили, коли его светлость в церковь не пойдет, то на дому вечерню и утреню справят. Это все для него привычно было. И вот в ту пору как раз отцу Порфирию видение было: будто небо все закачалось, задвигалось. Он давай звать монахов. Те выбежали, да не увидели Божьей благодати. Отец Порфирий в слезы, а потом взял да и намалевал то видение, которое ему показалось. От нарисованного все ахнули, позвали наместника, который велел все это срисовать. А на рисунке-то чернилами было нарисовано: в середине — мужская голова, вокруг головы — сабли и мечи, по углам — руки и ноги, внизу — виселица и два полумесяца, а между ними — крест.

По приезде обо всем этом рассказали светлейшему князю. Он, недолго думая, позвал к себе старца Порфирия и стал допытываться: какое он видел видение. Тот все рассказал ему по порядку.

— Обманщик ты и плут! — закричал на него князь. Послал за монахами, а отца приказал под караул да сковать!

— О, Господи! — воскликнула воеводша.

— Может, хватит,— промолвил Храпунов.

— Нет-нет,— утвердительно сказал купец,— раз начал, то досказывай.

Лекарь замялся, но купец требовал продолжения.

— Ну, как потом говаривали, будто от светлейшего

князя пришла бумага, в которой требовал он лишить иеромонаха чина и расстричь.

— Расстригли? — опять спросила Милитина Федорова.

— Нет. Владыка там был человеком святым, в обиду своих старцев не давал, ответил князю: «Не могу расстричь без постановления Синода».

Но где там! Светлейший неповиновения терпеть не мог. Сразу рассказал обо всем государю, будто бы то видение и рисунок были против русского царя. Царь, сказывают, осерчал, прислан был гонец, который по царскому указу увез отца Порфирия в Петербург. Кто-то потом сказывал, будто увезли его прямо в Преображенское.

— Значит, погиб старец?

— Долго про него ничего не знали. Монахи панихиду справляли, за упокой его души молились. А на самом-то деле его, сказывают, в Соловецкий монастырь сослали, а он все одно от своего видения не отказался. Да мало того, в том Соловецком монастыре все рисовал и рисовал отрубленные головы, руки и ноги. И тут светлейший князь уговорил государя привезти отца Порфирия обратно в Петербург на суд князю.

— Неужто он такой зловредный? — удивился священник. — Со святыми отцами такое творить?

— Конец-то счастливый, — успокоил всех лекарь, проклиная про себя ту минуту, когда вызвался хвастаться услышанным. — Наверное, у него самого сердце смягчилось, а в народе сказывали так: в ту пору у князя жена болела. Перед тем как идти в царские хоромы, он пришел к жене и спросил: как здоровье, разлюбезная, а она ему в ответ: «Хочу, чтобы ты сей день греха не положил себе на душу и не казнил беспомощных за безумие». Князь будто бы осерчал, но, махнув рукой своему секретарю, добавил: «Скажите княгине: на милость закон не писан. Пусть не беспокоится, а отец Порфирий пусть долго Богу молится за ее здоровье».

— Все-то у них непонятно. Когда у власти — по людским головам ходят, — заключил купец Макрушин, — а как грохнутся с высоты на грешную землю — сразу становятся людьми. По мне, так я проще человека не встречал: работал, как обычный мужик, баржу бечевой

по берегу реки тянул, дрова рубил и под парусом лодку вел. Все знает, все умеет.

Запыхавшаяся посыльная девка легким стуком в дверь позвала хозяйку и, заикаясь, промолвила: «Идут!»

Глава тридцать шестая

Миклашевский, поднимаясь со стула, пошел к порогу встречать семейство светлейшего князя. И, как всегда бывает в такие неловкие минуты, сидевшие в горнице замолчали. Продолжил разговор священник Андрей Георгиевич Страхов. Стал рассказывать об иконе Василия Мангазейского, приобретенной недавно в Абакском монастыре.

— Неужто здесь, в Мангазее, объявились свои святые? — не скрыл сомнения купец Макрушин.

В это время растворилась легкая дверь, и, пропуская впереди себя дочерей и сына, в воеводскую горницу вошел Александр Данилович. Он учтиво поклонился всем, и лекарь, всего минуту назад говоривший о лихоимстве светлейшего князя, первым подбежал, представившись:

— Герасим Сосунов — местный лекарь, всегда к вашим услугам.

— Какое мужское общество, — окинув присутствующих острым взглядом, улыбнулся князь. И в самом деле: в горнице были одни мужчины, и оказалось, что большинство из них, не считая воеводы да дьячка Варлаама, которому по старости можно обойтись и без жены, были бобылями или вдовцами.

«А вот и невест привели», — про себя заметил купец Макрушин. Подумал, но не сказал: понимал, где лучше и помолчать. А уж если была бы возможность заглянуть в самые тайные уголки души купца Макрушина, то можно было бы узнать его желание просить у князя руки Марии Александровны. При этой мысли на него нападала оторопь, хотя и капиталы, какими обладал купец, могли бы обеспечить ей сносную жизнь.

Впорхнувшая в гостиную разгневанная Милитина Федоровна вывела мужское общество из неловкого молчания:

— Вот, дорогие гости, все в сборе. Присаживайтесь к столу. По случаю праздничка — Покрова дня — не грех и за столом посидеть и кое-кому горлышко промочить.

— Скоро в нашем полку прибудет, подойдет настоятельница Кондинского монастыря Елена Сергеевна. Помните ее?

Милитина Федоровна еле сдерживала себя, чтобы не расспросить княжну, кто мастерил ей прическу, из какого бархата у нее душегрейка, подивилась ароматам духов, наполнивших горницу.

— Мы тут про Василия Мангазейского рассказ начали слушать. Слышали про такого? — спросил воевода Александра Даниловича.

— Краешком уха, — ответил светлейший князь. «Не до святых в моей жизни было», — подумал он с чуть заметной усмешкой.

— Обождем Елену Сергеевну. Превеселая женщина, хотя и настоятельница.

— А ведь чаще-то и бывает, кто больше про благообразие нравов толкует, тот в лукавстве живет да потихоньку грешит. А от молвы себя красными словами обороняет, — прошамкал беззубый дьячок Варлаам.

— Как можно! — остановил дьячка лекарь, немного смущенный.

— Так вот, — остановил разговор священник, — послушайте-ка лучше о Мангазейском чудотворце. Это было в 1625-м, 12 августа, в Мангазее.

— Это в той Мангазее, до которой отсюда рукой подать? — спросил Миклашевский, сидевший пока что в глубоком молчании.

— Да-да! — ответил полковнику священник. — В том-то и дело, что не за морем-океаном святые люди живут, а у нас, совсем рядом, превеликие чудеса творились, а может, и теперь творятся. Наш-то великомученик Василий был ярым заступником бедных и сирых. Цельными днями у Бога заступничества во благо людей просил. Господь-то и услышал его молитвы, поверил в его безгрешные слова. Взял его к себе.

А жил в Мангазее человек по имени Дмитрий. Греха не боялся, все время проводил в пьянстве и блуде. Вскоре захворал, ему бы покаяться, а он еще в большой грех вошел — решил себя ножом зарезать.

Тут ночью и явился к нему Василий и уговорил Дмитрия в церковь сходить.

И после этого случая зажил Дмитрий человек человеком.

В праздник Рождества Пресвятой Богородицы пошел один грешник в церковь и помолился не только святым ликам, но и тому, кто к Дмитрию ночью являлся, — нашему новоявленному чудотворцу. Прошло три дня. Переплывая на лодке речку, мужик тот стал тонуть, и тут помог ему наш чудотворец, доставил его на берег. Вернулся мужик домой, в Мангазею, и давай всем рассказывать про случившееся. Народ сбежался, стали допытывать, какого виду тот чудотворец. Он и говорит: «Возраста еще не старого, лицо окружно, бело, руки мягкости исполнены, власы русы с желтостью. Одевание на нем токмо едина браница белая, и простеря к нему свою руку. Он же с радостью лобза и поклонися до земли».

— Он, наш Василий! — признали в описании мангазейские.

Прошло немного времени, и о своем видении чудотворца рассказал мангазейскому воеводе Карсакову простолоудин Михайло. Будто он в своем доме спал чутким сном и увидел незнакомого человека, который торопливо уходил из города. Он, Михайло, спросил: куда бежишь, брат? Тот ответил: слава в вышних Богу и на земле мир, в человеке благоволение — чего-де Господа просили, сие-де и получили. И Бог новоявленного чудотворца имя открыл. Рек незнакомец, что имя его — Василий.

В гостиной воцарилась тишина.

— Братия-то часто слышит о явлениях и чудесах святого мученика Василия Мангазейского, — заключил свой рассказ священник.

— А в Березове являются видения чудотворца? — трепетно спросила Мария Александровна.

— Пока Бог не посылал его к нам, — ответил Андрей Георгиевич.

— А голос великомученик подавать может? Предсказать кому радость и кому печаль?

— Не ведаю того, — услышала в ответ. Священник хотел еще что-то сказать, но Александр Данилович, зная впечатлительность дочери, перебил разговор и полюбо-

пытствовал, где захоронены мощи святого Василия, имея в виду на будущее непременно побывать в тех местах.

— Милитина Федоровна, сделай милость, принеси-ка икону чудотворца, которая с благословения митрополита Тобольского, архимандрита Гавриила, в обители святой Троицы была написана причетником Иларионом Венюковым.

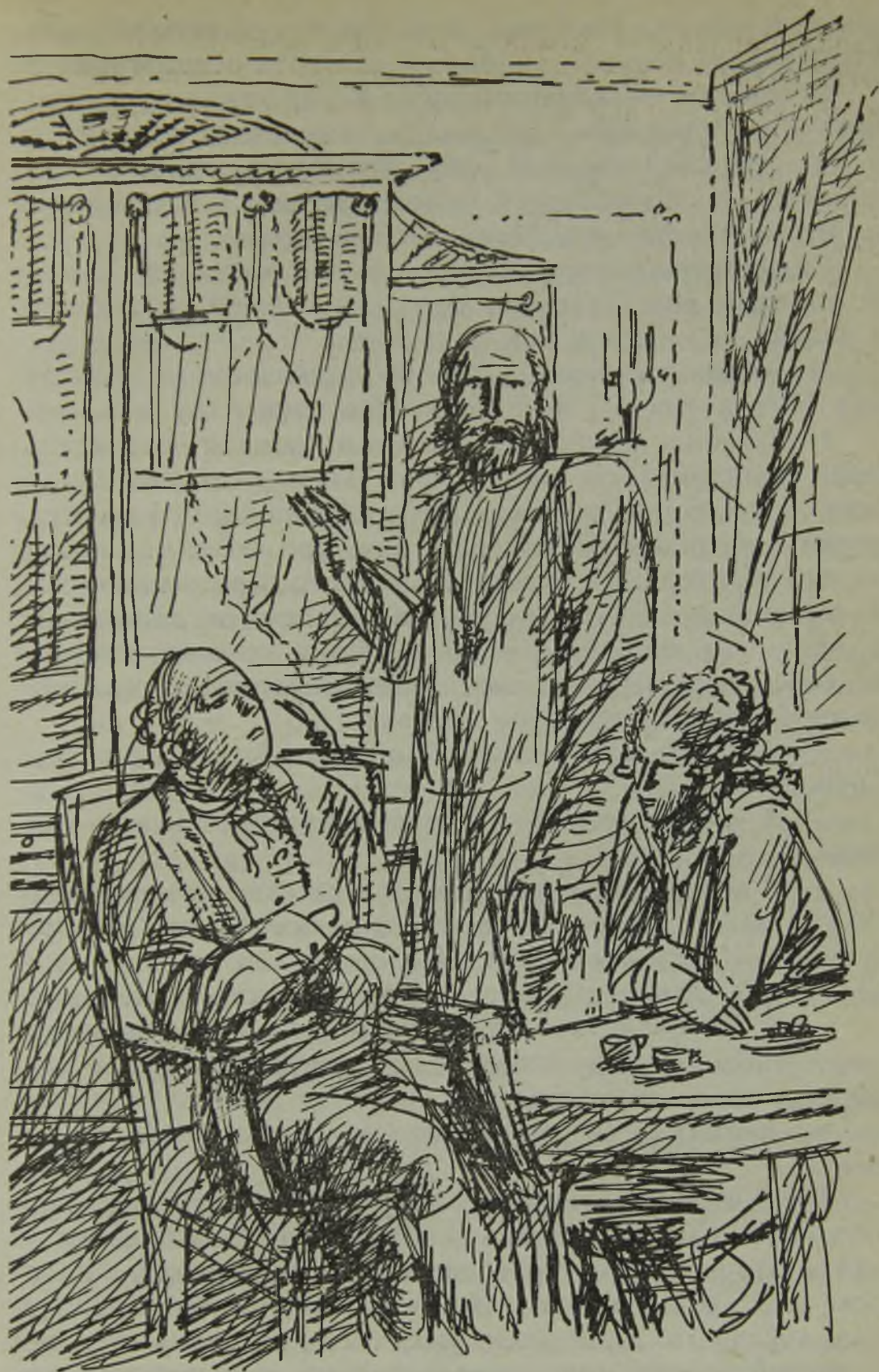
Милитина Федоровна скоро воротилась, держа в руках икону в золоченом окладе, и бережно подала ее священнику.

— Сей лик — бесценное сокровище святой церкви. При иеромонахе Тихоне и еще пятерых старцах в 1670 году перед самой распутицей, в месяце мае, мощи чудотворца Василия Мангазейского были перенесены из нашей Мангазеи в Туруханский монастырь.

— Как же это возможно? — бледнея, спросила Мария Александровна, пристально вглядываясь в лик святого чудотворца.

— С согласия и благословения митрополита, — учтиво ответил княжне священник. — Премного старался иеромонах Тихон со товарищами. Про то сказывают: перед тем как переложить мощи в новый гроб и доставить на новое место, они соблюдали недельный пост. Отслужив молебен и обсказав о своих намерениях мангазейцам, которых по случаю опустошительного пожара осталось несколько семей, под звон колоколов, с иконами, с молитвами подняли на руки гроб и понесли в лодку... Так-то, дети мои, — вздохнул священник, по всей видимости довольный тем, что смог удивить собравшихся. Ему бы тут остановиться, но, как многие люди, почувствовавшие к себе интерес, он стал рассказывать об Абалакском монастыре, но скоро и сам с грустью почувствовал, что его мало кто слушает, разве что княжна Мария. Она бережно провела ладонью по иконе и припала к ней губами.

Александр Данилович, желая отвлечь Марию Александровну и как бы продолжая разговор, сказал о своем намерении построить в Березове собственный храм, чему присутствующие, кажется, не поверили, вернее, не приняли всерьез сказанное опальным князем. Кто-то заметил, что желающему сотворить такое надо иметь неимоверно большие средства и что одного желания

мало. Варлаам, улыбаясь и почесывая в затылке, стал производить подсчет, скобля на скатерти острым ногтем.

Сомнения, высказанные даже в сдержанно-почтительном тоне, пришлись Александру Даниловичу не по душе, и он, со свойственной ему прямоотой, спросил священника, поспособствует ли тот получить благословение на строительство им, Меншиковым, храма.

Священник растерялся, заерзал на стуле, поскольку не слышал еще от своих прихожан ничего подобного, а значит, и не знал, как поступить.

Не остались равнодушными к сказанному полковник Миклашевский и воевода. Они переглянулись.

На помощь пришла незаметно вошедшая настоятельница Кондинского монастыря. Тихо усевшись возле порога, смиренно положив руки на колени, она окинула зорким взглядом гостей: отметила про себя, что незнакомый обаятельный мужчина говорит о дорогом для себя, о выношенном. Она не могла объяснить даже себе, с чего это она так решила. По-видимому, повидав на своем веку немало, она чутьем определила, что этот человек слов на ветер не бросает...

— Вот ведь какая благодать будет! Какая благодать Господу Богу.

— А как с лесом? — прервал настоятельницу воевода.

— С лесом? Да у нас на строительство нового монастыря заготовлено его в кондинских борах видимо-невидимо. Лесу мы дадим. Мое слово в этом не последнее. А для Божьего храма — в особенности постараюсь.

— А капиталу хватит? — улыбаясь, спросил воевода. — Кабы не получилось, как у стряпухи: будет затворено, да не замешено.

— Хватит, — он сказал это и почувствовал облегчение.

Все, что происходило вокруг, осталось княжной незамеченным. Увлечшись ликом святого Василия, она не могла оторваться от пригожего лица, от взгляда, в котором жили тоска и боль. И тут княжну осенила радостная мысль: в этой дали уже бывали пришлые люди с чистой душой, они своими делами и подвигами как бы осветили им дорогу, приняв на себя мучения, и Бог узрел это. На душе княжны стало светлее.

В воеводском доме было очень тепло. Аппетитные

запахи млевшего в русской печи мяса доносились до присутствующих. Не выдержав, Варлаам, часто бывавший в этом доме, шутя обратился к хозяйке:

— Ну, долго ишо нас морить собралась, хозяйюшка?

— Да милости прошу! Милости прошу! — пригласила разрумнявшаяся Милитина Федоровна, подавая знаки служанкам выносить горячие блюда на стол. — И не чаяла дожидаться, когда вы свои разговоры закончите.

— Дух-то, дух-то какой, — проговорил дьяк. — А то все икра да икра, заливная рыба да солонина.

— Ну, тебе, Варлаам, никогда не угодишь: то много печеного, то много копченого.

Дьячок в ответ хохотнул.

Осенний день в северном крае короток. Пока гости вели разговор о Василии Мангазейском да о строительстве храма, за окнами нависла бусая дымка, предвещавшая скорый закат солнца. Высокая, стройная служанка, подвязанная черным платком, стала зажигать свечи, стоявшие в медных подсвечниках, скоро на стенах горницы обозначились большие тени сидевших за столом.

На столе кроме прочих яств были всевозможные ягоды в самом различном виде: засахаренная, янтарного цвета морошка, моченая брусника и клюква, толченая чуремуха, залитая желе земляника, голубика, черника.

— Может, в картишки сыграем? — насытившись разносолами, спросил купец. — Давненько не игрывал.

— Разве только в подкидного дурака и не на деньги, а то ты нас всех облапошишь. Эко в прошлом или в позапрошлом годе ты обчистил купца Шеина. Эко он горевал после.

— Пусть не садится, — ухмыльнулся Николай Степанович, вспомнив былое. — Что было — быльем поросло.

— Только в подкидного! — настоятельно потребовал лекарь. — Для увеселения.

— Ну какой же интерес просто так карты перебрасывать. Все одно давайте на какой-нибудь интерес.

— Придумаем, — уже тасуя карты, сказал Макрушин.

— Нет, с тобой надо договариваться на берегу! — закричал захмелевший дьячок Варлаам. — Опося ты такое придумаешь... — он не договорил.

Милитина Федоровна наконец-то улучила минутку, чтобы пригласить молодых княжон в свою горницу.

— Ну их! — махнула она в сторону мужчин рукой. —

Пусть развлечения ищут, у нас свои могут быть разговоры. Пойдемте, милые.

— Куда это ты их повела? Поди, свои юбки показывать? — развязно спросила настоятельница монастыря. Голос ее вдруг показался Марии Александровне грубым и дребезжащим, а раскрасневшееся, вспотевшее лицо покрылось красными пятнами. За столом она даже не подняла рюмочки, даже не пригубила, а вид ее, как показалось княжнам, сильно изменился: благообразная и кроткая женщина вдруг стала походить на обыкновенную базарную торговку. Настоятельница захохотала, и это был главный признак того, что, частенько удаляясь во вторую половину воеводской избы, где находились повар и кухарки, она там прикладывалась к медовухе, до которой, все знали, была пристрастна, и даже священник тайком говорил, что Елена Сергеевна охоча до зелья и что, если бы Кондинское не было так далеко от Тобольска, настоятельно потребовал бы ее замены, ну а так — делал вид, что глух и слеп.

Милитина Федоровна на мгновение стушеввалась, но скоро, картинно приподняв подол кашемировой юбки с большими воланами, пригласила девушек идти за собой.

— Какие прелестные задергушки! Маша, погляди, какой узор! Точь-в-точь как на окнах нашей тетушки Варвары Михайловны. И прошва на постели, и подзор! — восторгалась младшая княжна, еще не умевшая скрывать своих чувств, чем доставила хозяйке удовольствие.

— Присаживайтесь. Можно вот сюда, в мое теплое гнездышко, — показала Милитина Федоровна на мягкое кресло, обитое бархатом. — В нем я и провожу свое время: то вяжу, то вышиваю. А теперь, в такую зимнюю темень, опять надо чем-нибудь веселить себя. — Она проворно подняла крышку сундука, стоявшего в углу, и стала вынимать из него шитье, приговаривая: — Вот это все я сама сделала. Веселю глаза разноцветьем. — Она раскинула по столу белую скатерть, расшитую гладью.

— Ох, прелесть какая! Цветы — как живые. Как мило глядят незабудки.

Мария Александровна не очень разделяла восторг сестры, хотя, без сомнения, вышивка была прелестной. При дворе российского государя ее глаза услаждали такой роскошью, какая и не снилась Милитине Федоровне.

— Мария Александровна! Машенька! Разве не прелесть? — спросила сестру княжна.

— Отчего же! — и, чтобы немного сгладить свою сдержанность, княжна схитрила: — Не в голос же нам с тобой кричать!

В дверях появилась Елена Сергеевна. Черный платок, под которым прятались широкие черные брови, сполз с ее лба.

— Своим рукодельем удивляешь барышень, — сощурилась настоятельница и села на стул с высокой спинкой. Что-то отвратительное промелькнуло в ее прищуренном взгляде, окинувшем княжон. — Кабы были одни — непременно определила бы их в свой монастырь, — сказала цинично.

— Нет. Лучше будем жить в остроге! — ответила ей строго Мария Александровна, и в голове ее была такая решимость, такая строгость, что настоятельница, по-видимому вспомнив, кто есть кто, наклонила голову и долго расстегивала под подбородком булавку, чтобы натянуть черный платок на голову и не показывать, не разоблачать себя, свою, по всей видимости, страшную, властную суть.

— Не завидую девушкам в вашем монастыре, — услышала Елена Сергеевна, и кровь прилила к ее лицу. Ведь ей говорила не просто княжна, а царская невеста! Пусть бывшая, но царская!

— Фу, Елена Сергеевна, как от тебя несет ладаном! — схитрила воеводша, теперь уже ясно уловившая терпкий запах браги.

— Али запах ладана тебе противен? — сурово спросила настоятельница.

— Какой аромат от вас, будто сразу все запахи леса влетели в мою горенку! — искренне восторгалась воеводша, помолодевшая среди княжон. — Уж что это у вас за духи такие?

— Да это батюшка из заморских стран когда-то привозил множество разных флакончиков, — ответила Мария Александровна. — Одна капелька попадет на кофту или на шарфик — и больше этот запах никогда не улетучивается. Не знаю, есть ли они еще у нас? — Мария Александровна посмотрела на сестру, разглядывающую на скатерти вышивку.

— У Глафиры есть. Я видела.

— Если у нашей Глафиры есть такие духи, то считайте, у вас будут. Рады будем чем-либо отблагодарить вас за теплый прием, хотя я не об том хотела сказать. Дело, конечно же, не в духах.

— Что вы, голубушка. Я говорила все не к тому, — искренне говорила Милитина Федоровна со слезами на глазах. — Как увижу, что к берегу Сосьвы отправляетесь после службы, сердце заходит.

— Спасибо, Милитина Федоровна. Не забудутся ваши добрые слова. Мы обо всем этом батюшке скажем.

— Зачем батюшке-то? Я это для вас говорю и вовсе не для благодарности, а от чистого сердца. У нас ведь тут скука невозможная, образованного общества совсем нету. Я подле вас хоть душой обогрелась. Гляжу на вас со стороны и не нагляжусь. Шибко вы пригожие!

— После смерти матушки нам никто таких слов не говорил, царство ей небесное, — растроганно сказала княжна Александра. — Мы вроде и привыкать стали, правда, Мария Александровна? Разговариваем с Глафирой, Анной, Лукой, холопами, иногда с караульными, и все! Никаких девушек рядом нету.

Милитина Федоровна только вздохнула.

Из большой горницы доносился хохот.

— Наверное, дурака под стол толкают! — засмеялась Малитина Федоровна. — У нас тут так заведено: кто в дураках остается — под стол лезет и там песню поет. Ну, не каждому охота под стол залезать, а его все одно толкают. Интересно, кто там в дураках? Поглядимте? — позвала за собою воеводша.

Кряхтя, неулюже вставал на корточки купец Иларион Ильич.

— Так я и знала! Так я и знала! — подбоченилась Елена Сергеевна, затем бесцеремонно присела на корточки, чтобы помочь купцу таким вот образом рассчитаться за проигрыш.

— Пущай сам! — оттаскивал настоятельница дьяк. — Пущай сам!

— Какую песню-то петь? — вопрошал из-под стола купец. — Эту, что ль?

Вспомни, радость прелюбезна,
как мы веселились.

И приятным разговором

с тобой насладились.
Прилети, моя голубка,
сердечная сладость!

— Эко, какие песни он знает! — воскликнула Елена Сергеевна и, не сумевши скрыть своей влюбленности в Макрушина, зарделась, подхватила напев:

Без любви, без нежности
Дни мои летят.
Темной ночью думушки
Сердце шевелят.

— Матушка! — сконфузился за настоятельницу монастыря священник.

— Да не тронь ты ее, — остановил священника дьяк Иван Храпунов. — Все одно все знают, что она током днем монашит, а ночью-то ноги шарашит! Али впервые слышишь?

Именно в это время Александру Даниловичу вроде бы послышался знакомый голос. Понадобилось немного времени, чтобы он смог объяснить себе, где слышал нечто похожее. Узнавался голос возлюбленной государя Анны Монс, той, что из Немецкой слободы. Это она, обняв Петра Алексеевича, вот так же напевала: «Что мне жить, коль не любить?» От таких слов государь млел, платил ей своей любовью. Царской любовью.

— Что мне жить — коль не любить? — теперь уже вызволяя из-под стола купца Макрушина, подпевала Елена Сергеевна.

— Ну, берегись, — грозил воеводе купец. — Отыграюсь я на тебе. Запоешь репку-матушку.

Воевода от удовольствия, что обыграл купца, потирал руки.

— Когда еще-то будет, а ты уже побывал под столом. Порадовал вон барышень.

Княжны и в самом деле весело смеялись.

— Уж если не тебя, то полковника все одно под стол затолкаю! — бурчал Иларион Ильич, сгребая ладонями волосы.

Миклашевский смеялся, предлагая Александру Даниловичу сыграть безобидную партию в подкидного дурака. Но светлейший наотрез отказался, не желая нарушать данный обет. Когда-то он был заядлым игроком. Как и во всем, ему сопутствовала удача. Он умел бойко раздавать карты, молниеносно их тасовать, заодно мухле-

вать. Но однако ж проигрался однажды. Половину крепостных душ проиграл, тех, что Петр Алексеевич пожаловал ему после полтавской виктории. Посмеялся тогда Петр над его проигрышем: черт шельму метит! Светлейший князь разорвал тогда в мелкие клочья колоду карт и дал себе крепкое слово: покончить с игрой навсегда.

У Миклашевского вдруг выпали из рук карты. Воевода весело засмеялся, так как это было первым признаком проигрыша.

— Сдавайся, Захар Лукич! — сказал воевода.

— Сдаюсь! — неожиданно ответил полковник, тут же предложивший вместо лазания под стол заменить другим интересом, к примеру поцелуем.

Больше всех этой затее обрадовалась Елена Сергеевна.

— Можно не в карты, а просто в наперсток. Так даже лучше, примут участие все.

Миклашевский крутанул на середине стола наперсток, и он, как нарочно, указал на Александра Даниловича. Княжны ахнули.

— Тряхни стариной, светлейший князь! — закричал дьяк Храпунов, почесывая лысину. — Тряхни!

Купец Макрушин от удовольствия потирал руки. Миклашевский отпрянул на спинку стула.

— Поцелуя публика требует! — пояснил воевода.

— У меня две раскрасавицы, — князь хотел было подойти к дочерям, но в рукав вцепилась костлявая рука лекаря.

— Нет, князь! Не пройдет такой обман.

Александр Данилович обвел взглядом горницу. Кроме настоятельницы монастыря и Милитины Федоровны, никого из женщин не было. «Не целоваться же в самом деле со священником», — пронеслась мысль.

— Э-х-х-х! — как бывало, с удалью вскрикнул князь. Он встал, выпрямился, расправил плечи, азартно потер рука об руку, тщательно обтер губы. Мария Александровна зажмурилась, съежилась, представляя в объятиях отца эту раскрасневшуюся настоятельницу.

— Э-х-х-х! — еще раз повторил князь, направляясь напрямиком к воеводше и, не раздумывая, схватил ее в объятия. Теплое, молодое и крепкое тело воеводши затрепетало в крепких объятиях светлейшего князя.

Громкий смех полковника Миклашевского заставил князя отпустить воеводу, которая уже и не вырывалась, а тихо, закрыв глаза, скорее инстинктивно отталкивала светлейшего.

— Ну, князь, есть еще порох в пороховнице! — крикнул дьяк. — Мы тут тебя еще женим.

К счастью, наперсток уже заплясал по столу и, остановившись, показал конопатым донышком на священника. Тот закрыл лицо руками, сидел так какое-то время, не убирая их.

— В грех вводите!

— Давай не канителься! Знаем мы вашего брата монахов! — крикнул купец, желая заполучить такое «наказание». Он непременно поцеловал бы Марию Александровну, но жребий ему не выпадал.

За окном разбушевалась метель. Застучали оконные рамы, будто какой-то путник стучался — просился переждать непогоду.

— Пора домой собираться, — Александр Данилович взглянул на дочерей.

— Может, княжны у нас ночевать останутся? — предложила Милитина Федоровна. — На улице холодно, а до острога далеко.

— Нет-нет! — возразила Мария Александровна, вдруг чем-то очень взволнованная. — В другой раз. Как же отправится один батюшка?

— Поди, холопы встречать пришли, — сказал на это Александр Данилович. «Бедный батюшка, — подумала в этот миг Мария Александровна. — Несчастье очистило твою душу от какой-либо властности, освободило от суеты. Ты стал тих и милостив. Трудно узнать. Но зато это несчастье даровало нам отца», — и она совсем неожиданно бросилась к отцу на шею и поцеловала его.

Глафира, трое холопов и сержант сидели возле порога во второй половине воеводского дома, отведенного для прислуги.

— Оболокайтесь как след. Пурга поднялась, — сказала служанка Милитины Федоровны, низко кланяясь княжнам.

Милитина Федоровна просила Марию Александровну обязательно надеть ее пуховую шаль, то и дело твердя, что нынешний вечер для нее надолго останется в памяти.

Над Березовом повисло низкое темное небо. Выла метель.

И вдруг на полпути, среди болотистого пустыря, княжна Мария Александровна остановилась. Она вновь услышала голос князя Федора. Казалось, тот был совсем рядом.

Оставив всех позади себя, проваливаясь в снег и запинаясь о кочки, Мария Александровна побежала к берегу Сосьвы с-отчаянным криком:

— Федор! Федор! Я слышу тебя!

Все бросились догонять княжну. Ветер в ярости хлестал лица. С неба летели крупные хлопья снега, слепило глаза.

Глафира едва поспевала за княжной, которая, впрочем, скоро в изнеможении упала.

В келью острога ее донес один из холопов.

Два дня Мария Александровна лежала неподвижно, время от времени произнося помертвевшими губами имя князя Федора.

Глава тридцать седьмая

Очувившись за стеной монастыря, князь Федор плохо представлял себе, как поступить, куда ринуться, у кого спросить — как добраться до Сибири и найти в этой далекой губернии семейство светлейшего князя. Он был потрясен увиденным: насильственным пострижением горбуни Варвары Михайловны и ее внезапной смертью.

Впрочем, в голове Федора уже давно все перепуталось. Он понимал только, что родня его старается уберечь малолетнего государя от каких-либо разговоров о семействе Меншикова.

Накануне он оказался невольным свидетелем нервного разговора двоюродного брата Ивана со своей сестрой Катериной, из которого ему стало все ясно и он окончательно убедился в правильности своих мыслей: при дворе жили только одним желанием — быть возле трона.

— ...в угоду папеньке! — гневно кричал царский фаворит. И ярость его объяснялась еще и тем, что находился он в великом похмелье, чего, однако, не всякий бы заметил: князь был чисто выбрит, в безупречно

отглаженном кафтане с орденской лентой и орденом Александра Невского.

— Пошел вон! — в тон ему и так же дерзко отвечала сестрица, увлеченная любовью к заезжему молодому графу Милиссимо.— Не нужен мне ни царский трон, ни ваш Петруша.

По всей видимости, Катерина собиралась на свидание со своим возлюбленным и была уже одета в парчовое платье с золотыми нитями, в пышной прическе сверкали дорогие камни, столь же роскошными были и браслеты.

— Скажи, Федор, чего они ко мне пристали со своим малолетком? — обратилась она к князю, которому была крайне неприятна эта сцена. Любуясь собой, Катерина крутилась возле зеркал, поправляя оборки на плечах платья.

— Замолчи! — в полном негодовании Иван чуть было не наградил сестрицу пощечиной. Благо Федор успел подбежать и встать между ними, но это ничуть не остановило брата и сестру. Из-за плеча Федора, как из-за укрытия, Катерина кричала:

— Хочешь, чтобы он меня так же держал в заточении, как его отец свою жену Шарлотту, да вместо меня потешался с какой-нибудь Ефросиньей?

— Не болтай, дура! — не снижая тона, кричал Иван.— Нужна ты кому-то со своим пучеглазым Милиссимо, кабы не царский престол. Дура и есть дура! — Взглянув на Федора, он попытался успокоиться, погасить в себе раздражение, но все-таки продолжал: — Шарлотта была баронессой и свояченицей короля Карла Четвертого.

— А хошь бы и Карла Десятого, мне все едино,— язвила Катерина.— Сам же папенька рассказывал, как жилось Шарлотте в постоянной нужде: то в деньгах нужда, то в экипажах, то в прислуге.

— Дура ты, дура,— качал головой царский фаворит, вкладывая в эти слова скорбное сожаление.— Папенька говорит: отправит тебя в монастырь, там забудешь своего Милиссимо.

Катерина, фыркнув, выскочила из комнаты, громко цокая каблучками по паркету.

Иван переключился на двоюродного брата.

— Все грустишь? — спросил с издевкой.— Пора бы уже знать, что далеко они — не догонишь.

— Что, свалили и рады? — парировал князь в лицо кузену. — Силы его испугались. Богатству позавидовали. Тот процедил сквозь зубы:

— Федька, моли Бога, что нет рядом государя. Валяться бы твоей башке на плахе. Ну да ладно! Была бы шея! — Иван стремительно направился к выходу.

Настроение у князя Федора было отвратительное, ссора с Иваном не предвещала ничего хорошего.

Он быстро оделся и выбежал на широкое крыльцо. Над городом нависло низкое небо, сыпавшее на землю мелкую морось. По набережной неслась лихая упряжка. Князю Федору сразу же показалось, что он узнал этих выездных жеребцов. Карета подъезжала к дворцу. Федор прижался к мраморной колонне.

Дверца кареты распахнулась, и по ступенькам, придерживаемая камердинером, вышла бабка молодого государя Евдокия Федоровна Лопухина. «Прав я, тысячу раз прав. Свергли светлейшего из-за богатства! Кони эти и роскошная карета — Меншиковых». Тут же вспомнился недавний разговор, что даже иные из русских орденов, принадлежавших светлейшему князю, уже обрели новых владельцев. С этими мыслями князь Федор подъезжал к меншиковскому дворцу.

Подойдя к ограде, он долго стоял, вспоминая дни, когда вот так же глядел в окна в надежде увидеть дорогое лицо молодой княжны. И оно появлялось. Вначале видел легкое колыхание портьер, затем белую ручку княжны, а после и любимый силуэт.

Дворец был пуст. Все вокруг: кованая изгородь, ворота с изображением фамильных гербов, скамейки, скульптуры — все было знакомо. Подойдя совсем близко, князь заметил тусклый свет в окне нижнего этажа. Он быстро открыл калитку, прошел тропкой возле газонов с давно отцветшими цветами.

На звон колокольчика, висевшего над входной дверью, вышел испуганный слуга. Узнав князя, втянув голову в плечи, стоял не шевелясь.

— Нету хозяев, — глухо сказал он. — Навеки осиротел. Навеки.

Через какое-то время догадался посторониться, как бы приглашая войти князя во дворец.

Все вокруг еще дышало недавним присутствием вели-

чественного хозяина. На первый взгляд вроде бы ничего и не изменилось, если не считать отсутствия золотых часов, инкрустированных дорогими камнями, да многочисленных когда-то изящных скульптур. Было такое впечатление, что хозяева находятся где-нибудь в летней резиденции или в длительном путешествии и вот-вот вернуться.

— Чувствовала светлейшая Дарья Михайловна, — глотая слезы, торопился выговориться слуга, — не хотела уходить из своего гнезда, все причитала: давно висел меч над головой... И вот упал... Чувствовала. Многие из дворни тогда сразу разбежались, а которые поехали с князем, говорят, тоже побегли. Я бы не оставил своего кормильца, да стар, как беззубый кобель. Где теперь мои хозяева? Ведь всякое болтают, — плакал Герасим, радуясь встрече с молодым князем.

Федор ничем не мог утешить преданного своим хозяевам слугу.

Однако князь Федор не мог оставить столицу, не простившись с дядюшкой-фельдмаршалом, князем Василием Владимировичем Долгоруковым.

Тот всегда был благосклонен к Федору, щедро одаривая при случае добрыми советами и наставлениями.

Вот и сейчас дядюшка дал дельный совет: не открывать никому своего намерения ехать в Сибирь. Василий Владимирович пообещал даже, что уведомит родных, будто князь Федор после всех передряг на родине попросту устал и отправился в путешествие по Европе.

Два дня ушло на хлопоты и сборы. Следовало запасть всем необходимым для предстоящей поездки, приобрести векселя, справить молебен. А прежде всего, за немалую сумму были выправлены бумаги, по которым Федор Долгоруков стал новгородским купцом по фамилии Миков, отправляющимся в Тобольскую губернию для закупки мехов, а денщик его — Мирон Скобелев — заимел фамилию Кобелев, что ему, конечно же, не очень понравилось.

Не зря в народе декабрь месяц называют студень, студень, стужайло. Это особенно чувствовалось, когда княжеская карета перевалила через Уральский хребет.

В летней карете было холодно, но денщик, родом из сибирской стороны, рассчитывал, что на одной из ярмарок — где-нибудь в Екатеринбурге, или, как успеют подъехать, в Верхотурье, или еще где — можно приобрести обитую мехом кибитку.

Зимой, когда реки Сибири покрывались льдом, здешние обозы шли в объезд столицы Тобольска, по горнозаводским дорогам, главным образом принадлежавшим Демидовым. Начиная с Никола зимнего — эх, хвали зиму после Николина дня! — со второй половины декабря, на этих дорогах творилось невообразимое. Санные обозы шли непрерывным потоком. Какого только люду не сгоняла сюда нажива! Чего только не везли сюда купцы со всех сторон! Какие только грузы не перевозили выносливые крестьянские лошади!

— Вам бы, добрые молодцы, — сказал хозяин постоя, седобородый мужик, — надо проскочить по дороге до большого извозу, а не то запутаетесь среди подвод. Не приведи Бог, люд тут всякий. В прошлом годе всех кибиточников перебили да ограбили. На извозы-то варнаки налетать боятся. Как-никак, а там все мужики гуртом. Оне вот и подстерегают одиночников. К тому же знают, в кибитках богатые ездют. Денежки имеют. Теперича их на дорогах нету. Нелишку наши морозные края господа жалуют, а уж как ближе к ярмарке да и к началу извоза — откель только выползает эта разбойничья прорва.

Мужик хохотнул и добавил: да и на постоя-то не больно сразу заходите. Обглядитесь али проситесь к тем, у кого ребяташек полно да скотины. Тамо грязно, но не боязно останавливаться, а в чистых домах — больше нечистой силы.

— Спасибочко, — не без волнения сказал Мирон, а князь Федор в благодарность за добрый совет подал мужику гривенник.

— Нешто добрые слова платы просят? — пряча руку в краман, обиделся хозяин постоя. — Не надо, молодец, не надо. Я справно живу. Тюмень-то рядышком, к заутрене успеете. И на базар тоже. Теперича там, не дожидаясь обозов, торг вовсю идет. Вчерась токо был. Вона у татарина коня купил! — И он, не оборачиваясь, пошел к конюшне, нисколько не сомневаясь, что молодые люди поспешат за ним. Конь и в самом деле был хорош! —

Татарин-то все орал: коней продаю, степных, буйных кровей — да черенком хлыста хлопал то и дело по голенищу. Все кони глаза закрывали, вроде боялись, а этот Воронок, я так назвал его, стоял как вкопанный. Меня сразу почуял, как токо подошел, брылами зашевелил.

— С покупкой тебя,— поздравил его Мирон, знающий что и как сказать простым людям, за что получил совет:

— Коней-то сменить прямо во второй ряд идите. Там степняки, и лошади у них объезженные.

С тем и расстались.

Над купеческим городом Тюменью стоял колокольный звон. Большие, добротнo срубленные, в большинстве своем двухэтажные дома с подклетьями глядели на улицу веселыми окнами в резных наличниках. Низко над домами, на заборах, деревьях орали вороны. По главной улице и из переулков проносились быстрые лошади, запряженные в сани, и ямщики, лихо насвистывая, кружили над головой вожжами, резали хлыстами воздух.

— Как нам мужик-то сказал вчера: Егорий с гвоздем, а Никола с мостом. Вот они и мчатся по первопутку на ближние покосы за первосенком. Сразу по снежку. Как есть по сено — вишь, ваша светлость, на всех санях бастрыги лежат. Значит, по сено.

Вся округа была наполнена какими-то радостными звуками и возгласами.

Скоро отыскали заезжий дом. Князь Федор откупил для постоя дорогую горницу, с нарядной мебелью, зеркалами, шкафами и хорошей сервировкой стола. После отдыха сходили в церковь, назавтра заказали молебен на благополучный проезд по горнозаводской дороге.

Утром следующего дня ни свет ни заря Мирон отправился на базар. Большая базарная площадь была уже полна народу, звонкие голоса неслись со всех сторон.

— Шерсть мягонькая, от ярочки — только на платки да варежки! — кричала во весь голос чернобровая молодуха.

— Рядом батюшко Иртыш, купи рыбу — не продешишь! — звал мужик покупателей в рыбный ряд. Мирон бочком юркнул между прилавками, нечаянно толкнул плечом что-то навроде поленницы, занавешенной

рогожею, и на него повалились, как маленькие лодчонки, мороженые осетры размером в три аршина.

— Куды прешь? — закричал краснорожий рыбак. — Али с утра зенки налил?

Мирон едва выбрался из этого ряда, сплошь заставленного бочонками, штабелями, кулями с мороженой, соленой, вяленой, малосолой рыбой и бочками с живой стерлядью. А зазывало надрывал глотку, стоя на деревянном чурбаке, махал руками и приплясывал.

— Сани-самокаты разукрашены-богаты, — услышал Мирон и направился в нужную сторону.

— Разукрашены, раззолочены, сафьяном оторочены!

Каких только повозок — одиночных и парных, будничных и праздничных — не увидел денщик.

— Тыщу верст по склонам и увалам выдюжит, глядь, каки полозья мастерю, — сказал мужик, похлопывая по верху кибитки, вокруг которой несколько раз обошел Мирон. — Разве не видишь, что я на извозные сани кибитку сделал? Вдруг кому в далекую дорогу ехать. Лучше не гляди, не увидишь, а коли тебе кибитка для прогулки нужна — тогда вона, к Петру ступай, — показал он в дальний ряд. — Они полегче, полозья поуже, а мои в дальнюю дорогу.

— В самый раз, — сказал Мирон, заглядывая внутрь кибитки.

— Тогда гляди, обивка меховая, а полость волчья. За нее дорого возьму. Туту все хитро придумано и проверено. — Мужик игриво подмигнул Мирону, чувствуя, что сделка состоится.

Князь Федор остался доволен кибиткой, а на другой день Мирон сменил и лошадей, продав своих на том же базаре. Там же нашел и попутчиков — мужика с двумя сыновьями, что приезжали торговать кедровыми орехами. Договорился, чтоб вместе ехать — так спокойнее.

В ранний утренний час оставили купеческий город. Впереди бежали две шустрые лошаденки, впряженные в сани с плетеными коробами, доверху наполненными пахучим сеном. Парни почти не садились в него, бежали сзади, зато отец, как бухнулся в сено, провалился в него и спал беспробудно, пока не показались приземистые строения, крытые тесовыми плахами, с низкими трубами. Одна из них черной громадной пикой глядела в небо, курила черными облаками.

— Руду плавят,— пояснил хозяин, вылезая из короба. От долгого лежания ноги у него отекли, и он, держась за край короба, несколько раз присел. Подошел к лошади, ласково погладил по шее. От спины тянуло терпким лошадиным потом.— Киньте-ко Буянке на спину рогожину,— не глядя на сыновей, сказал хозяин. Те уже тащили из короба охапки сена, насыпали в торбу овес.— У господина лошадь, как свою, накормите. У нас с ним уговор был.

От Ейвитского горного рудника, где заночевали князь Федор и путники, в славный город Верхотурье зимой ходила «легкая почта». Для нее была дорога напрямки, что верст на двадцать с лишним короче прочих наезженных путей, но главное ее достоинство — так мимо оставался встречный извоз с тяжелой кладью.

Троицкий собор виднелся издали. Он будто плавал в синих облаках, то теряясь, то вновь появляясь на небе. Все казалось сказочно величественным и неправдоподобным рядом с утлыми низкими домиками, окружающими рудник.

Подводы остановились, мужик и сыновья стащили с голов шапки, встали на колени посреди снежной дороги, помолились. Последовали им и Мирон с князем Федором, дивившиеся громадным храмам.

Князь слышал, что здесь многое строили в разное время, но такого размаха не ожидал. «Впрочем, а как же быть по-другому, это ведь теперь главная дорога из России в Сибирь»,— рассуждал князь.

Прежний путь через Чердынь и Вишеру, которым плыл в Тобольск князь Меншиков, был длинный, трудный, маятный. Но стараниями жителя села Верх-Усолки Соликамского уезда Артемия Сафроновича Бабинова была проложена прямая дорога — посуху. Она сократила путь от Москвы до Тюмени на тысячу верст. И вот потому-то в такой глухомани, вдоль Бабиновской дороги, был заложен город Верхотурье. Берег реки Туры был крут и каменист, но именно на нем и выстраивался этот город и стал единственным таможенным центром в Сибири. За право пользоваться этим коротким путем с проезжих купцов взималась подать в размере десятой части товара. Оттого и было на что возводить храмы!

С неба падали редкие крупные снежинки, подолгу крутились в воздухе и ложились на землю тихо и плавно.

Богомольцы со всех сторон тянулись к храму. По котомкам за плечами, заснеженным спинам и платкам да и по тяжелой походке видно было, что идут они из дальних поселений.

Мирон вышел из кибитки. Мужик-попутчик уже дожидался его.

— Ну, господа,— учтиво поклонился он,— на том и расстанемся. У меня туто изба недалече,— он махнул в сторону горы, куда убежала шустрая лошаденка, почувствовавшая скорый отдых.— Завсегда милости прошу, коль какая нужда будет. Спросите двор Черемных — все покажут. Я туто скотобоем занимаюсь. Вот снег пошел да морозец ударил — у меня работы полно будет. Всяк хозяин к зиме на забой животину растил. Заходите. Парной печенкой завсегда угощу.— Он еще раз поклонился и пошел в проулок, к горе.

Князь Федор в очередной раз подивился бескорыстию сибирских мужиков, пока еще ни один из них ни под каким предлогом не взял с них и одной денежки, говоря одно: совестно, барин, за это деньги брать, они, поди, у каждого не даровые.

Привязав лошадей к коновязи, насыпав в торбы овса, пошли в храм, купол которого сиял позолотой. Богатый иконостас, великолепные росписи, благодное песнопение, запах сгоревших свечей, трепетно-трогательный шепот и приветствия прихожан, боявшихся голосом нарушить благодную тишину храма, вызывали в душе спокойствие.

Князь Федор со свечой в руках подошел к образу девы Марии, встал на колени и стоял до тех пор, пока теплые капли воска не потекли между пальцами.

— Бедная моя Мария! — шептал он.— Жду не дождусь, когда прижму тебя к своей груди. Видит Бог, боюсь за твою жизнь. Услышь меня, моя Мария! — Он молился горячо, как никогда не молился в жизни. Уже закончился молебен, а он все стоял на коленях.

На отдых остановились на гостином дворе. Было в нем крикливо и шумно. Как оказалось, была тому причина: прямо в кридоре, за лестницей, повесился тобольский купец. Сбежались игравшие с ним в карты товарищи, галдели наперебой, рассказывали тут же, что знали о нем. Но больше всех рыдал и сокрушался его напарник-старик, вопил, приговаривая, что чернявка-то

его, Груша, с ума сойдет от горя. Уж такая у нее любовь.

— Кабы была любовь, так не полез бы из-за денег в петлю, — возразил кто-то старику.

— Много ты понимаешь! — ощупывая тело парня, ответил тот и запричитал: — Нешто, Микола, деньги дороже? Нешто спроворить с собой не смог? Как теперь мне домой возвращаться? Как людям в глаза глядеть? Что Грушке-то твоей говорить стану?

Мало-помалу все успокоились. Несчастливого куда-то унесли, плакавшего старика не стало, а часа через два, по приезде нового обоза и появлении на дворе новых постояльцев, был забыт и злополучный купец.

Вскорости пришел таможенный служащий. Низкорослый, крепкий мужик с румяными щеками и масляными глазами, с каким-то бабским голосом огляделся во круг, прощупал взглядом каждого, проскрипел:

— Новоприбывшим надобно пошлину уплатить. — Тут же повернулся и вышел.

— Тут наши проездные бумаги проверят, — сказал князь Федор. — Давай, Мирон, я сам пойду. — Он подумал, что денщик может вдруг запомнить, что стал Кобелевым, или забудет, что он, Федор, сделался Миковым — новгородским купцом, отправляющимся в Березовский край.

Рассматривая бумаги и время от времени в упор глядя на князя, таможенник, перевидевший тысячи торговцев и людей прочего происхождения, сразу угадал какую-то фальшь, но лезть не в свое дело не стал. Одно только сказал, когда взял положенную сумму:

— Перстенок-то с пальца сними. Камень в нем высокой ценности. Заставишь еще кого-нибудь в грех впасть. Мужики здесь знают толк камню. Оторвут еще вместе с пальцем.

Глава тридцать восьмая

Позади остались склоны Уральского хребта, селения с малоразговорчивыми, но радушными и хлебосольными людьми. Последний участок их согласился проводить медвежатник, направлявшийся на охоту в те края.

Дальше санный путь заканчивался, и еще добрые двести верст путникам предстояло добираться оленями. Где их брать, никто толком сказать не мог, и только медвежатник обнадежил, что, мол, найти будет можно.

Зима в этих краях уже давно была полноправной хозяйкой. Князь Федор кутался в теплый овчинный тулуп, набрасывал на себя волчью полость, и все равно спине его было знобко, по телу пробегали мурашки.

На удивление, дорога была проторена.

— Никак с северной стороны обоз на Верхотурье прошел. Ишь, наш-то поселок округ прошли.

К вечеру на берегу речки с крутыми берегами показались низкие избушки. Как только показалось селение, медвежатник сразу свернул в противоположную сторону, в свое зимовье. Собачий лай возвестил жителей о появлении чужих людей. Потревоженные звоном колокольчиков, они лаяли громко и заливисто, выбегая навстречу.

Подъехали к добротному дому. Вокруг тишина. Впечатление гнетущее: ни одного человека на улице и только грозный собачий лай.

Мирон выскочил из кибитки, подбежал к воротам и стал стучать в них со всей силой. Князь Федор еле вывалился из кибитки, стоял в растерянности.

— Дяденька, сбрось-ка тулуп с плеч. Пущай Зосимовна тебя увидит. Она ведь все одно в окошко смотрит,— сказал неведомо откуда появившийся мальчишка.— Она как твою доху увидит — сразу ворота отворит. Она токо богатых пущает.— Возле ног мальчишки, повизгивая, кружился пушистым шерстяным клубком щенок.

— Мужиков-то нет, что ли, в поселке? — спросил князь Федор у мальчишки.

— Нету. Все в обоз ушли. Токо дед Ипат на печке лежит да Мишка полоумный. Ево, чтоб не убег, в бане затворили ден на пять. Я туда ему похлебку носил да солонины. Он скоро поправится. Ужо разговаривает. У нево в голове то стихает все, то буйствует. Тогда он медведя может повалить.

— Чо зубенишь? — послышался за воротами грубый мужской голос. В боковой дверце показалась красная рожа с огненно-рыжей бородой.

— Мишка злобствует! — сказал мальчонка и побе-

жал за угол крохотной избенки, насвистывая щенку.

— Чо? — снова спросил мужик, облизывая красные губы.

— Ничо! — передразнил его Мирон. — Не видишь — люди едут.

— Чо глазеешь — отворяй! — донесся откуда-то звонкий женский голос. — Али ослеп? На постой просятся.

Мужик без разговора сдвинул тяжелый березовый засов. На крыльце появилась молодая женщина в юбке до самых пят, в накинутой на плечи меховой душегрейке и в цветастом платке, из-под которого возвышался надо лбом кокошник.

— Далече? — только и спросила, собираясь уйти в избу. Услышав от Мирона, куда им предстоит дорога, хмыкнула.

— Вчерась токо Прокопка-хромой туды уехал, — не глядя на проезжающих, сказал рыжебородый.

— Лошадей-то сам избиходь! — крикнула женщина, огляделась по сторонам, на ступеньках крыльца легко отряхнула снег с легких, узорно расшитых меховых сапожек и сказала: — Заходяте, все изладит.

В избе было тепло, все стены, полы и потолки вокруг выскоблены до такой белизны, что трудно и сказать. Все блестело, как отполированное. В воздухе стоял запах томленного в русской печи мяса.

— Днями вам навстречу обоз на Верхотурье пошел, — бойко сказала молодая женщина, сгибаясь над люлькой, прицепленной к потолку на зыбкий березовый очеп.

— Не встретили, — сказал Мирон, удивляясь тому, как можно было разминуться.

— Стало быть, вогульской дорогой проехали. Оленья-то дорога напрямик по болоту. Теперича болота промерзли, и лошади пройдут. Через Талью проехали, — обрадовалась своей догадке женщина. — С северной стороны рыбу повезли, оленину, меха. Оне, вогулы-то, в Верхотурье на оленях не любят ездить, животину там кормить нечем, вот и прибиваются к нашим мужикам. Днями туту были с товарами, пока грузились, все жили. Весело было. Теперича приедут недели через три.

Заметив, как князь Федор, стоя возле порога, в озно-

бе передергивал плечами и чуть слышно покашливал, рыжебородый сказал:

— Баню-то подтоплю. Пушай отогреваются.

Зосимовна, построжав, добавила:

— У меня в избе свои порядки: табачищем не вонять, из чужих чашек не пить, ковш не трогать! Я староверка. Все другое вам знать не к чему: а про то, что сказано, не забывайте.

— Благодарствуем,— князь Федор оглядывался по сторонам. Хозяйка заметила замешательство князя, сказала:

— Садись куда хошь.

В зыбке под пологом закрихтел малыш. Зосимовна приоткрыла полог. Малыш глубоко вздохнул и радостно загукал.

Мальчонке было месяцев восемь от роду. Он был бел телом, розовощек, с огненно-рыжим пушком на голове, и не было никакого сомнения, что приходился сыном малоразговорчивому мужику.

Во дворе снова залаяли собаки. Рыжебородый насторожился. Зосимовна подошла к окну.

— Кто-то с тундровой стороны едет. Глянь-ко! — приказала она мужику. Многие во взаимоотношениях между рыжебородым и повелевающей им Зосимовной так и осталось загадкой.

С тундровой стороны ехали шаман Атынг-пунгк и олений пастух Серафим, которые ездили в Лямьинские юрты. Там бродячий медведь-шатун помял бабу охотника Прокопия.

— Кто-то из вас счастливый,— сказала Зосимовна.— На двух упряжках всем места хватит.

Дверь широко распахнулась, в избу, высоко поднимая ноги через высокий порог, вошли два человека, одетые в диковинные наряды, расшитые замысловатыми узорами. Длиннополые малицы из оленьего меха с капюшонами и пришитыми к обшлагам меховыми варежками они сбросили еще в сенях.

Бойко сказав: «Паче, рума»¹,— приезжие чинно сели на лавку у входа. Напахнуло терпким запахом не то дыма, не то каких-то трав. Вид этих людей был незнаком нашим европейцам. Широкоскулые, румяные

¹ Паче, рума — здравствуй, друг.

лица, темные волосы в туго заплетенных косах, украшенных разноцветными шерстяными нитками. На мужчине постарше была рубаша ярко-красного атласа, расшитая полосками по подолу, рукавам, вороту, у другого — синего сатина. На ногах высокие, до самого паха меховые унты с узорами, подвязанные к поясу узкими сыромятными ремешками. Пряжки ремешков были выточены из кости. На поясе кроме ножен с ножом висели всевозможные амулеты в виде фигурок птиц и зверей и отдельно связка медвежьих зубов разных размеров.

Князь Федор внимательно разглядывал приезжих.

— В Березов, — показала на князя Федора Зосимовна.

Приезжие мужчины переглянулись между собой.

— Березов? — переспросили хозяйку и на ломаном русском языке пояснили Зосимовне, что тогда они останутся ночевать и не повезут людей в ночь.

Темнота забралась в избу незаметно и быстро. Огненные всполохи дров в русской печи выхватывали разрумянившееся лицо молодой староверки. Она жарила на сковороде тонкие блины. Заодно спросила Атынгпунгка о здоровье бабы, лечить которую ездили к Прокопию. Шаман после небольшого молчания ответил:

— Маленько жить будет.

— И бубен не помог? — спросила хозяйка. Наступила минутная тишина. Быть может, именно в это время отлетала к небесным богам грешная душа бедной женщины, потому что шаман поднял вверх руки и долго стоял, отрешенный от всего.

— Жалко Прокопки, ребят — полный выводок, как у утки, — яснее сказал Серафим, часто ездивший в русские селения и умевший довольно сносно говорить по-русски.

— Ипат, — впервые назвав рыжебородого по имени, сказала Зосимовна, — ищи мужикам обутку в дорогу.

В северных краях есть неписанный закон: в дорогу брать только обутых в меховые сапоги.

Зажженные на приступках печи два сальника тускло освещали избу, бросали на стены большие тени.

Князь Федор и Мирон ждали, когда Ипат позовет их в баню. Рыжебородый не заставил долго ждать. Баня была накануне жарко истоплена, потому он только

протопил охапку березовых дров, и раскаленные камни стали источать жар.

Утром первым поднялся старый Атынг-пунгк, легкими шагами прошелся по избе, вышел к оленям, поправил упряжь.

Наступала пора отправляться в дорогу.

Уложив в нарты самые необходимые вещи, Мирон сообщил Зосимовне, что лошадей и кибитку его хозяин оставляет здесь, дозволяя пользоваться, — последнему заметно обрадовался рыжебородый Ипат.

Ветер дул в попутную сторону, разметая снег по пологим берегам речушки. Олени неслись, задрав рогатые головы. Князь Федор сидел на одной нарте с Атынг-пунгком, пытаясь держать равновесие.

Езда на оленях требует сноровки и навыка. Можно представить, какой изнурительной и тяжелой покажется дорога в двести верст, промеренная «на глазок», человеку, севшему на нарты впервые. Ко всему надо добавить мороз и ветер, от которых нет никакой защиты.

Так что некий романтический подъем, охвативший князя в первые часы езды, скоро стал покидать его, и даже экзотически-сказочные сугробы причудливых форм, стаи белоснежных куропаток, вспугнутых звоном бубенцов, нашитых вокруг шеи оленей на широкие ременные нагрудники, не отвлекали его от страха, что он сейчас вот задремлет и выпадет из нарт, а монотонное мурлыканье старика стало казаться каким-то колдовским убаюкивающим напевом, клонившим ко сну.

На первом привале князю Федору показалось, что он вообще не может разогнуться. Собрав все силы, он все же спустился, но не смог устоять на ногах, присел. Атынг-пунгк быстро пробежал от одной нарты к другой, давая понять князю, что надо побегать взад-вперед вдоль тропы, чтобы согреться и размяться.

Олени принялись бить копытами, выбивая с кочек на болотине мерзлые стебельки зеленого моха-ягеля — самого лакомого корма.

Федором овладело удивительное состояние: морозный ветер будто выдул из головы мысли. Оставался лишь безмерный снежный простор, такой необозримый, что человек казался здесь не больше снежинки. Было жутко от сознания своей малости. «В какую глушь,

в какое ледяное царство отправили тебя, бедная моя Мария! Тебя, безгрешную былинку!» — мелькнула мысль у князя Федора, но тут же улетучилась: гор-
таный крик погонщика заставил его оглянуться.

И опять поплыли снега. Князь сразу же закрыл глаза. Лицо покалывали заледеневшие снежинки. Мысли в голове путались, и трудно было понять, то ли во сне, то ли наяву видится ему в небе большая луна. Казалось, что она бежит по небу, стараясь обогнать упряжки. Скрипят перемороженные ремни упряжи, блестит серебряный след от нартового полоза.

Вдруг князю показалось, что до его слуха доносится собачий лай. Он прислушался, но лай не повторился, в уши свистел пронзительный ветер.

Глава тридцать девятая

По возвращении из воеводского дома у Марии Александровны начался сильный жар. Посреди ночи Глафира проснулась от стонов княжны и непонятного бреда: княжна то звала матушку, то князя Федора, то тетушку Варвару Михайловну. В полутемной келье было душно от сырости, от продуваемых ветром бревенчатых стен несло холодом. В углах на потолке появились белые «зайчики» — изморозь.

Перепуганная служанка не знала, что делать. Проснулась младшая княжна и тоже заплакала, уткнувшись в подушку. Глафира поспешила к келье Александра Даниловича и долго стояла, приложив ладони к груди и не зная, как поступить. Из-за тонкой двери слышался храп хозяина.

— Ваша светлость, — припав губами к двери, несмело шептала служанка и наконец, набравшись храбрости, постучала: «Ваша светлость!» Александр Данилович узнал голос Глафиры.

— Что еще стряслось? — спросил Александр Данилович.

— Княжна Мария Александровна вся жаром горит.

«Жаром горит», — мелькнула мысль, и он, подняв-

шись с постели, обернулся к светлому лику Божьей Матери, приютившемуся в самом углу кельи.

— Помоги, Мать Божья, справиться детям моим с хворями. Пришли их душам успокоение.

Князь не без робости вошел в келью к дочерям и, увидев Марию Александровну в беспамятстве, послал слугу будить караульного. Тот прибежал тотчас.

— Зови лекаря Герасима Петровича, сообщи полковнику. Княжна Мария Александровна все-таки была царская невеста, это не Дарья Михайловна, за смерть которой ни с кого не было спроса.

В это время в Березов, над которым, как голодная волчица, выла метель, вбегали упряжки шамана Атынгпунга. Похожие на снежных истуканов, въезжали князь Федор Долгоруков со своим денщиком Мироном Скобелевым.

Погоняемые редкими окриками, уставшие олени бежали по бездорожью к человеческому жилью, еще за несколько верст учуяв запах дыма.

Но как ни буйствовала метель, а приближение утра чувствовалось. Просыпался весь в снежных сугробах после ночной метели Березов. То в одном, то в другом конце подавали голос собаки, чувствовавшие олений бег, разносилось буханье топора.

Узнав от лекаря о болезни молодой княжны, больше других сокрушалась воеводша Милитина Федоровна. Она подняла на ноги всех слуг и приказала запрячь воеводских коней в крытую кибитку, решив самолично побывать в остроге.

— Матушка, Милитина Федоровна, не проехать коням к острогу,— слезно говорил кучер, но не мог не уступить хозяйке.

— Вот беда-то, вот беда! — одеваясь, сокрушалась воеводша.— Хрупка княжна, как былинка. Разве ей, этой розе, жить в таком морозе? — Милитина Федоровна даже удивилась, как это у нее складно вдруг получилось. «Надо бы за знахаркой Федосьей заехать, у нее и травы разные бывают, и наговоры она знает, что толку от этого лекаря? Ему только казаков лечить. А их что лечить-то — один другого здоровее», — рассуждала воеводша.

Кучер, впрягшись в оглобли, выволоч на середину двора запылившуюся кибитку, смел голиком сенную

труху и паутину, быстро, пока не вышла хозяйка, набросал на сиденье сена, поверх бросил медвежью шкуру, сам подпоясался кушаком.

Знахарка Федосья заикалась, увидев на пороге своей низкой избы Милитину Федоровну, да еще в такой ранний час.

— Айда в острог собирайся,— сказала воеводша.

Бедная знахарка испугалась, пала в ноги Милитине Федоровне.

— Помилуй, Милитина Федоровна, неужто такого наказания я заслужила? Да я у этой Нюрки только и взяла сатиновую юбку да крестик золотой. Отдам я ей. Отдам. Сатана попутал. Не хочу я в острог. С кем робятенков-то оставлю? Оне, вона, как голодные волчата, есть просят.

— Да не про юбку я спрашивать пришла! В острог зову, может, травами своими молодой княжне поможешь.

— Той, которая в остроге? — удивилась знахарка.— Я сей миг: одна нога тут — другая там будет.

— Да ты со мной садись в кибитку, и айда!

Александр Данилович, увидев на пороге острога воеводшу, не смог скрыть удивления, припал губами к ее руке. Голос дрогнул.

— Голубушка наша Мария Александровна вся жаром горит, того и гляди — вспыхнет.— Он, привыкший всегда ходить впереди всех, не знал, к какой стене приклониться, чтобы пропустить Милитину Федоровну.— Вот тут, за уголком, их келья,— махнул он рукой в приоткрытую дверь. В другое время воеводша непременно осмотрела бы все углы острога, но было еще раннее утро, всюду по углам ютилась темнота, хотя и коптила по углам лучина.

— Куда лекарь-то ушел? — неизвестно кого спрашивала воеводша, вглядываясь в прекрасное лицо княжны, прикладывая ладонь к ее воспаленному лбу.— Помереть можно, пока он расшевелится.

— Федосья! Я тебя глазеть сюда привезла? — нетерпеливо шепнула она, выйдя за дверь кельи. Знахарка, копошась в мешочке, сплетенном из сухих трав, чуть слышно вошла в келью. Встретившись со взглядом Александра Даниловича, смиренно сказала:

— На земле на всякую болеть зелье вырастает.— Она достала пучок сухой травы, подала в руки светлей-

шего.— Пущай в кипятке заварят да подержат в подушках. Пить давать, как только воды запросит.

— Глафира, слыхала? — спросил Александр Данилович, передавая служанке пучок травы.

— А мне в кружке воды принеси. С нее надо сглаз убрать. Много людей глазают на княжну, а у каждого человека свое на уме. К красоте всегда много зависти. Изурочена она, а уж потом к ей простуда привязалась.— Набрав в рот воды, знахарка sprыснула лицо княжны и быстро-быстро произнесла заговор: «Трясса, огня, ломушка, глядея, авкаркуша, храпуша, пухлея, желтея, авея, немая, глухей, каркуша. Каждая из двенадцати трясовиц, каждая своего имени». Этими словами Федосья поименно вызывала «окаянных дьяволиц-трясовиц» — дочерей царя Ирода, которые мучают весь род человеческий.

Федосья закрыла головным платком лицо княжны, вышла из кельи в зад-пятки и села в угол на корточки, спрятав лицо в ладони.

— Может быть, отвезем княжну в наш дом? Прошу вас, Александр Данилович. У меня для нее комнатка есть. Что же лежать ей в этакой духоте? — умоляюще говорила воеводша.— Самого-то хозяина дома нету. Ночью на охоту уехали. Надолго.

— Не знаю еще,— в замешательстве ответил светлейший князь, удрученный случившимся.

— Что раздумывать-то, Александр Данилович? Или вы думаете, воеводша всякого встречного-поперечного к себе в дом зовет...— Она хотела сказать «из острога», но в это время в острог вошел лекарь Герасим Петрович, который ездил в Березов за лекарством. Он долго кряхтел, стряхивая возле порога снег. Лука, раздевавший его, подумал: «Как от лошади, потом несет». Так оно и было: пробираясь в острог по еле приметной тропе, сквозь сугробы, он обливался потом и теперь, стоя возле порога, отпыхивался, обтирая большим платком лысину.

Присутствие Милитины Федоровны было настолько неожиданным, что он, прежде чем заговорить, попросил подать ему напиток.

— Вот, прошу князя увезти больную в наш дом.

— Лучшего и желать не следует,— лекарь поглядел на Александра Даниловича, догадавшись, что тот не знает, как поступить.

— Ты, Федосья, вечером забеги. Девки пускать не станут — пригрози: мол, Милитине Федоровне пожалуюсь, как только в церкви встречу. Сразу впустят.

Княжну стали собирать в дорогу.

— Голубушка моя, Мария Александровна. Доченька моя ненаглядная. Господь милостив. Подставил он для твоего спасения свои руки, а я, грешный человек, стану молиться перед ним все оставшиеся мне дни. Все еще образуется. А без тебя нет мне места на этой земле, — в исступлении говорил светлейший, почувствовав, что Мария Александровна наконец-то пошевелила рукой, попыталась пожать его пальцы.

— Доченька. Вот на мизинце у меня бесценное кольцо твоей матери. Она подарила его мне в годы своей молодости. Зелен-камень в нем. Ты знаешь, я никогда не расстаюсь с ним. Подай мне свою ручку. Одну я тебе это кольцо. Быть может, оно поможет тебе выздороветь, а материнская любовь согреет душу.

— Федор, — услышал в ответ Александр Данилович.

— И князь Федор сюда прибудет. Приведет его к тебе твоя любовь, — смиряя гордыню, говорил он, с великим трудом снимая перстень с зелен-камнем. Ему вдруг показалось, что по лицу дочери пробежала улыбка, и он, обрадованный, зашептал: — Вымолил, вымолил я у Господа Бога твою улыбку. Я, Мария Александровна, церковь построю. Вот перед образом обещаю, и избу с ней рядом. Нам бы только душу теперь в чистоте держать, а в остальном — жизнь переменчива. Мне только одно надо в жизни — чтобы вы были живы-здоровы.

В комнату на цыпочках вошла Милитина Федоровна. Мария Александровна почувствовала ее присутствие, открыла глаза.

— Все хорошо будет, — весело сказала Милитина Федоровна, от которой теперь пахло духами, когда-то привезенными светлейшим князем из-за моря-океана, да так и хранившимися у Глафиры среди разных пузырьков. — Дьяк сказал, что с уральской стороны шаман Атынг-пунгк приехал, можно его позвать, пошаманит. У него бубен с собой — ездил куда-то в дальнее стойбище. Вылечим княжну. Что болеть-то таким молодым да пригожим? — поглаживала руку Марии Александровны воеводша, на миг представившая себе, что эта рука могла быть рукой русской царицы.

Прошло несколько дней, прежде чем самочувствие княжны стало чуть лучше.

— Скоро совсем полегчает, тогда и в церковь сходим.— Голос Милитины Федоровны был ласков и мягок. «Сколько же дней прошло, как я тут?» — подумалось княжне.

Церковный колокол звал к заутрене.

— Священник-то наш, Андрей Георгиевич, каждодневно приходил да все молитвы творил, а еще сказывал, что Петька Дубасов, как узнал про ваше нездоровье, весь день рыдал. Он, Петька, добрый и жалостливый. Всяк его обидеть горазд.— Чтобы отвлечь княжну от мрачных мыслей, Милитина Федоровна стала рассказывать о пристрастии воеводы к охоте и что ей никак не удастся воспротивиться этому, хотя что только она не делала.— Придет из лесу — ну чистый леший. Волосищами обрастет, дымом пропахнет. Я его первым делом — в баню. А после спрашиваю: не тоскливо там, в лесу, без меня? Говорит — тоскливо, а все одно, охота перебарывает. Ну да такое наше бабье дело — все прощать. Что я сделаю, коли у него к охоте такой азарт? Вот кабы...— Тут Милитина Федоровна помолчала.— Пообидел меня Господь: дитяtkом не наградил. Было в первый год...— тут воеводша спохватилась, зарделась. Не следует ей продолжать разговор о своей печали, поскольку нет такого у русских женщин — говорить меж собой о соккрытых делах или, страшней того, делиться с кем проведенными с милым другом ночами и разговорами. Все сокровенное — это только ее, ей принадлежащее. Разве которая чаще других станет суженого своего то «разлюбезным» называть, то «ягодиночкой». Но острые на язык бабы быстро подметят это, усмехнутся — на том и разговоры закончатся.

В сенцах хлопнула дверь. Милитина Федоровна тут же построжала.

— Погодь, Мария Александровна, что-то Варлаам пришел.

— Фу-у-у-у, опять метелища замела. Убрдно,— сказал дьячок, усаживаясь на табурет возле двери.

— Дело какое есть? — спросила Милитина Федоровна.

— Дело, может, и не дело,— обтирая ладонью лоб,

сказал Варлаам.— Зимой у нас дел немного, не стану Бога гневить. Можно до ярмарки на печи сидеть да орешки пощелкивать. Да вот тут днями с шаманом Атынг-пунгком с уральской стороны двое молодых людей приехали. Остановились на постоя к мещанину Сорокину Павлу. Просились в чистую избу. А у Павла такая чистота, что и не знаешь, куды сесть — все намыто, начищено. Ну, остановились и ладно.

Потом ко мне пришли, бумаги показали. Все у них честь честью. Приехали по закупке мехов. Пошлина везде уплачена. Вроде бы все в порядке, а меня сумленье взяло: шибко те молодцы на господ похожи. Один-то при другом как денщик. А уж другой-то — как помылся в бане да разоделся в белехонькую рубаху (я в то время к Павлу угодил), так меня оторопь взяла — куда там купцам грязнобрюхим. Пригожий такой! Обходительный такой, что я и слова-то с ним вымолвить не мог.

— А я-то что сделаю? Как помогу? Жди Николая Степановича.

— Да мне что. Погожу. Оне у меня есть-пить не просят, пуцай живут.— Тут дьячок замялся в разговоре. Милитина Федоровна сразу заметила, заговорила шепотом:

— Что?

— Да все про семейство опального князя расспрашивают: как живут, все ли здоровы?

— Светлейшего-то князя они не встречали? — спросила воеводша.

— Нет. Охоты идти в острог не испытывают. Я думал полковнику обо всем рассказать, так он, оказывается, тоже на охоту уехал. Вот думал, думал — и к тебе за советом.

— Ну, Варлаам, загадал ты загадку. Тише говори, — показала воеводша на дверь горенки.— Старшая-то княжна у меня. Захворала — я ее из острога и привезла.

— Добрая твоя душа, Милитина Федоровна, — заметил на это дьяк.

— А ты вели Павлу-то Сорокину их к воеводе направить, а сам погляди — испужаются ли? Сразу все и визнаем. И к полковнику.

— Так, говорю, его нету. Сержант сказывает, на охоту уехал.

— Да врет тот сержант. Доподлинно знаю: всю ночь в карты играли. Спит, поди.

Марию Александровну воеводша застала сильно побледневшей. В глазах княжны стояли слезы.

— Сердце мое тревожится, — дрожала княжна. — Объяснить не могу, но так напугал дьяк.

— Напрасно, моя раскрасавица. Все, что он сказал, очень даже любопытно: в Березов прибыло двое молодых людей. По документам — купцы, а наш пронырливый Варлаам узрел в них высоких господ. Один-то денщик, второй — Бог знает, к какому сословию и относится.

— Это Федор! Федор! — заметалась в постели Мария Александровна. — Я давно слышу его голос!

Воеводша была уже не рада сказанному, но слово не воробей: вылетело — не поймаешь. Она обняла княжну за плечи, принялась уговаривать, что не может такого быть. Не ближняя дорога, не ближний свет — Березов.

— Ах, Милитина Федоровна, не знаете вы князя Федора. Где Глафира? Я хочу поправить прическу. Боже мой, в каком ужасном виде увидит меня Федор! — Мария Александровна плакала.

— Мария Александровна, — с испугом проговорила Милитина Федоровна, услышав голос Варлаама. — Утрите слезы. Они, кажется, уже пришли. Я, конечно, не позову их к вам, но все-таки успокойтесь.

Княжна лежала, уткнувшись лицом в подушку, и слышала, как стучит ее собственное сердце. Ей стало вдруг тесно и душно в светлой горенке воеводского дома. Хотелось встать и убежать. Упасть в снег, в сугроб.

И опять до слуха ее донесся знакомый голос князя. Она могла узнать его из тысячи голосов в мире. И, уже не помня себя, не в силах удержаться, княжна стремительно вскочила с постели, выбежала из горенки с криком:

— Федор! Ты здесь!

Князь Федор едва успел подхватить ослабевшую княжну. Руки ее, крепко обвившие шею князя, начали слабеть.

— Поди, и от радости умереть можно? — испуганно спросила воеводша.

— Одна надежда — на Бога, — сухо ответил денщик. — А без нее и ему жизнь не в жизнь.

Глава сороковая

Болезнь княжны заслонила собою все прочие заботы Александра Даниловича. Даже строительство собственной избы и церкви — самого, считал он, сейчас главного дела — отодвинуто было на потом. «Вот когда Мария Александровна поправится, — думал он, — всего себя положу, денно и ночью топором работать стану, а храм выстрою».

Но легко мечтать, да не легко сделать. Особенно в этом забытом Богом крае, где без переплаты не достать ни гвоздя, ни топора...

Караульный издали увидел ссутулившуюся фигуру князя, буркнул про себя: «Разгуливает куда хочет, все ему дозволено», — но, встретив, согнулся в поклоне, стащил с головы шапку, пожелал ему хороших сновидений.

В остроге всяк был занят своим делом. Княжна Александра, встретив отца, не спрашивала о здоровье сестры, а только заглядывала в глаза, по которым угадывала его настроение, а значит, и самочувствие Марии Александровны.

— Слава Богу! — услышала в ответ и обняла отца.

В это время в бревенчатых стенах острога стали раздаваться непонятные звуки.

— Как токо в переднем углу треснет — к покойнику это, — шепнула Глафире кормилица Анна. — Это домовый нас выживает. Слышь-ка, вона, в углу. А у светлейшего князя весь нижний венец пополам растрескался.

— Молчи, дура, — остановил Анну Лука. — Чо языком-то мелешь? Водица меж бревен скопилась, а теперича в ледяшку замерзает, вот и трещат бревнышки. Не бревна, а гниль! Домовой! Туто и домовым жить не больно охота.

— Неужто никогда из этово холоду не выберемся?

На пороге появился сержант, сменивший караул. Он в последнее время все больше находился в остроге и даже заводил с прислугой разговоры о житье в родной стороне, в теплых краях, где по ночам поют соловьи.

— Сам-то дома? — кивнул в сторону кельи Александра Даниловича.

— Лежит, — услышал в ответ.

Дверь распахнулась. В острог влетел княжич Алек-

сандр. Пес, весело влаивая, набрасывался на княжича, лизал ему щеки, стаскивал с рук рукавицы. Одним словом, этому игривому щенку дозволялось быть где вздумается, не как другим его собратьям, живущим в крестьянских дворах. Спал пес под порогом на теплой оленьей шкуре. Больше всех боялся Луку, который иногда, за привычку обнюхивать миски, выводил его из острога и отхлестывал пеньковой веревкой. Щенок повизгивал, скалил зубы, но не кусал.

— Вот подарок батюшке! Вот подарок! — кричал княжич, протягивая Луке большие меховые кисы. — От Евлампия Чудинова. Батюшке просил передать. Сказывал: пушай обязательно носит — ноги болеть не будут! Ему, Евлампию-то, недосуг к нам заезжать.

— Недосуг ему! — буркнул сержант, но не сказал, что запретил русскому мужику бывать в остроге, пригрозив пожаловаться воеводе.

— Тише, его светлость почивают, — ответил Лука, принимая из рук княжича подарок. В таких ходили по Березову все без исключения, даже воевода и полковник Миклашевский.

«Может, и оденет, — подумалось слуге. — Поди, не дураки люди. Токо вот шерсть от них».

Александр Данилович вроде бы только прикорнул, но увидел сон. Приснилась ему ее величество матушка Екатерина Алексеевна. Будто была она вот тут, наяву, в мантии из золотого шелка, подбитой горностаем и вышитой двуглавыми орлами. Поступь гордая, осанка величественная. Шесть камергеров поддерживают мантию, на которой сверкает бриллиантовая застежка. Корона, которую несли на шитой золотом подушечке, — сплошь из крупных алмазов, бриллиантов и перлов небывалой величины. Посреди один цветной камень — чистый рубин, величиной с голубиное яйцо. Она поглядела будто бы на Александра Даниловича и спрашивает:

— Помнишь немца-ювелира Рокентина? Помнишь, как он влюбился в свою работу, расстаться не мог и закопал брошь в саду? Сделал так, да черт и попутал. Рассказал слуге, а тот не стерпел, выдал своего господина.

— Так нашли ведь брошку-то? — будто бы ответил государыне Александр Данилович.

— Найти-то нашли. Так ты тому слуге сам дал сто

рублей, а ювелира-то в Сибирь отправил. Не встретил ли ты его в этом краю?

— О, матушка, матушка. Грехов таких на мне — как блох на паршивой собаке.

Царица будто бы вскинула на него строгий взгляд, и Александр Данилович пробудился.

Князь вострепнулся, машинально протянул руку за колокольчиком, но, спохватившись, спрятал ее под одеяло. Не открывая глаз, подумал: «К чему явилась ко мне Екатерина Алексеевна? К себе звать — не звала, а предстала в полной красе? Никто не ответит. Буду думать, что к счастью она передо мной явилась. К счастью. Не может худа желать!»

Превозмогая слабость, еще находясь в расслабленном состоянии, князь позвал Луку.

Тот, подхватив кисы, присланные нынешним утром в подарок светлейшему, как всегда, тихо, с учтивым поклоном вошел в келью Александра Даниловича.

— Чего в руках-то у тебя? — спросил светлейший.

— Да вот кисы для вашей светлости, обутка для здешних зим. А передал тот мужик, что живет с вогулкой. Что разговаривал давеча с вами. Это он щенка подарил.

В другое время Александр Данилович и близко не подпустил бы к себе с таким дикарским подарком, но теперь все измерялось другими понятиями, другими запросами.

— А что, Лука, ежели и в самом деле померить? Люди же ходят, — сказал Александр Данилович, с нескрываемой брезгливостью взявшись за сыромятные ремешки узорчато расшитой по голенищам меховой обуви.

— Давно хотел вашей светлости посоветовать, да боялся, забранитесь, — ответил Лука, присаживаясь возле постели на колени, чтобы натянуть на князя кисы.

— Поди, схлопни, — заметив ссыпающиеся с обуви ворсинки и морщась, сказал князь.

— Они снову токо шибко сыплются, — пояснил Лука. — Опосля не будут.

— Ладно, натягивай.

Лука вытащил изнутри меховые чулки, надел, на них натянул кисы, закрывающие колени, и дотянул широковатые раструбы почти до паха. — А дале надо к поясу привязывать.

— Мудрено-о,— Александр Данилович встал, прошелся возле постели.— Легко и мягко.

— Ишо как тепло,— вставил Лука, который почти никогда не вступал с князем в разговоры.

— И тепло.— Тут Александр Данилович замолчал, насупился. Лука, зная перемены в настроении хозяина, бочком, бочком вышел из кельи, не задавая никаких вопросов.

Конечно, это были не шелковые чулки, не туфли с дорогими пряжками, в каких щеголял светлейший князь по паркетам дворцов. Не ботфорты, не яловые сапоги.

«А тепло»,— подумал, ощупывая ладонями гладкий камус оленьей голени, из которой шьют кисы настоящие оленеводы. Он хохотнул над собой, как бы покоряясь судьбе: человек может привыкнуть ко всему.

Над крышами домов струились дымные столбы. Березов постепенно погружался в сумерки. Вздремнув днем, князь чувствовал себя бодрее. Спать совершенно не хотелось, а уж если начистоту, то он просто боялся бессонницы.

Со стороны берега доносился равномерно ухающий, летящий к горизонту звон топора. «Дятел»,— вспомнил он рассказ о плотнике Семене Баженове и порадовался тому, что именно в это время его посетила мысль — встретиться с плотником.

Семен Баженов оказался человеком малоразговорчивым, привыкшим больше слушать, но князя Меншикова встретил любезно, хотя и не мог предположить, что речь пойдет о строительстве. Узнав же, что у князя есть намерение построить в Березове храм, даже как-то преобразился.

К тому, что ни одно строительство в Березове не начиналось без его напутственного слова, он привык. То, что никто не будет противиться его советам, он знал. Как все знали, что когда-то в Тобольске им была срублена церковь красоты необыкновенной: срублена клетью, вершилась восьмигранной пирамидой в виде шатра. Но случилась беда — церковь сгорела. Чтобы забыть горе, Семен Баженов и перебрался из Тобольска в Березов. Здесь взял в руки топор да с тех пор с ним и не расстаётся. А у кого из рук топор не падает — к тому всегда с поклоном идут. Домов настроил много, а вот

церковь за эти годы не рубил. Правда, не следует Бога гневить: не кого-нибудь, а его отец Ахромей, прибыв в Березов для крещения инородцев, просил отыскать, передать ему «для знакомства» план-чертеж церкви, которую собирались строить в селе Кондинском. «Гляди, сын мой,— сказал отец Ахромей.— Низко кланяться тебе-станем. Помощи просить будем».

То было прошлой весной. После из епархии никакой эстафеты Семену не приходило. Жил он все постарому, нет-нет да разглядывал план-чертеж, представляя, какой неопикуемой красоты может стать та церковь, но во всем Березове не было человека, кому было бы любопытно знать, а тем более разглядывать совсем непонятные чертежи.

Когда Александр Данилович сказал, что намерен поставить в Березове Божий храм, на глазах Семена блеснули слезы.

— Чо, мил человек, мы тут стоим? Дело надумал великое. Грех разговор о нем вести на ветру. Айда в избу,— позвал Семен Александра Даниловича.

— Изладь-ка нам сбитень, кренделей да пряников печатных достань,— сказал он прямо с порога неказистой, подслеповатой женщине — по всей видимости, жила она у Семена в прислужении.

— Пойдем-ка, пойдем-ка, мил человек,— на ходу раздеваясь, говорил плотник.— Милости прошу, милости прошу,— спохватился, что впопыхах не предложил Александру Даниловичу раздеться. Доставая из крапивного мешка, спрятанного в переднем углу, большой сверток, Семен суетился: нетерпелось показать понимающему человеку всю панораму церкви, про которую он так и сказал:— Пока тот храм завернут в лоскутки. Экая хоромина в бумагах! Вона она какая станет, церковь-то при Кондинском мужском монастыре! — Обтерев руки о подол рубахи, бережно разгладил по столу чертеж.— Слава Богу, хоть человек нашелся поглядеть. Экую красу строить будут. Неужто я не пособлю? Неужто бани рубить стану?

— Бог меня свел с тобой, Семен,— перекрестился Александр Данилович.— Думать не думал, что здесь такой человек живет.

— Я человек работный. Похвал не стою, а еще более боюсь их.

— Нет, Семен, как хочешь, просить тебя буду, только отказ не давай.

— Разве только отец Ахромей с ответом замешкает — тогда пособлю. Слов нету. Не баню собрался ставить — храм! Господь тебя благослови, земного человека. То ведь все церкви епархия ставит, а ты сам надумал. Али шибко богат, али грехов боишься? — спросил плотник.

— И то и другое, — ответил Александр Данилович.

— Лес-то для церквей с кондинских боров рубят. Туту полно, да все не такие боровые сосны, как там! Рекой приплавлять придется.

Александр Данилович призадумался. Ему не терпелось начать строительство побыстрее, с первыми широкими днями.

— Можно ли поторопиться с лесом-то, Семен? — спросил князь, и в голосе его звучала такая искренняя озабоченность, что плотник не мог пропустить мимо ушей.

— Есть лес, да только как к нему подобраться? В прошлом годе дьячок Варлаам приплавил для строительства своего дома хороший лес. Высушенный! Топором стукнешь по лесине — звенит, поет!

— Неужто может отдать?

— Отдать — не отдаст, а продаст! — усмехнулся Семен. — В больших долгах ходит. По мне, так продать сможет. А уж ежели его настоятельница монастыря Елена Сергеевна попросит, то он что угодно сделает для нее. И сразу спросил: — А кишку не надорвешь? Дорого-то строительство стоить будет.

— На то жизнь положу, — ответил Меншиков.

Глава сорок первая

Воеводша была ошеломлена. Для волнения был повод: в ее доме встретились на этот раз не купцы или торговцы, не служители епархии, а дочь опального князя и подозрительный молодой человек. При этом она была потрясена тем, что эти двое будто враз взлетели в облака и никак не могут опуститься на грешную землю.

Глафира же, выскочив из избы, забилась в сенцах под полы больших тулупов, висевших на длинных деревянных гвоздях. Она не знала, сколько времени так просидела, пока, к счастью, не услышала голос воеводши:

— Чего ты-то напужалась? — спросила та вылезшую дрожащую от холода и страха служанку.

— Боюсь,— призналась девушка.— Как да светлейший князь узнает. Он не любит всех Долгоруковых! Всех!

— Каких Долгоруковых!

— Да это же князь Федор Долгоруков. Я знаю его. Он бывал в доме светлейшего князя.— И, после недолгого молчания, добавила:— С ведома нашей любезной хозяйки Дарьи Михайловны.

— Ты что мелешь? Или у тебя жар? — приложила воеводша ладонь ко лбу Глафиры.— Варлаам все бумаги пересмотрел: купец он — Миков.

— Нет. Князь Долгоруков,— пряча заплаканное лицо в ладони, твердила служанка, и в том, что Глафира говорила правду, не было никакого сомнения.

— Пошли в холопскую половину,— позвала Глафиру воеводша.— Убери с головы эту оказию. Вдруг кто зайдет да увидит, тут же скажет: «Воеводша-то с ума сошла!» — Она имела в виду изысканную прическу, какую попросила сделать Глафиру. Та, старательно уложив аккуратный валик на самой макушке, распустила по плечам пышные волосы, украсив их подаренными Марией Александровной лентами. Милитина Федоровна прической осталась очень довольна. Но приход незнакомых молодых людей враз образумил воеводшу, решившую поиграть с девушками в молодость.

Глафира, часто шмыгая носом, проворно вытащила из волос Милитины Федоровны ленты и шпильки, причесала в обыкновенную прическу с кренделем на затылке и стояла не шевелясь, не зная, о чем говорить с Милитиной Федоровной. О тайнах княжеской семьи не могла, но молча разделяла радость Марии Александровны. «Какой же он пригожий. Как рыцарь из сказки. Как ветер на крыльях принес», — путалась в мыслях девушка, всегда восхищавшаяся красотой и благородством князя Федора.

— Второго-то знаешь? — приходя в себя, спросила воеводша.

— Денщик его. Как не знаю? Скобелев.

— И вот-то и не Скобелев, а Кобелев!

Глафира замолчала.

Она умела отвечать только на те вопросы, какие ей задают.

Скоро Милитина Федоровна могла удостовериться в правдивости Глафиры. Появившийся в холопской денщик, как назвала она второго «купца», достав из кармана горсть леденцов, протянул служанке:

— Чего ты так испужалась? Не с того же мы света явились. Подь сюда. Садись да рассказывай, как поживаете.

— Княжна вот захворала,— пряча глаза, ответила Глафира.— Тоской она изошла, а тут еще ножки промочила да ветру нахлебалась.

— Поправится княжна,— вздохнув, ответил Мирон.— Раз Бог пособил им встретиться, то умирать не придется. А сам-то светлейший князь как?

— Храм строить собрался,— сообщила не без радости Глафира.— И избу тоже.

Мирон от удивления всплеснул руками:

— Светлейший, он везде светлейший! — Сказал так и часто замотал головой, стараясь не показать служанке вдруг охватившего его восторженного удивления, от которого запершило в горле.

Милитине Федоровне ничего не оставалось, как быть примерной и гостеприимной хозяйкой — даже по отношению к денщику. Ведь может статься, что князь Федор приходится родней тобольскому губернатору Долгорукову. А это всегда ей зачтется.

Мирон в первые минуты чувствовал себя неуютно наедине с воеводшей, но Глафира оказалась как раз кстати и позволила ему обрести уверенность. Когда в обеденной комнате был накрыт стол, он, не умолкая, рассказывал о новостях столичной жизни, совсем забыв о своем «купеческом» звании.

— Главная новость в Петербурге: дочь генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева — Наталья Борисовна (впоследствии и она долгие годы будет пребывать в Березове) — стала невестою царского фаворита Ивана Долгорукова.— При упоминании этой фамилии Милитина Федоровна вздрогнула, но никто не заметил этого, а Мирон продолжал:— В час обручения

богатыми подарками одаривали: обручальное кольцо Ивана стоит двенадцать тысяч рублей, а Натальи Борисовны — шесть тысяч. Один из ее братьев подарил сестре шесть пудов серебра.

Тут из горенки на приглашение к столу вышли князь Федор и княжна Мария Александровна, так что Мирон замолчал, а ошеломленная услышанным воеводша только и могла вымолвить сквозь слезы:

— А мы-то считаем себя богатыми!

Чувствуя непогоду, полосатый, долгошерстный кот Васька взобрался на приступок печи и задремал. В комнате воцарилась неловкая тишина: будто все ждали чего-то непредвиденного, ждали и опасались прихода светлейшего князя, который должен был явиться с минуты на минуту, чтобы попроведать Марию Александровну.

Мария Александровна знала, что больше всего беспокоит князя Федора.

— Ты взгляни на нашего батюшку, увидишь, как он милостив. Он твердит одно: «Я заслужил свою судьбу!» В нем нет прежней суеты и высокомерия. Он стал совсем земным человеком. Это несчастье даровало нам отца!

Но какие бы слова ни произносились, как бы князь ни успокаивал себя, ни готовил к встрече, волнение не покидало его. Нет, теперь он не боялся угроз, знал, что не в силах светлейшего устроить ему наказание. Надо было принять князя в его теперешнем, униженном состоянии и не выразить своего сожаления или не показаться в глазах самолюбивого Меншикова победителем. Ведь и он, князь Федор, испытал на себе крутость и своевластие князя. Но не за этим явился сюда князь Федор. Не затем маялся он в дороге, чтобы удовлетворить свое самолюбие. Не тем была наполнена его душа!

Тут Глафира, стоявшая возле порога, мышью юркнула в дверь.

— Александр Данилович изволил пожаловать, — шепотом сообщила о своей догадке Милитина Федоровна, не находя себе места.

Князь Федор, давно готовивший себя к этой встрече, был готов ко всему. Одернув полы кафтана, приняв бодрый и непокорный вид, он вышел из-за стола.

Распахнулась дверь, и в горницу вошел светлейший

князь в большом овчинном тулупе и обутой в меховые кисы, будто собрался ехать в дальнюю дорогу.

В первое мгновение ему показалось, что князь Федор ему померещился,— о нем он несколько раз вспоминал нынешним утром. Александр Данилович сощурился, пытаясь отогнать наваждение.

— Здравия желаю, светлейший князь Александр Данилович! — услышал он и узнал голос князя Федора. Все помутилось у него в глазах. Трудно было понять, какая буря чувств всколыхнулась в его душе. Все перепуталось, перемешалось.

Но князь Меншиков не потерял самообладания, хотя и стоило ему это немалых сил. Кровь стучала в висках, лицо пылало жаром.

— Рад видеть вас, князь Федор,— строго, как в давние времена, и властно ответил Александр Данилович, протянув руку.

Князь Федор мгновенно преклонил колени и припал к княжеской руке, чем привел воеводу в трепет. Этот человек, всегда казавшийся ей смиренным старцем, вдруг превратился в могущественного повелителя, державшего окружающих в полной покорности. Лишь растерянный взгляд из-под седой гривы густых волос, свисающих на лоб, выдавал его волнение.

— Папенька! Папенька! — Мария Александровна заметалась между отцом и князем Федором, вспомнив самые черные минуты их встреч.

— Здравствуй, сын мой,— с достоинством ответил Александр Данилович, не отнимая руки. И если бы кто-нибудь года два тому назад смел предсказать светлейшему князю, что он станет называть сыном какого-нибудь из отпрысков долгоруковского рода! Но время...

«Самое худшее уже миновало!» — подумал князь Федор.

— Папенька, папенька! — щебетала Мария Александровна, понимая, что прийти к такому покаянию отцу пришлось через страдания и тяжелые испытания, считавшему теперь, что все свалившиеся на него скорби посланы ему для исцеления души.

— Сын мой,— еще раз повторил Александр Данилович.— Нет больше злобы в моем сердце. Оно нуждается в покое.

Глава сорок вторая

Ох уж эта русская совестливость! Во всех перипетиях она одна — главный стержень в душе, судья и хранительница чести. Не эта ли внутренняя чистота приносит неисчислимые беды русскому мужику?

Никогда Семен Баженов не кривил душой, не шел на сделку с совестью. Немало из-за этого бед имел.

Взять хотя бы тот пожар в Тобольске, когда сгорела красавица церковь. Как жаль-то было! Думал, так и помрет от горя. А попы местные велели ему, Семену Баженову, вину за пожар свалить на пономаря Илью, мол, этому все поверят, потому что тот в частых запоях был. Только Илья и мухи не обидит. Зато сын священника Николай Бурмантов ссыпал из печи горячую золу возле церковной стены. Это Семен своими глазами видел, даже в укор поставил, а тот хоть бы что! Видать, ночью ветер поднялся, разжег, раскидал искры — так беда и приключилась.

Илья-пономарь в ту пору хмельной на колокольне спал. Почуя пожар, зазвонил в колокол. Народ набежал — ан поздно. Когда Семена позвали на разбирательство, он без утайки рассказал про высыпанную золу. Не скривил душой Семен-плотник. Оставил Тобольск, взял в руки топор и ушел в Березов, чтобы уши его не слышали про тот пожар, а глаза не видели то черное горелое место.

Когда какое нездоровье случится, выворачивать суставы на руках и ногах начнет или по спине будто кто резанет — заноеет она, скрутит Семена, задает он сам себе вопросы: правильно ли живет? Правильно ли тогда поступил? Решал — правильно, а потому жил без вины в душе, спал по ночам крепко, смотрел на людей, не пряча глаз.

«Как теперича быть? — думал Семен после ухода Александра Даниловича. — Дьячку-то Варлааму надобно будет всю правду говорить: мол, так и так — отдай свой лес, куда новый приплывят. Тут уж не отвернешься, никто, кроме меня, не знает, что старый картежник в долгах, как в шелках. А мог бы жить спокойнее. Но дело-то какое! Человек храм строить собрался. Всяк помогать должен».

Может, и не задумывался бы плотник, не будь Варлаам человеком простым, не задиристым. А все оттого, что лень его жизнь наперекосяк тянет. Перед кем может и куражится: не мытьем, так катаньем хочет любить себя заставить. Давно бы на него все плюнули, да как-никак правая рука воеводы. А значит — власть.

Про лень Варлаама плотник заметил точно. Уж самое прибыльное дело в Березове — охота на пушного зверя. На ней все помешались: и воевода туда же, и нонче этот полковник Миклашевский на несколько ден ездил. Воротился — видать, сдюжить не смог. Ну, этот полковник седни тут — завтра тамо! Его в счет не брать, а вот Варлаам давным-давно здесь живет. Парнем пришел — лысиной обзавелся, в бороде сединой, спину ссутулило. Мог бы капитал справить, ан трудно. На печке лежать теплее. А с осени про охоту больше всех трещит.

Нонче вот тоже уезжал и вот ужо дома. Баба его Клавдия в кабак бегала: значит, домой вернулся. Охотники знают его нетерпеж, не увозят далеко, охотятся поблизости, чтобы поскорее обратно отвезти, а уж потом, без его нуди, делом заняться. Он же на всякий раз новые причины придумывает. Для людей, конечно. То будто бы бумаги срочные в Тобольск губернатору надобно доделать, то будто ему в тайге видения разные начинают видеться. То будто медведя-шатуна голос явственно слышал. Нет, не каждому охота по сердцу!

Передумав обо всем этом, Семен Баженов решил подождать, пока отоспится дьячок, отдохнет, пообреет. На то надобно не меньше недели.

Пошел к Варлааму, перекрестясь.

Собаки, исхудавшие на охоте, а сейчас досыта накормленные, не лаяли на Семена, лишь урчали. К тому же надо сказать — собака чует человека, угадывает его намерения и даже лживость. Она не поверит ласковости человека, угадав в нем то ли вора, то ли злоумышленника. А потому, увидев Семена, урчали больше для острастки.

Зато дьячок, увидев в окно Семена, сердито гаркнул на писаря, свежующего добытых Варлаамом соболей и белок.

— Садись за стол да воткни за ухо перо. Тамо твоя работа,— добавил строго:— Плотник — птица без полету, а все одно тварь Божия.— А перед тем как отворить дверь, лицемерно закричал: — Пошел бы ты, Савелий, во двор дров поколоть, а то все сиднем сидишь за этими бумагами.

— В прошлом-то годе у меня к этой поре,— поздоровался с Семеном Варлаам,— полная нарта пушнины была, а ноне без пользы судьбу испытывал. Ноне соболь-то далеко ушел.

Не разговаривал бы Варлаам с плотником Семеном Баженовым, если бы не имел перед ним большой денежный долг. Вот и приходится объяснения давать, потому как после продажи пушнины клялся отдать тот долг.

Варлаам пригласил Семена к столу. Сам сел на излюбленное место под божницей, потер возле виска шрам, полученный от Клавдии, когда она по чьему-то наущенью поглядела инородческого мальчонку лет десяти и узнала в нем точный облик своего Варлаама. Давно уж это былшем поросло, а шрам так и остался.

— По мою душу пришел? — вздохнул дьячок.— Считай, один во всем Березове так свободно ко мне заходишь, не опасаясь, не думаешь, что Савелий может за шиворот тебя за ворота вышвырнуть.— В голосе Варлаама отчетливо прозвучало раздражение.

Семен понял, что откладывать разговор не стоит, и сразу выпалил:

— Лес свой до паводка отдай — прошу!

Варлаам так и поперхнулся чаем.

— Веревки из меня вить собрался? — закричал, краснея.

— Каки веревки? Лес твой взять хочу до паводка. Обещал человеку с тобой переговорить али попросить, чтобы настоятельница Елена Сергеевна с тобой переговорила.

— Кака Елена Сергеевна! На што ты говоришь про Елену Сергеевну? Али она тебе рассказала, что я перед ней долг имею?

Семен махнул рукой, отвернувшись от сердитого взгляда Варлаама.

— Узнал про мою нужду, вот и травишь душу! Кабы не долг, петлял бы возле моей избы, как заяц, прежде чем в ворота постучаться.

— Лес твой надобно до паводка. За большие деньги. Не продешевишь. Ну чо ему под снегом лежать? — настаивал на своем Семен, не вникая в раздражительные и грозные слова дьячка.

— Совсем хочешь пустить по миру. Ты токо зашел да запнулся о порог левой ногой, я уже подумал: по мою душу пришел! Денег просить станет! А он еще чище. Лес ему отдай!

— Вот и отдай. На благое дело. Человек храм рубить собрался. Всяк помочь должен. Не лишку таких благодетелей сыщется. Ты хоть знаешь одного, кто про строительство храма не только ратовал, а на свои денежки ставить хотел? Да где — здесь, в Сибири, куда прихожан-то силком волокут. Иностранцев обманом заманивают.

Дьяк остепенился.

— А ты краснобай, Семен, — проговорил после долгого молчания. — Отколь узнал, что опальный вельможа храм рубить собрался? — вспомнив разговор в воеводском доме, ехидно спросил подьячий. — Кто это тебе все разговоры пересказывает? Не Елена ли? Так я с нее спрошу.

— Сам ко мне приходил.

— Тогда с уговором: как приплывится на берег первое бревно — сразу мне рубить станешь, все дела в сторону.

Скрепив разговор рукопожатием, он заторопился будто бы домой. На самом же деле направился на пустырь, к заснеженным берегам Сосьвы. Пристально оглядываясь вокруг, остался доволен выбором места для церкви.

Ледяной ветер свистел над низкой крышей острога, да снежная мгла укутывала даль.

Близились крещенские морозы.

Глава сорок третья

Вернувшись из воеводского дома, Александр Данилович занемог. На этот раз не кашель душил, а просто отяжелело все тело, на глаза накатила темень. Он

лег в постель, смиренно сложил на груди руки, явственно представляя себя в гробу.

Возле божницы тускло горел жировик, у порога — лучина. Только эти две дрожащие точки отогревали душу, напоминали о бытие. Свистел за стенами ветер, нес на своих богатырских плечах мириады снежинок, сыпал их на приземистую крышу острога.

Балка на потолке треснула именно в тот момент, когда Александр Данилович приоткрыл глаза. Из расщелины посыпалась сухая горстка земли. «Этак? И прямо заживо? — вырвалось из груди. — Ох, уж эти мне Долгоруковы. — Сказал это помимо воли, множество раз давая себе слово не судить князей, ан никак не получалось. — Что я пристал к ним? Множество их в России. В какой конец ни взгляни — везде Долгоруковы. Князья они истинные. Отец-то Федора в двадцать втором колене князь, — старался Александр Данилович успокоить себя. — Мне бы радоваться надо, грешному человеку, что к нам в этакую даль князь Федор явился, а я перебороть себя не могу. — Он понимал, что опять очутился в кругу обидных мыслей. Ведь совсем было успокоился, чуть было не подумал, что нашел смирение в душе. Но стоило воочию встретиться с одним из Долгоруковых, как в душе вспыхнул пожар. — Потушу я его, потушу, не то испепелится сердце! Господи, пособи».

Непонятные разговоры за дверью отвлекли князя от мыслей о Долгорукове, но только отвлекли — ноющей занозой осталась боль в сердце. Он явственно слышал голос караульного:

— Не пуцу! Токо мельтешат перед глазами! Токо одна Глафира ноне раза три бегала. Токо погляжу — она опять подолом юбки снег разметает.

— Слово молвить надо, — перебил караульного чей-то мужской голос. Крик княжича и лай щенка сбил с толку князя.

— Скоко разов тебе, княжич, сказано было: не пуцай сюда собаку, — сдерживая раздражение, тихо сказал Лука. — Батюшка наказывал. Али все забываешь?

— Не тебе, холоп, повторять батюшкины слова, — закричал княжич.

Вышедший на шум Меншиков увидел, как караульный, сграбастав щенка за загривок, поволок из острога.

Игривый щенок, не привыкший к такому обращению, заскулил, завизжал, завыл, чем вызвал неумный гнев княжича Алексашки.

В приоткрытую дверь Александр Данилович увидел Баженова.

Плотник был смущен приходом в острог, клял себя за нетерпение, но по-другому поступить не мог: надо было сказать светлейшему князю о сделке с дьячком и что задаток нужно дать немедленно, пока тот не передумал.

Пропуская Семена к себе, Александр Данилович совсем доверительно сказал плотнику:

— Кровь пускать надо, да тут некому, — чем объяснил свое плохое здоровье.

— Дал бы Бог до весны дожить. Тобольская татарка Фатима мастерица лечить пиявками — всю дурную кровь высасывают. Она и кровь пущать умеет. Надобно не прокараулить да наказать, чтоб к тебе заглянула. Тутошные-то боятся кровопускания. Редко кто Фатиму к себе зовет. Больше разных гадалок да провидцев слушают, а она толковая. Старуха ужо, а все одно по селам ездит. А в Тобольске-то ее нарасхват. Особливо после того, как пустила кровь бургомистру Трусову. Он боров боровом был, еле ноги передвигал. Все удара в голову ждал. Ужо и на службу не ходил, а как Фатима стала ему кровь пущать да пиявок прилаживать — ожил. Похудел и таким здоровым стал, что хоть в телегу запрягай!

Этот разговор о татарке Фатиме сгладил неловкость. Много живший в Сибири Семен будто на лету подхватил разговор о здоровье, которое губится здесь тяжелым духом от болот да частыми слякотными дождями. Насчет морозов имел свое твердое мнение, что они — единственные лекари: всю нечисть вымораживают! Токмо самому себя от морозов хранить надо: тепло одеваться. Он посмотрел на кисы князя и улыбнулся.

— Я ведь зачем явился, мне ведь какая блажь в голову ударит — спать не могу. Вот расстались с тобой, а я все насчет лесу голову ломал. Дьячок-то наш мужик канительный.

— Ну? — князь схватил Семена за руку и крепко держал, не выпуская.

— Согласен, только с большими процентами.

Но насчет процентов Александр Данилович уже не слышал. Схватив ошарашенного плотника в объятия, он стал целовать его с жаром, крепко прижимая к груди. Быть может, в эти секунды он опять вспоминал государя Петра Великого, который вот так же одаривал своего верного друга за приятные новости, дела и победы. Первой похвалой были объятия, после следовали награды, почести, повышения по службе.

— Чо расшумелись? — приоткрыл дверь караульный и даже попытался схватить плотника за плечо, чтобы вытолкнуть из кельи.

— Не тронь! — закричал князь. — Он принес мне успокоение души! В этом ледяном гробу помог мне сохранить надежду.

Сбежавшиеся на шум жильцы острога не могли понять причин возбуждения князя.

Плотник же Семен Баженов сконфуженно твердил:

— Здря вы меня нахваливаете.

— Ты сам ничего не разумеешь. Никто, кроме тебя, не мог понять моего душевного страдания.

«Мог ли подумать я, — промелькнуло в голове Александра Даниловича, — что этот простой мужик побежит вперед меня, и все для того, чтобы я, великий грешник, в своей жизни безжалостно шагающий по спинам вот таких, как он, мог на что-то надеяться?» Князь готов был обнять Семена, но почувствовал слабость во всем теле и, чтобы не поддаться вдруг наваливающейся на него слабости, решил пройтись на свежем воздухе.

— Пошли, Семен. Пошли, пока ведет удача, — говорил князь, чувствуя, как перед глазами мелькают россыпи искорок. — Пойдем!

Караульный не произнес ни слова, только махнул рукой, зная, что князь все равно сделает по-своему.

Над землей нависло хмурое небо. Дул ветер. Игривый щенок катался по снегу на спине.

— Буран чует — на спине катается, — сказал Семен, хватая ртом свежий воздух.

Семен еле поспевал за князем, шагавшим по припорошенному следу. Потом Александр Данилович круто свернул к берегу. Там лежал засыпанный снегом лес, принадлежавший Варлааму.

— Сушина! — вытаскивая из-за опояски топор, сказал плотник.

Светлейший князь стоял с закрытыми глазами, и ему виделись в эти минуты возвышающиеся стены избы, церковь с высоким куполом, слышался колокольный звон. А звон стоял у него в ушах. Это Семен ловкими и точными ударами топора делал на бревнах затесины.

— Пошли к Варлааму! — позвал светлейший плотника, решивший сразу же стовориться о деньгах, чтобы не дать дьячку возможности идти на попятную, что часто случалось в жизни.

День клонился к закату. Стая белых куропаток полетела за берег Сосьвы. На горизонте появилась узкая красноватая полоска, как ножом прорезавшая небо, за ней пряталось светило.

Именно в это время в сизо-голубой снежной завесе показались вдали две идущие навстречу фигуры. Среди белого заснежья слышался звонкий смех. Он казался совершенно неуместным, чужим в этом грозном безмолвии.

«Это Мария! — догадался светлейший князь. Смех ее и возгласы походили на те далекие детские восторги, когда они возвращались в столицу из роскошных имений в Курляндии или Малороссии, куда уезжали на отдых всем семейством.

— Папенька! Папенька! — махала руками княжна. — Я показываю князю Березов. Он и впрямь чудесен в этакий мороз! Кругом белым-бело. Кругом тихо-тихо. А погляди-ка, какой закат!

Было во всех этих восторгах что-то жутковатое. «Несчастливая. Или счастливая? Безмерно счастливая? Отчего такое безумие?» — подумал со страхом светлейший князь, предугадывая беду.

Александр Данилович как можно приветливее улыбнулся, чувствуя, что счастливый вид дочери велит ему возвыситься над собственной гневливостью. Он несколько раз хлопнул пушистыми шубенками по полам тулупа, стряхивая снег, и негромко засмеялся.

Лицо князя Федора сияло радостью и явно говорило о том, что он счастлив, но не беспечен, не тщеславен. Скорее в его облике чувствовалась озабоченность, и это сразу заметил светлейший.

— Вот ходили лес выторговывать, — вроде бы некстати сказал светлейший, хлопнув Семена по плечу. — Церковь да избу строить надумал.

Князь Федор торопливо посмотрел на всех и тут же переспросил:

— Строить здесь церковь и избу?

— Строить, — подал голос плотник Семен и, смутившись, быстро прикрыл рот шерстяной варежкой.

В глазах князя Федора появилось удивление. Он отвернулся, будто бы от сильного встречного ветра, и, прижимая к себе княжну и поправляя ворот ее меховой шубы, учтиво сказал:

— Строить так строить.

Глава сорок четвертая

Для исстрадавшейся души Марии Александровны встреча с князем Федором казалась Божьим посланием.

Она преобразилась и враз ожила, радовалась буквально всему: ветру, снегу, скрипу полозьев, лаю собак, стуку топора, звону колоколец.

Княжна была настолько счастлива, что пугала воеводшу. Глядя на влюбленных молодых людей, воеводша еще не могла объяснить себе причину тревоги, но что-то непонятное творилось в ее душе. Несколько ночей она спала беспокойно: ей снились совершенно незнакомые лица, требующие какого-то ответа, потом появились грозные смотрители, а то наезжали в Березов кликуши и юродивые и все искали ее — Милитину Федоровну.

После тревожного сна, напившись травяного настоя, она побежала в церковь. Священника Андрея Георгиевича в эти дни в Березове не было. Он, как и все, был на охоте, в церкви был только священник-инородец Петр. В свое время, приняв в числе немногих своих соплеменников крещение, он был отправлен на учебу в Тобольскую духовную школу, а после ее окончания прибыл в Березов. Слово Божье не отучило его от вредных привычек, и он по-прежнему был падок на хмельное и неряшлив, однако добр и сердечен.

Всякое горе людей переживал как свое, помогал всем, чем мог.

Петр Дубасов только что спустился с колокольни, был удивлен приходом Милитины Федоровны, к которой питал уважение и даже испытывал некоторое перед ней стеснение.

Услышав от воеводши, что к дочери ссыльного опального князя приехал молодой человек, священник встрепнулся. Смугловатое его лицо с редкой бороденкой и совсем жидкими усиками покрылось красными пятнами, заходили желваки на скулах. Черные, давно не мытые волосы, сползающие на лоб и разбросанные слипшимися прядями по плечам, он отбросил назад, вскинул на воеводшу полные слез глаза. Воеводше было невдомек, что он, Петр Дубасов, не имел большего в своей жизни счастья, чем любоваться тайком от всех прелестным ликом молодой княжны. После каждой молитвы княжеской семьи и закрытия церкви он вставал на колени на то место, где стояла княжна Мария Александровна, и просил Бога ниспослать ему возможность глядеть на нее до скончания своей жизни.

— Пришла с души грех снять, — сказала воеводша тихим голосом. — Соучастницей, покровительницей той встречи стала. В этом перед Богом покаюсь, а уж больше ни перед кем ответа держать не стану. Нам всем и не снилась такая любовь. Их души летают в облаках. И Бог покровительствует этой любви. Да надолго ли? Сердце может устать от такой высоты. Они как птицы — парят в поднебесье.

Священник опешил. Он никогда не думал, что воеводша способна говорить такие слова. Впрочем, восторженное состояние Милитины Федоровны длилось недолго: стоило воеводше коснуться рукой священника и ощутить запах соленой рыбы, как она брезгливо отшатнулась.

Петр машинально обтер руки о расшитое полотенце, висевшее на стене.

— Чего это от тебя дух-то такой? Чему только тебя в Тобольске учили?

— Про мытье тамо не сказывали. Тамо молитвы учили читать, — сконфуженно отходя к клиросу, пробубнил священник. — Кабы у тебя, любезная Милитина Федоровна, было ко мне неудовольствие насчет церковных

дел — принял бы тут же, а про запахи — дело земное. Оне кому глянутся, а кому и нет.— Вот от вас, к примеру, какими-то заморскими каплями нос щекотит — я молчу, потому как это ваше дело. Господь учит: терпеть друг друга нам надобно!

— Тьфу! — раздраженно сплонула воеводша. При чем тут запах и Божье терпение?

— А плеваться да богохульничать в Божьем храме грешно, Милитина Федоровна. Столько ликов на тебя глядит, а ты плюешься.— Голос его был тих и спокоен.

У воеводши перехватило дух. Махнув на все рукой, она в слезах вышла из церкви.

Ей бы запереть на все засовы ворота, сказаться больной и не отвечать ни на чьи вопросы и просьбы, но такая мысль даже не появилась у нее, а наоборот, она с каким-то болезненным любопытством искала участия в семье опального князя.

Увидев возле ворот своего дома служанку Марии Александровны Глафиру, воеводша обрадовалась. У нее она могла легко полюбопытствовать о Марии Александровне и жизни всей княжеской семьи, выспросить об умершей по дороге в Березов княгине Дарье Михайловне. Да мало ли секретов знают они о своих господах! Соблазна к разным тайностям у всякого человека всю жизнь полно, а о любовных похождениях в царских хоробах особенно. Рассказывала же как-то Глафира о походе господского кучера Серапиона с дочерью самого графа Шереметева. Сказывала, вся прислуга между собой того Серапиона жеребцом обзывала, беду ему предрекала, да куда там! Удержу не было ни у него, ни у графской дочери.

Но плохо кончилась эта Серапионова любовь. Молодая-то графиня понесла от него, да все молчала, даже Серапиону не говорила, а он, жеребец и есть жеребец, сам не догадался. Потом, когда спохватились, давай графиню хиной поить да просить старую нищенку ей плод-то выдавливать. А она, графиня и есть графиня, — нежного тела, болей не вытерпела, да так в убогой избушке, куда привез ее в карете Серапион, померла, Серапиона в пыточную уволокли, а он и не скрывал своей близости с графиней, даже все ее доподлинные записки показал, в которых она самолично звала его на свидания.

Сказывают, шибко пороли Серапиона да на пожизненную каторгу отправили.

— Кабы дома был сам Николай Степанович, все бы рассудил как надо, а то ума не приложу,— жаловалась она Глафире, которая мало чего понимала в переживаниях Милитины Федоровны.— Я-то сильна токо при нем.

Глафира слушала воеводшу вполуха, больше озабоченная тем, что Мария Александровна теперь совсем не нуждалась в ее службе, постоянно говорила ей: «Пойди отсюда, Глафира. Пойди. Я сама поправлю прическу, или князь Федор поможет мне. Он все умеет». Служанка была в полном недоумении, не находила себе места. Другое дело — в столице, во дворце, все в разных комнатах, являлись по приглашению, а здесь служанке совсем не было места: в остроге оставаться нельзя, у воеводши сидеть недозволительно, ходить по пятам княжны — не велено. За эти дни, как приехал князь Федор, она похудела, перемерзла, не зная своего дела.

— Сиди и грейся,— догадалась воеводша.— А коли им без надобности — ступай к моим девкам, помоги половики ткать. Поди умеешь?

По земле шли крещенские морозы. В Березове они хозяйничали вовсю: выморозили болота, до самого дна проморозили малые речки, загнали зверье в дупла и норы. Ветра были такие жгучие, что обжигали незакрытые лица. Люди жарко топили печи, пекли пироги и шаньги. Бабы сбегались по избам — вязать носки да варежки, прядь шерсть, чинить лопотину.

Александр Данилович не выходил из острога. Он не то чтобы испугался морозов, а просто был занят планами постройки собственной избы и церкви. «Кабы не было у меня этой заботы — можно заживо ложиться и помирать», — говорил себе князь, выстраивая в голове все новые и новые планы. С приездом в Березов князя Федора он чаще ловил себя на мысли, что родительская опека нужна детям, пока жизнь тягостна и неустроенна. Стоит только им почувствовать собственную силу, ощутить радость, как сразу заявляют право на свободу.

Почти безразличное отношение дочерей к себе светлейший ощутил сразу же по прибытии молодого

князя. Он понимал, что дети его устали жить в окружении стражи, строгих правил, однообразных разговоров с прислугой. Он все понимал, но горькое чувство своего одиночества жгло сердце. Все чаще и чаще вспоминалась Дарья Михайловна и сестрица ее Варвара Михайловна. Временами ему казалось, что князь Федор обокрал его, забрал любовь детей и они, как замороженные, следовали за ним по пятам.

Иногда Мария Александровна просила и сестрицу Александру и княжича Алексашу посидеть «дома». Но делали они это с неохотой, особенно княжна Александра. Она была уже в том возрасте, когда Мария Александровна была повенчана с графом Сапегой, знала прелести света, видела роскошь двора и покровительство государя. Младшая же сестра была лишена таких радостей.

В воспоминаниях Александр Данилович возвращался к годам своей юности, чтобы понять и оправдать своих детей. Но в его жизни почти не оказалось таких радужных и беззаботных дней.

Он познакомился с молодым государем незадолго до стрелецкого бунта. Тогда-то он и понял, что человеческая жизнь для высшего сословия ничего не значит. Это было страшно сознавать. Но желание быть рядом с властителем страны затмило страх. И все равно, от вида сотен повешенных стрельцов у него темнело в глазах. А побывав в сыскных Преображенского приказа по настоянию государя, он два дня лежал в жару: все виделась истерзанная в клочья спина стрельца Васьки Тумы, который привез из Новодевичьего монастыря письмо царевны Софьи Алексеевны. То ему слышался визг стрелецкой сестры Машки, подвешенной на крюки за ребро. То виделось безжизненное тело нищей старухи Степановой, умершей при «подъеме». Но власть требовала от государя таких поступков. И в круговороте жизни стирались из памяти эти жестокие дни. На смену приходили другие — тоже не беззаботные, не праздные. И все-таки воспоминания о подавлении стрелецкого бунта были самыми тягостными, и князь удивился, почему именно они явились ему в эти минуты.

Хотелось вспомнить что-нибудь другое. Были же праздники. Да какие праздники! Были приемы, ассам-

блеи, парады, фейерверки. Боже, чего только не было! А вспоминалось самое страшное, как в наказание.

В это время из новых расщелин потолочных балок опять посыпалась на подушку князя пересохшая земля. «Поди домовой?» — подумалось ему. Он прислушался и явственно услышал чьи-то шаги. Он вспомнил, как дворовая девка, привезенная во дворец светлейшего князя, учила княгиню Дарью Михайловну ублажать домашних, задабривать их — ставить на загнетку кашу и даже учила разговаривать с ними, называть ласково и не иначе как «хозяйинушка», «дедушка-соседушка», «домовишко-дедушко», а при переезде в новый дом приглашать с собой своего домашнего такими словами: «Домовой, домовый, не оставайся тут, а иди с нашей семьей».

Всем этим занималась в семействе хозяйка, он же краем уха слушал ее и теперь, оставшись в одиночестве, никак не мог вспомнить толком ни одного заклинания. «Дедушка-соседушка, сохрани меня, коли власть надо мной держишь, — нашептывал князь. — Я теперь к земле прижат. Пособи. Не путай мысли».

Внезапно громкий смех донесся до ушей князя. Стало не по себе. Смех повторился. Он доносился с улицы. «Неужто? Неужто Мария хохочет на таком морозе», — подумалось, и он, уже не раздумывая, выскочил из кельи, припал к забитому снегом окну, обтянутому ветхой слюдой. Как раз перед окном какая-то черная тень пролетела с крыши острога. И снова донесся залиvistый смех.

— То княжны с крыши катаются, — почесывая затылок, сказал Лука, вышедший за князем.

— Ясное дело, там князь Федор.

— Без него и не вышли бы наши голубки на такой мороз.

— Верно говоришь, Лука, и носу бы за дверь не высунули.

— Пуцай радуются, — снисходительно сказал Лука и тут же отпрянул, боясь получить от князя выволочку: нечего совать нос в господские дела.

Александр Данилович медленно отошел от окна. Еле переставляя ноги и придерживаясь за холодные стены, направился в келью. «Господи, помоги пережить зиму. Помоги», — шептал он.

Глава сорок пятая

Всяк в Березове любопытствовал и сочинял разные небылицы по случаю появления в городе двух молодцов, сказавшихся купцами.

— Им-то чо; таковским. Дале Березова ехать некуда, окромя Обдорской стороны! А вот Милитина-то Федоровна здря подле них кружит. Как чо объявится — не ей, а Николаю Степановичу ответ держать, — судачила бабенка отставного сержанта Жеребцова, считай утонувшего в беспробудном пьянстве.

Было бы начало положено, а уж потом пошло-поехало: кому-то не нравилось, что молодые люди по нескольку раз в день прохаживаются по заснеженным улицам города. Кого-то удивляло учтивое отношение приезжих к местным жителям. Двое-трое обратились к караульной страже с вопросом, имеется ли у тех караульных наставление насчет свободного выхода из острога в город дочерям опального князя или на них такого строгого надзора нету. На это ответа не получили, а полковник Миклашевский, недолго побыв на охоте, уехал по каким-то делам в Кондинское да около месяца вовсе не возвращался.

Однажды ввечеру возле мучной лавки остановила воеводшу жена того отставного сержанта и, не моргнув глазом, спросила:

— Ладно ли ты делаешь, Милитина Федоровна? Не накличешь ли беду на седую голову воеводы? А вдруг да завяжется дело, учинится спрос: кто пригрел да приголубил детей опального князя? Кабы от беды подальше.

— Вот еще! Каждая указывать станет. У себя под носом гляди. Жеребцов-то возле трактиру валяется. На улице мороз. Туда торопись! — На том и рассталась. «Правду говорит Нюрка-жеребчиха. Сердце-то тревогу чует».

Милитина Федоровна собралась идти спать, уже помолилась, подольше, чем обычно, постояла на коленях перед иконой Божьей Матери, попросила у нее заступничества, как во дворе послышался лай собаки. Вбежавшая в горницу девка Дуська сказала, что просит разрешения зайти полковник.

— Миклашевский? — удивилась воеводша.

Дуська подтвердила, что именно тот военный господин, который не раз бывал в воеводском доме. «В экую непогодь да сумерки? Али дня не будет?» — подумала Милитина Федоровна и стала прихорашиваться.

Полковник Миклашевский пришел в ярость, узнав от дьячка Варлаама о прибывших в Березов «купцах», которые встречались со старшей дочерью светлейшего князя, а еще больше оттого, что всему этому покровительствовала воеводша. Полковник решил тотчас же пойти к этой, как он выразился, дуре и навести на нее страху. Он уже знал характер Милитины Федоровны и решил, что грубостью сможет перепугать ее так, что отобьет у нее всякое желание брать под свое покровительство княжеских дочерей. Полковник хорошо понимал, что в ситуации с опальным Меншиковым может хватить одного неверного поступка, чтобы круто изменить не только карьеру, но и жизнь воеводы и его, полковника Миклашевского.

Войдя в горницу, полковник впился в воеводшу гневными глазами. На мгновение лицо его перекосилось, он с трудом переводил дыхание и, сдерживая себя, чтобы не ударить Милитину Федоровну, скрипнув зубами, прошипел ей в лицо:

— Ты чего тут развела балаган? Не голова, а кочан капусты! — уже не сдерживаясь, крикнул он, со всей силой стуча козонками пальцев по своему лбу. — И не боишься клеветы? Не думаешь о своем супруге? — протянул он, при этом наклоняясь к самому лицу воеводши.

Милитина Федоровна повалилась на спинку стула.

— Думать будешь, — приподнимая воеводшу, говорил Миклашевский.

— Как, как вы смеете? — чуть слышно, сдавленным от страха голосом выдавила из себя Милитина Федоровна.

— Думать головой надобно, — нравоучительно и многозначительно ответил Миклашевский и, резко повернувшись, вышел.

Он понимал, что за все непорядки в охране опального князя придется держать ответ в первую голову ему.

Сильно хлопнув дверью, полковник оставил воеводский дом, выскочил за ворота и только тут перевел дух.

Скоро роскошные усы полковника подернулись изморозью, а пальцы на ногах защемило от мороза. Он прибавил шаг, проклиная все порядки и инструкции, по которым каждый человек находился в обязательной зависимости. «Любому зверю живется вольготнее, чем человеку, — попытался он успокоить себя. — А человеку то одно нельзя, то другое запретно. Всяк над тобой господин. Я на воеводшу наорал, на меня любой чиновник из губернии гаркнет. На того тоже всевидящее державное око глядит. Так и гнем друг друга в бараний рог». — Полковник вспомнил перепуганное лицо воеводши, опасаясь, как бы и в самом деле с ней не случилось чего-нибудь плохого.

Милитина Федоровна впала в форменную истерику. Сбежавшаяся прислуга в напрасной суете пыталась успокоить хозяйку: кто поил отварами и настоями, кто сбрызгивал наговор и сглаз, кто нашептывал на воду и велел испить. А у Милитины Федоровны одно вертелось в голове: «Обвенчать их надо — и делу конец! Перед Богом станут мужем и женой, а что до людских пересудов, то — наплевать!» Эта мысль приободрила воеводшу и помогла встать на ноги. И если бы не темень, а главное, не глубокая ночь, то она не преминула бы побежать в церковь.

«Петр-то Дубасов зла не помнит. Его я в одночасье уговорю. Слава Богу, что священника Андрея нету. Он бы, ясное дело, стал думать-раздумывать, хотя про такое дело надо только у Бога спрашивать. А этого уговорю. Ублажу. Пообещаю долг простить да золотой суну».

Как себя ни уговаривала Милитина Федоровна, уснуть не могла, а обидные слова полковника так и не выходили из головы, вызывали не гнев, а обиду и возмущение: как он смел, на нее, воеводшу, накричать? Откуда у него взялась такая дерзость и как он думает после этого встретиться с ней?

Только над крышей церкви потянулись ввысь струи дыма от растопившихся печей, воеводша стала собираться. Чувствовала она себя плохо: ныло сердце, дрожали ноги, на глаза все время накатывались слезы. Набросив поверх шубы большую суконную шаль, она неторопливо пошла в церковь.

Петр Дубасов закрывал вьюшку, когда услышал стук

в дверь. Увидев на пороге воеводшу, немало удивился, помог ей снять с плеч шаль.

— На лешего схож! — увидев испачканные сажей руки священника, не удержалась Милитина Федоровна. Тот поплевал на ладони, обтер о бока лоснившиеся штанов.

Узнав от воеводши о задуманном деле, священник Петр стал отказываться:

— Не могу! — не сказал, а выдохнул.

— Да ты не торопись. «Не могу!» Сдурел! С кем спорить собрался? Я ведь молчу-молчу, терплю-терплю, а опосля и зубы показать могу!

— Не хочу грех на душу брать. Окромя всего, у этого князя и свидетелев не будет.

— Как не будет? А я? Али не свидетель?

— Так это со стороны невесты. А со стороны жениха?

— Денщик его — Мирон. Чем не свидетель? Да ты это все будешь в тайности делать, только перед Богом, — заторопилась Милитина Федоровна. — И чего ты передо мной куражишься? Прошу о святом деле, без награды не останешься. Ты только подумай: кто перед твоими очами предстанет. Истинный князь. А она-то — бывшая царская невеста.

— Того и боюсь. Этим затолкаю свою голову в геенну огненную.

— Не раздумывай долго, голубчик. Давай обвенчаем. Уж как они любят друг друга — как истинные голуби.

Священник задумался, уставился в передний угол, будто советовался со святыми.

— Вечерком, после богослужения? — шепотом спросила воеводша. — Это не грех, два сердца перед Богом клятву верности дадут. Ну какой же это грех? — ласково говорила она. Но глаза священника были полны печали.

Домой она шла повеселевшая. «Покрутишься ты у меня, полковник Миклашевский, когда молодые будут обвенчаны. Будешь знать, какая я дура!»

Для всех, а особенно для Марии Александровны, такое предложение Милитины Федоровны было полной неожиданностью.

Князь Федор отнесся к словам Милитины Федоровны без особого восторга и даже без особой до-

верительности, считая этот разговор не то чтобы вздорным и неприличным, а скорее обидным для Марии Александровны. Он не мог представить, как могло такое событие пройти без огласки. Хотя и сам он не раз предлагал своей любимой тайком бежать из России.

— Как можно? — спросил он Милитину Федоровну.

— На что огласка? — бесцеремонно говорила воеводша, не замечая недоумения на лицах молодых людей. — Не перед людьми, а перед Богом обручаться станете. Мало ли тайных венчаний? Я не раз слыхивала.

— И в самом деле, Мария Александровна? — вдруг как спохватился князь Федор. — Такая возможность, Машенька, когда еще представится? Нам благодарить да благодарить надобно Милитину Федоровну. Что это я? Так неожиданно.

— А батюшкино благословение? — чуть слышно пролепетала княжна, теряя от волнения голос.

— Разве нету вам батюшкиного благословения? Милая ты моя, на моих ведь глазах было. Моим глазам не надо свидетелей. Разве он вас не благословил в тот час, когда увидел князя Федора? Да я по глазам догадалась, что большего счастья он не желал своей дочери. — Милитина Федоровна с необыкновенной легкостью все истолковывала на свой лад.

— Так все просто? — вырвалось из груди Марии Александровны, и из глаз ее потекли слезы. Сколько же было церемоний, сколько было приготовлений, когда состоялась ее помолвка с графом Сапегой, не говоря уже об обручении с царевичем Петром Алексеевичем. Сколько шума!

— Так просто? — с непонятным вопросом обратилась она к Милитине Федоровне.

— А что просто-то? Иконостас в нашей церкви богатый, есть иконы в золотых оправах. Из самой Москвы доставлена икона Божьей Матери!

Княжна не имела в виду внешние приготовления. Она была поражена той простотой и легкостью, с какой ее мечта становится реальностью. О, как давно она мечтала об этом дне! Сколько дум было передумано, сколько перевидано снов. И вдруг без звона колоколов, без пушечной пальбы, без иллюминаций, без посаженных дружков и подружек.

— Слава Богу, моя Мария! Слава Богу! Наконец-

то сбудется наше желание, — князь Федор обнял княжну за плечи, нежно целуя ее в щеку. — Только все так неожиданно, а вдруг и такого случая может не быть?

Немного придя в себя от такого настойчивого участия в своей судьбе, князь Федор заподозрил немалый интерес Милитины Федоровны. Хотя, если по правде, все лежало на поверхности: воеводша хотела отвести от себя всякие разговоры по случаю ее дружбы с семейством опального князя.

Выглядывая из окна, Милитина Федоровна сказала:

— Илька-хромая нога выполз из ограды, а он всегда последним запирает двери. Вон и сестрица ваша и братец идут с Глафирой и даже без караульного. Караульному-то я вкусного студня послала да наливки черемуховой. А вот и твой Мирон идет прямо в церковь. Дуську свою за ним посылала. Идемте и мы, — набросила на плечи шерстяную шаль Милитина Федоровна.

Священник уже был готов к обручению молодых. Его в этот раз было трудно узнать. Вымытые щелоком волосы рассыпались по плечам, редкая бороденка кудрявилась, светились приветливостью черные глаза.

В церкви пахло ладаном, воском. Горело множество свечей, и в нависшей тишине было слышно их потрескивание.

Когда были произнесены слова: «Венчается раба Божья Мария», она вострепелась, на щеках вспыхнул румянец.

О том, какие перемены происходят в их жизни, князь Федор толком смог подумать лишь в тот миг, когда Мария Александровна, сняв со своего пальца семейную реликвию — перстень золотой с зелен-камнем, — надела его на палец суженого.

— О, моя Мария Долгорукова! Отныне мы с тобой муж и жена. Перед Богом и перед людьми! Неужели это свершилось?

Князь говорил еще какие-то слова, которые княжна была не в состоянии услышать. Перед глазами вдруг появился образ родной матушки. Она вроде то пряталась за иконами, то появлялась между дорогими окладами. Взгляд ее был ласков.

— Матушка, благослови! Матушка! — зашептала Мария Александровна.

— Разве ты не помнишь слов матушки? — спросил князь Федор. — Разве ты забыла, как я стоял на коленях возле ее ног? Я и сейчас слышу ее слова: «Да будет Бог вам защитником, милые мои дети. Федор, Мария вас любит. Благословляю вас!» Неужели ты не помнишь этого, Мария? — шепнул княжне на ухо князь. Он крепко обнял Марию одной рукой, припал устами к ее устам. — Судьба моя навеки соединена с твоею. Матушка давно благословила нас, и теперь душа ее ликует.

— Да-да. Матушка наша ликует. Мне видятся ее ласковые глаза. Они здесь повсюду.

Священник Петр, справляя обряд, нет-нет да поглядывал на дверь. Он боялся, что отец Андрей может появиться в церкви. Он уже три дня как явился с охоты, но отлеживался в постели, парился в бане, не выходил никуда из дома и никому не показывался на глаза.

Узнав от Петра о просьбе воеводши тайно обвенчать старшую дочь светлейшего князя, он поначалу впал в ярость, но, поразмыслив, решил ни во что не ввязываться.

Несколько раз подходил к окну, тайком поглядывал через проталину между рам, видел тускло мерцающий свет в церкви и не выдержал, стал одеваться.

Венчание уже подходило к концу, когда услышались чьи-то шаги. «Пооди-ка, Миклашевский?» — ужаснулась Милитина Федоровна, в страхе зажмурив глаза. Все обернулись. В церковь вошел отец Андрей.

Высоким, торжественным голосом священник воспел славу Всевышнему и закончил церковный обряд.

Глава сорок шестая

В Березов стали возвращаться охотники. И хотя не принято говорить об удачной охоте, зато разговоры о сборах на Обдорскую ярмарку давали всем понять: добыча богата, охота удачна.

Милитина Федоровна не могла дождаться возвра-

щения Николая Степановича, то и дело подбегала к окну.

Все дни после тайного венчания Марии и князя Федора Долгорукова воеводша провела в молитве. Много вспомнила грехов, о которых и вспомнить-то никто не сможет, а она все каялась и каялась.

Не забыла и про то, как наговорила напраслину на дворовую девку Настасью, будто бы та своему жениху в питье наливала налимьей слизи, чтоб он крепче любил ее. Милитина Федоровна посмеяться решила, а парень-то через неделю утонул. Быть может, и не из-за этого разговора, а случайно, но воеводша взяла грех на душу да так с ним и ходит. Каждый раз в церкви свечу ставит за упокой души рыбака. Настёне нового жениха подыскала, а та опосля Алексея ни на кого не посмотрела, так в девках и осталась, а вскорости в монастырь ушла.

Вспоминала воеводша и полковника Миклашевского, из-за которого она втянула себя еще в один грех.

Впрочем, непостоянная по натуре, она, конечно же, не только переживала о былом, но и строила планы, мечтала. Думала о скорой встрече с мужем да о поездке на Обдорскую ярмарку.

На ярмарке кого только не было. Приезжали купцы из-за Урала, с Пермской и Архангельской земель, с южных, из далекой китайской стороны, Бухары. Приезжали на ярмарку местные инородцы на своих оленьих упряжках. Они по традиции торговали мягкой рухлядью. Особенно был в хорошей цене соболь, а уж после песец. Соболю имел на ярмарке самую высокую цену. Скупщики и перекупщики нанимали зазывал, платили большие деньги служивым людям, знающим язык инородцев, лишь бы не остаться внакладе. А дальше шкурки соболя отправлялись в чужеземные страны, украшая одежды знатных особ.

На нынешней ярмарке Николай Степанович обещал купить Милитине Федоровне ожерелье из заморских камней да бухарские ковры ручной работы.

Но все эти мысли перебивались полковничьим словом «дура!» да тайным венчанием, которое не выходило из головы. «Кабы пронесло тучу мороком, кабы все осталось в тайности, и больше не ввязывалась бы я ни в какие дела, не любопытствовала, не под-

глядывала бы то, чего мне и знать-то не надо. Пушай с Богом живут. Все одно я благое дело сделала. Что уж так казнюсь? — И тут же противоречила себе: — Все бы ладно, не будь Мария Александровна бывшей царской невестой да дочерью опального светлейшего князя. — Как только она начинала перебирать в уме эти доводы, холодела спина. А уж при мысли о том, что князь Федор — Долгоруков и может быть роднею губернатора, и вовсе спирало дух и на глаза навертывались слезы. — Быть может, и обойдется все».

Но, как говорят, шила в мешке не утаишь. Певчая, горбунья Фелисада, случайно видела тот обряд, конечно же, проговорила в лавке о тайном венчании дочери опального князя. Доподлинно никто не мог сказать, как об этом узнал полковник Миклашевский, но то, что от услышанного у него помутнело в глазах, было фактом. Схватившись за голову, он грохнулся на постель и катался по ней, как от зубной боли. Причем больше всего полковника удручал не сам факт венчания — пусть и тайного, не то, что воеводша таким образом поднесла к его носу фигу, а фамилия молодого князя: Долгоруков!

«С воеводши какой спрос? Баба она и есть баба! А я-то поставлен для охраны этого семейства!» — Захар Лукич не знал, что предпринять, как не показать своего возмущения и растерянности.

Захар Лукич понимал, что венчание Милитина Федоровна устроила ему в пику. Он уже жалел и о своем приходе в воеводский дом, и что обозвал Милитину Федоровну «дурой». Хотя там и не было свидетелей и он свободно может отказаться или повиниться, ему не было никакого резона вступать в ссору с этой изобретательной женщиной.

К моменту возвращения с охоты Николая Степановича Миклашевский, уже несколько раз попадая на глаза Милитине Федоровне, попытался заговорить, но она как воды в рот набрала.

Уже в темноте к воеводскому дому подъехал обоз в двадцать оленьих упряжек. Лаяли потревоженные собаки, скрипели распахнутые ворота, сгружалась добытая на охоте пушнина. Домой вернулся сам воевода.

Утром денщик, подавая полковнику чай, сказал, что по Березову ходит слух, будто бы воевода воротился

с охоты при смерти. А Милитина-то Федоровна, говорят, волосы на себе рвет.

— О ней-то заботы нет, а Николая Степановича жаль, — посетовал полковник, намереваясь посетить воеводский дом и попроведовать Николая Степановича.

Каково же было его удивление, когда возле самых ворот он встретился лицом к лицу со здоровехоньким Николаем Степановичем.

— Навели в городе переполох, — опередила полковника Милитина Федоровна. — Уж и чихнуть нельзя. — Не отпуская Николая Степановича ни на шаг, воеводша защебетала: — А то понять не могут, что устал человек. С дороги.

«Бестия! Вот бестия!» — вытаращив глаза на воеводшу, думал Миклашевский.

— В церковь собрались, — здороваясь с полковником, сказал воевода, пропуская впереди себя жену, одетую в долгополую соболью шубу.

— С тобой пойду. Рядышком. Соскучилась, — держа воеводу под руку, сказала Милитина Федоровна, заметив, как у полковника заходили желваки.

По узкой тропинке пришлось идти друг за другом.

В это время послышалось со стороны болота громкое гиканье и нарастающий шум. К нему добавился лай собак.

Миклашевский приостановился.

— Полноватские остяки в Обдорск на ярмарку торопятся, — прислушиваясь к гиканью, сказал воевода, не замедляя шага. — Всегда на неделю раньше других выезжают. Их старшина Туй Вонзя завязал дружбу с чердынским купцом Осипом Паршуковым.

Поднимая облако снежной пыли, на главную улицу Березова выбежали три первые упряжки — белоснежные олени. На рогах животных, на передних ногах привязаны разноцветные тесемки. На широких ременных нагрудниках нашиты в несколько рядов колокольцы. Наездники, одетые в долгополые малицы, стояли на нартах.

Коренники — сытые быки с ветвистыми рогами и длинными бородами — неслись вмах. Сзади на почтительном расстоянии бежали груженные упряжки. Под разноцветными платками, накинутыми поверх теплых малиц, нетрудно было угадать женщин

— Дикое племя! — сказал Николай Степанович. — Дикое племя и есть дикое племя, — повторил и добавил: — Грязный народ.

В стороне совсем неожиданно раздались глухие удары бубна. Полковник удивился, увидев стоявшего на нарте инородца, со всего плеча ударяющего колотушкой в бубен с множеством медных фигурок, нашитых по всему ободу.

— Вонзя созывает соплеменников, — пояснил Николай Степанович изумленному этим диковинным ритуалом полковнику. — У нас ведь здесь считай что и нету священнослужителей из инородцев. На весь этот огромный край один Петр Дубасов. А сколько старания было епархией положено, чтобы язычников к алтарю поставить!

— Здесь ведь с самого начала, — продолжал воевода, — как пришлые появились, разные там торговцы, скупщики-перекупщики — а с обычаями самоедов они особо не считались, — местное население сопротивлялось русским — по первости казакам, а затем и другим, кто после здесь начал обретаться. Тут ведь у местных родами жили. Большими, до сорока семей, а правили в роду женщины. Особливо знаменита у них храбрая предводительница рода Яур Мынгеди Сои. В христианском крещении получила она имя Анны, и даже титулом княгини пожаловал ее государь. Била челом она в столицу, чтобы в ее вотчине — на Конде — построили церковь, но не смогла глупая баба христианскую веру по-настоящему понять. Это ей не оленей гонять по тундре и не между родами воевать из-за пастбищ. А тут еще вздумалось ей Березов осадить, дескать пускай русские — а жило-то их здесь тогда триста с небольшим человек — уйдут из этих мест.

— Только и среди остяков и вогулов есть предатели. Вот и среди сородичей воительницы нашлись изменники, повязали втихаря Анну и тогдашнему воеводе выдали. Сейчас и не упомяну, в какой острог ее услали — ясно, северней-то мест нет. Может, куда в Россию? Только знаю, что не скоро забыли здесь о непокорной вогулке.

— Никола, Никола! Страствуй, Никола, — слышался из толпы хрипловатый мужской голос. К воеводе подбежал коренастый мужчина, тот, который только

что бил в бубен. На нем была длинная рубаха, сшитая из синего атласа, расшитая разноцветными полосками по подолу, рукавам и вороту. Две туго заплетенные косы, украшенные яркими лентами, доставали до плеч. Обветренное лицо, с нависшими над бойкими черными глазами бровями, выказывало открытость, свойственную жителям сурового севера.

— Здравствуй, Вонзя! Что же ты совсем раздетый? — учтиво спросил Николай Степанович, протягивая инородцу руку. Атласная рубаха пузырилась на спине от сильного, порывистого ветра. — Беги в церковь.

За Вонзей торопились в Божий храм его сородичи. Они оставили на нартах свои малицы и бежали раздетыми. У полковника по спине пробежали мурашки. Он поежился, с любопытством наблюдая за всем происходящим.

Оставленные олени, гремя колокольцами, стали укладываться возле нарт на отдых.

— Милитина Федоровна, — донесся женский голос. То был голос молодой княжны Марии Александровны. — Милейшая Милитина Федоровна, я так соскучилась, не видя вас! Я все время вспоминаю вашу заботу, ваше участие. — Она обняла воеводшу, поцеловала ее в щеку.

Миклашевский опасливо посмотрел на княжну: он боялся, как бы в пылу радости она не стала благодарить воеводшу за тайное венчание. «Это будет для воеводы сюрприз!» — подумал полковник.

— Да вас и не узнать! — весело сказал Николай Степанович, обращаясь к Марии Александровне. Однако тут его внимание было отвлечено другим. Он увидел светлейшего, чью высокую фигуру с чуть ссутулившимися плечами вряд ли можно было спутать с кем-нибудь еще.

Его фигура выказывала благородную статью. Казалось, что каждый шаг, каждый жест им продуманы. Наверное, это так и было: чтобы встать вровень с государем, мало было быть хватким и удалым. Нужна была царская обходительность с послами иностранных государств, нужны были изящные манеры на праздниках и ассамблеях, нужно было соблюдать этикет. Светлейший князь не пожалел денег на изучение светского этикета после того, как получил от государя

очередную выволочку за то, что во время беседы со шведским посланником шумно сморкался и чихал за столом. Учителем своим назначил благороднейшего немца — архитектора Штрауса. Александр Данилович был человеком сметливым, и уроки Штрауса скоро помогли ему стать образцом царского вельможи. Камер-юнкер Берхгольц, описывая в своем дневнике церемонию коронации Петра Великого и Екатерины Алексеевны, обратил внимание на светлейшего князя Меншикова, отличавшегося от многих своими изысканными манерами. Эта царственная статья сохранилась в нем навсегда.

— Кто это там с ними? — обращаясь к полковнику, спросил воевода, показывая на идущих с семейством опального князя двух незнакомых мужчин. То был князь Федор и его денщик Мирон.

Полковник Миклашевский не нашелся что сказать и промолчал.

— Гости приехали, — с показным равнодушием ответила Милитина Федоровна.

— А кем разрешено? — попытался воевода услышать от полковника какой-нибудь ответ, но семейство светлейшего было уже шагах в десяти.

— Купцы. По закупке мехов приехали, — ничего не оставалось Миклашевскому, как повторить слова дьячка Варлаама.

Степенный вид, благородная осанка и явно военная выправка молодого человека заставили усомниться воеводу в купеческом происхождении прибывших в Березов.

Глава сорок седьмая

На дворе буйствовали ветры, свирепствовала стужа, а из-под пещи при сильных ударах вылетали россыпи искр. Промороженная земля не поддавалась никакой силе. Нанятые для подвозки сухостоя к кострам березовские мужики через неделю низко поклонились светлейшему: увечить лошадей не станем да и самим жить охота. Сказали и ушли. Правда, артельный еще воротился:

— Скоро Власий, а его морозы последние. Сшибет Власий рог с зимы — и станет она убирать ноги. Но ныне еще год високосный — Касьянов день будет. Сказывают, Касьян три года в свои именины пьян бывает, а на четвертый унимается. Переживем их, и куда с добром! Ежели наши слова не рассердили тебя — станем работать, а пока прощевай, хозяин. — Сказал и ушел. Что с них — люди вольные. Зато работные меншиковские люди корчились на морозе, знобили лица, сбивали до волдырей ладони.

— Напрасно, князь, — пришедший в острог Семен Баженов достал из мехового мешка аспидную доску с планом строительства княжеской избы и церкви.

— Что может один весенний день сделать, теперича три недели надобно. Пустая затея.

— Терпения нету. Ночи не сплю, — сознался Александр Данилович, но не возразил.

Он, конечно, сказал Семену о своих переживаниях, что и было причиной спешки. Он понимал, что надо бы послушать мудрого человека — приостановить земляные работы. Но как унять беспокойство? Да еще левое плечо донимает — будто насквозь простреливает.

Невольно думалось о князе Федоре. Может быть, именно он спас его от отчаяния. Как преобразилась его дочь! Сколько радости светилось в ее глазах, сколько силы в голосе. Он понимал, что без князя Федора еще большие страдания свалятся на его голову. Теперь многое изменилось, но счастье дочери было таким зыбким, таким непрочным, что страшно было предположить, что с ней станется, не окажись рядом князя Федора. А то, что над ним сгущаются тучи, Александр Данилович не только догадывался или предполагал, он чувствовал, что невидимая рука простирается и над медвежьими углами России.

Не один раз к нему приходила мысль отправить Марию Александровну с князем Федором куда-нибудь за границу. Никто и не будет об этом знать, покуда хватятся. Пройдет время — и все образуется. Он поделился своими мыслями с дочерью и услышал ответ: «Я очень слаба, папенька». Это привело Александра Даниловича в полное уныние.

С князем Федором он не стал заводить разговор, но пристально наблюдал за всем, что происходило во-

круг. В преданности воеводши он не сомневался. Милитина Федоровна была готова не отходить от молодой княжны ни на шаг и настойчиво просила бывать в их доме каждодневно. Зато потупленный взгляд полковника Миклашевского насторожил светлейшего князя: «От этого всего можно ожидать».

В эти дни в городе было шумно. Иностранцы останавливались возле лавок, трактиров, где шла бойкая торговля всевозможными винами и брагой. Снаряжались большие обозы. Каждый второй житель собирался в Обдорск.

Представителями воеводы Шульгина в Обдорске были подьячий Харитон Лыков — воевода в миниатюре — и двое канцеляристов: Прокл Рубцов ведал ясашными делами, Роман Соснин занимался хозяйственными делами. Как водится, они крепко готовились к ярмарке, особенно к встрече Николая Степановича.

Глядя на собранный обоз с пушниной и предполагая большой доход, Николай Степанович радовался: «Ох уж эта Мангазея! На всю Россию славится пушным промыслом, манит к себе фатовых людей. А уж про соболя-то какие небылицы разносятся. Будто «шерсть живого соболя по земли ся волочит».

Милитина Федоровна, не отходя от воеводы, вся светилась. Спрашивала о товарах заморских, о торговцах, едущих нынче в Обдорск со всех сторон.

Весть о том, что молодой князь Долгоруков изъявил желание побывать на ярмарке, ошеломила ее.

— По бумагам он купец, — хладнокровно ответил воевода на испуганный возглас Милитины Федоровны.

Воеводша бессильно плюхнулась в кресло, над чем Николай Степанович засмеялся.

— Что уж ты, душа моя, так близко берешь к сердцу его заботы, даже если это, как ты говоришь, Долгоруков?

Милитина Федоровна, холодея от возможного разоблачения, не нашлась, что ответить мужу.

— Мне кажется, что этот Долгоруков смысленный молодой человек.

И все-таки Милитина Федоровна почувствовала в словах воеводы, а еще больше в его намерении взять с собой князя Федора что-то очень загадочное. Если учесть, что Николай Степанович всегда тяготился при-

существом кого бы то ни было во время торгового собственным товаром. Воеводша не упустила возможности предложить в таком случае взять с собой на ярмарку и Марию Александровну.

— Ну, куда ей, такой былинке, — ответил воевода. — Дорога в Обдорск дальняя.

— Дорога наезжена. Сани крытые, медвежьими шкурами обитые. Полости волчьи.

— Все-то ты знаешь, — сказал воевода, прикинув про себя, что присутствие молодой княжны будет ему на руку.

Когда Мария Александровна узнала, что князь Федор поедет на ярмарку, она сразу загрустила.

— Не уезжай. Молю тебя. Без тебя я умру. — В ее голосе было отчаяние. Князь не мог поручиться, что этого не случится. Слишком хорошо он знал свою Марию.

— Мы поедем вместе. Пусть это будет нашим свадебным путешествием, — тихо шепнул Федор на ухо княжне. Она уже не могла ответить ему, а только пожала руку.

Узнав о поездке молодых людей в Обдорск, Александр Данилович обрадовался. Он вспомнил, как его любезнейшая жена Дарья Михайловна пренебрегала расстояниями, лишь бы прибыть к нему.

Александр Данилович в разговоре с князем Федором больше всего наказывал беречь в дороге Марию Александровну и как бы между прочим сказал:

— Глаза да глазоньки надо иметь при большом людском сборище да ушки держать на макушке. Среди простого торгового люду всегда вертятся тайные лазутчики. Опасны они. Через таких людей все про все в тайных царских хоромах знают. Откуда бы при постоянных балах и танцах знать Тайной канцелярии, где супротив государя разговоры ведутся, у кого и какова утайка налогов да недобор в казну. А тут — главная соболина дорога! Всяк хлынул счастье искать. Раз люди хлынут — значит, лазутчик тут как тут.

Князь Федор слушал.

— Ты думаешь, я без лазутчиков тебя в каждом углу подкарауливал? — засмеялся Александр Данилович. — Ты думаешь, я не ведаю, что бывал в моем дворце? Пробирался будто бы тайно? Никакой не было

тайны. Я знал каждый твой шаг. Быть может, и не хотел знать, а мне все докладывали. Вот так-то!

Князь Федор поблагодарил светлейшего, испытывая к нему сыновнюю нежность.

Двадцать оленьих упряжек были отправлены в Обдорск за сутки до отъезда туда воеводы.

Санний поезд для Николая Степановича готовился давно. Кони, откормленные отборным овсом, были резвы. Дуги расписаны, колокольца начищены. Кучера бывалые, знающие дорогу в Обдорию с закрытыми глазами.

Первый перегон, верст в тридцать, Мария Александровна ехала в одной кошеве с князем Федором и прикрывшейся в ногах Глафирой. Кучер, сидевший на облучке, был весел, между редкими покрякиваниями на коней затягивал песню, которая вместе с зыбким покачиванием кошевы вызвала у Марии Александровны сладкую дрему. Князь Федор, сняв меховые рукавицы, отыскал под волчьей полостью руку Марии Александровны и держал ее в теплой ладони, испытывая тихую, спокойную радость.

Однако после остановки Федор был вынужден ехать в санях воеводы. Неизвестно кому пришло в голову поменяться местами: то ли это была прихоть Милитины Федоровны — быть рядом с молодой княжной и рассказывать ей разные небылицы долгой зимней дорогой, то ли настоял на своем Николай Степанович, желая ближе познакомиться с молодым князем по фамилии Долгоруков, по отдельным фразам и понятиям сложить о нем свое представление, а главное, проверить опасения полковника Миклашевского, который, как ни крепился, вынужден был высказать свои сомнения и даже рассказать о тайном венчании князя, не упомянув при этом о роли воеводши.

Ночь застигла санний поезд в небольшом селении с названием Мужи. Там ждали приезда воеводы, все было напечено, наварено, постели постланы. Переночевав, ни свет ни заря двинулись дальше. В темноте фыркали выведенные из теплых конюшен сытые кони. Звон колоколец наполнил округу веселой звенью. Сонно перебранивались служившие на постое сторожа, отыскивая нарядную подпругу с воеводской упряжки. Не своим голосом завизжала где-то бабенка, по-видимому попавшая кому-то под горячую руку.

К Обдорску подъехали ранним утром. Узкая алая полоска у горизонта возвещала о рождении нового дня. Над простором хозяйничал порывистый ветер, поднимая над землей мириады колючих снежинок. Необозримая снежная равнина, казалось, вздыхала под тяжестью снега. Обдорские собаки, уставшие от все прибывающих обозов, свернувшись под санями и нартами в пушистые клубки, нехотя взлаивали, подбадривали одна другую. Но звона колокольцев воеводских повозок не выдержали, кинулись навстречу, хрипло облаивая прибывших.

Возле съезжей избы толклось много народу. Дьяк Харитон Лыков, расторопный и злой, вконец загнавший подьячих на сборе ясака, втравил их в драку между собой. А поскольку подьячий Прокл Рубцов был хил, но въедлив, то и получил от Романа Соснина увесистую оплеуху. К приезду воеводы Проклу всю ночь делали примочки, но ничего не помогло.

— Башку снесу,— грозился Харитон Лыков,— попомните мое слово!

— Я сам к Николаю Степановичу в подьячие попрошусь,— не сдался вдруг Прокл Рубцов, знавший себе цену.— Меня сей же час в Березов возьмут.— Подьячий говорил правду: писать он умел с такой быстротой и четкостью, что завидовали все писцы.

— Поговори у меня. Запру в конюшню али заставлю связать да в какой-нибудь чум отвести,— рявкнул Харитон.

Завидев приезжих, к съезжей избе повалил всевозможный люд. Пришлось позвать казаков, поставить возле ворот караул. Кто-то сбегал в избу к Харитону Лыкову сообщить, что воевода на этот раз прибыл с Милитиной Федоровной и еще какой-то благородной барышней.

В съезжей избе появилась дородная женщина в песцовой дохе. Она низко поклонилась воеводе и без лишних слов пригласила женщин в приготовленную избу.

Сообщение Харитона, что весь соболиный ясак уже собран, обрадовало воеводу. Можно было безбоязненно заниматься своим торгом, не опасаясь, что недособраный ясак придется выкладывать из собственного мешка.

Потом подьячий докладывал о прибывших купцах из Архангельска с заморскими товарами: голландскими,

английскими, французскими тканями: тафтой, камкой, бархатом, тонкой кисеєю. Харитон чуть было не умер от расстройства, увидев, что дешевые шелка, парчу и полотно брали нарасхват, а заморские товары остались невостребованными. Ладно, нашелся знающий толк в этом товаре московский купец — и скупил то богатство.

— У нас ведь в почете сермяжные сукна, холст. Спрос на слюду, воск, сахар, котлы, топоры... Ну да чего это я? Соловья баснями не кормят. Простите меня великодушно, Николай Степанович, — извинялся Харитон. — Обрадовался встрече. Готов все враз высказать. Уж как тут без вас тяжело, как тяжело и скукота нестерпимая. Супротив Березова — истинная дыра!

Торги уже шли своим чередом. Обдорские мещане, знавшие спрос на хлеб, беспрестанно топили печи, сдавали за плату конюшни, за еще большую — пускали людей на постой. В некоторых избах вповалку спали человек по тридцать. Иностранцы — другое дело: им снег — дом родной. Ставили походные чумы, кололи на снегу оленей и торговали пушниной.

Соболь здесь был в цене.

Насколько хватало глаз, виднелось разноцветное людское море. Отовсюду доносилась разноязыкая громкая речь. Между рядами, расположенными прямо на снегу, носились лихие упряжки оленей. Наездники, стоя на нартах, размахивали соболиными связками, чем вызывали захлебывающийся крик толпы. Олени носились до изнеможения. Упала посреди торгового ряда загнанная олениха. Не раздумывая, хозяин вытащил из-за пояса длинный нож, воткнул под лопатку. Олениха вздрогнула, остекленели большие глаза. За минуту была стащена шкура. Валил пар. Из распластанного живота вывалили на снег внутренности, и тут же принялись лакомиться. Причмокивая, пили парную кровь.

С разных концов слышались крики зазывал. В воздухе стояла звень от стука топора о топор, молотка о молоток, котла о котел.

Шли богатейшие рыбные ряды. Громадные осетры, похожие на лодки-калданки, их разрезанные ломти отливали золотистым жиром. Тут же бочоночки с черной икрой, укладки особым способом — «колодкой» — соле-

ных муксуна и нельмы. Немыслимо много было кедровых орехов, сушеных и соленых грибов. В берестяных чумах продавалось медвежье и гусиное сало. Огненными кострами на снегу казались бочонки с клюквой и брусникой. Горы меха: горностай, белка, выдра. Целые горы лосиных, оленьих шкур. Но возле соболя — споры и драки.

— Папеньку бы сюда! — сказала Мария Александровна, когда Харитон Лыков проводил их вдоль мехового ряда. — Папенька в мехах толк знает. Помнится, говорил про сибирскую пушнину, что очень любят ее в заморских странах. А поди, соболя, которых так ценят и в Англии, и в Голландии, и во Франции, из этих мест были?

— Истинно из этих, — подтвердил дьяк Харитон. — Из нашей Мангазеи. Экая таможня в Тобольске! Весь мех туда свозится. Тот уже мех государев.

Со стороны Обской губы дул ветер невероятной силы. Сбивал с ног, разметывал по сторонам полы шуб.

— Боже милостивый! — воскликнула княжна, тревожно отыскивая взглядом князя Федора. И тут же до ее слуха донесся чей-то незнакомый мужской голос: «Долгоруков! Долгоруков!» Мария Александровна вздрогнула.

— Кажись, кто-то зовет князя Федора, — прикрываясь от колючего ветра, проронила Милитина Федоровна.

— Мне тоже послышалось, — с трепетом и испугом в глазах ответила княжна. — Где он? Вместе с Николаем Степановичем были рядом. — Если бы не Милитина Федоровна, тоже услышавшая чей-то крик, то княжна могла бы подумать, что ей показалось.

Вдоль ряда бежал с распростертыми руками дородный молодой мужчина.

— Долгоруков! Мир тесен! — кричал он, обнимая князя Федора. — Все время допытывался в столице: где Федор? где Федор? И слышал, что за границей! Какими судьбами? Надо же! Угодил на край государства Российского. Рад видеть тебя. Рад.

Все глядели на купца в длиннополой енотовой шубе, в собольей шапке. Кудрявая борода и усы заиндевели. По всей видимости, он был давно на этом торжище.

— Припоминаю, дядюшка твой губернатор в Тобольске.

— Гребенщиков? Ты ли? Вот уж тоже не думал встретиться здесь,— сдержанно ответил князь Федор.

— Чего удивляться? Мой отец купец. Я тут по закупке лосиных шкур. Скупаю да продаю на сапоги. Скажу тебе, дело выгодное,— говорил Гребенщиков, искоса поглядывая на Марию Александровну, которая в этой встрече увидела недобрый знак.

Глава сорок восьмая

По дороге домой Мария Александровна была в состоянии дремы. Всем казалось, что ее укачивает в кошеве, и только Глафира понимала, как тяжело у княжны на сердце.

Князь Федор делал вид, что ничего особенного не произошло: мало ли где могут встретиться люди? Хотя и понимал, что Лука Гребенщиков не забудет о встрече в Обдорске, посмеется над теми, кто утверждает, что плавает он в водах Балтики или живет где-то за границей. Больше всех сокрушался денщик Мирон, корил себя, даже напился с горя.

— Другие-то всю жизнь врут,— стонал он.— Врут и живут, и с рук сходит, а тут и на краю света угрозило встретиться! Знать ему надо, по какому случаю мы тут? Дурья моя башка, кабы держал ушки на макушке, заметил бы Гребенщикова. Экую каланчу да не заметить.

Но как бы там ни было, Гребенщикову язык не вырешь, а слово вылетело — не поймаешь. Воевода в первый миг, когда подбежал купец из столицы, поперхнулся, будто был лично уличен в чем-то непристойном, но скоро, отойдя дальше по торговному ряду, взял себя в руки, хотя и было нелегко это сделать: фамилия Долгорукова звенела в ушах, а подтверждение того, что губернатор Тобольска родной дядюшка молодого князя, окончательно перепутало мысли Николая Степановича: виселица и награда несомненно были рядом. От одной дыбом поднимались волосы, от дру-

гой — ликовала душа. «Лучше бы ни того, ни другого, — вздыхал воевода. — Ну да будь что будет. Поделю все с полковником поровну. Пусть теперь у него голова болит!»

Милитина же Федоровна, обомлев от обилия невиданных товаров, была занята всевозможными покупками и совершенно не заметила никаких перемен вокруг.

— Не все еще растранижила? — услышала она обидный вопрос супруга и только тут заметила, что Николай Степанович беспрестанно теребил левый ус — верный признак волнения.

— Я не считала, — откровенно и беспечно ответила воеводша. — Приказчик Трофим этим занимается. Правда, когда покупала жемчужные бусы, он посоветовал спросить тебя. Я пошарила вокруг глазами, да не увидела. Бус-то таких во всем Березове ни у кого нет. Али тебе жаль?

Но Николаю Степановичу было не до этих разговоров. У Харитона Лыкова оказалось много неприятностей с инородцами. Особенно насторожило нежелание их сдавать ясак в государеву казну, а это поважнее жемчужных бус.

Харитон долго думал, говорить ли о случившемся нынче в стойбище рода Худи, но знал, что о запоротом казаками инородце все равно будет известно: искал случая остаться с воеводой с глазу на глаз, но никак не получалось. И, только увидев старейшину Худи с толмачом Михайлой возле съезжей избы, понял: тянуть нельзя, надо опередить Худи. Все случилось нежданно-негаданно. И кто думал, что он от тридцати ударов Богу душу отдаст. Нашим-то мужикам и по сто палок дают, а оне вскакивают как ни в чем не бывало. Харитон не знал, как начать разговор с воеводой. Когда возле избы оказались вооруженные луками и стрелами инородцы на упряжках и подняли невообразимый шум, протискиваясь в избу между поставленными в караул казаками, Харитон почувствовал неладное и заорал:

— Побьют всех! Порешат всех!

Для Николая Степановича все оказалось неожиданным, не думалось, что «неполадки», о которых намекал ему подьячий, так опасны.

— До смерти одного инородца казаки запороли — вот они и явились всем стойбищем.

Накинув кафтан, Николай Степанович вышел на крыльцо. Шум, гул, крики, гиканье неслись со всех сторон. Разбираться не было времени. Могло случиться невообразимое при таком скопище народа. Воевода тут же отдал распоряжение: наказать виноватых. Раздались одобрительные возгласы инородцев. Трех казаков привязали к нартам. Экзекуция длилась недолго. Казаков с исполосованными спинами утащили в баню. Довольный Худи долго кланялся воеводе и подарил связку соболей. Скоро возле съезжей избы стало тихо и спокойно.

Александр Данилович старался отвлечься от дум о Марии Александровне, даже радовался: быть может, смена жилья, дорога, людское многоголосье, где каждый горазд на выдумки, где смех и веселье, помогут ей поверить, что счастливо можно жить не только в столице. Рассуждать-то рассуждал, но сам с собой ничего не мог поделать. Если с опалой и с изгнанием смирился и не ждал уже ничего хорошего, то думы о скорейшем начале строительства преследовали его неотступно: каждый день он встречался с Семеном Баженовым, успел сделать множество заказов для украшения церкви и новой избы.

Пошла третья неделя. Проехали с ярмарки полноватские остяки, даже не остановились возле церкви: старшина Туй Вонзя проспал, а сородичи, боясь домашних шайтанов, промчались мимо Березова во весь мах. Приехал лодочных дел мастер — Влас Порошин, у которого в дороге начала рожать баба, пришлось сворачивать в русское село, к бабке-повитухе. Та приняла парнишку, а Власу сказала, чтоб баба его прожила в бане ден пять-шесть, а то «шибко сыра — и до беды недалече». Все сказывали: ярмарка многолюдна и богата.

А на душе у Александра Даниловича было неспокойно, хотя присутствие возле дочери князя Федора снимало с души лишние опасения. Образ князя Федора становился все светлее в его глазах. Но слишком хрупким казался мир счастья, создавшийся возле них. И не надо ждать сильного урагана и бури, чтобы разрушить его. Стоит написать только один донос — и князя Федора здесь не будет. А тогда, тогда... Светлейшему

князю не хотелось думать, что будет потом. А пока он ждал их возвращения с ярмарки.

От нечего делать поиграл возле порога с псом, помог княжичу надеть широкие лыжи, обитые оленьим мехом.

Был бусый день, солнечный луч так и не смог пробиться через толщу снежной изморози.

Посреди ночи раздался громкий крик караульного. Спавший возле порога пес несколько раз тьякнул. Прислуга вскочила. Но весь этот переполох не насторожил Александра Даниловича. Он понимал, что ничего не может случиться в этом ледяном крае, никто по доброй воле не пойдет к острогу, а скорее наоборот: десятками верст объедет это злополучное место стороной. У него не было сомнений — приехали с ярмарки. Встал неспешно, вздохнул с облегчением, помолился, прежде чем выйти из кельи.

Княжна Александра, наскучавшись в остроге без Глафиры и сестры, завизжала, бросилась обнимать всех. Прибежал княжич. От радости вытирал слезы Лука, хлопотала кормилица Анна. Одним словом, все были искренне рады. Князь Федор, не откладывая до утра, вынул купленные на ярмарке подарки. Особенно веселой показалась светлейшему Мария Александровна. Но через это веселье он уловил дрожь в голосе дочери. И рассказ ее о ярмарке был столь непоследовательным, что трудно было понять, о чем она хотела поведать. «Что-то случилось», — мелькнула у Александра Даниловича мысль.

После, когда все успокоились, отогрелись, попили горячего чаю и пошли спать, Александр Данилович подозвал к себе Глафиру. Он пристально глядел на нее, не задавая вопросов. Было ясно, что Глафире надо было рассказать все.

— Испужалась она, — сквозь слезы говорила служанка. — Какого-то московского купца встретили, тот купец князя Федора окликнул. Мария Александровна сразу с лица изменилась и вот вся в волнении живет.

— Какого купца?

— Московского, громадного такого. Гребенщикова. Испугалась она его, сердечная.

— Испуг испугу рознь, — сказал Александр Данилович, приказав Глафире отправляться к себе и ни о чем не говорить княжне.

«Гребенщиков, Гребенщиков,— повторял про себя Александр Данилович.— Купец. Какой же это купец? Зачем приехал? Гребенщиков. Мне бы только за ниточку уцепиться — распутал бы узелок. Но сколько этих купцов прошло мимо!» — Он не мог уснуть. Даже то, что не может он вспомнить купца по фамилии Гребенщиков, стало удручать князя. Остаток ночи прошел в полной бессоннице. Он вышел из острога — подышать морозным воздухом. Невообразимая тоска одолевала Александра Даниловича. Мысль о Дарье Михайловне появлялась сразу, как только он оставался один. «Как ты мне нужна, Дарьюшка, в эти трудные минуты. Знаю, плачет твоя душа, летает над нашей обителью. Знаю, было бы нам легко с тобой, но, видно, так было Богу угодно, страданица ты моя! Да ведь мы как страдаем-то! Как страдаем! Только тебе да Богу и скажу. Иной раз так бы и закрыл глаза — уснул вечным сном, да кому наши дети нужны будут? Ради них только и молю Бога о продлении жизни». — Погружаясь в воспоминания, Александр Данилович чувствовал некоторое облегчение и еще больше убеждался в необходимости строить собственный храм. Для успокоения. Откидывая возле порога ворот тулупа, он ощутил приятный запах духов и почувствовал, как горячая тонкая рука обвилась вокруг его шеи. Кто-то прижимался к нему сзади.

— Папенька,— узнал он голос Марии Александровны.— Папенька. Я боюсь!

— Кого? — целуя руку дочери, шепотом спросил Александр Данилович.

— Этого человека с большим лошадиным лицом. Этого Гребенщикова.— Она говорила так, будто была уверена, что отцу все известно о встрече в Обдорске.

Александр Данилович обнял дочь за плечи.

— Тьфу на эту лошадиную голову. Может, тебе какой сон нехороший приснился? Завтра утречком в церковь сходим. Сама же знаешь, сколько там было купцов. У всех рожи-то разные. Охладишь, моя милая! Считай, дурной сон приснился, а как открыла глаза — перед тобой я — твой батюшка.— Александр Данилович даже издал звук, похожий на смех. Он понимал, что тревогу у княжны вызвала не наружность купца, что-то более существенное.

— Он, он погубит князя Федора. Он и на меня бросил свой урочий глаз. Сглазил меня, отнял сон.

— Что это за Гребенщиков такой? — вырвалось у Александра Даниловича. — Ну поглядел, ну и ослеп от твоей красоты. А кто на людей порчу шлет, тот и сам покоя не знает. Черти-то по ночам крутят его.

— Правда, папенька? — целуя отца в щеку, княжна засмеялась тихим смехом. — Князь Федор точь-в-точь так же мне говорил.

— Отчего же не поверила князю Федору? — И тут Александра Даниловича осенила догадка. — Как же я не знаю этого Гребенщикова? И надо же было запомнить? Не кто иной, как я давал ему право на монополию поставок для армии лосиных кож для пошива сапог! Ах ты! Купец-то стар был. Это, видать, его сын. Где еще лосиные да олени кожи брать, как не здесь? Тут они, Гребенщиконы, и владеют! Тьфу на этого Гребенщикова! На него у меня еще управа найдется. Рыльце-то у его отца в пуху. Только намекнуть про его проделки — башки не будет. Не бойся, Мария Александровна. С этакой гнидой, если что задумает, справимся. — Мария Александровна услышала в голосе отца давно забытые грозные нотки. Резким движением он стащил с головы лисий треух, швырнул на пол. Лука, стоявший за перегородкой, перекрестился, юркнул обратно, боясь получить подзатыльник. Лука знал, в какие минуты надо отсидеться. — Гребенщиков! Плут из плутов. Ходила моя рука по его спине. Это он умудрялся сплавлять на пошив сапог прелые кожи. Вот какой купец тут объявился. — И чем больше он вспоминал про московского купца, тем больше бранных слов роилось в его голове. Расставшись с княжной и очутившись на постели, светлейший понял, что гнев его на купца Гребенщикова был вызван его, князя, полным безвластием.

Мелькнула мысль о полковнике Миклашевском: подбить его написать донос на того Гребенщикова? Но тут же осекся: последнее время полковник сторонится его, все распоряжения передает только с караульными, а при встречах совсем не вступает в разговор. Ко всему, Александр Данилович знал, что писать доносы — это втягивать в беду себя. Ни один, даже самый отъявленный преступник, не признает вину сразу:

ищет разные ходы-выходы, чтобы снять улики, а больше всего отыскивает у жалобщика его провинности, и, как правило, оба становятся виноватыми. И еще неизвестно, кто больше поплатится.

Если бы он знал, что Миклашевский знает о тайном венчании его дочери и не дает этому огласки только из-за страха за свою судьбу, такие мысли не посетили бы разгоряченной головы светлейшего.

Александр Данилович, конечно же, не знал, что полковник Миклашевский днями получил письмецо из Обдорска от сердечного друга юности московского купца Луки Гребенщикова.

В торопливом письме тот сообщал о процветании своей торговли, что рвется приехать в Березов, но не может, хотя и хочется повспоминать праздные времена в усадьбе его бабушки. Бегло написал о болезни отца.

Письмо было закончено, но в сторонке сделана приписка: «Новость! Встретил тут князя Федора Долгорукова. В Москве и Петербурге все считают, что сей отпрыск славного рода живет за границей. А он в Березове! Ха-ха! При нем спутница божественной красоты!»

«Все,— вслух подумал Миклашевский.— Шила в мешке не утаишь! Ну, князь Федор, не обессудь. Придется все-таки потревожить тебя, а значит, и себе пощекотать нервы».

Глава сорок девятая

День ото дня набирая силу, солнце поднимало над землей небо. Промороженное и выбеленное за зиму лютыми морозами, оно стремительно несло в северную сторону. Студеная земля податливо подставляла мимолетным, но ослепительным лучам заснеженные просторы. Скоро невидимые языки солнца стали слизывать сугробы, проваливать санные пути-дороги, очищать промороженные крыши изб.

Истосковавшаяся по делу душа Александра Даниловича ликовала, и не было на берегу таежной реки Сосьвы места, куда бы не ступила его нога. Все сосчи-

тано, все измерено, все продумано. Во сне и даже наяву ему иногда грезилась выстроенная церковь. Казалось, что все бурные годы он жил только ради этого мига: начала строительства, в этом — успокоение и очищение его души. А на душе у светлейшего князя день ото дня было тоскливее и мрачнее.

Внешне все вокруг было спокойно: на днях воевода пригласил на чаепитие по случаю именин Милитины Федоровны; князь Федор был частым гостем в остроге, чем доставлял радость княжнам и княжичу. Семен Баженов каждодневно вымеривал строевой лес. Но предчувствие беды зримо стояло за его спиной, и он, казалось, физически ощущал ее прикосновение. И исходила она от полковника Миклашевского. Тот, получив письмо от Гребенщикова, постоянно жил в поисках оправдания. Он, пожалуй, больше, чем Милитина Федоровна, беспокоился о раскрытии тайного венчания молодых людей. Мало ли какие купцы приезжают в Березов? Мало ли дел у них? В этом городе всем голова — воевода, а его, полковника, дело — сторона, старался обмануть себя Миклашевский и вроде бы на минуту успокаивался. Но стоило подумать о последствиях тайного венчания, как потом покрывался лоб. Уж как пойдет расследование, то всякий житель Березова непременно скажет: ворота острога для князя Долгорукова были распахнуты. На том и придет конец полковнику Миклашевскому!

Он даже собрался поговорить с князем Федором, чтобы тот не посещал острог. Но тут узнал о предстоящем молебне, заказанном в церкви Александром Даниловичем Меншиковым. «День-другой можно погодить», — направляясь в церковь, думал полковник. Такое благое дело опального князя, может, зачтется и ему.

День выдался солнечный. Бледно-голубые облака медленно проплывали в высоком небе, настигали друг друга, сбивались в причудливые фигуры и, подгоняемые ветром, уплывали к горизонту. Глухо звенел колокол. Будто охрипший за долгую зиму, он не мог еще набрать силы. Жители Березова шли на молебен по случаю закладки меншиковской церкви. А доселе пользовались церковью во имя Рождества Богородицы, которая в свое время была построена на средства отставного унтер-офицера Доментя Афанасьевича Колигорова. Вы-

строив ее, унтер-офицер, живший в Березове до конца дней своих, страстно молился за упокой своей жены, утонувшей во время рыбалки в обских пучинах.

Особенную красоту церкви придавал возвышающийся над колокольной большой позолоченный крест.

Вот в этот день, когда солнце поднялось над заснеженными лесами и домами, а промороженные снега, затвердев, прижались к земле, блеск позолоченного креста вызывал у людей восторг и глубокое религиозное чувство. Священник Андрей Страхов был облачен в новую рясу с нарядным набедренником, с большим нагрудным крестом. Голос его был звонок и благодетен.

Семейство светлейшего князя, князь Федор с денщиком Мироном стояли возле алтаря, и на лице каждого, даже княжича Александра, была печать торжественности и радости. Работные меншиковские мужики и домашняя прислуга, стоя поодаль, усердно молились, дружно и слаженно вторя священнику в торжественном молебне.

— Господи помилуй! — торжественно восклицал священник, и коленопреклоненное семейство ниже и ниже склоняло головы, увлекая за собой собравшихся прихожан, желавших удачи Александру Даниловичу в благом деле.

Милитина Федоровна молилась неистово, со слезами. Глядя на нее, зашвыркали носами березовские мещанки. А полковник Миклашевский, стоя рядом с воеводой, нет-нет да посматривал в сторону князя Федора, мысленно прося у Господа Бога заступничества. Он решил не откладывать разговора с молодым человеком и покончить с переживаниями по поводу визитов того в острог раз и навсегда.

Сразу же, после окончания божественного молебна, когда светлейший князь Александр Данилович принимал искренние поздравления прихожан, Миклашевский, улучив минуту, когда возле князя Федора никого не оказалось, подошел к нему и попросил не позже как сегодня пополудни зайти в сыскную избу, добавив, что в эту пору он там будет один.

Князь Федор давно ждал приглашения Миклашевского и даже был удивлен, что до сих пор у них не

состоялось никакого объяснения. Ответил с живостью: «Непременно!»

Полковник был старше князя лет на пятнадцать, но испытывал некоторую неловкость от предстоящей встречи. Все-таки понимал разницу в сословном положении, но и знал, что надо же соблюсти положенную дистанцию: как-никак, принимал-то полковник... купца. Впрочем князь Федор, перешагнув через порог, сразу представился как человек военный, назвавшись не кем-нибудь, а князем Долгоруковым.

— Как? — воскликнул полковник, но этот вопрос прозвучал в его устах так фальшиво, так неискренне, что он смутился.

— Да. Сын Василия Лукича Долгорукова, члена Верховного тайного совета, наместника, посла. Явился в сей край по собственной воле, без родительского благословения, гонимый любовью к княжне, дочери опального Александра Даниловича Меншикова.

— Бог с вами, помилуйте, — полковник не ожидал такого откровенного ответа.

— Добровольно оставил карьеру.

Воцарилось молчание. В жарко натопленной избе пахло угаром. Миклашевский не находил слов.

— Фамилия купца Микова — вымышленная, я думаю, вы и сами об этом если не знали, то догадывались. Та бумага для любопытных. Она для тех, кто умеет зреть, но не желает видеть, что за нею скрывается.

— Купец Гребенщиков уведомил меня о том, что видел вас, письмом из Обдорска, — полковник Миклашевский нервно стал искать среди бумаг письмо московского купца.

— Чего же надо этому купцу? — подходя к столу, спросил князь Федор.

— В том-то и собака зарыта, — прокашлявшись и приходя в себя, деловито ответил полковник. — Хуже всего, когда у человека язык длинный. Вы сами понимаете мое положение: к персоне опального князя у вас большой интерес.

— Не к княжеской персоне, а к княжне Марии Александровне — уточнил князь Федор, заметив на лице полковника болезненную гримасу.

— Знаю я, знаю. Знаю и о вашем тайном венчании. Все старался мимо ушей пропустить, но, как клубок на

веретено, накручивается нить хитросплетений. Боже ты мой! Вроде все идет как надо: и затея со строительством церкви, и этот благодарственный молебен. Кабы были Меншиковы простыми ссыльными... а тут одно любопытство. Я уж не говорю о княжнах! Голова вкруг! — Миклашевский подошел к окну, поскреб ногтем куржак, выскоблив на нем букву «М», что, несомненно, имело отношение или к фамилии Меншиковых, или к имени княжны.

— А его высокоблагородие губернатор...— начал было полковник.

— Да, дядя. Брат батюшки,— опередил вопрос Миклашевского князь Федор.— Я потому и Тобольск миновал.

— Тогда что мне прикажете делать с вами? — не скрывая озабоченности, спросил полковник.— Челобитную слать? Самому ехать с докладом? Никто меня по голове не погладит за укрывательство, а скорее полетит голова с плеч!

Князь Федор пожал плечами: он искренне сочувствовал полковнику, но понимал, что доброго ждать нечего: властолюбивые Долгоруковы могут решиться на многое.

— Быть может, ваша светлость пожелает свидеться с дядюшкой? — подсказал Миклашевский и добавил: — Вот как только реки вскроются.

— Даже не знаю,— уклончиво ответил князь.

Мысль о расставании с княжной приводила его в уныние. Он отказался от карьеры, оставил родительский дом, уехал на край земли к своей возлюбленной, но и здесь душе не было покоя. Пугала возможная разлука с княжной, все остальное меркло перед этим. Все было преодолимо, но только не это!

— Прошу вас, подумайте. Не вынуждайте меня поступать по необходимой, согласно царскому указу о том, как должен содержаться Александр Данилович, строгости.— Полковник Миклашевский облегченно вздохнул и попытался улыбнуться, довольный таким исходом разговора, припал к окну и совсем бодро сказал: — Кажется, княжна Мария Александровна стоит возле ворот.

Так и было. Пряча руки в меховую муфту и повернувшись спиной к порывистому ветру, там стояла Мария

Александровна. Князь, откланявшись, едва не опрометью бросился из сыскной, буркнув возле порога: «Честь имею!»

— Мне стало страшно за тебя. Я боюсь полковника Миклашевского.

— Напрасно. Совсем напрасно, — подхватывая под руку княжну, сказал князь Федор, испытывая желание передать состоявшийся разговор с полковником. Но, видя, как Мария Александровна беспрестанно, в страхе, оглядывается на сыскную избу, передумал.

— День-то сегодня памятный, — старался развеять грустную княжну князь Федор. — Я рад за светлейшего князя, за то, что он решился строить храм Божий. Не только рад, но и горд. Он не впал в уныние.

— Господь даровал ему силу и волю, — поддержала разговор Мария Александровна. — В этом его и наше спасение.

В небе ярко сияло солнце.

— Правду говорят: солнце — на лето, зима — на мороз, — поправляя на княжне воротник, говорил князь Федор, одновременно прислушиваясь к доносившимся с берега реки ударам топора. — Неужто? — удивленно произнес князь, не смея подумать, что именно сейчас работные люди рубили первый венец будущей церкви.

— Батюшку теперь не остановить, — повеселев, ответила Мария Александровна. — Таков он!

С берега еще заснеженной Сосьвы перекликались, словно дятлы, удары топоров. Цокали вспугнутые белки, распушив хвосты, перелетали с ветки на ветку. С перепугу бросился без оглядки вдоль берега заяц-беляк.

Александр Данилович, опершись об ограду острога, прислушивался к ударам топора, веря и не веря в то, что задуманное им дело началось. Оцепенение длилось недолго. Надев свои бахилы, он направился вдоль берега к месту строительства. Болотные кочки, вытаявшие из-под снега, были еще тверды, как ледяные глыбы, и идти между ними было неловко: кожаные подошвы бахил скользили, ноги разъезжались. Нескольким раз чуть было не упал, удержавшись руками о хилые ветки березника.

Два мужика, усевшись на бревно «верхом», ошкуривали его. Многолетняя древесная кора, разрублен-

ная острыми топорами, валялась возле бревен лоскутьями коричневой бархатной подкладки, обнажая глянец здоровой древесины. Терпкий запах соснового сока щекотал ноздри.

— Бог в помощь,— сказал князь мужикам, снявшим с голов шапки.

Взяв топор -в руки, поясно помолившись на все четыре стороны, Александр Данилович сделал на бревне зарубку, озорно, как в былые времена, подмигнул правым глазом:

— Ну, Господи, пособи!

Глава пятидесятая

Пришла пора, и полноводная Сосьва сбросила с себя тяжесть льда, укрылась с берегов густыми тальниками. Природа буйствовала с такой стремительной силой, что через неделю все вокруг стало неузнаваемым. Дворик острога покрылся роскошным зеленым ковром из бархатистого стелющегося мха. Дали в цветах багульника, берега реки — в розовато-красных пятнах цветущего шиповника, море незабудок. Грешно и несправедливо называть эту землю проклятой Богом. Все, что отведено ей и послано на нее высшими силами, она родит с такой щедростью, что могут позавидовать многие обласканные солнцем земли.

В один из таких дней полковник Миклашевский пригласил князя Федора на рыбалку. Мало кто удивился этому, ведь в эти дни весь березовский люд, знающий вкус свежей рыбы, только и вел разговор о рыбалке.

Сборы были недолгими: бывалые рыбаки приготовили снасти, просмолили лодки.

Когда княжна Мария Александровна со слезами прибежала к отцу — рассказать о поездке князя Федора на рыбалку, у него уже был готов ответ дочери: как раз кстати. Скоро години нашей матушке, а она любила свежую рыбку. Нарыбачит князь как раз к столу. Говорил это Александр Данилович спокойно, хотя у самого на душе кошки скребли: не без умысла позвал полковник Миклашевский князя Федора.

— А вдруг да не вернется? Река-то какая...

Нервное состояние, в котором находилась княжна, не проходило с той поры, как они вернулись с ярмарки. Оно усиливалось из-за разных мелочей. Вчера, например, ей показался странным вопрос князя Федора плотнику Баженову насчет количества дней плавания до Тобольска. На это плотник, почесывая за ухом и улыбаясь, ответил:

— Я пешим был. Как вышел по вскрытию рек, так до самых журавлиных отлетов добирался.— Взглянув на стоявшую рядом княжну, поправился: — Так я ведь не торопился, в каждой деревне подолгу жил: в банях парился, бражничал, дожди переждал.

Плохое настроение Марии Александровны усилилось, когда она увидела, как любезно разговаривал полковник Миклашевский с князем Федором. Она с ужасом подумала, что по прибытии в Тобольск у князя могут быть неприятности, и даже представила благодушное лицо губернатора, которое исказит злоба при виде племянника, так неожиданно вторгшегося в, казалось бы, устойчивое сибирское благополучие.

— Полно, Мария Александровна,— попытался успокоить дочь светлейший князь.— Какой князю Федору резон уплыть от нас, не сказав об отъезде? Не за тем приехал, чтобы тайком уплыть.

— Не о нем говорю, о полковнике.

— И полковнику не составит труда нам сказать, коли что затеял.

— Молиться стану,— сказала княжна, доверившись отцу.

— Может быть, к Милитине Федоровне сходишь? Звала она. Я вчера с Семеном Баженовым к Варлааму ходил, ее по пути встретил, так она кручинится: давно тебя не видела.

— Ох, любезная Милитина Федоровна,— вздохнула княжна, вспомнив хлопоты воеводши, в особенности их поездку в Обдорск.— В неоплатном долгу перед ней. Вот воротится с рыбалки князь Федор — схожу, а пока дома посижу, повышиваю.

Но вышивать она не стала: яркое солнце манило на улицу. Мария Александровна вышла на крутой выступ берега. Оглядевшись, уселась поудобнее на поваленную ветром березу. Внизу, ворочая волны, несла

к Оби свои воды своенравная Сосьва. Глафира, подобрав подол длинной юбки, прополаскивала прокипяченное в щелoke постельное белье.

Тут она увидела, что ее брат, молодой княжич, подбежав сзади, почерпнул горстью и облил служанку со спины холодной речной водой. Глафира от неожиданности чуть было не упала в воду, заплакала.

— Смотри, братец, скажу бабушке, — донеслось тут с обрыва. Мальчик глянул вверх, на Марию Александровну, что оказалась невольной свидетельницей его проказ, и убежал.

Княжна была огорчена поведением брата.

Прошло немного времени, и мысли молодой княжны уже улетели в сторону Оби, туда, где в это время должен был быть князь Федор. Она даже представила, как он сидит в лодке возле полковника Миклашевского, и тот с ним говорит, причем говорит ему какие-то плохие слова. Правда, она не могла даже предположить, что именно плохого может сказать полковник.

Дул теплый ветер. Неподалеку прилетевшие ночью утки мастерили гнезда: слышалось ворчливое бормотание, хлопанье крыльев. Мария Александровна, увидев возле кочки розоватый цветок ежевики, потянулась и вдруг почувствовала, что внутри нее что-то трепыхнулось. Она приложила на живот ладонь. Жаром окатило все ее тело. Она догадалась, что в ней зародилась новая жизнь — плод любви князя Федора. «Боже, Боже!» — возбужденно прошептала Мария Александровна, прикладывая обе руки к груди. Затем торпливыми пальцами стала ощупывать себя, прислушиваться к своему дыханию. Нет. Она не могла ошибиться. Она слышала, чувствовала. Вот здесь, в левом боку, что-то пошевелилось.

Закрыв лицо ладонями, она пыталась разобраться в своем состоянии.

— Милая Мария Александровна, — обеспокоенно подбежала к обрыву Глафира. — Вы так долго сидите на ветру, — служанка накинула на плечи княжны теплую кофту. — И ножки, поди, все промочили. Весенние ветры и воды коварны. Пойдемте домой. Князь Федор с денщиком с рыбалки воротились. Такой улов принесли! Рыба огромная, большебрюхая! — служанка в первый момент не заметила полного равнодушия

княжны к ее сообщению.— Ручку подайте, помогу встать.

— Погоди, Глафира,— остановила девушку Мария Александровна.

— Господь с вами,— посмотрев на княжну, засуетилась служанка,— головка заболела? Бледная-то какая. Князя Федора позвать?

— Пока не надо. Беременна я, Глафира. Христом Богом прошу тебя пока никому не говорить и слова.

— Как же, милая Мария Александровна. Да батюшка ваш с меня самолично башку снесет. Да когда же такое приключилось? Да какая же я ротозейка. Все вроде подле вас была. А батюшка-то нет-нет да и любопытствует, а то скажет: гляди у меня, Глафира. В оба гляди! — причитала служанка.— А как глядеть-то? Вот беда, так всем бедам беда.

— Не смей так говорить, Глафира. Нет тут твоей вины. В беспамятстве от любви была я в первые дни приезда князя Федора, когда лежала больная в воеводском доме. Тогда и князь Федор в беспамятстве был. Тогда и счастье это сотворилось. Говоришь, князь с рыбалки воротился? А я молилась за него,— сказала княжна и пошла по обходной тропке в острог.

Глафира молчала. Тогда княжна, наклонившись к ней, прикоснулась губами ко лбу девушки. Лицо Глафиры просветлело. Польщенная нежностью княжны, она, робея, сказала:

— Кабы батюшка ваш знал.

— Придет время, и батюшка узнает. Недалек день.

— Сами, моя голубушка, сказать собрались? — с жаром схватив княжну за руку, спросила Глафира.

— И отчего ты так боишься? Разве тебе не ведомо, что мы венчаны с князем Федором? Я жена его перед Богом, и слова твои мне обидны.

— Князь! — полная восторга, крикнула Мария Александровна, готовая сию же минуту поделиться радостью, но тут же остановилась: перед глазами, будто воочию, предстал образ полковника Миклашевского — возникло ощущение, что он где-то здесь, рядом,— и восторг ее сразу погас.— Так долго тебя не было! — прошептала она, подставляя руку для поцелуя. Голос ее был тих и слаб.

Княжне показалось, что Федор, кроме того, что он успел сильно загореть, как-то осунулся лицом.

Однако князю Федору не хотелось говорить ни о рыбалке, ни об улове, потому что тогда волей-неволей надо было упоминать о полковнике Миклашевском, а его имени князю называть не хотелось. Между ними состоялся новый разговор, так что князю Федору вскорости предстояла поездка в Тобольск, которую никак уже нельзя было отсрочить.

— А не сходить ли нам на стройку? — предложил князь Федор. — Стены уже издали видны.

— Спим под стук топоров, — восторженно сказала княжна Александра.

— И папеньку не видим. Встает до восхода солнца, а солнце, считай, круглые сутки не уходит с неба.

Дробное постукивание топоров с утра до ночи разносилось над таежной Сосьвой, глохло в лесах, ухало над озерами, сгоняя с гнезд непуганых птиц. Под яркими солнечными лучами и на ветру на ошкуренных бревнах быстро обсыхала, превращаясь в тонкий глянец, живица — белая жидкая смола сосны. Она наполняла округу ни с чем не сравнимым ароматом, и только дым от разведенных вокруг стройки костров, прижимаясь к земле, полз украдкой, вытесняя все остальные запахи. Костры разводили для дыма — отгонять несметные полчища комаров и слепней.

Александр Данилович сидел на бревне одного из верхних венцов, ловко орудуя топором. Длинная холщовая рубаха от сильных порывов ветра пузырилась за его спиной. Густая грива отросших до плеч волос подвязана вокруг головы серой холщовой опояской. Лицо, шея, руки за эту весну загорели так, что его трудно было отличить от работных мужиков.

— Папенька, — всплеснула руками Мария Александровна, когда светлейший князь помахал рукой подходящему к стройке семейству. — Папенька, солнце палит нещадно. Накрой голову шапкой.

С высоты сруба донесся смешок. Таким веселым и легким смехом Александр Данилович умел смеяться только в минуты самого хорошего расположения духа.

— Каково, князь! — кричал с высоты Александр Данилович, обращаясь к князю Федору, который вместо

ответа поднял над головой знак двух расставленных пальцев, означающих «виту» — победу.

— Каково? — снова и снова восклицал светлейший, оглядывая с высоты Березов.

— Поднимитесь-ка по настилу, — звал Александр Данилович домочадцев. Ему хотелось, чтобы и они полюбовались окрестностями Березова и поняли, какой нелегкий труд взвалил на себя отец.

Князь Федор помог княжеским дочерям пройти по настилу, взобраться по лесам к венцу, который разбили. Подобного восторга, радости дочерей светлейший князь не помнит с момента выезда из Петербурга. На глазах Александра Даниловича появились слезы, но он сумел незаметно убрать их, хотя какое-то время не мог вымолвить ни слова: такой радостью было наполнено его сердце!

Работные мужики воткнули в бревна топоры, чтобы не мешать светлейшему разговаривать с дочерьми.

— Папенька, красота-то какая! — восторгалась Мария Александровна. — Хоромы-то какие!

— И это за неделю-другую вы так высоко поднялись? — не смог сдержаться от похвалы князь Федор.

— Да, слава Богу, — перекидывая ногу через бревно, сказал светлейший, стряхивая с подола рубахи мелкие стружки.

— Здесь скоро будет стоять церковь. Здесь мы будем замаливать перед Богом свои грехи и просить у него заступничества. — Перекрестясь на все четыре стороны, Александр Данилович повернулся в сторону, где восходит солнце, и задумчиво посмотрел вдаль.

— Папенька! — только и могли произнести княжны, растроганно обнимая друг дружку.

— Погляди-ка на руки мужиков, — обратился он к князю Федору. — Все в мозолях, а надо строить без отдыха. До холодов чтоб под крышу зайти. Я вот строю, а думами все к Васильевскому острову улетаю. И кажется в эти часы мне, что я не в Сибири вовсе. Будто там первые дома строю. Мария-то Александровна на свет появилась в одном из первых «мазанковых» домов Петербурга, а уж остальные в каменном дворце, в Посольском доме. Дом-то тот опосля стал домом праздников, военных побед, приемов послов и торжеств царской семьи.

Светлейший как-то разом оборвал тему, махнул рукой и, обернувшись к семейству, торжественно сказал:

— Поставим нашу церковь в память о нашей любимой матушке.— При этом он обнял за плечи дочерей.

Светлейшему, конечно же, хотелось расспросить князя Федора о плавании на рыбацких лодках по Оби, но он понимал, что неминуемо придется вспоминать о полковнике Миклашевском, который, как догадывался Меншиков, пригласил князя Федора на рыбалку не только ради промысла. Он пристально посмотрел на молодого человека и ничего не сказал.

Князь Федор вроде бы прочитал мысли светлейшего и, после того как помог княжнам спуститься с лесов, вернулся, скороговоркой сказал Меншикову:

— Через неделю Варлаам поплывет в Тобольск. Мне надобно навестить дядюшку. Пообещал Миклашевскому.

Внутри у Александра Даниловича будто что-то оборвалось, в левом боку почувствовалась нестерпимая боль, от которой он сощурил глаза. Боль отдалась в плечо, и только потом заняло сердце. Если бы год назад ему сказали, что такое может случиться с ним из-за разлуки с кем-нибудь из рода Долгоруковых, светлейший князь не то чтобы не стал слушать, а просто-напросто выставил за дверь. Теперь же было трудно представить, что станет с княжнами, особенно с Марией Александровной. Он готов был отговорить князя Федора от поездки, но понимал, что тому надо повидаться с дядюшкой, чтобы просить у него благословения на решительный шаг: взять в жены дочь опального светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Мог ли Меншиков предположить, что дочь и князь Федор еще зимой тайно обвенчались в церкви и только ждали случая сказать ему об этом.

Сейчас для молодых вроде бы был самый подходящий момент. Светлейший князь привык видеть рядом князя Федора и был бы не против, когда бы тот попросил руки княжны. Он даже, честно сказать, был немало удивлен, что молодой Долгоруков об этом не ведет с ним разговора.

Присутствие князя Федора, его общение с дочерьми снимало многие заботы. Дочери вспоминали столицу, общих знакомых, много гуляли по окрестностям Бе-

резова, и князь был спокоен. Мария Александровна много смеялась, была разговорчивой и веселой.

«Отчаянная твоя головушка,— мелькнула горестная мысль у светлейшего.— Как я противился вашим встречам! А ты был прав, когда собирался тайно бежать с княжной в Италию».— Вспомнилось светлейшему письмо князя Федора: «Ты, моя несчастная и добрая горлица, ничего не предчувствуешь и ничего не боишься. И правильно делаешь. Яхта моя стоит в таком месте, что никто не знает. Через час мы будем с тобой в открытом море. В Данциге нас уже ждут. Векселей, которые лежат у меня в кармане, хватит на несколько лет».— И ответ Марии Александровны: «Я рассказала матушке,— писала дочь.— Она готова к нашему побегу. Но, Федор, лучше останемся несчастными, нежели виноватыми. Так останемся невинными. Жизнь есть одна минута, но любовь наша вечна. Тысячи идущих во гроб не имели одного такого часа, каких имели мы много. Ах, милый Федор! Никогда, никогда не истребить в моем сердце воспоминания о тех радостях, которые ты доставил мне в эти счастливые дни... Никакая сила не отторгнет мое сердце от твоего. Я твоя вечно».

Александр Данилович будто воочию видел сейчас то письмо князю Федору, после чего Долгоруков был по его приказу схвачен и посажен в Шлиссельбургскую крепость.

«Не послушал я тогда монаха Брукенталя. Он один был искренен: уговаривал отказаться от честолюбивых помыслов. Встретившись после долгой разлуки, он твердил: «Ты взошел на высокую ступень! Откажись от государственных забот, оставь свой пост». Он видел все, что творилось вокруг. Но власть ослепляет. Сколько же надо каяться, чтобы вымолить прощение грехов? А главная печаль еще впереди. Как воспримет княжна отъезд князя Федора? Как сказать ей об этом? Господи милостивый, помоги найти слова». Светлейший князь, взбираясь по стропилам на верхний венец стройки, пытался найти успокоение в работе.

Глава пятьдесят первая

В дни приготовления к отъезду в Тобольск денщик князя Федора, Мирон, больше всего на свете боялся встречи с Марией Александровной. Во взгляде ее он угадывал глубокое беспокойство, а быть может, и предчувствие беды. Совсем случайно он услышал ее слова, обращенные к князю Федору, из которых понял, что она еще ни о чем не знает.

Сам же князь Федор в эти дни испытывал прилив необычайной нежности к княжне, постоянно ловил себя на желании встать перед ней на колени и снова говорить ей неизменные слова любви. «Бедная моя Мария! Как исстрадалось ее сердце», — думал в эти минуты князь, понимая, что самому ему не сообщить княжне об отъезде в Тобольск. Он мог бы умереть, но сказать был не в силах.

Видя, как изводится князь Федор, Мирон с состраданием смотрел на своего господина.

— Не знаю, Мирон, как ей сказать об отъезде. Язык не поворачивается. Но не уезжать же тайно.

— Тайно негоже, — и Мирон посоветовал: — А что, если Марии Александровне об этом скажет светлейший князь?

Долгоруков вскинул на денщика взгляд, постоял в раздумье.

— Тоже, Мирон, негоже. Опять все обиды и подозрения падут на Александра Даниловича. Княжна подумает, что это его желание, его воля. Жаль старика. Он так старается, так старается, так винится, что из-за него дочери оказались здесь! Надо только понимать его. Он даже рад, что я еду в Тобольск. Рад потому, что после возвращения мне можно будет жить спокойно, а значит, и ему не придется лишний раз опасаться недовольства властей. Он как-то между прочим намекнул на свою благосклонность в случае нашего венчания с Марией. Бедный князь! Я не знаю, как ему сказать, что мы обвенчались без его благословения.

Воеводша Милитина Федоровна тогда будто околдовала нас. Спасибо ей, конечно же, великое, только совесть неспокойна: светлейший не знает. Но ведь это не великий грех? Правда, Мирон?

— Правда, — согласился денщик и добавил: — А сказать об отъезде должен Александр Данилович. Да поторопиться надо: полковника видел, он передал, чтоб готовы были к отплытию. Варлаам уже на вещах сидит, дожждаться не может, когда из Обдорска дощаник придет. С нами будет отпущено двадцать казаков, да не считая обдорских, чтоб плыли без остановки, одна половина чтоб работала — гребла или тащила, а другая отдыхала, чтобы дощаник не останавливался ни днем ни ночью. Еще Варлаам говорил: река своенравная. У судна, на котором поплывем, есть паруса и весла. А где река мелеет — плывут при помощи шестов, но чаще тянут бечеву по берегу.

— Разве это важно сейчас, Мирон? — с укоризной сказал денщику князь Федор. — Да пусть хоть вплавь по мелководью. Разве меня это печалит? Ты вот советуешь сказать об отъезде князю Александру Даниловичу. Не могу еще одну беду слать на его голову. Сам скажу, только время надо выбрать, чтобы вся семья была в сборе.

— Тоже верно, — согласился Мирон.

В последнее время Мирона одолевала тоска: князь Федор постоянно находился в остроге и большую часть дня не нуждался в его услужении. Другое дело, помнится, Петербург; там постоянно были кутежи, прогулки, забавы — и князя надо было на них одевать, а здесь? Зимой — только ночь и мороз, а теперь свет днем и ночью да комары.

«Если воротимся подобру-поздорову из Тобольска, — загадал денщик, — стану просить князя Глафиру сватать. Славная девушка, скромная да тихая. Вместе будем думать про возвращение домой али туто приживемся. Какова судьба наших господ — такова и наша, лишь бы к другим хозяевам не попадать». Денщик понимал всю опасность встречи князя Федора с губернатором. Одна надежда на заступничество фельдмаршала Василия Владимировича, полагал денщик, помня о взаимоотношениях князя Федора и его дяди, любимшего племянника.

Разговор князя Федора с Александром Даниловичем произошел недели за две до отплытия в Тобольск.

Было раннее утро, яркие солнечные лучи огненными иглами прошивали облака и впивались в сплошной ковер мхов, плотно прикрывших мерзлую землю. Каждая лож-

бинка между кочками была заполнена талой водой. Среди этого зеленеющего и цветущего моря протоптанная вдоль берега тропка походила на гигантского извивающегося полоза, вылезшего из земли погреться на солнышке.

Александр Данилович, обутый в легкие бродни, шел по этой тропе, направляясь к стройке. Он шел тихо, чуть ссутулившись, погруженный в свои невеселые думы. Остро наточенный топор ладно висел за поясом, в руках — дымокур на сплетенном из травы ремешке. Дымом отгонялись неумные комары.

Голос князя Федора Меншиков услышал не сразу: приостановился, прислушался и только потом поднял голову. Какое-то мгновение между ними была неловкая пауза, которую успела заполнить своим кряканьем острохвостая утка.

После возвращения князя Федора с рыбалки Александр Данилович чувствовал большое беспокойство в связи с предстоящей поездкой.

Сочувствуя Федору и в не меньшей степени себе, он не мог думать без ужаса об отъезде князя, почти не питая никаких надежд на его возвращение в Березов. Светлейший перебрал в уме всевозможные варианты, надеясь на то, что поездку князя Федора можно представить как частный визит к дядюшке. Но Долгоруковы так трудно предсказуемы!

— Слушаю тебя, Федор, — хладнокровно сказал светлейший князь. В его спокойном и зорком взгляде чувствовалась та пытливая скорая мысль, которая умела опережать слова собеседника, — не случайно он умел предугадывать даже желания самого государя Петра Алексеевича. Князь Федор смутился: ему показалось, что Александр Данилович знает то, о чем он хотел поведать. И был окончательно поражен, когда светлейший предложил князю Федору:

— Я сам скажу княжне. Только лучше будет, если разговор наш состоится, когда мы будем все вместе.

— Благодарствую! — взволнованный князь Федор в порыве схватил руку светлейшего и еле сдержался, чтобы не обнять его за плечи.

По узкой тропке они пошли один за другим. Вода ллюпала под ногами, в воздухе слышался перезвон топоров, то с одной, то с другой стороны доноси-

лось ворчливое кряканье уток, высиживающих в гнездах птенцов.

— Каково? — Александр Данилович погладил бревенчатые стены церкви. Не дожидаясь ответа, добавил: — Вот как воротишься, даст Бог, полностью закончим стро-пила рубить, а пока загадывать не станем, будем жить не как хочется, а как Бог велит. На его спасение и упо-вать станем, разлюбезный князь. — В этих его словах угадывались смирение и сердечность.

Князь Федор понял, что его возвращения будет ждать все семейство князя Меншикова, не исключая и самого Александра Даниловича.

Вечером в остроге при свечах, собравшись за общим столом, Меншиковы заговорили об убранстве церкви.

— Надобно решить, какой заказывать иконостас, — начал светлейший.

— Ясное дело, самый большой, трехъярусный! — воскликнул княжич Александр.

— Трехъярусный, — подтвердила Мария Александровна, желавшая видеть семейный храм нарядно обставленным, с множеством икон.

— Ладно, — согласился светлейший князь. Александр Данилович выразил свое пожелание: заказать киот из соснового дерева, с отделкой под фаянс или мрамор с позолотой. — В нашей домашней церкви был такой. Хочу иметь его подобие.

— Кадила лучше бы серебряные, — сказала княжна Александра.

— А лампы? Тоже серебряные? — спросила ее сестра.

— Да и подсвечники и трехсвечники пусть будут тоже не из меди, — уверенным голосом ответил светлейший князь, желавший видеть свой храм богатым.

Семейство дружно вспоминало необходимую цер-ковную утварь.

— Чаша для святой воды?

— Нужна.

— Купели для крестин? — вспомнила княжна Алек-сандра.

— Вот это не нужно, — крикнул весело княжич и за-смеялся.

— Нужны! — неожиданно для всех сказала княжна Мария Александровна громче обычного. Лицо ее зали-

лось румянцем, но никто его не заметил в темноте сумерек.

— Нужны! — с готовностью согласился Александр Данилович, не придавший значения возгласу дочери. Если бы он в это время увидел ее лицо!

Хорошо, что в это время прислуга подала чай, и никто не заметил ее испуга.

— Сын мой! — услышала Мария над своей головой голос отца, который решил, что теперь самое время сообщить об отъезде князя Федора. — Я надеюсь на твое скорое возвращение. Мы все будем с нетерпением и надеждой ждать тебя.

— Папенька! — вскочила и снова рухнула на стул вскрикнувшая Мария Александровна, в течение всего разговора об утвари храма находившаяся в сильном напряжении, не говоря уже про то, что предчувствие беды владело ею все последнее время. — Папенька! Что это за несчастье? Господи, смилуйся надо мной!

— Ну что «папенька»? — обнял Александр Данилович Марию Александровну, успокаивая дочь. — Надобно князю Федору съездить в Тобольск, попроведовать своего дядюшку? Надобно. А как воротится — мы и заживем!

Меншиков сказал так и вышел, уж очень гнетущими для родителя были переживания дочери.

Впрочем, Мария Александровна как бы и не слышала отца: была не способна ни слышать, ни говорить, ни плакать.

Напрасно князь Федор пытался утешить ее, говорил о милосердии дядюшки, о том, что он выпросит у него прощение и благословение, пытался убедить ее в добропорядочности губернатора. Княжна твердила одно: «Конец. Всему конец». — Скоро она буквально запылала в жару.

— Не забывай меня, Федор! — вдруг громко, требовательно сказала княжна. Она перевела дух, намереваясь сказать князю что-то еще, но распахнулась дверь, и на пороге показался испуганный Александр Данилович.

— Стоит ли говорить об этом, Мария. Разве есть у тебя сомнения в моей любви? — пытался успокоить княжну князь Федор, осыпая поцелуями ее горячие руки.

Светлейший князь повернулся и, шаркая ногами о грубые половицы, поспешил выйти за дверь острога.

Он едва перешагнул через порог, как ощутил на губах солоноватый привкус крови. «Опять горлом пошла, а могло быть и хуже», — подумал он, обтирая рукавом лоб, орошенный капельками пота. Свежий ветер дул прямо в лицо, обдавая его прохладой.

«Завянет, как на морозе цветок, — думал князь, представляя расставание княжны с князем Федором и понимая, что бессилен что-нибудь предпринять. Собравшись с силами, он вышел за ограду, встал на берегу, откуда через распутившиеся деревья мог разглядеть стройку. — Скорей бы построить. О, Боже милостивый, ты еще не знаешь, как станет молиться твой раб Александр Данилович Меншиков — сжалются над ним все святые».

Глава пятьдесят вторая

Короткое лето, вспыхнув ярким костром разнотравья, угасало. В воздухе закружились легкие паутинки, порывистые струи воздуха разметывали по бескрайним просторам семена кипрея, медуницы, багульника, топяной сушеницы.

С утра до ночи стоял невообразимый гогот, карканье, криканье уже собиравшихся к отлету птичьих стай. В своем инстинктивном неистовом порыве они не боялись ни выстрелов, ни окриков, ни горящих костров. Была в этих отлетах какая-то величественная, до конца не поддающаяся осмыслению красота. Это был своеобразный ритуал прощания с родиной — у каждой стаи был свой вожак, свое построение, свой плач по родным местам, он каждую осень доносится с небес так, что человек помимо воли подчиняется ему: вскидывает взгляд и стоит замороженный, пока стая не исчезает за горизонтом. И кажется тогда, что вместе со стаей улетают мечты, оставляя в душе тоску — и не только по улетевшим птицам, но и по какой-то будто бы исчезнувшей части тебя самого.

Медленно, как старость, подкрадывалась зима.

— От тишины разламывается голова, — вдруг пожаловалась Глафире Мария Александровна.

— Как ей, головушке-то, не заболеть — экие ветра поднялись. Маменька ране рассказывала, что несут они с разных сторон невидимую человеку пыль, переносят хворобу — глядя с какой стороны. А еще она сказывала, что можно среди ветровых завываний уловить запах родной стороны али расслышать чей-нибудь голос.

— Что ты, Глафира, раньше-то про это не говорила? — встрепенулась княжна, торопливо набрасывая на плечи теплую шаль и опрометью бросаясь из острога, будто кто-то ждал ее за дверью. «О, Господи!» — только и вымолвила служанка, поспешив за княжной.

Выбежав из острога, Глафира увидела Марию Александровну стоящей на обрывистом берегу Сосьвы с простертыми к небу руками, в круговерти лихого ветра, готового, казалось, поднять ее к облакам.

— Голубушка, Мария Александровна, — не на шутку испугалась служанка. — Остудит тебя ветрище. Пошли домой. Мы еще поговорим с ветром, поговорим. Этот какой-то буйный, дует со всех сторон! Сдурел совсем, окаянный! Хлещет с этакой силой! Сечет! — Глафира притянула к себе княжну, схватила за руки и повела в острог. Мария Александровна была послушна и, казалось, ничего не видела и не слышала вокруг.

Княжна, казалось, захворала, она пребывала в хронической бессоннице, вздрагивала от каждого звука, в ее прекрасных голубых глазах постоянно дрожали слезы. Но красота ее оставалась неизбывной: милое лицо, степенная походка, спокойные жесты и тихий голос отличали в ней привлекательнейшие черты облика русской женщины. Мужчины, украдкой смотревшие на нее, могли явственно представить белизну ее тела, гибкость ласковых рук, ощутить сладость губ и даже уловить запах пышных волос.

Со дня отъезда князя Федора прошло больше двух месяцев.

Говорить о приезжавших в Березов купцах, кажется, перестали вовсе. Говорили о хворобах.

Милитине Федоровне знахарка из-за Урала заговорила опухоль от зуба мудрости. К воеводе Николаю Степановичу приплывала из Тобольска татарка с пиявками и дней десять присаживала их к ногам для отсасывания черной крови. И помогла воеводе, который к весенней поре совсем было обезножел, еле двигался по

избе, а вчера, как пронеслась молва, сходил в церковь.

Неожиданной для мирян стала смерть кабатчика Парамона, захлебнувшегося по пьянке в грязной луже.

А у мастерового мужика Афанасия Трусова кто-то похитил блюдо, излаженное им из корней карликовой березы. Блюдо было украшено гербами и прочими вставками, выточенными из мамонтовой кости, за которой Афанасий в прошлом году специально ездил на Обдорскую ярмарку. Этой диковинной вещью он намеревался уладить свои дела в Тобольской губернской канцелярии — дать в качестве подношения и получить в собственность заброшенные татарами земли, чтобы распротиться с жизнью в Березове.

Говорили, что после пропажи блюда у мужика помутнело в голове, он позабыл имена домочадцев, гонялся по городу за собаками, утверждая, что явившееся к нему видение нашептало: то чудное блюдо стащила из его чулана какая-то собака и утащила в лес. «Видение-то видением, а кто-то зло подшутил над Афанасием», — вздыхал Варлаам, понимая ценность кем-то украденного блюда, увезенного из Березова не иначе как для продажи.

Но самым примечательным в это лето было прибытие в Березов учеников и последователей митрополита Филарета, путь которых лежал к местам березовских инородцев.

Священник Андрей Страхов встретил их прибытие колокольным звоном. Просмоленные суда с распущенными хоругвиями пристали к берегам. Горожане хлебо-сольно встретили посланцев митрополита, задавшегося целью окрестить вогул в православную веру.

Только вот повели себя прибывшие со столь благородной миссией не очень мудро. Забыв, что слово Божье должно вселяться в души людей Божьей благодатью и добротой, ученики митрополита оказались нетерпеливыми: явившись в стойбища инородцев, они требовали сжигать деревянных божков — символы семейных очагов, приносившие мир и спокойствие в жилища, там, где сами встречали в лесах деревянных идолов, низвергали их в болота и столкнулись с ярым сопротивлением.

Всегда, казалось бы, стоворчивые и покорные, на этот раз вогулы не стали терпеть: вооружившись луками

с острыми стрелами, они погнали молодых монахов по бездорожью, копьями указывая для них направление в сторону Великой реки. Три дня гнали вогулы непрошенных доброхотов по топкой местности, сопровождая громкими криками и гиканьем. И, только заметив впереди речной простор, смолкли. Не подходя к воде, а послав стрелы навстречу крутым волнам, остановились.

Измощенные голодом, искусанные комарьем, изуренные безостановочной ходьбой по болотным кочкам, монахи упали на речной берег. Еле придя в себя и осознав случившееся, забрели по колено в воду, проклиная суровый край и дикие племена, оберегающие своих деревянных идолов.

На берегу и нашли их березовские рыбаки. С перепугу на священника Андрея Страхова напала «медвежья болезнь», а воевода сразу же послал за местным князьком Туем Вонзей, недавно крещенным инородцем. Тот явился через неделю. Николай Степанович ждал от него помощи, но вместо этого услышал:

— Другой раз огонь пускать будем. Всех гонять будем. Это наша земля!

Воевода поперхнулся и даже накричал на вогульского князька, поставив ему в вину нарушение договоренности о помощи церкви, но тот лишь разводил руками: мол, ничем помочь не могу, и говорить не о чем.

Жизнь шла своим чередом, время исправно отсчитывало день за днем, с той только разницей, что солнце все ниже спускалось к земле, посылая ранние сумерки. А вестей от князя Федора все не было.

Мария Александровна на глазах у всех таяла, как свеча. Только слепой мог не заметить ее страданий. Да разве что полковник Миклашевский, который не заходил в острог с тех пор, как уехал князь Федор, был спокоен, что «никаких беспорядков в остроге нет».

Светлейший князь Александр Данилович не мог встречаться взглядом с дочерью. Ни свет ни заря вставал и уходил на стройку, шепча по дороге молитвы и признаваясь себе в собственной вине перед дочерью.

«Поставлю церковь, избу и могу лечь в гроб», — подумать-то подумал, да понял, что опасно поиграл словами, как говорится, не смотри сатане в колени. И эта коварная мысль могла иметь разрушительную навязчивую силу.

На другое же утро торопливо пошел в церковь. Моросил дождь, под ногами журчала вода.

Светлейший князь упал перед алтарем на колени и молился непривычно для себя долго. Священник, положив ему руку на плечо, тихо сказал, ободряя:

— Успокойся, сын мой. Господь Бог милостив! Простит, все простит!

— Исповедаться надо,— не поднимая головы, попросил Александр Данилович.

— Исповедуешься, сын мой,— благостным голосом ответил священник.— Облегчить надо душу, снять тяжесть с души.

— Слова кощунственные слетели с уст и не дают покоя,— признался он священнику Андрею Страхову.— Боюсь, как бы не накликать беду. Вроде как мимоходом сказал: «Построю дом да церковь и заживо могу в гроб лечь»,— а покой потерял. Не один ведь здесь маюсь.

— Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь,— ответил батюшка.— Русская натура такая, нету у нас предела: то клянем все что ни попадя, то разные обеты даем, не подумавши. Не один ты, светлейший князь, грешен в таком блудословии.

— Мне бы закрыть рот на замок, помолчать, не дать накликать беды — она и так возле моего порога стоит, ей только ногу через порог поставить, а я еще богохульствую.

— На все есть Господня воля,— вздохнув, ответил священник.

— С Божьей помощью освятить бы церковь, что строим, да войти в собственную избу,— обтирая шершавыми пальцами горящие жаром губы, сказал Александр Данилович.— А уж опосля дале глядеть стану. Быть может, государь повзрослеет да про дедовские дела вспомнит. А уж как про деда своего Петра Алексеевича вспомнит, так и Меншиков на ум придет. Без меня его дедушка шагу не ступал.

— Господи, оборони и благослови,— оглядываясь по сторонам, застонал священник, не желая слышать подобных рассуждений светлейшего князя, тем более с упоминанием царской фамилии.

— А пока заморочили государю голову князья, что ближе к трону, заманили в гульбу да охоту.

— Кажись, дело строительное к концу клонится,— решительно переводил разговор священник.— Главу-то церкви с нашего крыльца видать.

— Нижайше прошу на третьем дне подойти к церкви — станем золоченым крестом дело венчать.

— Всяк только и говорит об чуде, какое творишь ты, Александр Данилович.

— У самого терпения нету,— признался светлейший князь, повеселев.— Во сне вижу, как переступлю порог. Благодарствую на добром слове,— кланяясь, сказал Александр Данилович и не торопясь вышел из церкви. Крыльцо было запорошено легким снежком, неохотно тающим под лучами тусклого солнца.

Север дышал зябкими ветрами, раскачивая тонкоствольный березняк да ольховник. Оголенные ветви извивались на ветру. Высохшие на корню травы тихо шуршали, зато хмурые пихтачи за Сосьвой-рекой стояли величественно в ожидании настоящих бурь и метелей.

«Поди, скоро река станет. Ох ты, бедная моя доченька! Видать, не воротится больше князь Федор сюда. Былинка ты моя,— подумал светлейший князь, издали заметив стоявшую за воротами острога старшую дочь.— Ты главный укор моей жизни, и нет у меня на свете более тяжкой вины, как твоя поломанная судьба».

— Ох, папенька. Как счастлива я увидеть тебя! — проговорила Мария Александровна, торопясь навстречу светлейшему князю.— Потеряла. Все глаза проглядела, и никто не знает, куда делся ты, куда ушел, не сказавшись.

— Далеко ли отсюда уйдешь? Коня резвого нету, путей-дорог тоже,— распахнув объятия и пытаюсь казаться спокойным, ответил дочери Александр Данилович. Отметив про себя прерывистое дыхание княжны, что показалось ему подозрительным, подумал, что надо бы ее показать лекарю.

— Я и на стройке была.

— Одна ходила? А Глафира где?

— Там тепло. От стен сосной пахнет, мхами. Половые плахи гладенькие, я их ладонями потрогала, хотела по лестнице на церковь взобраться, да Семен тебе пожаловаться обещал, что одна расхаживала.

— А Глафира где? — уже сердясь, спросил Александр Данилович.

— А я тоже, как ты, тайком ушла,— весело засмеялась княжна.

Александр Данилович, с недоумением глядя на Марию Александровну, вдруг отчетливо увидел, что дочь давным-давно стала взрослой. Впрочем, это ведь по его воле и желанию она, по сути, была лишена детства. Сколько он помнит, дочь его, Машенька, давно звалась по имени и отчеству. Вся ее жизнь была под постоянным присмотром всевидящих посторонних глаз. Не наигралась, не насмеялась, не нарезвилась.

Чувство вины с новой силой охватило Александра Даниловича. Это он, отец, виноват во всем. Ради своего блага, своей прихоти и желания оставаться на высоте власти использовал он ее! Господи, что может сравниться с большим грехом, чем тот, что совершил он, отец?

Прибежал песик, живущий у них в остроге. Привыкший играть с княжичем Александром, он и с другими был неуемен в своей резвости: скулил, визжал, с лаем бросался на Марию Александровну и, отбежав в сторону и дав круг по мшистым кочкам, с новой прытью появлялся возле княжны.

— Как же ты вырос!

— Полно, Мария Александровна,— сдерживая в душе раздражение, сказал Александр Данилович.— Пошел прочь! — пригрозил псу пальцем. Тот отскочил в сторону, склонил набок голову и какое-то мгновение стоял, уставившись на княжну, потом издал жалобный визг, будто его ударили, и, повернувшись, побежал в сторону острога.

— Обиделся? — спросила светлейшего Мария Александровна.— Обиделся. А так разыгрался!

— На что ему обижаться? Собака и есть собака. Со своим собачьим норовом.

— Нет, обиделся. Тебя испугался. Видишь, поджал хвост? Тебя всегда все боялись,— спокойно, по крайней мере без какого-либо укора или обиды в голосе, сказала княжна.— Собака и та почуяла, как ты сердит.

«Господи милостивый, не надо! Обереги меня от ее слов»,— пронеслось в голове светлейшего.

— Пойдем поглядим иконостас,— неожиданно предложил дочери Александр Данилович.

— Уже иконостас, папенька? — княжна в испуге схватила за руку отца.

— Да уже целую неделю обустройствают, — ответил Александр Данилович, чувствуя, как полегчало на душе, и, разоткровенничавшись, чего с ним редко бывало, добавил: — Богатый перстень-жуковину, дар государев, пришлось пожертвовать — на черный день берег.

Но Марии Александровне было безразлично, чем пожертвовал отец. Она всегда жила среди вещей, не зная их цены, и то, что за иконостас была положена такая редкая и невиданной красоты вещь, не имело для нее никакого значения. Александр же Данилович сумел сохранить этот перстень от многих обысков.

Иконостас стоил того: он весь светился позолотой, отливал дорогими камнями. С одной стороны от алтарных врат — образ Христа в терновом венце с поднятой благословляющей рукой, писанный верхотурскими иконописцами, с другой — образ Божьей Матери.

Душераздирающий крик дочери был внезапен и потому особенно страшен, Александру Даниловичу почудилось, что от крика княжны вздрогнули не только монахи, специально прибывшие в Березов для обустройства иконостаса, но и висевшие на стенах иконы.

— Мария Александровна! Доченька! — поднимая с пола княжну, запричитал светлейший. — Голова вскружилась от красоты. Давно дитя мое не видело этакого, — попытался князь объяснить приступ дочери сбежавшимся монахам. Белая, безжизненная рука, свисая, коснулась тонкими пальчиками пола.

— Обнесло ей голову. Быть может, угарно? Пойдите-ка, — спохватился один из иноков. — В пузырьке у меня есть настой архилин-травы, собранной в Иванову ночь. Она охраняет всех от сглаза и порчи. Поди, кто-то изурочил ее? Экая лебедушка.

От запаха архилиновых капель Мария Александровна открыла глаза, заморгала пушистыми ресницами, и скоро крупные слезы покатались по бледным щекам.

— Папенька, — уткнувшись лицом в отцовскую рубаху, слабым голосом произнесла княжна. — Боязно мне тут. Боязно.

— Не освящен храм — вот и боязно, — шепнул князь дочери на ухо. — Вот освятим, и все страхи как рукой снимет.

— За лекарем-то сбегать? — спросил кто-то.

— Не надо, — сконфуженно ответила Мария Александровна, поднимаясь с полу и цепко хватая отца за руку.

«Так она же беременна, — осененный неожиданной мыслью, поперхнулся светлейший. — Такими обмороками пугала его Дарья Михайловна, когда находилась в очередной тягости. — Беременна. Вот и подпалинки на верхней губе», — стараясь владеть собой, лихорадочно рассуждал князь.

В нем вспылала какая-то неопишуемая неприязнь к князю Федору. «Как могло это случиться?» — тревожно раздумывал светлейший. Он знал, что дочь его набожна и суеверна, но она так влюблена. Но... «Чего «но»? — вдруг задал он себе очередной вопрос. — Чего «но»? Сам-то! Тоже тешился с Дашенькой, пока Петр Алексеевич тростью не застучал. Все, все ходит по кругу. Как аукнется, так и откликнется!»

И он, уже привыкший к смирению и всепрощению, подал дочери руку, не желая искать в ее внешнем виде подтверждения своим догадкам.

Александр Данилович всю дорогу, не переставая, молился.

— Где тебя носит? — закричал светлейший, увидев бегущую навстречу Глафиру.

— Я сказывал, что к церкви пошли, так она не догнала, — сказал продрогший на ветру сержант из караула и, облегченно вздохнув, трусцой побежал во флигелек к закопченной, жарко натопленной печи.

— Гляди, Глафира, как княжна отдыхать станет — побудь рядом, — сказал Александр Данилович. — У нее голова вскружилась.

Глафира, обеспокоенная бессонницей Марии Александровны, за эти месяцы заметно похудела. Скукожившись, втянув голову в худенькие плечи, она подхватила Марию Александровну и, что-то воркуя, повела ее.

Светлейший князь в изнеможении рухнул на кровать. Вдруг все стало немилым! Даже величественный иконостас и предстоящее освящение церкви показались делом ничего не значащим по сравнению с той мыслью, которая назойливо и зло точила его душу. «Порушенная невеста! Порушенная невеста! Вот ведь до какого позора довел я свою дочь. А имел на-

мерение, чтоб величали ее царской! И величали бы! А теперь предрешена ее судьба. Кто из высокого сословия станет брать ее в жены? Кто? Даже и князь Федор. Пока от ее красоты в угаре — на край света приехал. А как теперь будет? Уехал — и ни слуху ни духу. Разве хватит молитв выпросить у Творца прощение?» — Александр Данилович почувствовал солоноватость во рту — у него опять пошла горлом кровь.

Глава пятьдесят третья

Покров — первое зазимье. По его приметам люди характер будущей зимы определяли: строга ли будет. С какой стороны в этот день ветра дуют, как покрыта опавшими листьями земля, успели ли пролететь журавли — потом и отсчитывали, сколько недель до санного пути осталось.

На этот праздник было назначено в Березове освящение церкви, выстроенной опальным светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым.

В Березове мало кто мог назвать и перечислить больше двух былых меншиковских титулов, но то, что он был когда-то на вершине власти и даже в опале оставался тем самым «светлейшим», от имени которого прежде трепетали в столицах, заставляло местных правителей и чиновников относиться к нему с должным уважением.

Приобретавший силу Кондинский монастырь, один из самых больших тогда в Сибири, помог опальному князю в приобретении утвари, икон и богослужебных книг. На освящение приехал сам протопоп Антоний.

В Березове все жили словно в ожидании какого-то чуда.

Протопоп Антоний произвел на горожан незабываемое впечатление своим внешним видом: на нем возвышалась шапка с опушкой из бурой лисицы, по тулье шапки канитель золотая с мелким жемчугом. На рясе — панагия, в руке рогатый посох. Прибывший из монастыря игумен, руководивший устройством иконостаса, с подобострастием его встретил, что-то долго шептал ему на ухо.

Березовского священника Андрея Страхова протопоп приветил распростертыми объятиями, чем возвысил в глазах горожан.

А вот на Петра Дубасова Антоний зыркнул довольно спирепо. Тот не любил, да и не умел низко класть поклоны, за что Страхов всегда пенял ему: «Гни ты, гни спину. Не переломится. В поклоне-то все прощается, а ты только трянешь своей башкой и убегаешь от верующих». Этот день стал для него исключением, и, подойдя к протопопу, поклон он отвесил нижайший. Однако к руке губами не приложился. Под острым взглядом Антония даже священник Андрей Страхов сразу изменился в лице. Не то что Петр Дубасов.

Однако надо справлять дело, и вот уже Петр, заплетаясь в полах длинной рясы, бежит к новой церкви, чтобы взобраться на колокольню. Наверху он еще раз оглядел новый колокол, поправил било, веревки и застыл в ожидании торжественного богослужения. Дубасов хорошо понимал, что значит колокольный звон, да еще в новом храме.

Впрочем, звон колокола навевал инородцу и другие мысли, будил память о родном стойбище, с несчетным количеством оленей и переливистыми перезвонами висевших на шеях колоколец.

Эти перезвоны вызывали в памяти незабываемые встречи с сородичами, рассказы бывалых охотников и оленщиков. Не меньше воспоминаний у Петра было и с первыми перезвонами колоколов на церквях тобольских храмов. Бородатый, всегда навеселе пономарь Овечкин, прежде чем дать Петру в руки веревку била, три дня ругал парня за то, что тот не так и не с той стороны подходил к колоколу: колокольный звон — это божественный голос, он подает этот голос небесам, приподнимает человека, волнует его, побуждает раскаиваться в греховных делах.

Но уже после первого звона старый пономарь похвалил инородца и даже прослезился, слава Богу, смену себе нашел. Другие-то, другие-то взбираются только поозорничать, а у самих ни голосу, ни выносу! С тех пор Петр Дубасов находил успокоение в колокольном звоне, а нынче станет первым звоном освящать новую церковь, построенную князем Меншиковым.

С высоты колокольни Петр мог хорошо наблюдать за всеми приготовлениями в семействе опального князя. Обе дочери князя, Мария Александровна и Александра Александровна, были одеты в бархат, отороченный собольим мехом. Это кормилица Анна оказалась большой выдумщицей обновлять старые наряды. В новый кафтан был наряжен и княжич Александр. Только Александр Данилович, вопреки своим правилам и привычкам, на этот раз довольствовался старым кафтаном синего цвета с широкими рукавами и большим отложным воротником. В руках он, стоя с непокрытой головой, держал икону Божьей Матери. Вся прислуга, работные люди смиренно находились поодаль. Еще далее, строем, во главе с полковником Миклашевским стояли казаки из охраны опального князя.

Со стороны Березова подходила процессия во главе с городским воеводой и церковнослужителями. За ними шли купцы, приказчики, подьячие, простой березовский люд.

Разнесся благовестный звон нового колокола! Распахнулась дверь церкви. Началось богослужение — освящение нового храма.

Все вокруг было подчинено этой процедуре, оттого, может быть, у собравшихся были такие торжественные, обращенные к Богу лица. Но и среди них выделялось лицо княжны Марии Александровны — оно словно окаменело и в чем-то было даже схоже с иконой. Княжна была погружена в свои собственные мысли, и губы ее произносили слова, обращенные к князю Федору. Если бы кто-нибудь расслышал их!

«Любезный друг мой, мои глаза всюду ищут тебя! Сегодня я надеюсь увидеть твой образ среди святых херувимов, которые обязательно должны слететься к нашему храму, послушать хвалу Создателю. Среди песнопения ты услышишь и мой голос, мой плач. Моя душа не может пережить разлуки. Не может пережить страданий!»

Держащая княжну под руку Александра с укоризной посмотрела на сестру.

Взволнованные прихожане из нового храма выходили, радостно переговариваясь, делились своими первыми впечатлениями. Семейство задержалось в церкви. Но вот уже и Меншиков засобирался в их новую избу.

— Папенька! — вдруг взмолилась Мария Александровна, протягивая руки к Александру Даниловичу. — Оставьте меня в церкви одну! Я хочу побыть наедине с Господом.

Отправив порядком уставшего княжича и дочь Александру в сопровождении Луки, Меншиков вернулся в храм, где увидел старшую дочь, в полном изнеможении упавшую ниц перед алтарем. Во всей ее позе угадывалось великое душевное страдание. Заголосившая вдруг при виде князя Глафира упала на колени рядом с княжной.

— Полноте, полно, Мария Александровна, — стараясь быть как можно ласковее, говорил светлейший князь, пытаюсь помочь дочери подняться с полу.

— Оставьте! — еле слышно повторила Мария Александровна, вялым движением пытаюсь убрать с плеча руку отца. Александр Данилович, распахнув со стуком дверь, резко вышел из церкви. В голове стоял какой-то докучливый звон, как наваждение доносились невесть откуда взявшиеся голоса: «Порушенная невеста. Порушенная невеста».

«О, Божий суд, карай меня, карай! Не тронь только детушек. Они невинны, а винны разве только в том, что родились от грешного отца, — проносилось в голове. — Я один виноват в горестях моих детей. Бедная моя Мария Александровна. Бедная доченька. Как и чем выпросить мне для тебя успокоение? Думал, построю храм. Но это было только желание отвести грех от себя. Да, совесть не обманешь. Где я потерял своего Бога? Где найти его? Где найти успокоение душе?»

Хлопали тяжелые двери в новой избе. Работные мужики и прислуга перетаскивали в новую избу домашний скарб из острога.

— Папенька! Как все пригоже! — восторгалась княжна Александра, обнимая и целуя шершавые, холодные щеки отца. — А промок-то ты как! Насквозь. — Она подозвала Луку помочь князю.

— Мария-то Александровна как?

— Молится. С Глафирой осталась, — ответила княжна, скрыв от отца состояние сестры. — Она там и ночевать хотела остаться.

Александр Данилович молча сел на большой, грубо сколоченный стул, оплетенный лозой ивняка, откинулся на спинку. Чередой проплывали события дня.

Он понимал, что опять блеснул щедростью, украсив церковь на зависть многим, и это может опять обернуться ему не во благо, а во зло. Но что он мог поделать с собой? Такова была его натура. Таков был он — светлейший князь Меншиков.

Сильный удар ладонью по крышке стола заставил копошившегося в углу Луку съежиться: слуга окаменел, ожидая окрика хозяина, но его не последовало. Светлейший размышлял.

«Мне бы только князя Федора вызволить», — подумал он и ужаснулся превратности судьбы: разве он думал, что видеть подле себя одного из отпрысков рода Долгоруковых когда-то станет его единственным желанием. Через все бы переступил. Обвенчал бы, а потом — судите-рядите меня! А там, глядишь, и огонек спасения вдали засветился бы. Долгоруковы они всегда были Долгоруковы! А свой своему — поневоле друг. Они всегда были важнейшими людьми в государстве, тут из песни слов не выбросишь, а потому и величаются. Что Василий Лукич, что Алексей Григорьевич или Василий Владимирович, и Михаил, и Сергей, и Иван и Владимир. Бог мой, их как мурашей!

Однако к вечеру ноги, что называется, привели светлейшего в церковь.

В храме был полумрак, дрожащий свет лампад бросал тусклый отблеск на золоченые иконы. Перед алтарем на коленях стояла Мария Александровна.

Она узнала приближающиеся шаги отца, но не прервала молитвы. Но как же хотелось в этот миг припасть к его груди. Хотелось сказать, что ей тяжело и недалек тот день, когда придется ему окрестить своего первого внука. И каким счастливым может быть этот день! Сейчас же она крепилась изо всех сил, а их было так мало. Тоска по князю Федору, печаль о его неизвестной судьбе уносили все ее жизненные силы. Нет, у нее не было перед отцом страха. Она не боялась его укора, осуждения. Она просто никому не хотела доверять своей тайны. Александр Данилович несколько раз пытался окликнуть княжну, но она была вся во власти своих дум, своих молитв. Чтобы не испугнуть дочь, князь на цыпочках подошел к одной из догорающих свечей и стал счищать с подствечника застывшие капли воска.

— Пойдем, Машенька. Лука стерляжью уху сварил, да утку под брусничным взваром, да шанежек напек. Целую бутылку свежего молочка притащил. Пошли. Гвоздичной наливочкой нынче нам сам Бог велел угоститься. Уж так заведено. Так на Руси нашей венчается каждое дело.— Он, будто не замечая дрожащих губ дочери, подошел, подал руку.

— Каково? — на прощание посмотрев на сияющий иконостас, нарядный алтарь, спросил Александр Данилович, всеми силами пытаюсь заставить княжну отвлечься и заговорить.

К счастью, у самых дверей церкви их встретила веселая княжна Александра, которая впопыхах, не скрывая восторга, воскликнула, обратясь к сестре:

— Какой стол накрыл Лука! Какие кушанья наготовил. И когда успел? Пойдем, Машенька. У меня слюнки бегут, а Лука твердит: крошки не дам без отца! Без благословенного слова! Пойдем, Машенька! Ты еще не видела, как убрана наша комната. Как в ней просторно! Можно танцевать, да нет музыкантов.

Радость княжны Александры была искренней, и сестра не могла ей не улыбнуться. Пусть настроение было не до торжества, даже домашнего.

Облегченно вздохнул Александр Данилович, идущий за дочерьми. Появившиеся на небе звезды предвещали холодную ночь.

Глава пятьдесят четвертая

И все-таки новоселье взбодрило семейство светлейшего князя. После низких потолков в остроге, прогнивших стен, полуразвалившегося пола, а главное, после спертого, гнилостного запаха новая просторная изба показалась всем дворцом.

Повеселела и Мария Александровна. Она с утра садилась за вышивание, плетение бисером, но к общему столу старалась не выходить, чтобы образовавшиеся на верхней губе коричневатые пятна не выдали ее беременности.

Когда же Александр Данилович настоял на объяс-

нении причины такого нарушения семейной традиции, она стала требовать от Глафиры — к столу подпудривать ей лицо и шею.

И все же есть предел, когда утаить беременность от окружающих невозможно. Однажды так и произошло: нестерпимая боль в спине заставила Марию Александровну издать такой невообразимо пронзительный крик, что Александра Даниловича будто подбросило в постели. Босоногий, с взъерошенными волосами, в наспех наброшенном на плечи халате, он без стука распахнул дверь в комнату дочерей.

Мария Александровна стояла на коленях подле постели, нервными пальцами сгребая в кучу стеганое одеяло. Княжна Александра, спрятавши голову под подушку, голосила во всю силу.

— Что это за напасть? — строго спросил Александр Данилович насмерть перепуганную Глафиру, стараясь поднять княжну с полу.

— Прости, прости, папенька, — послышался голос Марии Александровны, и тут же рот ее скривился, и опять истошным криком наполнилась спальня.

— Опростаться ей пришло время-я-я! — рыдала в углу Глафира. — Повитуху звать надо-о-о-о!

— Бегом к повитухе! — вскричал князь. — Караульного! Лука! Где вы все? Чего разбежались по углам? Ране-то где вы все были? За что только хлеб жрете? — схватив за косы Глафиру, он вытолкнул ее за дверь.

Мария Александровна показалась ему абсолютно безжизненной. Лицо стало восковым, маленький носик заострился. Он дрожащими руками обтирал орошенный потом лоб дочери, стонал в полном бессилии. Новый приступ схваток будто подбросил княжну. Она вскочила на ноги, встала во весь рост и в полном изнеможении плашмя повалилась на кровать. Не будь рядом светлейшего князя, успевшего вовремя подставить руки, может, и кончились бы ее страдания.

— Доченька, сказывают, мышке и той больно. Потерпи, — говорил он самым нежным голосом.

Скоро за дверью послышались разговоры. В проеме двери показалась фигура дородной женщины. На руке у нее висел головной платок, связанный углами в один узел.

— Ступай отсюда, батюшка, — сказала она Алек-

сандру Даниловичу, скидывая возле порога шубейку и повязывая платок вокруг головы.— Тут наше, бабье дело.— Прежде чем подойти к княжне, перекрестилась.— Горячей воды принесите,— сказала невесть кому.

Выплывающая из-за туч луна разливала по полу ровный свет в слюдяные окошки. В коридоре Лука, перебросив через плечо полотенце, молился и плакал. В доме стояла тишина, и только пощелкивание горевших лучин нарушало затаившееся в людских сердцах беспокойство.

— Лука,— протягивая руку, позвал Александр Данилович и тут же оперся о щуплое плечо слуги.— Подсоби. В ногах силы не стало.

Легкая улыбка не улыбка, а скорее всего, гримаса упала на его лицо: брови приподнялись, всегда аккуратные губы вдруг расплылись в небрежной улыбке, и, как почудилось Луке, волосы на макушке встали дыбом.

— Не искушаете ли малиновой настойки? — робко спросил слуга своего господина, не зная, чем и порадовать его.

Светлейший был, казалось бы, абсолютно безразличен к тому, что творилось вокруг.

Прошло не менее получаса, когда, с трудом разжав губы, Александр Данилович тихо спросил:

— Кажись, где-то ребенок плачет?

— С внуком тебя, Александр Данилович, с внуком. Мария Александровна, слава Богу, опросталась,— и Лука заплакал, уткнув лицо в ладони. Слуга плакал, ожидая хоть какой-то реакции светлейшего князя, но тот молчал.

— Молитесь все! — строго сказала вышедшая из комнаты дочерей повитуха, которая только что завернула новорожденного в приготовленные Глафирой чистые лоскутки тканей.— Окуривайте избу ладаном.— И, вернувшись к княжне, вновь припала к ее уху, прошептала:— Кажись, еще одного дитя тебе Бог посылает, помоги, помоги, милая. Поднатужься в последний разок, а уж после отдыхать станешь. Вот радость-то будет. Вот веселье-то у вас будет. Второго младенца на свет рождает такая хрупкая. Умница, умница! Поднатужься еще!— Повитуха уже давно

сбросила все кофты. Ее лицо покрылось потом, она еле успевала обтирать его рукавом исподней рубахи.

Запахло ладаном, богородской травой: окуривали углы комнаты.

И вдруг стало тихо. Так тихо, что слышно было только завывающий за стенами свист ураганного ветра, хлеставшего в слюдяные окна с такой силой, что прорвало их во многих местах.

На лице обессиленной Марии Александровны застыла блаженная улыбка, тайная и загадочная. Такой улыбкой женщину награждает высшая сила природы, ибо новая жизнь на земле предполагает радость.

— Тоже сынок, — облегченно вздохнула повитуха.

— Папенька, папенька! — с радостной вестью бежала к отцу княжна Александра. — У нас родилось два сыночка! Два сыночка! — На что услышала:

— Господь милостив! — Он собрал в себе силы и, опираясь о стены, пошел к дочери, успокоить ее добрым словом и благословить. Однако в остановившихся, распахнутых глазах Марии Александровны он увидел смерть.

— Машенька, — еле слышно произнес князь в полном бессилии, по-видимому собрав последние силы. — Друг мой! — закричал Александр Данилович, падая на колени перед княжной.

— Папенька, мы обвенчались с Долгоруковым. Прости-и-и, — проговорила она холодеющими устами и сделала глубокий вздох. Хрупкое, еще потное от материнских трудов тело вздрогнуло.

— Господи, почему так жестоко? — зарыдал Меншиков, еще не до конца веря в случившееся. — Неужели так глух Господь? Я так его просил, так молил.

Неясный, испуганный шепот пролетел по комнате, и наступила мертвая тишина. Никто еще не верил в случившееся. Княжна с восковым, словно выточенным из слоновой кости, лицом лежала на кровати вытянувшись. Повитуха с распухшим носом полулежала у изголовья умершей, дрожащей рукой ощупывала лоб княжны, вытирала попавшим под руку платком еле заметную полосочку слюны, ползущую из приоткрытых губ.

Александр Данилович пошатнулся, схватился за грудь, но тут же, закрыв лицо руками и встав на

колени, в изнеможении, на четвереньках подполз к кровати княжны, взяв ее безжизненную руку, стал целовать, что-то причитая.

— Батюшка, Александр Данилович, хороших-то и Богу надо,— осмелился сказать слуга Лука, рыдая.

Темные, беспросветные мысли затмили разум Александра Даниловича. Он стоял на коленях возле умершей дочери, держа в руке ее холодеющую руку. Не было слез. Они высохли в его опаленных внутренним жаром глазах.

— Господи, или ты не видишь, закатилось мое солнышко. Умерла моя царица. Да моя ли ты царица была? Царица русского престола. Мало ли кто нарушил закон, мало ли кто порушил союз с государем! Так это все обман. Как бы сейчас должны звонить колокола! Как должна рыдать Россия! Бегите за звонарем, пусть звонит не переставая! Пусть звонит в колокол, пока все до единого не станут оплакивать твою смерть. Царица! Матушка-царица!

Непреходящий плач стоял в новой и светлой избе светлейшего князя.

Березовчане, на другой день узнав о кончине молодой княжны, скорбно шли в церковь, оплакивая Марию Александровну Меншикову. Еще больше они опечалились, когда узнали, что Господь прибрал и обоих новорожденных.

— Не жильцы, не жильцы оне были на этом свете. Токо голосок подали и умолкли,— оправдывалась чуть ли не перед каждым повитуха, готовая рвать на себе волосы.— Кто, батюшка,— обращалась она к Меншикову,— проклял твой род? Кто? Эких крошек сразу Господь взял к себе. Не оставил тебе наследника.

— Дочь моя — Долгорукова! Княгиня Долгорукова. Она обвенчана с князем Федором! — пояснил светлейший воеводе, который тоже был тут как тут.

Светлейший выходил из церкви, когда в нее через внутренние двери занесли два крошечных сосновых гробика, обитых той же тканью золотого бархата, каким был обит материнский.

Он шел в сторону острога и шептал: «Долгорукова, Долгорукова!» — осознавая, какая великая цепь борьбы была выстроена и как жестоко судьба разрубила тугой узел ненависти и любви.

Александр Данилович понимал, что после смерти любимой дочери он уже не оправится, что в душе у него все умерло, умер и он. Да он и не хотел возврата к жизни. Она была ему не нужна.

Узнав о том, что с перепугу и горя повесилась Глафира, он ничего не сказал, только подошел к березе, стоявшей за тыном острога, срубил топором тот сук и бросил в сторону.

Петр Дубасов на звоннице меншиковской церкви оплакивал смерть княжны. Эта прекрасная женщина казалась ему той сказочной обитательницей лесов Миснэ, которая, по повериям северного народа, бродит по бескрайней земле его предков. Все эти дни он был в запое, впрочем, этого никто не видел, кроме княжича Александра, которого он, по просьбе светлейшего князя, учил колокольному звону.

Все думы Петра были только о княжне Марии Александровне, которая даже и не подозревала, как трепетно любовался он каждым ее взглядом и жестом. Слезы беспрестанно текли из его глаз. Пригоршнями сгребая с бревен свежий снег, он обтирал им лицо и руки.

Думал Петр и о светлейшем князе. За всю свою жизнь он не видел и не встречал подобного человека. В нем чувствовалась великая сила.

Перед гробом дочери Меншиков не плакал. Самолучно выкопав ей могилу, он с помощью Семена Баженова и Евлампия опустил туда гроб, поставив на него два маленьких гробика. И вот уже мерзлые комья земли застучали о крышки гробов, закрывая на века порушенную царскую невесту, повенчанную князю Долгорукову, с детьми их.

Княжич Александр, пыхтя, взбирался на колокольню.

— Подай руку,— закричал он Петру.

Тот не сразу расслышал окрик мальчишки.

— Папенька помирать собрался, а я сбег. Боюсь,— признался подросток.

Петру стало не по себе, дробно, как от озноба, застучали зубы.

— Экие страсти говоришь, княжич,— испуганно ска-

зал он.— Где это видано, чтоб человек так взял и помер?

— Что ты понимаешь!— закричал княжич.— Ты нашего папеньку не знаешь! Он лег на постель и нас всех к себе позвал. Перекрестил нас с сестрой и сказал: «Благословляю вас, дети мои,— и рука его задрожала, потом еще сказал:— И князя Федора благословляю. Не держите обиду на своего отца. Завещаю вам жить в совете и любви. Бог не оставит вас».

— Так всякий человек должен благословлять своих детей, и не токмо перед смертью, а постоянно,— еле слышно проговорил священник.

— Ты не знаешь,— сказал княжич.— Батюшка сам себе гроб сработал.

— Страхи ты говоришь,— прижимая к себе княжича, сказал Петр, и тот, на удивление, не отпрянул не сбросил его руки со своего плеча.

— Пошли, княжич, поглядим.

Когда они вошли в избу, плотник Семен Баженов с Лукой переносили тело Александра Даниловича. Светлейший лежал в гробу в мерлушковом кафтане, в стеганой шапочке и с большой панагией на груди.

Сбежались дворовые, конвойные, не пугаясь неистовой пурги, потянулись прихожане и богомолки.

Вскоро появился полковник Миклашевский и, удостоверившись в кончине светлейшего, отправился срочно писать донесение в Петербург.

Громко плакал Лука, пытаясь рассказать, как перед самой кончиной светлейший князь бредил и кричал: «Огонь, огонь!» Но никто не обращал внимания на горестные слова слуги.

Лука в предсмертных словах умершего угадал его истинное страдание и что виделся ему не Березов, не этот суровый край, а сражение и, быть может, сам государь — Петр Алексеевич.

Мало кто понимал, что похоронили великого человека.

«Пал, как грозный исполин с высоты своей славы, или исчез, как метеор, на одно мгновение ослепивший глаза зрителей своим сиянием,— умер».

Неласково встретил князя Федора его дядюшка: три дня прошло после доклада губернатору о прибытии

родственника из далекого Березова, а Михаил Васильевич все никак не мог принять племянника. Обескураженному Федору немногословные служители коротко отвечали.

— В аудиенции отказано.

Все было ясно как Божий день: губернатор, которому, судя по всему, уже донесли о березовском венчании, демонстративно гневался.

При этом оба Долгоруковых понимали, что при встрече им будет в общем-то не о чем говорить.

Князь Федор догадывался, что нелюбезная встреча — прелюдия к отказу от какой-либо помощи по-родственному и последующему строгому разному, причем не дядюшкой — всесильным губернатором, лицом официальным и наделенным в Сибири исключительной полнотой власти.

Долгоруков-старший знал, что при дворе прощения ретивому отпрыску его фамилии за столь неожиданную выходку не будет. Днями Михаил Васильевич получил известие, что молодой император обручился с их родственницей, Екатериной Долгоруковой.

На четвертый день губернатор все же принял племянника.

— Ох, Федор, Федор, — сочувственно вымолвил дядюшка, когда князь Федор был приглашен в его кабинет. — Всю жизнь свою загубил, связавшись с этими Меншиковыми. А какова была карьера!

Лицо князя Федора вспыхнуло, в каждом его жесте, в каждом движении жила неистовая непокорность, хотя тот и не вымолвил слова.

— Одно твое спасение, Федор, — уехать за границу, иначе — кандалы. И не перечь мне! Не желаю слушать твоих объяснений, хотя не утаю: прелестная дочь светлейшего князя, сам видел, прелестная!

— А коли я вернусь в Березов? — с вызовом спросил молодой князь.

— Еще раз повторяю — не перечь мне! До столицы будешь доставлен под охраной, а там делай как знаешь. Но помни мой совет...

Михаил Васильевич подошел, обнял Федора и тихо-тихо сказал:

— Покорись судьбе!

— Не могу, — так же тихо ответил князь.

— Все. Ступай с Богом!

Губернатор резко повернулся, подошел к столу, позвонил в колокольчик...

Когда тяжелая, резная дверь медленно и бесшумно закрылась за племянником, Михаил Васильевич смог наконец дать волю чувствам:

— В пекло поехал. В пекло! Неужто не послушает моего совета?

Столица гулом гудела, готовясь к предстоящей свадьбе молодого императора и Екатерины Долгоруковой.

«Мне бы только с князем Иваном встретиться! Он — первый фаворит молодого императора! Он дела вершит. Уговорил бы его выпросить свободу для детей светлейшего князя, а там — хоть трава не расти...» — только эту мысль лелеял Федор Долгоруков.

Не ошибся в своих намерениях князь Федор.

Вскорости соответствующий указ был подписан молодым императором.

Не стоит описывать, с какой торопливостью возвращался князь Федор в Березов, едва ли на крыльях не летел.

Уже стояли лютые холода, мели метели. Пурга перемела все дороги. Меняя коней на ямских станциях, он снова окольной дорогой миновал стольный город Тобольск. В опасении замерзнуть в снегах князь стал ждать экипаж казенной почты, других попутчиков просто не было.

Сердце Федора было в постоянной тревоге. Тягостное предчувствие беды, будто что-то осязаемое, бежало за его кибиткой, не давало заснуть и забыться.

— Скоро ли, скоро ли Березов? — беспрестанно тормозил он уставшего кучера.

Увидев купола церкви, построенной Меншиковым, возликовал, издали снял шапку, выскочил было из кибитки, но увяз по пояс в снегу.

— Мария! Господи, я в ста шагах от тебя!

...Печальная весть о кончине любимой Марии, ему Богом спосланных наследников и светлейшего князя в одночасье подкосила молодого, бравого офицера. Он сник лицом, ссутулился и многие слова говорил невпопад. Какое-то время ему казалось, что все это сон.

Понадобилась не одна неделя, когда он с помощью лекаря и воеводи Милитины Федоровны стал осознавать трагедию случившегося и понимать, что без Марии жизнь его не имеет смысла.

Царский указ о возвращении детей светлейшего князя выполнен незамедлительно, стоило только узнать о нем полковнику Миклашевскому.

Был снаряжен экипаж. Княжич Александр еще настоящему не осознавал всего трагизма семьи, торопил всех поскорее оставить Березов, не думая, что это последнее прощание с отцом.

Князь же Федор, не скрывая печали, при княжне Александре, упав на могилу, рыдал. «Здесь, с тобой, в этой ледящей земле, Мария, я оставил свое сердце!»

С такими горестными словами был оставлен далекий, глухой город Березов.

После возвращения князь Федор служил на Балтике, строил корабли, продолжая дело, начатое Великим Петром во славу процветания России, но в душе его никогда больше не было ни любви, ни восторга, ни ликования.

Он просто жил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Старина, старина! Как была ты мила нашим предкам и как мы, их потомки, успели скоро поменять тебя на заморские причуды!» — восклицал собиратель русских преданий XIX века И. П. Сахаров.

История России... Великая и сложная панорама судеб страны на протяжении столетий. Она наполнена множеством разнообразных событий и бесчисленным количеством персонажей, полна настоящего пафоса и глубокого драматизма. Сегодня достоянием читающей публики стали многие свидетельства минувшего, никогда не публиковавшиеся в СССР.

Изданы труды знаменитых российских историков: «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «Курс русской истории» В. О. Ключевского и т. д., не говоря уже об огромном пласте мемуарной литературы.

Растущий интерес читателя к исторической тематике обусловил широкий поток исторических романов, настала пора переиздания «русских Вальтеров Скоттов», авторов таких шедевров русской исторической прозы, как «Жених церевны», «Царь-девица», «Юный император» Вс. Соловьева, «Мор», «Братья Орловы», «Аракчеевский сынок» Е. Салиаса, «Мирович», «Сожженная Москва», «Потемкин на Дунае» Г. Данилевского, «Пагуба», «Любовь и корона», «Мальтийские рыцари в России» Е. Карновича и т. п. Произведения этих писателей доказывают, что русская история не менее интересна, чем, скажем, история Англии или Франции, что она полна таинственными и занимательными событиями, богата яркими и колоритными личностями и что жизнь и государственная деятельность русских монархов и их сановников не менее богаты приключениями, чем жизнь Генрихов и Людовиков, Бекингемов и Маргарит.

Наибольший интерес в читательских кругах вызывает XVIII век. В нашей памяти и победы Петра Великого на Балтике и его знаменитые реформы, каторга демидовских заводов, кровавый пожар пугачевщины, «прелести» Тайной канцелярии, «Золотой век» Екатерины Великой и слава Суворова! Но помимо успехов российской государственности, помимо социальной розни было в XVIII веке что-то вызывающее ностальгию у современного человека, делающее то столетие милым нашим сердцам. Галантный век с его придворной мишурой, напудренными париками, необозримыми кринолинами и потрясающими декольте похож на праздник, на маскарад, на театральное действо. В наше время, когда все подчинено принципу строгой целесообразности, расчету, так тянет полюбоваться затейливым, почти кукольным мирком... Мы ждем от романов XVIII века пикантных историй, описания придворных нравов, сердечных побед и непринужденных измен. Прелесть эпохи состоит для нас, наверное, еще и в том, что это молодость России, «превращение» ее в европейскую державу. Мы видим здесь цельные героические характеры энергичных фаворитов, блистающих бриллиантовыми звездами и вершащих судьбу России.

Исторический роман М. Анисимковой «Порушенная невеста» перед вами, читатель. Он посвящен забытой странице русской истории XVIII века — опале светлейшего князя А. Д. Меншикова, его ссылке в Сибирь, в Березов, вместе с семьей. События романа охватывают первое пятилетие после смерти Великого Петра, не оставившего завещания о престолонаследии. Начиналась «эпоха дворцовых переворотов», когда правители империи восходили на престол не по установленному на основе закона порядку, а случайно — путем дворцового переворота или дворцовой интриги. Запутанный вопрос о престоле решала гвардия, ставшая чуть ли не господствующей силой в империи. Александр Данилович Меншиков был шефом I гвардейского полка, который станет у дворцовых стен во время провозглашения Екатерины императрицей. Меншиков, Толстой, Ягужинский — эти «птенцы гнезда Петрова» — встанут за спиной Екатерины Первой.

Приверженцы Екатерины не ошиблись в своих

ожиданиях: новое царствование было достойно наследницы Петра, она учредила спокойствие и мир во всех местах нашей обширной империи. А рядом был светлейший князь — истинный правитель тогдашней России.

Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — сын конюха из Владимирской губернии, друг детства будущего императора России, будущий граф (1702), князь Священной Римской империи (1706), светлейший князь Ижорский (1707), генералиссимус (1727) и прочая, и прочая, и прочая.

Он был высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; любил великолепно одеваться, был очень приятен в обращении, что особенно нравилось иностранцам. Проницательность, ясность речи; ловкость, с какой он обделывал всякое дело, искусство выбирать людей и жадность, стремление к богатству, почестям, славе. Меншиков глубоко засунул руку в казну российского государства, не отличая своего от казенного, за что нещадно был бит и судим Петром I. Богатства его были несметны и хранились не только в вотчинах, но и в иностранных банках.

Со времени восшествия на престол императрицы Екатерины, сердце которой видело в Меншикове хорошие качества, власть знаменитого вельможи достигла высочайшей степени и продолжалась во все время ее царствования. Он миловал, он казнил, он ссылал в Сибирь или на Соловки... Слишком много врагов он нажил себе, слишком часто демонстрировал свое властолюбие как потомкам Рюриковичей, так и тем, кого из неизвестности подняла на вершину власти признательность Петра за помощь в его трудах.

Весной 1727 года Екатерина занемогла. Предчувствуя ее скорую кончину, светлейший расторгает помолвку своей дочери Марии Александровны с сыном польского гетмана Петром Сапегой. В завещании Екатерины недвусмысленно выражалась ее воля (вернее, воля Меншикова) — корону наследует великий князь Петр Алексеевич, внук Петра I, ему следует жениться на дочери князя Меншикова — Марии Александровне. 6 мая 1727 года императрица скончалась, завещание ее было оглашено на другой день после смерти. Под окнами

опять стояли гвардейские полки, но демонстрировать силу не было необходимости — одиннадцатилетнего Петра единодушно признали императором. 24 мая архиепископ Феофан Прокопович совершил обручение юного царя и княжны Марии Александровны.

А. Д. Меншиков вновь встал у кормила власти.

Но молодой Петр II не всегда подчинялся временщику. Летом 1727 года, воспользовавшись продолжительной болезнью светлейшего, он уходит из-под «крепкой руки», Меншиков слышит в ответ: «Я тебя научу помнить, что я император!»

На освящение церкви, построенной Меншиковым в Ораниенбауме, молодой император не приехал. Фаворитами становятся Долгоруковы... Над светлейшим разразилась гроза, наступила опала... Но как часто ошибаются люди в своих расчетах! Редко кто испытывал это в такой степени, как честолюбивый князь Меншиков! В то самое время, как он с гордым восхищением смотрел на свою прекрасную Марию, за которую народ русский уже молился в церквах, как за обрученную невесту государя, враги его искусно приготовили ему гибель. 7 сентября 1727 года князь был арестован... 9 сентября несчастный горделивец получил приказ ехать в Раниенбург. И в изгнании собирался он сохранить свое величие и богатство, однако в Твери большинство карет с вещами у Меншиковых было изъято. С семьей он направлен был в Сибирь, в отдаленный Березов, жена и дети с ним.

С особой грустью смотрел князь на свою любимицу, на милую свою Марию, обрученную с государем. Кто бы мог предсказать ей несчастье три месяца назад, в ту торжественную минуту, когда архиепископ Новгородский Феофан подал ей кольцо императора? Кто бы мог подумать тогда, что она когда-нибудь поедет в Сибирь в простой телеге?

Меншиков не впал в отчаяние от страшного поворота судьбы, даже когда ослепла от слез и умерла в дороге его жена Дарья Михайловна Меншикова (урожденная Арсеньева). С каждым новым ударом он становился тверже. В Березове он построил деревянную церковь.

Дочь князя Мария Александровна умерла осенью 1729 года, сам светлейший пережил свою дочь, «поруганную невесту», ненадолго. 22 октября 1729 года он

скончался; в построенной им церкви его и похоронили рядом с дочерью. Сын Александр и дочь Александра Меншиковы возвращены были из ссылки по приказу императрицы Анны Иоановны, с помощью коих она получила богатства Меншикова из заграничных банков.

Таков основной сюжет романа сибирской писательницы М. Анисимковой «Порушенная невеста». Опираясь на собственные архивные изыскания, автор стремится воссоздать подлинную картину российского общества XVIII века во всей его полноте, яркости и пестроте. Жанр, в котором работает романистка, следует определить как документальный исторический роман. В основе всегда лежит документ, в котором запечатлена живая историческая реальность. Характеры персонажей, их биографии строго опираются на документальные источники и почти никогда не выходят за их рамки. Основу диалогов составляют письма, мемуары, протоколы допросов и иные документальные свидетельства. Таким образом, документальный исторический факт безраздельно господствует в романе, и именно в нем коренится художественная достоверность произведения.

Отголоски разнообразных событий, страницы многих человеческих судеб проходят перед читателями романа. Написанный взволнованно и страстно, роман «Порушенная невеста» обладает большой силой нравственного воздействия. На его страницах предстают перед нами прекрасные женские образы — Марии Александровны Меншиковой, Дарьи Михайловны Меншиковой, Варвары Михайловны Арсеньевой, для нас это были «неизвестные» женщины XVIII столетия.

Печальна женская судьба в России, не избегли ее и «царские невесты»: умирает невеста Ивана Грозного Марфа Собакина; оклеветана и отправлена в ссылку в Нижний Новгород невеста Михаила Романова — Мария Хлопова, а невеста последнего прямого потомка Романовых — Петра Второго — сослана в Сибирь. Дочь оплачивает честолюбивые планы и грехи своего отца.

Вслед за Ф. Достоевским, В. Короленко, А. Чеховым, В. Шишковым автор обратилась к теме «сибирские ссылки», показав нравы и обычаи народов Сибири в XVIII столетии, богатство и мощь природы этого сурового и прекрасного края. Для массовой читательской

публики этот роман — знакомство с еще одной страницей российской истории. Роман «Порушенная невеста» — своеобразный литературный памятник сподвижнику Петра I — Александру Даниловичу Меншикову, который и в горе, и в славе предстает перед нами сильным человеком, победителем, символом русского народа. Роман возвращает нас к нашим истокам.

Подняться над временем и увидеть контуры будущего — всегда удел лишь немногих. Судить о прошлом значительно легче, здесь многое уже известно. Помощь в этом окажет читателю предлагаемая книга. Каждому, кому небезразлична история страны, кто хочет уловить ощущения и настроения времени, будет интересно прочитать ее.

Е. Неверова

Анисимкова М.

А 67 **Порушенная невеста: Исторический роман.—**
Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994.—
368 с.: ил.

ISBN 5—7529—0642—3

В пер.: 50 000 экз.

В основу нового исторического романа члена Союза писателей России М. Анисимковой положена сибирская легенда о судьбе старшей дочери опального князя Меншикова, сосланного в Березов, — Марии.

Рисунки С. Пауса.

А **4702010200-029** **Без обьвл.-94**
М158 (03)-94

ББК 84Р7

Анисимкова
Маргарита Кузьминична
ПОРУШЕННАЯ НЕВЕСТА

Художник С. Паус
Художественный редактор А. Агзамов
Технический редактор Н. Заузолкова
Корректоры Т. Сергеенко, Т. Калугина

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010020, выдана 17.09.91 г.
ИБ № 75

Сдано в набор 12.08.94. Подписано в печать 16.11.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн. журнальная. Гарнитура
Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 50 000. Заказ 746.

Акционерное общество открытого типа «Средне-Уральское
книжное издательство», 620219, Екатеринбург, ГСП-351,
ул. Малышева, 24.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский ра-
бочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

За финансовую поддержку издания
автор выражает
глубокую благодарность спонсорам,
и прежде всего администрации
города Нижневартовска,
в частности

Ю. И. Тимашкову, В. П. Тихонову,
Б. С. Хохрякову.

А также главе администрации г. Радужного
С. Л. Габриелову
и председателю правления
акционерного банка «Приобье»
Н. И. Егоровой.

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

**АООТ «Средне-Уральское книжное издательство»
предлагает деловое сотрудничество:**

- совместное издание
уникальных многокрасочных
подарочных книг и альбомов;
- изготовление буклетов и проспектов
на самом современном
полиграфическом уровне;
- подготовку и выпуск книг,
посвященных истории и сегодняшней
деятельности предприятий и фирм;
- выпуск настенных календарей с
атрибутикой фирмы-заказчика;
- изготовление в течение 1—2 дней
малых тиражей
информационно-рекламных листовок.

Издательство решило возродить
добрую старую традицию российских
книгоиздателей:
предлагаем
страницы наших лучших книг
для размещения Вашей рекламы.

Газета живет один день, журнал — месяцы.
Книга сопровождает человека десятилетиями!

Многие книги издательства
выходят тиражом до 100 тысяч экземпляров
в привлекательном оформлении и расходятся по всей
России.

Эти издания идеально подходят
для рекламы длительного действия —
солидной, информативной, дающей уверенность
в завтрашнем дне.

Помещая рекламу на страницах наших книг,
вы заявляете о стабильности своего предприятия,
получаете шанс заявить о себе миру.
Ряд известных компаний и фирм уже использовали
такую возможность!

Стоимость книжной полосы —
договорная.

Справки по телефону: 51-53-05

Ждем Ваших предложений!

Торговый центр АОТ
«Средне-Уральское книжное издательство»
предлагает на реализацию

научно-познавательную,
учебную и художественную литературу.
Отправка контейнерами и автотранспортом
за счет Поставщика.

Контактные телефоны в Екатеринбурге:
(3432) 51-33-98, 51-09-51
620219, Екатеринбург, ГСП-351,
ул. Малышева, 24.

X

76822004
Окружная библиотека

Маргарита Кузьминична Анисимкова родилась на Урале, в Ивделе Свердловской области.

После окончания Свердловского педагогического института много лет проработала учителем в отдаленных районах Урала, так что хорошо знает жизнь глубинки. Придя в литературу, исколесила едва ли не весь север Урала и Западной Сибири, изучая фольклор и быт коренных народностей здешних мест.

В 1960 году М. Анисимкова дебютировала как литератор со сборником «Мансийские сказы». Затем были книги «Таня-богатырь», «Земное тепло», «Ваули», «Лицом к ветрам».

С 1974 года живет в г. Нижневартовске Тюменской области.

В основу романа «Порушенная невеста» положена сибирская легенда о судьбе старшей дочери опального князя Меншикова, сосланного в Березов, — Марии. Роман выходит в редакции автора.

*Средне-Уральское
книжное
издательство*